126/6.
3645

ДРЕВНОСТИ

ГЕРОДОТОВОЙ СКИѲІИ,

СБОРНИКЪ

ОПИСАНІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ РАСКОПОКЪ И НАХОДОКЪ ВЪ ЧЕРНОМОРСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

СЪ АТЛАСОМЪ И КАРТОЮ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

ВЫПУСКЪ II-й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

Атласъ Е 37/I, 3

ДРЕВНОСТИ

ГЕРОДОТОВОЙ СКИѲІИ,

СБОРНИКЪ

ОПИСАНІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ РАСКОПОКЪ И НАХОДОКЪ ВЪ ЧЕРНОМОРСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

СЪ АТЛАСОМЪ И КАРТОЮ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

ВЫПУСКЪ IIй.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9-я л. № 12.)
1872.

Издано по Высочайшему повелѣнію.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стран.
III.	Геремесовы курганы	29 — 42.
IV.	Могилы Краснокутскія	43 — 53.
V.	Могилы у села Бѣленькаго	54 — 58.
VI.	Острая Томаковская могила	59 — 63.
VII.	Близни́цы Слоновскія	64 — 66.
VIII.	Близни́цы Томаковскія	67 — 69.
IX.	Каменная могила	70 — 73.
X.	Чертомлыцкая могила	74 — 118.
Приложеніе:	II. Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ (съ картою)	XVII — CXXVI.

III. ГЕРЕМЕСОВЫ КУРГАНЫ.

Важныя открытія, сдѣланныя при разрытіи Луговой Могилы, побудили Археологическую Коммиссію распространить изслѣдованія и на окрестные курганы, разсѣянные во множествѣ въ тамошнихъ степяхъ. Съ этою цѣлію въ 1859 году членъ Коммиссіи И. Е. Забѣлинъ приступилъ къ дослѣдованію одного кургана, находившагося верстахъ въ 50 отъ Луговой Могилы къ юго-востоку, близь сел. Геремесовъ хуторъ (деревня Маріевка), верстахъ въ 10-ти отъ Днѣпра.

Коммиссія имѣла уже свѣдѣніе, что курганъ былъ раскопанъ прежнимъ его владѣльцемъ А. М. Миклашевскимъ, но что средина его, гдѣ и предполагались любопытныя открытія, оставалась еще нетронутою. При обозрѣніи на мѣстѣ замѣчено, что курганъ, вмѣстѣ съ другимъ такой-же величины, лежавшимъ къ с. въ 50 саж., составляетъ группу, извѣстную въ народѣ подъ именемъ «Близницъ»[1].

1 Такія группы въ степяхъ встрѣчаются нерѣдко и съ тѣмъ-же народнымъ названіемъ Близницъ. Онѣ бываютъ сходны даже по своему расположенію, именно: одинъ курганъ лежитъ обыкновенно къ югу, другой къ с. Верстахъ въ 25 отъ этихъ Геремесовскихъ Близницъ, на з., у большаго казеннаго селенія Томаковки, находятся двѣ подобныя-же группы съ названіемъ Близницъ Дальнихъ (отъ селенія) и Близницъ Ближнихъ. На Хортицкомъ островѣ есть также Близницы — два самые примѣчательные тамъ по своей величинѣ кургана, лежащіе въ 15 саж. одинъ отъ другаго. У нѣкоторыхъ Близницъ главные курганы. подобно Луговой Могилѣ, осыпаны валомъ, какъ напр. главный курганъ Томаковскихъ Дальнихъ Близницъ,

Геремесовская главная Близница только съ одной, сѣверо-восточной, стороны имѣла также небольшой валъ и по насыпи, у подошвы, была обложена рядомъ камней, въ видѣ вѣнца. Въ отношеніи мѣстоположенія этихъ Близницъ должно замѣтить, что къ в. отъ нихъ начинается балка, при которой нынѣ поселена дер. Маріевка, и которая своимъ пониженіемъ и развѣтвленіями къ Днѣпру (на 6 или 7 верстъ) открываетъ съ Близницъ обширный видъ на Заднѣпровье и на зеленѣющія плавни или лѣса, которые ростутъ здѣсь по обоимъ низменнымъ поемнымъ берегамъ Днѣпра. Окрестность могилъ съ другихъ сторонъ представляетъ ровную степь; горизонтъ ея по мѣстамъ разнообразится курганами, изъ числа которыхъ наиболѣе замѣчательные находятся отсюда на югъ: это Толстая и Острая могилы, лежащія неподалеку отъ селенія Бѣленькаго. Подлѣ самыхъ Близницъ разбросано также нѣсколько небольшихъ кургановъ, большею частію съ сѣверозападной стороны.

Могила прежнею раскопкою была разрѣзана продольно черезъ центръ по направленію отъ ю. къ с., въ 3 саж. шириною (см. выпускъ I, листъ В, планъ № 4). Діаметръ ея простирается на 25 саж.; вышины до материка она имѣла съ небольшимъ 3 саж. Другой разрѣзъ сдѣланъ отъ ю.-з. къ центру, шириною въ 5 саж., длиною въ 10 саж. Кромѣ того, почти вся западная часть кургана также была разрыта и завалена землею. Насыпь кургана состоитъ изъ чернозема. Она имѣла обыкновенную конусообразную форму съ круглою вершиною; сѣверо-восточные ея бока были круче, нежели юго-западные; съ этой крутой, сѣверо-восточной, стороны при ней былъ, какъ упомянуто, незначительный ровъ съ валомъ.

Хотя первоначальная раскопка была произведена безъ всякаго порядка, тѣмъ не менѣе очень усердно, такъ что вся средина и сѣверозападная часть разрыты окончательно, глубиною въ материкѣ до $2\frac{1}{2}$ саж., и притомъ на перевалъ, т. е. съ перекидкою земли въ вырытыя ямы, равно какъ и на самую поверхность кургана. О томъ, какія вещи были найдены и что̀ именно находилось въ гробницѣ, — точныхъ свѣдѣній собрать было уже невозможно, тѣмъ болѣе, что владѣлецъ раскапывалъ одновременно и другіе курганы; такимъ образомъ, очевидцы работъ большею частію смѣшивали въ своихъ показаніяхъ находки одного кургана съ находками другаго. Вѣрно только то, что здѣсь было найдено нѣсколько мелкихъ золотыхъ украшеній съ платья и конской сбруи, въ томъ числѣ шест-

надцать или восемнадцать золотыхъ небольшихъ бляшекъ, съ различными изображенiями [1].

По разсказамъ очевидцевъ, въ глубинѣ материка оставалось еще какое-то подземелье, шедшее къ с.-в., которое не было разрушено по случаю остановки работъ. Чтобы вскрыть и осмотрѣть это подземелье и вообще, чтобы убѣдиться дѣйствительно-ли средина кургана была окончательно раскопана, нужно было срыть сѣверовосточный уголъ остававшейся насыпи до материка и затѣмъ углубиться въ засыпанную средину для открытiя входа въ упомянутое подземелье. Съ этою цѣлью работы произведены подкопомъ, какъ говорятъ рабочiе, т. е. снизу, отъ подошвы кургана къ центру. Вскорѣ на поверхности насыпи, въ 3 саж. отъ подошвы по откосу и на ½ арш. глубины, встрѣченъ рядъ большихъ камней, шедшiй вокругъ кургана вѣнцомъ. Весьма вѣроятно, что эта обкладка устроена была съ тою цѣлiю, чтобы лучше укрѣпить бока насыпи и дать имъ болѣе крутую форму въ отличiе отъ обыкновенныхъ кургановъ, имѣющихъ вообще бока пологiе. За тѣмъ подъ черноземомъ обнаружился пластъ желтой глины шириною въ 2 саж., толщиною до ¾ арш. Пластъ лежалъ въ срединѣ насыпи на 2¼ арш. ниже ея боковой откосной поверхности и на 1½ саж. выше материка. Онъ постепенно тонкимъ слоемъ опускался внизъ почти къ окружности или подошвѣ кургана, гдѣ, какъ было замѣчено послѣ, находился наружный выходъ изъ подземной галлереи. Въ этой глинѣ, равно какъ и въ черноземной насыпи время отъ времени попадались овечьи и лошадиныя кости и черепки горшковъ, грубо лѣпленныхъ изъ черной глины. На материкѣ или верхоземкѣ, находившейся подъ насыпью, открытъ, въ 4 саж. отъ центра могилы къ с., слой угольевъ и золы, подъ которымъ земля была окалена до-красна (листъ В, пл. 4, *d*). Въ срединѣ, гдѣ по разсказамъ находилась гробница, на глубинѣ 2 саж., найдены два небольшихъ обломка, мѣдный и желѣзный, по-видимому отъ конской сбруи, и золотая небольшая бляшка, съ вычеканеннымъ грубо изображенiемъ львицы, кормящей львенка (табл. XXII, рис. 8).

1 Нѣкоторыя изъ нихъ хранятся въ музеѣ Екатеринославской гимназiи, а нѣкоторыя въ Одесскомъ Обществѣ Исторiи и Древностей. Снимки съ нихъ въ натуральную величину помѣщены въ началѣ и въ концѣ этой главы (см. стр. 29 и 42). Срав. выпускъ I, табл. VIII, рис. 5, табл. IX, рис. 16, 18, 21, 23, 24, 25, 27, 28, и табл. X, рис. 6, 12, 36.

Вещи эти безъ сомнѣнія случайно остались отъ прежней раскопки. Въ сѣверномъ углу вычищенной ямы (ibid. пл. 4, *e*) обнаружился входъ въ подземелье (ibid. *a*, *a*), которое въ этомъ мѣстѣ имѣло 3 арш. вышины и 4 арш. ширины. Такой просторъ произошелъ, какъ было замѣтно, отъ обрушившихся свода и стѣнокъ подземелья, заваливших самый входъ пластомъ глины толщиною въ 2 аршина. Начинать изслѣдованіе галлереи съ этой стороны было невозможно по причинѣ значительныхъ трещинъ въ сводѣ и въ самомъ материкѣ, угрожавшихъ обваломъ, а потому назначено было открыть въ немъ входъ съ противоположнаго конца. Для этого въ 4-хъ саж. отсюда была вырѣзана другая яма (пл. 4, *c. c.*) въ 2 квадр. саж. При углубленіи на одну саж. и здѣсь небольшой провалъ обнаружилъ сводъ искомаго подземелья. Оно имѣло въ этомъ мѣстѣ 2 арш. вышины и 3 арш. ширины; отъ поверхности материка до свода было 4 арш. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что подземелье къ наружному выходу возвышало уровень своего дна, шло выше къ поверхности материка, а къ центру могилы понижалось, т. е. углублялось постепенно, причемъ увеличивалось и его пространство, ширина и вышина. Часть подземелья къ наружному выходу и самый выходъ, находившійся у окружности кургана, были уже разрыты, засыпаны черноземомъ, а выходъ заваленъ большими камнями. Дно подземелья по всему протяженію было засыпано обвалившеюся со сводовъ глиною, которая лежала слоемъ отъ 1 до 1½ арш. толщиною. Подъ этимъ слоемъ, встрѣчались мѣстами слои чернозема, толщиною отъ ½ до 4 вершковъ. Въ такихъ черноземныхъ слояхъ, составлявшихъ первоначальное дно, въ разныхъ мѣстахъ попадались разбросанныя человѣческія кости и мелкіе обломки мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей. При очисткѣ слоевъ у внутренняго входа въ это сѣверное подземелье, возлѣ западной его стѣнки, на самомъ углу при поворотѣ въ другое, западное, подземелье (пл. 4, *b*), найдено нѣсколько золотыхъ вещей, лежавшихъ въ кучкѣ. Повидимому это были остатки давнишняго расхищенія могилы, случайно забытые или съ намѣреніемъ спрятанные подальше. Не было и признака, чтобы вещи были положены съ самыми предметами, для которыхъ они служили украшеніемъ. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательна большая четыреугольная пластинка, съ маленькими по краямъ дырочками, на которой изображены грубою чеканною работою два, нападающихъ другъ на друга, воина, пѣшій и конный (см. табл. XXII, рис. 9). Вмѣстѣ съ бляхою въ кучкѣ лежали три трубки изъ лис-

товаго золота, вѣроятно отъ повода, съ чеканными изображеніями по концамъ львиныхъ головъ и сканными ободочками (табл. XXII, рис. 6). Внутри трубокъ замѣчены остатки ремня, на который онѣ были вздѣты. Остальныя мелкія вещи: небольшая чашечка (табл. XXII, рис. 1), небольшая кубовастая трубка или буса (тамъ-же, рис. 3) и четыре маленькія трубочки или тоже бусы (тамъ-же, рис. 4), служили безъ сомнѣнія украшеніемъ того-же конскаго убора. Послѣ тщательныхъ поисковъ около мѣста этой находки и по просѣяніи собранной здѣсь земли, никакихъ другихъ вещей найдено не было. Отсюда на з. продолжалось упомянутое другое подземелье (пл. 4, *b*), также сводомъ. Составляло ли оно только поворотъ сѣвернаго подземелья или было вырыто независимо отъ него — узнать было нельзя, потому что далѣе къ з. все мѣсто было разрыто и завалено черноземомъ въ недавнюю раскопку. Разсказывали, что тамъ открыта была какая-то яма въ родѣ колодца, также потомъ заваленная. При очисткѣ дна у входа въ упомянутое подземелье встрѣчались также человѣческія кости и небольшіе мѣдные и желѣзные обломки какихъ-то вещей.

Подробное обозрѣніе раскопанной Близницы и сдѣланные опыты изслѣдованія ея средины показали, что первоначальное устройство кургана во всѣхъ частяхъ разрушено прежде бывшими поисками и что, слѣдовательно, новыя раскопки будутъ безполезны въ томъ именно отношеніи, что не приведутъ ни къ какимъ яснымъ и положительнымъ результатамъ. Поэтому дальнѣйшее изслѣдованіе кургана было прекращено.

Въ тоже время нельзя было не обратить особеннаго вниманія на другую близлежавшую могилу (выпускъ I-й, листъ В, № 2), такой-же величины; по всѣмъ соображеніямъ, она должна была имѣть какое-либо отношеніе къ раскопанной Близницѣ и служить ей дополненіемъ и поясненіемъ. Эта могила была примѣчательна еще и тѣмъ, что къ с.-з. отъ нея находится «Долгій» курганъ, длиною отъ в. къ з. въ 24 саж. При обозрѣніи замѣчательнѣйшихъ по своей величинѣ могилъ, находящихся въ этихъ степяхъ, было замѣчено, что и при нихъ лежатъ также долгіе курганы: при Чертомлыцкой съ з., при Нечаевской съ в. На первый взглядъ сходство признаковъ указывало на одинаковость причинъ, которыя руководили сооруженіемъ такихъ долгихъ могилъ. Впрочемъ намѣреніе раскопать эту Близницу состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы узнать, какъ упомянуто, имѣетъ-ли

она какое либо отношеніе къ могилѣ раскопанной и такимъ образомъ раскрыть значеніе общеизвѣстныхъ здѣсь могильныхъ группъ, именуемыхъ Близницами.

Могила имѣла шарообразную вершину, площадь которой простиралась отъ ю. къ с. на 5 саж., а отъ в. къ з. на 4 саж. Бока могилы съ с.-з. спускались круче, чѣмъ съ ю.-в. Здѣсь они имѣли длины 15 саж., а съ с.-з. только 10 саж. Въ окружности курганъ имѣлъ 92 саж., въ діаметрѣ болѣе 29 саж., вышины по отвѣсу до материка слишкомъ 3 саж. По окружности онъ былъ окопанъ широкими ямами, которыя мѣстами проходили довольно глубокимъ рвомъ. Должно полагать, что изъ этихъ-же ямъ собирали землю для сооруженія насыпи.

Раскопка начата съ вершины. Соображаясь съ формою насыпи, найдено наиболѣе удобнымъ прорѣзать ея средину по направленію отъ с.-з. къ ю.-в., въ три саж. шириною, ибо въ этотъ разрѣзъ съ одной стороны входила средина крутаго бока, а съ другой пологая часть кургана (пл. 2).

На вершинѣ въ срединѣ, глубиною на 1½ арш., найденъ разбитый горшечекъ изъ черной глины, весьма рухлаго состава. Онъ имѣлъ форму чашки или стакана, вышиною въ 2 вер., снаружи былъ сильно закопченъ и самая поверхность, вѣроятно отъ дѣйствія огня, приняла красноватый цвѣтъ. Въ томъ-же штыхѣ[1] попадались черепки горшковъ изъ черной-же глины, кости овечьи, птичьи, лошадиныя, бычачьи (бабки) и наконецъ небольшой отломокъ человѣческаго черепа. Въ 3-хъ саж. отъ центра, прямо по направленію къ с., въ томъ-же штыхѣ, лежали рядомъ два камня, одинъ песчаникъ, длиною 2 арш., шириною ¾, толщиною 6 верш., другой известнякъ, съ трехъ сторонъ тесанный, длиною 1 арш., шириною ½ арш., толщиною 4 вер. При углубленіи на 2 арш. отъ поверхности насыпи, почти въ самомъ центрѣ, найдены четыре бычачьи ноги и челюсть, а подлѣ нихъ куски отъ толстыхъ кругляковъ сгнившаго дерева[2]. Можно полагать, что это была погребальная жертва. На глубинѣ 2½ арш. и также въ центрѣ могилы найдено костяное кольцо, почти подъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежали воловьи ноги.

1 *Штыхомъ* землекопы называютъ всю площадь или все пространство земли, которое они выбираютъ заступомъ, смотря по твердости грунта, отъ 5 до 8 вершковъ глубиною.

2 Кости отъ вліянія воздуха тотчасъ-же стали разсыпаться, какъ песокъ. Въ народѣ эти части воловьихъ ногъ вмѣстѣ съ челюстью (губою) называются обыкновенно студенемъ.

Къ западу отсюда, въ 2-хъ саж. разстоянія, найдено нѣсколько овечьихъ костей (ребра и позвонки), большой кусокъ угля и отломокъ рѣчной раковины.

При дальнѣйшей раскопкѣ изрѣдка встрѣчались также мелкіе черепки простыхъ черноглиняныхъ горшковъ, кости воловьи, овечьи, лошадиныя (челюсти); вся же насыпь состояла изъ чернозема, мѣстами перемѣшаннаго съ глиной темнаго цвѣта, какая въ почвѣ лежитъ тотчасъ-же подъ слоемъ чернозема. Замѣчено, что могила насыпана была не однимъ разомъ, а постепенно. Въ вырѣзанныхъ стѣнахъ примѣчены слои, обозначавшіе очертанія первоначальныхъ формъ кургана. Слои эти кромѣ того показывали, что насыпка земли производилась съ утрамбовкою каждаго слоя, ибо поверхность каждаго такого слоя была несравненно плотнѣе его исподней части. Толщина такихъ трамбованныхъ слоевъ была различна, однакожъ не менѣе одного аршина.

Вскорѣ, по срединѣ вырѣзанной площади, обозначились слои выброшенной материковой глины, лежавшіе на черноземѣ, толщиною въ 3/4 арш., и шедшіе по направленію къ востоку. Это была вѣрная примѣта, что здѣсь находилась гробница. Такіе-же слои замѣчены и въ южной стѣнѣ разрѣза, въ 2 саженяхъ отъ упомянутыхъ среднихъ слоевъ.

Когда вся вырѣзанная площадь была очищена до материковой глины, въ разныхъ мѣстахъ обозначилось нѣсколько могилокъ или земляныхъ гробницъ, вырытыхъ въ материкѣ. Въ томъ числѣ въ восточномъ концѣ разрѣза обозначились двѣ гробницы, одна въ сѣверной стѣнѣ, другая почти противъ, въ южной (пл. 2, *e*, *g*). Онѣ были рыты уже въ самой насыпи, съ поверхности кургана, и накрѣпко забиты какимъ-то особымъ составомъ земли изъ чернозема и бѣлой глины, которая придала чернозему сѣрый цвѣтъ и частію оставалась въ немъ въ видѣ горошинъ или крупинъ разной величины.

Противъ сѣверной гробницы на верхоземкѣ (пл. 2, *f*) открытъ остовъ, лежавшій головою къ ю., ногами къ с. или къ упомянутой гробницѣ, навзничь; лице его было обращено къ в., т. е. голова лежала на правой щекѣ; руки опущены къ бедрамъ, ноги протянуты. У лба, въ разстояніи 3 верш., лежалъ на боку горшокъ изъ черной глины, отверстіемъ ко лбу остова. Онъ былъ украшенъ простою нарѣзкою черточекъ и при очисткѣ съ него земли развалился на части. Кости остова также распадались на части отъ малѣйшаго прикосновенія.

Гробница, находившаяся въ ногахъ у этого остова (пл. 2, *e*) была вырублена въ материковой глинѣ, длиною отъ с. къ ю. въ 2¼ арш., шириною въ 1½ арш., глубиною отъ поверхности материка 2 арш.; углы ея были закруглены, а стѣнки тщательно выглажены. Сверху она была покрыта досками въ ½ вершка толщины, которыя поддерживались кругляками въ 1½ вершка толщиною, стоявшими, какъ можно было замѣтить, по угламъ и по стѣнкамъ гробницы. Остовъ былъ засыпанъ рыхлымъ черноземомъ. Онъ лежалъ скорчившись, головою къ с., ногами къ ю., на лѣвомъ боку, слѣд. лицемъ къ в.; руки были опущены къ колѣнамъ. Подъ костями замѣчена подстилка, т. е. слой глины темнокрасноватаго цвѣта, толщиною въ ¼ вершка. Вещей никакихъ не было.

Противоположная гробница, у южной стѣны разрѣза (пл. 2, *g*), была выкопана также въ материковой глинѣ, длиною отъ з. къ в. на 2½ арш., шириною 1¾ арш., глубиною въ материкѣ на 1½ арш. Остовъ, засыпанный черноземомъ, лежалъ головою къ з., ногами къ в.; лице было обращено нѣсколько къ с. Подлѣ локтя лѣвой руки, у стѣнки гробницы, найдена позвоночная баранья кость. Около остова никакихъ вещей не было; найдены только обыкновенная рѣчная раковина и нѣсколько небольшихъ комковъ темнокрасной краски или глины, безъ сомнѣнія окись какого либо металла.

По срединѣ вырѣзанной площади, въ самомъ центрѣ насыпи, обозначилась также гробница, а противъ нея, подъ южною стѣною, слой глины указывалъ еще на гробницу. Для болѣе подробнаго изслѣдованія всей средины кургана признано необходимымъ расширить здѣсь площадь на 2 саж. къ ю. и на столько-же къ с. Вскорѣ подъ сѣверо-восточною стѣною новой выемки, въ углу, обнаружились трещины, шедшія къ материку. Земля въ этомъ мѣстѣ была такъ тверда, что большаго труда стоило отламывать ее заступами. Трещины наконецъ привели къ небольшому обвалу и затѣмъ къ гробницѣ (планъ 2, *b*), которая была покрыта въ видѣ шалаша толстыми досками на брусяныхъ подставахъ, толщиною около 8 верш. Сверхъ этой покрышки и около лежалъ толстый слой соломы, уже перетлѣвшей. Дерево также все перетлѣло, но сохраняло еще въ чуркахъ форму и толщину брусьевъ. Обвалъ и трещины въ насыпи произошли по всему вѣроятію въ то время, когда эта покрышка сгнила и обрушилась въ могилу. Гробница была вырыта въ материкѣ глубиною на 2½ арш. и имѣла длины отъ с. къ ю. 2½ арш., ширины

$1^{3}/_{4}$ арш. Углы ея были закруглены, а стѣнки выглажены. Остовъ, засыпанный рыхлымъ черноземомъ, лежалъ скорчившись, головою къ с., ногами къ ю., на правомъ боку; лице было обращено къ з. или къ центральной гробницѣ, руки опущены къ колѣнамъ. Вещей никакихъ не было, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ кусковъ темнокрасной краски; подъ костями замѣчена подстилка.

Неподалеку отъ этой гробницы (*b*), между ею и гробницею центральною (*a*), найденъ слой угольевъ и золы и даже цѣлая обгорѣлая головня — остатки огнища или костра.

Центральная гробница (пл. 2, *a*) была также вырыта въ материкѣ. Она имѣла длины отъ з. къ в. $2^{1}/_{2}$ арш., ширины 2 арш., глубины въ материкѣ $2^{1}/_{2}$ арш.; сверху была засыпана глиною, подъ которою лежала дощатая покрышка на кругляках, толщиною въ 1 верш., стоявшихъ по стѣнкамъ гробницы. Поверхъ досокъ была постлана солома съ частію хвороста. Остовъ, засыпанный весьма рыхлымъ черноземомъ, лежалъ навзничь въ положеніи спящаго человѣка, головой къ з., ногами къ в. Ноги были скорчены, а руки протянуты по бокамъ. Вещей подлѣ остова не было, кромѣ нѣсколькихъ кусочковъ темнокрасной краски. Подъ костями замѣчена подстилка толщиною около $^{1}/_{4}$ верш. темнокрасноватаго цвѣта.

Къ з. отъ этой центральной могилы находилась еще гробница (пл. 2, *c*), рытая также въ материкѣ глубиною на 2 арш., длиною $2^{1}/_{2}$ арш., шириною $1^{1}/_{2}$ арш. Углы ея были закруглены, а стѣнки тщательно выглажены или, вѣрнѣе, вымазаны на̀-гладко. Остовъ былъ засыпанъ рыхлымъ черноземомъ и лежалъ навзничь, головою къ в., ногами къ з. Ноги были скорчены, руки протянуты по бокамъ. Голова была обращена въ $^{3}/_{4}$ къ лѣвому плечу. Подъ костями замѣчена сильно истлѣвшая подстилка, получившая цвѣтъ темнокрасноватой глины. Вещей никакихъ при остовѣ не найдено, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ кусковъ красной краски. Гробница сверху была покрыта соломою и хворостомъ.

При очисткѣ сѣверозападной части разрѣза была открыта еще гробница (пл. 2, *d*), рытая въ материкѣ, глубиною на 2 арш., длиною отъ ю. къ с. $2^{1}/_{2}$ арш., шириною $1^{1}/_{2}$ арш. Углы ея точно также были закруглены, а стѣнки выглажены. Сверху она была засыпана глиной, а остовъ черноземомъ. Остовъ лежалъ навзничь, головою къ ю., ногами къ с., голова лежала на лѣвой щекѣ. Ноги были скорчены и близко прижаты къ груди. Правая рука была нѣсколько откинута отъ корпуса

и опущена къ тазу, лѣвая находилась подъ колѣнами. Въ головахъ у затылка найдено кременное копье (см. табл. XXII, рис. 7) и острый кремешекъ на подобіе стрѣлы. Другихъ никакихъ вещей не было, кромѣ небольшихъ комковъ темнокрасной краски. Подъ костями была подстилка темнокрасноватаго цвѣта.

Такимъ образомъ изслѣдованіе средней площади кургана показало, что подъ его насыпью скрывалось цѣлое кладбище и что, слѣдовательно, при новыхъ поискахъ могли быть открыты новыя подобныя-же гробницы. Чтобы самымъ дѣломъ убѣдиться въ этомъ предположеніи, разслѣдованіе было перенесено на югозападный склонъ кургана, который былъ значительно положе другихъ и спускался хребтомъ къ небольшой круглой могилкѣ (пл. 3), съ которою былъ смеженъ. Эта пологость перерѣзана поперекъ въ длину на 6 саж., въ ширину на 2 саж., отступя отъ линіи средняго разрѣза на 5 саж. (пл. 2).

По срединѣ, подлѣ сѣверной стѣны вновь вырѣзанной площади, на глубинѣ 4 арш. отъ поверхности насыпи, найденъ весьма толстый (до 5 верш.) слой соломы съ частію хвороста. Затѣмъ, въ томъ-же слоѣ найдены четыре воловьи ноги и челюсть съ обломками перегнившихъ кругляковъ. Можно было замѣтить, что все это мѣсто накрыто было кругляками въ 1½ вершка толщиною, въ видѣ шалаша. На ½ арш. глубже показался остовъ (пл. 2, *h*). Онъ лежалъ на лѣвомъ боку, головою къ в., ногами къ з.; ноги были близко прикорчены къ груди. Лѣвая рука лежала подъ колѣнами, правая сверху ногъ. Въ головахъ, у самаго лба, стоялъ на боку, отверстіемъ ко лбу, рѣзной горшокъ (табл. XXII, рис. 2), въ которомъ, въ перетлѣвшей соломѣ съ частію земли, найдены двѣ кости отъ человѣчьихъ пальцевъ. Горшокъ былъ немного закопченъ. За спиною остова у локтя правой руки найдена бычачья позвоночная кость, лежавшая параллельно съ корпусомъ остова. Кромѣ того, подлѣ остова найдено нѣсколько и другихъ мелкихъ бычачьихъ костей, а также небольшая рѣчная раковина. Вещей никакихъ не было. Замѣтить должно, что упомянутыя выше бычачьи ноги и челюсть, какъ оказалось послѣ, лежали у остова въ головахъ.

Дальнѣйшая раскопка показала, что отсюда внизъ шла уступами яма, на 1½ саж. въ квадратѣ, и что описанный выше остовъ лежалъ на первомъ верхнемъ уступѣ, лицомъ къ спускавшейся отъ него внизъ ямѣ. Вся яма была забита описаннымъ уже составомъ земли изъ чернозема и бѣлой глины.

Очистка всей вырѣзанной здѣсь площади до материковой глины обнаружила и профиль упомянутой ямы, уступы которой привели къ обширной гробницѣ, имѣвшей овальную фигуру (пл. 2 *k*). Длиною она была отъ в. къ з. 2 сажени, отъ с. къ ю. 4 арш. Западная часть, въ 3 арш. длины, составляла овальный входъ, который постепенно спускался въ самую гробницу, гдѣ лежали покойники. Глубины гробница имѣла съ поверхности материка 3 аршина. Она была рыта пещерою или печурою и внутри тщательно вымазана глиною на палецъ толщиною; мѣстами эта подмазка отваливалась отъ материка. Замѣтно было, что эту пещеру копали не заступомъ, а ломомъ или какимъ либо подобнымъ орудіемъ. Остовы были засыпаны тою-же глиною, вынутою изъ ямы. У сѣверовосточной стѣны остовъ лежалъ на правомъ боку, скорчившись, головою къ з., ногами къ в. Руки были опущены къ бедрамъ. Въ головахъ лежалъ бокомъ пустой горшокъ изъ черной глины, развалившійся вскорѣ на части. У колѣнъ и за спиною найдено нѣсколько кусочковъ красноватой и фіолетовой краски.

Подлѣ этого остова, почти у самого его лица, лежалъ черепъ другаго остова, теменемъ вверхъ; дальше лежали остальныя кости въ безпорядкѣ, однакожъ соотвѣтственно обыкновенному расположенію остова, т. е. ребра находились, гдѣ слѣдовало быть туловищу, а кости ногъ въ кучкѣ, гдѣ быть ногамъ.

Третій остовъ лежалъ въ 2 аршинахъ отъ перваго къ ю., на лѣвомъ боку, головою къ ю., ногами къ с. Руки были опущены къ тазу, ноги скорчены. Подлѣ костей найдены небольшіе куски красноватой и желтой краски. Подъ костями двухъ цѣлыхъ остововъ замѣчена бѣлая, какъ мѣлъ, подстилка, толщиною въ $^1/_8$ вершка. Вещей никакихъ не было.

Кромѣ найденныхъ здѣсь остововъ, въ восточной части вырѣзанной площади, на материковой глинѣ найденъ еще остовъ (пл. 2, *г*), лежавшій головою къ в., ногами къ з., скорчившись, на лѣвомъ боку; ноги были близко прижаты къ животу, а руки къ груди. Вещей никакихъ подлѣ остова не было.

Раскопка этой части кургана вполнѣ убѣдила, что подъ нимъ дѣйствительно находилось цѣлое кладбище; но простое и почти однообразное устройство гробницъ, бѣдность и незначительность принадлежностей погребенія не подавали никакой надежды на болѣе важныя открытія и находки, почему дальнѣйшее разслѣдованіе насыпи признано совершенно излишнимъ и безполезнымъ.

*

Въ тоже время работы были переведены на «Долгую Могилу» (пл. № 1), лежавшую въ 17 саж. къ сѣверу. Она насыпана по направленію отъ в. къ з. длиною на 24 саж., въ ширину на 10 саж. Вышины по отвѣсу насыпь имѣла 1 саж. Для изслѣдованія раскопана была ея средина длиною по хребту на 14 саж., шириною въ 2 саж. Въ срединѣ вырѣзанной площади, глубиною отъ поверхности на $1\frac{1}{2}$ арш., найденъ разбитый горшокъ изъ черной глины, стоявшій дномъ вверхъ и снаружи весьма закоптѣлый. На днѣ въ немъ замѣченъ пепелъ и слой какой-то объуглившейся, нѣкогда жидкой массы.

Въ западномъ концѣ площади, по срединѣ, на $1\frac{3}{4}$ арш. глубины найдены овечьи кости. Затѣмъ въ юговосточной части разрѣза (пл. № 1, *a*), на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. отъ поверхности насыпи, поверхъ материковой глины найденъ остовъ, лежавшій на лѣвомъ боку, скорчившись, лицемъ на ю.-в. Ноги были прикорчены къ животу, а руки прижаты къ груди. Въ головахъ у самаго темени стоялъ горшокъ изъ черной глины. Остовъ былъ засыпанъ перетлѣвшею соломою съ частію хвороста; въ горшкѣ также была солома. Подъ костями глина была окалена или тщательно выглажена и убита, такъ что была несравненно тверже, чѣмъ другіе слои. Въ головахъ остова лежалъ слой перетлѣвшей соломы, въ вершокъ толщины, на пространствѣ одной квадратной сажени въ ширину. Въ немъ попадались чурки сгнившаго дерева и изрѣдка небольшіе угли. По срединѣ найденъ горшокъ, подобный упомянутому выше.

При очисткѣ площади до материковой глины ясно обозначились въ южной стѣнѣ мѣста трехъ гробницъ: одной почти въ срединѣ и двухъ по сторонамъ, забитыхъ сверху тѣмъ-же составомъ земли изъ чернозема и бѣлой глины. Подлѣ нихъ на материкѣ лежали подобные-же слои соломы съ чурками перегнившаго дерева и частію хвороста. Надъ среднею гробницею (Пл. I, *c*) въ слоѣ соломы найдены 4 ноги и челюсть молодаго вола. Затѣмъ обнаружилась самая гробница, вырубленная въ глинѣ длиною отъ ю. къ с. на $3\frac{1}{2}$ арш., шириною $2\frac{1}{2}$ арш., глубиною въ материкѣ $1\frac{1}{2}$ арш., а отъ вершины насыпи 4 арш. Углы ея были закруглены, а стѣнки выглажены. Остовъ лежалъ, скорчившись, на лѣвомъ боку, головою къ в., ногами къ з., лицемъ на ю. Руки были согнуты и простирались къ колѣнамъ. Въ головахъ, въ восточномъ углу гробницы, въ разстояніи отъ черепа на 6 верш., стоялъ горшокъ, наполненный землею съ частію перетлѣвшей

соломы, какая слоями попадалась на поверхности гробницы и около самого остова. За плечами остова въ западномъ углу гробницы найдено мѣдное копье, безъ всякихъ признаковъ древка (табл. XXII, рис. 5); другихъ вещей не было.

Восточная гробница (пл. 1, *b*) была выкопана также въ материкѣ, длиною отъ в. къ з. на 2¼ арш., шириною 2 арш., глубиною 1½ арш., а отъ вершины насыпи 3½ арш. Остовъ лежалъ на правомъ боку, головою къ ю.-з., лицемъ къ ю.-в.; ноги были близко прикорчены къ животу, а руки къ груди. Никакихъ вещей при остовѣ не было.

Гробница у западнаго угла площади (пл. 1, *d*) была выкопана также въ материковой глинѣ и имѣла длины отъ з. къ в. 3 аршина, ширины 2½ арш., глубины 1½ арш. Углы ея были закруглены, а стѣнки выглажены. По срединѣ лежали два остова, одинъ большой, другой впереди малый, въ разстояніи другъ отъ друга на 8 верш. Оба лежали на лѣвомъ боку, скорчившись, головами къ с.-в., ногами къ ю.-з., лицемъ къ ю.; руки у обоихъ были протянуты къ колѣнамъ. Противъ лицъ на 1½ арш. отступя, стояли рядомъ два простыхъ горшка изъ черной глины, которые скоро развалились. Въ головахъ у остововъ, у самой стѣнки гробницы, лежала нижняя часть еще третьяго остова: ноги съ тазомъ, которыя были скорчены. При самомъ тщательномъ обыскѣ этого мѣста никакихъ другихъ частей костяка не найдено.

Во всѣхъ трехъ гробницахъ остовы были засыпаны черноземомъ и сверху покрыты частію кругляками, частію досками и соломою. Кости остововъ большею частію совершенно истлѣли и разваливались на мелкія части.

Въ отношеніи насыпи можно было замѣтить, что первоначально она состояла изъ трехъ отдѣльныхъ небольшихъ кургановъ, ссыпанныхъ потомъ въ одну общую могилу, которая отъ того и получила форму долгой.

Оставалось еще осмотрѣть южную небольшую могилку, находившуюся у юго-западной пологости большаго кургана (пл. № 3). Она имѣла обыкновенную конусообразную форму съ круглою вершиною и съ весьма отлогими боками. Длины она имѣла черезъ верхъ отъ в. къ з. 12 сажень, ширины 10 саж., вышины по отвѣсу 1 саж. Для изслѣдованія вынута ея средина на двѣ сажени въ квадратѣ. Въ самой срединѣ на глубинѣ 2½ арш. найденъ остовъ, лежавшій на правомъ боку, головою къ в., ногами къ з., въ положеніи спящаго человѣка. Лице было обращено къ ю.;

корпусъ немного согнутъ; ноги протянуты и немного скорчены, какъ у спящаго. Лѣвая рука была на животѣ у таза, правая протянута къ колѣнамъ. Въ головахъ у самаго темени стоялъ кувшинообразный простой горшокъ изъ желтой глины, наполненый рыхлою землею. Сверху остовъ былъ засыпанъ составомъ земли изъ чернозема и бѣлой глины, а затѣмъ однимъ черноземомъ. Глубже въ материкѣ шла рушеная, мѣшаная земля, обнаружившая потомъ гробницу (*а*), вырубленную въ глинѣ глубиною на 1½ арш., длиною отъ в. къ з. 2¼ арш., шириною 1½ арш. Остовъ, совершенно истлѣвшій, лежалъ головою на в., ногами къ з., навзничь; ноги были скорчены и лежали вправо, а руки протянуты по сторонамъ туловища къ тазу. Гробница была засыпана рыхлымъ черноземомъ. Вещей никакихъ не было.

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что черепа и кости во всѣхъ открытыхъ гробницахъ подверглись совершенному истлѣнію и при малѣйшемъ неосторожномъ прикосновеніи разваливались на мелкія части, такъ что очистка отъ земли остововъ сопровождалась большими затрудненіями и требовала особенной тщательности и осторожности.

IV. МОГИЛЫ КРАСНОКУТСКІЯ.

Въ 1860 году въ тѣхъ-же степяхъ г. Забѣлинымъ произведено изслѣдованіе двухъ значительныхъ кургановъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «Толстыхъ Могилъ», съ находящимися около нихъ малыми курганами.

Особенное вниманіе было обращено на «Толстую Могилу» у Краснокутской станціи, по дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь. Подобно Луговой могилѣ, ея насыпь, по всей окружности, была утверждена цоколемъ изъ большихъ дикарныхъ камней, что подавало поводъ заключать объ особенномъ значеніи совершеннаго здѣсь погребенія.

Могила находится на возвышенной степной мѣстности, которая открываетъ горизонтъ верстъ на 20 во всѣ стороны. Къ з. видна одна изъ огромнѣйшихъ Толстая Могила въ дачахъ г. Нечаева; къ ю. и с. незамѣтно спускаются балки, изъ коихъ одна, южная, проходитъ къ сел. Томаковкѣ верстъ на 15. Вблизи могилы, къ з. стоитъ другой курганъ меньшей величины. Насыпь могилы состояла изъ чернозема и отличалась особенною крутизною своихъ боковъ, которые притомъ съ с. были гораздо круче, чѣмъ съ ю.; ея вершина представляла довольно ровную площадь около 7 саж. въ діаметрѣ. У подошвы вокругъ насыпь постепенно и почти незамѣтно спускалась въ уровень съ верхоземкою окружавшей ея степи. Впрочемъ вся поверхность могилы, особенно у подошвы, была значительно

обрыта раскопами, которые производили мѣстные поселяне съ цѣлію добыть камень изъ ея цоколя для своихъ построекъ.

Въ окружности по подошвѣ Могила имѣла 90 саж., въ діаметрѣ 30 саж., отвѣсной вышины 4 саж. Раскопка сдѣлана прорѣзомъ ея средины во всю длину насыпи до верхоземки шириною въ 6 саж. и была начата съ вершины. Послѣ первыхъ двухъ штыховъ обнаружилось, что верхняя площадь была по мѣстамъ укладена камнями мелкими и крупными, по большой части гранитными, обыкновенной здѣшней породы, которая образуетъ Днѣпровскіе пороги и обнажается по теченію впадающихъ въ Днѣпръ рѣчекъ. Такими-же камнями была сплошь завалена и самая средина насыпи. Эта каменная кладка, проходя въ глубину гробницы, вырытой въ материкѣ, постепенно уменьшала свой объемъ, такъ что весь каменный завалъ имѣлъ видъ воронки (см. разрѣзъ Могилы, листъ С, № I).

Точно также была сплошь окладена камнями и вся окружность насыпи, по подошвѣ и по скатамъ ея боковъ. Ширина этой кладки по скатамъ простиралась на 7 саж., а толщина ея доходила въ иныхъ мѣстахъ до 1 саж. (см. планъ Могилы, листъ С, № I).

Въ насыпи между каменьями попадались иногда черепки разбитыхъ амфоръ, кости лошадиныя и воловья кость; найдены также въ срединѣ между каменьями желѣзное кольцо отъ уздечнаго прибора и обломокъ желѣзнаго копья, а въ западной части разрѣза, среди камней цоколя, горло съ ручками отъ разбитой амфоры. Въ восточной части въ насыпи, у каменнаго цоколя, найдено 26 бронзовыхъ стрѣлъ съ перегнившими остатками камышевыхъ древокъ.

Затѣмъ, ближе къ материку, показались около средины въ разныхъ мѣстахъ слои глины, выкинутой при устройствѣ погребальной ямы или гробницы.

Къ в., между пластами этой глины, оставался какой-то проходъ къ самой гробницѣ, по которому, быть можетъ, и пронесенъ въ нее покойникъ.

Далѣе къ в., на верхоземкѣ. открыты сложенными въ безпорядкѣ въ двухъ кучкахъ, лежавшихъ по сторонамъ этого пути, въ разстояніи другъ отъ друга на 1½ саж., остатки разломанной колесницы и конская сбруя. Кучи имѣли почти одинаковый объемъ, около 1¼ арш. въ ширину и ¾ арш. въ толщину (пл. I, *g. g.*).

Въ одной изъ нихъ, лежавшей къ югу, собрано: 1) нѣсколько кусковъ желѣзныхъ шинъ разной величины, составившихъ всѣ вмѣстѣ до 20 аршинъ длины;

2) семь колесныхъ втулокъ, въ томъ числѣ двѣ въ мелкихъ обломкахъ; 3) шестдесятъ шинныхъ гвоздей или заклепокъ и нѣсколько гвоздей съ круглыми шляпками отъ разныхъ крѣпей; 4) нѣсколько кусковъ разныхъ крѣпей отъ колесъ и отъ самой колесницы, какъ-то: обломки колесныхъ обоймицъ со ступицъ, обломки скобъ и желѣзныхъ тонкихъ полосъ разной ширины, служившихъ безъ сомнѣнія окрѣпленіемъ кузова, ибо каждая полоса имѣла по нѣскольку скважинъ для гвоздей; нѣкоторыя изъ этихъ полосъ были изогнуты въ такомъ видѣ, что прямо указывали на преднамѣренную разломку; 5) четыре мѣдныя втулки съ прорѣзнымъ вверху изображеніемъ дракона, пожирающаго какое-то животное (см. табл. XXIV, 1 и 2; табл. XXV, 3 и 4). Въ ушкахъ у двухъ сохранялись еще остатки ремня; 6) двѣ запоны въ видѣ цвѣтка; 7) шесть гладкихъ пуговицъ; 8) сто двѣнадцать треугольныхъ бляшекъ, каждая съ одною скважиною вверху; 9) сто девяносто круглыхъ бляшекъ, величиною отъ $^3/_8$ до $^5/_8$ вершка въ діаметрѣ, также съ скважинами для пришивки; 10) двѣсти двѣнадцать круглыхъ бляхъ величиною отъ $^7/_8$ до $1^1/_2$ вершка въ діаметрѣ, также съ скважинами.

Всѣ мѣдныя вещи, частію перержавѣвшія и поломанныя, были вызолочены и многія изъ бляхъ, а также втулки сохраняютъ еще мѣстами свѣжую позолоту. Бляхи по видимому были нашиты на какую-то ткань. Истлѣвшіе остатки этой ткани, похожей на холстъ, еще сохранялись на внутренней сторонѣ нѣкоторыхъ бляхъ. Кромѣ того въ скважинахъ многихъ бляхъ оставались полуистлѣвшія нитки. Среди желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей въ кучѣ попадались изрѣдка куски сгнившаго дерева и обрывки бѣлаго ремня.

Вообще должно замѣтить, что эта куча различныхъ вещей, занимавшая такое малое пространство, вполнѣ обнаруживаетъ, что колесница была уже разрушена, когда ее засыпали въ курганъ. Она была раздроблена и въ обломкахъ сложена въ кучу вмѣстѣ съ покрываломъ изъ золоченыхъ бляхъ и втулками, которыя могли служить украшеніемъ повозки. Но можно также предполагать, и съ бо́льшею вѣроятностію, что и эти втулки и бляхи украшали кочевыя палатки или шатры покойника, которые были сложены здѣсь въ одной кучѣ съ колесницею. Изображенія на втулкахъ драконовъ по всему вѣроятію служили навершьями для шатровыхъ сохъ или шестовъ, на которыхъ шатры навѣшивались.

Въ другой такой-же кучѣ, лежавшей къ с. отъ первой, собрано также мно-

жество желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей; къ первымъ принадлежали: 1) три небольшихъ обломка шинъ и двѣ заклепки; 2) колесная втулка, изломанная; 3) обойма, скрѣпленная гвоздемъ; 4) обломки разныхъ крѣпей, скобъ, полосъ и т. п., частію съ колесъ, а болѣе повидимому съ кузова колесницы; 5) цѣлая груда скипѣвшихся желѣзныхъ удилъ, до 70 штукъ (табл. XXIII. 8 и 9). Мѣдныхъ вещей оказалось: 6) четыре прорѣзныя втулки съ прорѣзными на верху изображеніями крылатыхъ львовъ (см. табл. XXV, 1 и 2). Въ ушкахъ у двухъ сохранялись еще остатки ремня; 7) двѣ прорѣзныя втулки поменьше съ рѣзнымъ изображеніемъ птицы съ распущенными крыльями (см. табл. XXIV, 3, 4 и 5); 8) десять большихъ плоскихъ круглыхъ бляхъ, каждая съ одною скважиною, висѣвшихъ на желѣзной цѣпочкѣ изъ длинныхъ проволокъ, остатки которой еще сохранялись въ скважинахъ; 9) восемь бляхъ въ видѣ полумѣсяца, висѣвшихъ на подобной-же цѣпочкѣ (срав. вып. I, табл. VII, рис. 11) и нѣсколько обломковъ отъ такихъ-же бляхъ; 10) пятнадцать подобныхъ-же бляхъ, поменьше; 11) шестнадцать колокольчиковъ, которые висѣли на желѣзной цѣпочкѣ изъ проволоки съ небольшими круглыми плоскими бляшками въ родѣ пуговицъ; 12) сорокъ двѣ бляшки въ родѣ пуговицъ со скважиною по срединѣ для укрѣпленія на проволочной цѣпочкѣ; 13) восемдесять двѣ круглыя выпуклыя бляхи, величиною отъ $^7/_8$ до $1^2/_8$ вершка съ скважинами. У одной сохранялись еще остатки холста, на которомъ вѣроятно онѣ были нашиты; 14) сто шестдесять такихъ-же бляхъ, величиною отъ $1^2/_8$ до $1^6/_8$ вершка, изъ коихъ на одной примѣтны рѣзныя травы; 15) тринадцать тонкихъ треугольныхъ бляхъ съ скважинами по угламъ; 16) пятдесять четыре стрѣлы, кои были найдены подъ кучею, на материкѣ

Среди всѣхъ упомянутыхъ вещей, большею частію перержавѣвшихъ и поломанныхъ, найдены два кабаньихъ клыка, совершенно разрушившіеся отъ прикосновенія воздуха. Вмѣстѣ съ клыками найдено два небольшихъ костяныхъ украшенія въ родѣ пуговицъ.

Эта вторая куча разныхъ вещей подтверждаетъ предположеніе, что колесница, или, судя по числу колесныхъ втулокъ, коихъ найдено всего 8, двѣ колесницы, какъ погребальные одры, на которыхъ привезли покойниковъ въ могилу, были послѣ погребенія разрушены и положены въ двухъ кучахъ по сторонамъ пути къ выкопанной гробницѣ. Множество удилъ указываетъ на число коней, можетъ

быть сопровождавшихъ погребальную процессію. Подобные-же трое желѣзныхъ удилъ найдены въ камняхъ въ западной части насыпи.

Когда раскопка по всей вырѣзанной площади обнаружила материковую желтую глину, то въ срединѣ ясно обозначились три засыпанныя черноземомъ ямы, одна почти въ центрѣ и двѣ на западъ по сторонамъ, первая нѣсколько къ ю., вторая дальше къ с. Центральная яма или главная гробница (л. С. пл. 1, *a*) обозначилась довольно правильнымъ четыреугольникомъ, хотя и съ закругленными углами, по направленію отъ в. къ з. на $4^1/_2$ арш., а отъ с. къ ю. на 3 арш. Впереди ея на ю.-з., въ 1 саж. разстоянія, находилась другая яма, выкопанная по тому-же направленію, отъ в. къ з. на $3^1/_4$ арш., а отъ с. къ ю. на 3 арш. 14 верш. Это была гробница коней (пл. I, *b*). На глубинѣ почти $2^1/_2$ арш. съ верхоземки, въ ней лежали на боку, рядомъ, головами къ главной гробницѣ, четыре коня въ серебряномъ уздечномъ уборѣ и съ желѣзными удилами въ челюстяхъ. Кости ихъ совсѣмъ уже перетлѣли и разсыпались отъ прикосновенія. При этомъ было собрано: **А:** Съ головы перваго коня отъ сѣверной стѣнки гробницы: 1) наносникъ въ видѣ головы животнаго съ птичьимъ клювомъ (см. табл. XXIII, 2 и 3); 2) двѣ бляхи отъ ушей, украшенныя рѣзьбою въ видѣ перьевъ (см. табл. XXIII, 1); 3) четыре пуговицы въ видѣ цвѣтковъ (см. табл. XXIII, 7); 4) двѣ круглыхъ пуговицы съ поломанными ушками, отъ удилъ; 5) небольшая трубочка, другая такая-же изломанная, отъ удилъ; 6) двѣ пуговицы съ украшеніями въ видѣ звѣздъ, отъ челюстей (табл. XXIII, 6); 7) двѣ плоскихъ пуговицы съ ушками въ діаметрѣ 1 вер., отъ челюстей. **Б:** Съ головы другаго коня: 8) наносникъ рѣзной въ видѣ головы животнаго съ птичьимъ клювомъ; 9) двѣ продолговатыя бляхи отъ ушей, чеканенныя пупышками, съ ушками (срав. вып. I, табл. V, рис. 10); 10) четыре пуговицы въ видѣ цвѣтка, прорѣзныя, отъ челюстей; 11) двѣ плоскихъ пуговицы съ ушками въ діаметрѣ 1 вер., отъ удилъ; 12) трубочка, къ одному концу разложистая, отъ удилъ. **В:** Съ головы третьяго коня: 13) наносникъ подобный предыдущему; 14) двѣ продолговатыя рѣзныя бляхи отъ ушей съ изображеніемъ змѣй съ головами четвероногихъ (табл. XXIII, 5); 15) четыре плоскихъ пуговицы съ ушками, отъ челюстей, въ діаметрѣ $1^7/_8$ верш.; 16) двѣ трубочки, къ одному концу разложистыя, отъ удилъ. **Г:** Съ головы четвертаго коня: 17) наносникъ въ видѣ головы какого-то животнаго, рѣзной; 18) двѣ четыреугольныя плоскія бляхи отъ

ушей съ изображеніемъ змѣй съ грифоновыми головами; обѣ съ ушками, одна съ остатками ремня (табл. XXIII, 4); 19) четыре плоскихъ пуговицы съ ушками, въ діаметрѣ $1^3/_8$ верш., отъ челюстей; 20) двѣ трубочки, къ одному концу разложистыя, отъ удилъ. Кони были засыпаны въ могилѣ черноземомъ, а могила сверху покрыта была досками и соломою, совершенно перетлѣвшими.

Изслѣдованіе главной гробницы (пл. I, *a*) показало, что на 5 арш. въ глубину она была завалена камнями съ черноземомъ, которыхъ кладка, какъ упомянуто, простиралась до самой вершины кургана. За камнями слѣдовалъ чистый черноземъ, безъ всякой смѣси, а за нимъ частію смѣшаная глина, большею же частію смѣшаный съ глиною черноземъ. Въ этихъ мѣшанныхъ слояхъ, на различной глубинѣ, сначала найдено горло съ ручками отъ амфоры, а потомъ попадались разбросанныя кости человѣчьи и лошадиныя и мелкіе желѣзные обломки скобокъ и пряжекъ или обоймицъ, можетъ быть отъ ноженъ какого либо оружія; также мелкіе черепки отъ сосуда изъ красной глины и собрано нѣсколько частей человѣческаго черепа. Наконецъ, на глубинѣ $2^1/_2$ саж., обнаружилось дно гробницы на ровномъ слоѣ бѣлой материковой глины. На этомъ днѣ гробница имѣла длины отъ в. къ з., 6 арш., ширины отъ с. къ ю., 4 аршина. Такимъ образомъ въ глубинѣ она была гораздо шире, чѣмъ при отверстіи. Въ сѣверозападномъ ея углу оставалась рушеная (обвалившаяся) земля, изслѣдованіе которой обнаружило, что отсюда прямо на сѣверъ направлялся небольшой ходъ (пл. I, *e*) въ сосѣднее подземелье (Пл. I, *c*), которое съ верхоземки обозначилось овальною ямою, засыпанною также черноземомъ и составлявшею собственно обвалъ этого подземелья. Входъ *e*, подобный тѣмъ, какіе были открываемы въ Луговой Могилѣ (Вып. 1, листъ А, рисунокъ XIII), при началѣ имѣлъ вышины нѣсколько болѣе арш. и $2^1/_2$ арш. въ ширину; далѣе сводъ его, возвышаясь, доходилъ до $1^1/_2$ арш. вышины. Въ длину, при той-же ширинѣ, онъ простирался на 2 саж. $^3/_4$ арш.; затѣмъ его дно, лежавшее тоже по бѣлой глинѣ въ уровень съ дномъ гробницы, опускалось ступенею отвѣсно въ глубь, на 1 арш., въ пластъ материковой красной глины. Въ сводѣ были очень замѣтны слѣды орудія, которымъ копали эту галлерею и которое имѣло форму толстаго копья или кинжала (меча). При самомъ входѣ въ этотъ проходъ найдена небольшая золотая розетка, подобная изображенной въ вып. I, на табл. IX, рисун. 3, а по дну собрано нѣсколько облом-

ковъ отъ какого-то желѣзнаго оружія въ родѣ меча и нѣсколько переломанныхъ человѣчьихъ реберныхъ костей.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи обнаружилось, что этотъ проходъ велъ въ особое круглое подземелье (пл. I, *c*), уже обвалившееся, имѣвшее около 2½ саж. въ діаметрѣ. Вышина его, по видимому, достигала 3-хъ арш., ибо на столько опустилася въ него обвалившаяся сверху материковая толща. Дно подземелья лежало ниже дна главной гробницы на 1 арш. въ пластѣ материковой красной глины. По всему дну въ разныхъ мѣстахъ находимы были мелкіе обломки разныхъ вещей, а также обломки человѣчьихъ и лошадиныхъ костей. Здѣсь собрано: нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ, форма которыхъ была длиннѣе найденныхъ прежде въ насыпи кургана; нѣсколько желѣзныхъ трубокъ, имѣвшихъ форму пистолетнаго ствола и служившихъ, вѣроятно, наконечниками копейныхъ древокъ; нѣсколько обломковъ, по видимому, меча; костяныя черенки отъ ножей, горлышко глиняной кубышки; бронзовое кольцо, покрытое эмалью, отъ времени разложившеюся; мѣдное вилообразное украшеніе; желѣзный конецъ ножа, три черепка отъ небольшой греческой вазы или чашки, покрытой черною поливою, и мелкіе мѣдные обломки, о которыхъ, по ихъ формѣ, нельзя было судить, какимъ вещамъ они принадлежали. Все это указывало только на слѣды опустошенія гробницы и пребыванія здѣсь грабителей.

Въ восточной стѣнѣ, подлѣ входа въ подземелье изъ главной гробницы, открылся и самый входъ грабителей (планъ I, *f*) въ 1½ арш. ширины и вышины, который направлялся сначала на 2 саж. въ длину, прямо къ в., потомъ круто повертывалъ на с. и затѣмъ продолжался къ с.-з. по прямой линіи на 6 саж.; дальше по немъ лѣзть было уже невозможно по случаю обвала, совсѣмъ его засыпавшаго. Ширина его въ иныхъ мѣстахъ доходила до 2 арш., а вышина отъ обваловъ уменьшалась до ¾ арш.

У самаго входа въ грабительскую лазейку, найдены какіе-то желѣзные оковы, совсѣмъ перержавѣвшіе, въ родѣ полосъ, пробитыхъ гвоздями и служившихъ по видимому окрѣпленіемъ какому либо ящику. Подлѣ нихъ въ землѣ открыта разбитая нижняя половина амфоры.

Начиная отъ этого мѣста, у той-же восточной стѣны подземелья, стояли въ рядъ восемь глиняныхъ амфоръ, уже раздавленныхъ обрушившеюся землею. Онѣ были почти всѣ равной величины, около 1¼ арш. вышиною. Внутри ихъ на че-

репкахъ замѣченъ темнокраснаго цвѣта осадокъ какой-то жидкости, нѣкогда наполнявшей ихъ по самыя горла.

Въ сѣверозападной стѣнѣ подземелья, въ слояхъ рушеной глины, на вышинѣ 2½ арш. отъ уровня дна, открыто девять совсѣмъ уже перержавѣвшихъ желѣзныхъ трубокъ, похожихъ на стволы, длиною около ¼ арш. каждая. Онѣ стояли въ глинѣ вертикально, рядомъ, одна подлѣ другой. Такія-же трубки, какъ упомянуто, были найдены и на полу подземелья. Внутри ихъ сохранялось еще перетлѣвшее дерево. По всему вѣроятію это были наконечники съ древокъ отъ копій, стоявшихъ у стѣны клинками внизъ и наконечниками вверхъ. Послѣдовавшій въ подземельи обвалъ сохранилъ наконечники, оставшіеся у стѣны въ верхнихъ его слояхъ, а клинки, находившіеся на днѣ подземелья, могли быть вынесены грабителями [1].

Что касается западной стороны отъ главной гробницы (пл. I, *d*), то начиная отъ прохода въ описанное подземелье, здѣсь открыты были небольшія пещерки — слѣды грабительскихъ поисковъ. Одна такая пещерка возвышалась отъ уровня дна на 3 арш. и въ ея сводѣ замѣчено нѣсколько углубленій, вершковъ по 6-ти въ діаметрѣ, выдолбленныхъ такимъ-же острымъ орудіемъ, въ родѣ копья или меча, какимъ копанъ былъ проходъ въ сѣверное подземелье. Съ какою цѣлію дѣланы эти углубленія, опредѣлить трудно; можетъ быть, грабители отыскивали здѣсь могилу коней, которая въ самомъ дѣлѣ находилась недалеко, всего только на 1½ саж. выше этихъ поисковъ. На днѣ этой западной мѣстности никакихъ вещей не было; найдена только часть лобной кости отъ человѣчьяго черепа.

Можно полагать, что опустошеніе могилы произведено въ очень давнюю эпоху, быть можетъ еще современниками погребенія. Золото и сокровища, полагаемыя въ землю съ покойникомъ, на глазахъ цѣлаго племени, не смотря даже на религіозное почтеніе къ гробамъ предковъ, о которомъ упоминаетъ и Геродотъ, — едва ли могли долго оставаться безъ святотатственнаго обыска, по крайней мѣрѣ со стороны послѣдующихъ поколѣній племени, когда угасшая память о покойникѣ не представляла уже значительныхъ препятствій для потаеннаго грабежа. Судя по расположенію слоевъ глины, выкинутой при рытіи гробницы на материкъ въ разныя стороны, кромѣ восточной, должно полагать, что глина выбрасывалась

1 Точно такіе-же наконечники впослѣдствіи открыты при копьяхъ въ Чертомлыцкой могилѣ.

уже въ то время, когда кругомъ гробницы наношенъ былъ и черноземъ по крайней мѣрѣ сажени на двѣ и болѣе въ вышину. Однимъ словомъ, ясно было, что по мѣрѣ того, какъ вырывали для покойника гробницу, въ тоже время присыпали къ ней и черноземъ, такъ что слои глины въ иныхъ мѣстахъ падали уже черезъ слои чернозема и перемѣшивались съ ними. Когда похороны были кончены и могила была высоко осыпана черноземомъ и глиною, — средину ея стали заваливать камнемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сооружать самую насыпь, которую потомъ по всей окружности обложили также камнемъ и снова осыпали черноземомъ. Эта кладка, увеличившая діаметръ насыпи, шла по скату боковъ ея въ ширину на 7 саж. Толщина ея увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ материку или подошвѣ кургана. Здѣсь обкладка имѣла толщины около 1 саж.

По направленію грабительской лазейки (пл. I, *f. f*) видно, что она сначала шла прямо къ подземному центру насыпи и потомъ круто поворотила къ з. Этотъ внезапный поворотъ заслуживаетъ вниманія. Какимъ способомъ грабители, дойдя до этого мѣста, узнали, что направо, въ западной сторонѣ, вблизи находится подземная комната, въ которую они тотчасъ-же и направили свой путь? Должно полагать, что въ то время, когда они работали въ своей норѣ, это подземелье еще не успѣло обрушиться. Его пустота или падающія со свода части глины, а быть можетъ и случившійся обвалъ своимъ отголоскомъ могли указать имъ мѣстоположеніе пустой подземной комнаты.

Любопытно также, что подземный ходъ подъ могилу былъ извѣстенъ и Запорожцамъ, позднѣйшимъ обитателямъ этихъ мѣстъ.

Поселяне разсказывали, что нѣсколько лѣтъ назадъ проходилъ этими мѣстами старый Запорожецъ-чумакъ и сказывалъ, что на з. отъ Могилы лежитъ въ землѣ огромный камень, а подъ нимъ въ дубовыхъ колодахъ складено всякое оружіе, ружья, пистолеты, сабли, пики и т. п. По другому разсказу, подъ камнемъ находилась желѣзная дверь въ подземный ходъ и наконецъ, одинъ изъ крестьянъ-чумаковъ объяснилъ, что ихъ старики лазили въ подземелье и находили тамъ оружіе, пистолеты. Это уже прямо подтверждаетъ, что поселяне бывали подъ могилой, ибо ихъ пистолеты ничто иное, какъ открытые тамъ при раскопкѣ желѣзные трубки-наконечники съ древокъ отъ копій.

Къ з. отъ Толстой Краснокутской могилы находилась другая, меньшая могила,

въ разстояніи 60-ти саж. Она въ окружности имѣла 86 саж., въ діаметрѣ 28 саж. Верхъ ея былъ совершенно круглый; отлогіе бока къ с. спускались гораздо круче, чѣмъ къ ю., такъ что южная пологость на 6 саж. была длиннѣе сѣверной (листъ С, разрѣзъ 2, планъ 2).

Раскопка этой могилы сдѣлана съ вершины, продольнымъ разрѣзомъ средины отъ в. къ з. въ 3 саж. шириною. На вершинѣ, на самой почти срединѣ, въ первомъ-же штыхѣ найденъ небольшой горшечекъ съ какими-то грубыми начертаніями. Къ сожалѣнію, одна половина его частію совсѣмъ не найдена, а частію собрана въ мелкихъ верешкахъ, изъ коихъ ничего нельзя было составить. Во второмъ штыхѣ къ ю.-з. отъ средины найдены три горшка обыкновенной формы, въ томъ числѣ одинъ разбитый на мелкія части; два другіе также были съ отбитыми краями. Въ третьемъ штыхѣ, на глубинѣ 1 аршина отъ вершины и въ разстояніи 3-хъ арш. отъ мѣста, гдѣ были вырыты два горшка, почти въ срединѣ кургана, найденъ остовъ, лежавшій навзничь, головою къ в., ногами къ з., съ разинутою челюстью. Весь костякъ длиною былъ всего 1½ арш. У лѣваго его бока были положены черепъ и ножныя кости молодаго коня, такъ что лѣвою челюстью голова коня касалась лѣвой щеки остова. У правой челюсти коня лежали крестъ-на-крестъ его переднія ноги; въ мордѣ находились желѣзныя удила, перержавѣвшія. Далѣе, у лѣвой ноги остова лежало истлѣвшее сѣдло, безъ всякихъ украшеній, обтянутое по краямъ только берестою, а подъ сѣдломъ лежали двѣ заднія ножныя кости коня. Между черепомъ коня и сѣдломъ протянута была правая рука покойника.

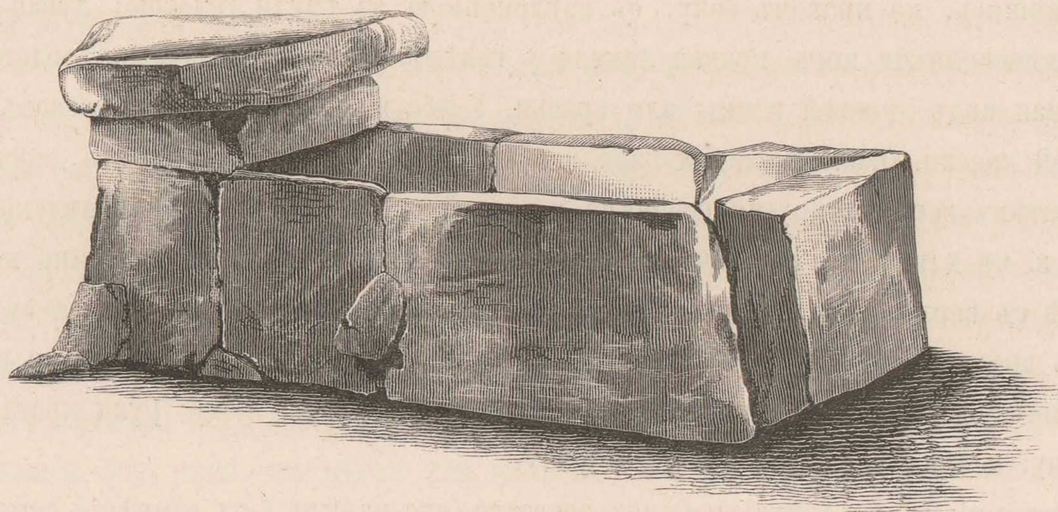
Къ ю. отсюда въ разстояніи 2-хъ арш. и на той-же глубинѣ, лежалъ другой весь истлѣвшій остовъ на лѣвомъ боку, скорчившись, головою къ в., ногами къ з. Руки были опущены къ колѣнамъ. Поверхъ остова была покрышка изъ перетлѣвшей тростниковой травы, толщиною около 2-хъ верш. Такая-же подстилка находилась и подъ костями. Остовъ по-видимому былъ значительной величины.

При дальнѣйшей раскопкѣ насыпи найдена одна только бронзовая стрѣлка. По очисткѣ до материковой глины всей вырѣзанной площади обнаружились двѣ гробницы, одна почти въ срединѣ площади, другая у южной стѣны въ западной части разрѣза (листъ С, планъ 2, *a*, *b*). Сначала была вскрыта первая гробница, находившаяся по срединѣ. Яма имѣла направленіе отъ ю.-в. къ с.-з. въ длину на

$2^1/_2$ арш., ширины имѣла $1^1/_4$ арш.; глубины съ верхоземки $2^1/_4$ арш.; углы ея были закруглены; рыта была какимъ-то острымъ орудіемъ въ родѣ копья. Остовъ, засыпанный черноземомъ съ частію глины, лежалъ головою къ с.-з., ногами къ ю.-в., скорчившись, на правомъ боку, съ наклоненною къ груди головою; лѣвая рука находилась между ногъ, правая лежала у колѣнъ. Подъ костями была подстилка, имѣвшая видъ красной глины или краски. У лба найдено нѣсколько кусковъ желтоватой краски. Около костей попадались куски перегнившаго дубоваго дерева.

Затѣмъ вскрыта другая гробница у южной стѣны, имѣвшая направленіе отъ в. къ з. въ длину на $2^1/_2$ аршина; ширина ея была въ $1^1/_2$ арш., глубина въ материкѣ съ верхоземья $1^1/_2$ арш. Остовъ былъ засыпанъ черноземомъ, а затѣмъ покрытъ кругляками, уже перетлѣвшими. Онъ лежалъ головою къ з., ногами къ в., навзничь, скорчившись; голова была наклонена на лѣвую щеку; руки протянуты къ тазу; колѣна упали на лѣвую сторону.

Открытіе этихъ двухъ гробницъ показало, что насыпь безъ сомнѣнія скрывала цѣлое кладбище, и такъ какъ дальнѣйшее изслѣдованіе могилы не могло повести къ болѣе важнымъ открытіямъ, то раскопка и окончена на одномъ только среднемъ разрѣзѣ.



V. МОГИЛЫ У СЕЛ. БѢЛЕНЬКАГО.

Могилы эти находятся на возвышенной степной мѣстности праваго берега Днѣпра, верстахъ въ 4-хъ отъ рѣки и столько-же отъ села Бѣленькаго, принадлежащаго П. М. Миклашевскому и отстоящаго отъ Краснокутской станціи верстъ на 50 къ югу. Къ в. отъ Могилъ высокая степь опускается въ долину, образуемую пересохшею рѣчкою Бѣленькою; съ ю.-в. обширные виды на Заднѣпровье съ его плавнями; съ з. ровная степь. Главный курганъ (Толстая Могила), совершенно нетронутый раскопками, имѣлъ въ окружности болѣе 100 саж. Насыпь въ нижней части образуетъ какъ бы особый нижній ярусъ, на которомъ возвышается верхняя могила, продолговатая отъ ю. къ с., съ весьма крутыми боками, на которые съ трудомъ можно взобраться. Окружность этой крутой части насыпи простирается на 62 саж., а вышина по скату на 9 саж. На верху Могилы была ровная площадь длиною отъ ю. къ с. 6½ саж., шириною отъ в. къ з. 4 саж. Полагать надо, что по срединѣ этой площади стояла нѣкогда каменная баба, ибо внизу у подошвы

могилы, въ густомъ бурьянѣ, найдены три большiе обломка бабы; въ селенiи однакожъ не помнятъ (по крайней мѣрѣ за 30 лѣтъ), чтобы баба стояла на верху. Кругомъ могилы находится много мелкихъ кургановъ.

Раскопка сдѣлана разрѣзомъ средины отъ в. къ з. въ 6 саж. ширины и начата съ вершины (см. листъ D, разрѣзъ 3, планъ 3).

На глубинѣ 1½ арш. открытъ камень, стоявшiй въ срединѣ насыпи вертикально и имѣвшiй 1 арш. 12 вер. длины и 1 арш. ширины. Къ з. отъ него въ разстоянiи 2-хъ саж. найдено костяное кольцо грубой работы. Затѣмъ къ в. отъ средины насыпи, въ разстоянiи 8 саж. открытъ на самой срединѣ разрѣза большой камень, въ родѣ бабы, длиною 3 арш. 4 вер., шириною до 10 вер. въ широкомъ мѣстѣ. Онъ лежалъ вдоль по направленiю къ в. Въ срединѣ же насыпи къ з. вынуто также нѣсколько камней бѣлыхъ известняковъ, изъ коихъ иные стояли вертикально.

Наконецъ въ срединѣ обнаружились каменныя известковыя плиты: это была покрышка гробницы. Когда было очищено мѣсто подлѣ этой гробницы, то съ южной ея стороны, въ разстоянiи 2-хъ аршинъ обнаружился стоявшiй вертикально камень въ видѣ бабы. Онъ былъ вышиною 2 арш. 1 вер., шириною по срединѣ 9 вер.; къ концамъ ширина уменьшилась до 4 вер. Вокругъ гробницы была поставлена ограда изъ известковыхъ бѣлыхъ камней разной величины отъ 1¼ арш. вышины и отъ ¾ арш. ширины и меньше. Они стояли острыми частями къ верху, но не было примѣтно, чтобъ они были тесаны. Разстоянiе между этою оградою и гробницею было: съ ю. на 1 саж. 2¾ арш., съ с. 2 саж. 2¼ арш., съ в. 2 саж., съ з. 2 саж. 1½ арш. (см. листъ D, планъ 3, *a*, *ff*).

Гробница была сложена изъ цѣлыхъ плитъ рухлаго бѣлаго и желтаго известняка и такими-же плитами покрыта; изъ этихъ послѣднихъ двѣ уже обвалились внутрь гробницы (см. виньетку въ началѣ этой главы). Величина камней была около 1 арш. въ квадратѣ, толщина въ ¼ арш. Гробница была поставлена на материкѣ и имѣла длины по направленiю отъ в. къ з. 3 арш. 7 вер.; ширины въ головахъ съ в. 1 арш., въ ногахъ съ з. 10 вер.; вышины въ головахъ 1 арш., въ ногахъ 14 вер. Камни внутри гробницы были нѣсколько тесаны. Въ ней лежалъ остовъ головою къ в., ногами къ з., навзничь, скорчившись, при чемъ колѣна были подняты къ верху. Онъ былъ засыпанъ черноземомъ и найденъ весь

совершенно перетлѣвшимъ, а частію раздробленнымъ отъ обвалившихся плитъ съ крыши гроба. Вещей при остовѣ никакихъ не было.

Когда раскопанная площадь совсѣмъ была очищена до материковой желтой глины, то въ разныхъ мѣстахъ ея средины, около описанной каменной гробницы, открыто нѣсколько земляныхъ могилокъ (ibid. планъ 3, *b*, *c*, *d*, *e*, *g*).

Въ четырехъ аршинахъ отъ сѣверозападнаго угла каменной гробницы найденъ въ небольшой могилкѣ *g* совершенно истлѣвшій остовъ, лежавшій по направленію отъ с.-в. къ ю.-з. Могилка была выкопана по формѣ тѣла, безъ сомнѣнія молодаго покойника, въ материковой глинѣ на 8 вер. глубины съ верхоземья, длиною 2 арш.; шириною въ широкомъ мѣстѣ ¾ арш., въ ногахъ ¼ арш., въ головахъ могилка имѣла округлость. Остовъ лежалъ головою къ с.-в., ногами къ ю.-з., навзничь; ноги были протянуты, голова лежала на правой щекѣ, слѣдовательно лицо было обращено къ каменной гробницѣ.

Далѣе къ ю.-з. открыта могилка *d*, вырытая въ материкѣ глубиною съ верхоземки 2½ арш., длиною отъ с. къ ю. 2¾ арш., шириною 2 арш., съ закругленными углами. Сверху она была закладена толстыми кругляками осокоря или ветлы и покрыта тростниковою травою. Въ ней истлѣвшій уже остовъ, засыпанный глиною, лежалъ головою къ ю., ногами къ с., навзничь, скорчившись, причемъ лѣвая нога стояла колѣномъ къ верху, а правая лежала.

Прямо къ сѣверу отъ каменной гробницы, въ разстояніи 3 саж. находилась подобная-же могилка, рытая въ материкѣ глубиною съ верхоземья 2 арш. 14 вер., длиною 2 арш. 10 вер., шириною 1 арш. 11 вер. (пл. 3, *e*). Въ ней истлѣвшій остовъ, засыпанный черноземомъ, лежалъ головою къ з., ногами къ в., на лѣвомъ боку, скорчившись. Въ головахъ у самой стѣнки примѣчена небольшая впадина, въ ½ вер. въ діаметрѣ, шедшая вь глубь на ¼ аршина. Подъ костями замѣчена подстилка темнокоричневаго цвѣта, въ ¼ вершка толщиною.

Прямо къ в. отъ каменной гробницы въ разстояніи 3 саж. открыта подобная-же могилка, рытая въ материкѣ глубиною на 1½ арш., шириною 2 арш., длиною отъ з. къ ю. 3 арш. 2 вер. (пл. 3, *b*). Могилка была закладена толстыми осокоревыми пнями, а самый остовъ былъ покрытъ слоемъ тростниковой травы, толщиною на ½ аршина. Въ этой покрышкѣ найдено нѣсколько угольевъ. Совсѣмъ истлѣвшій остовъ лежалъ головою къ с., ногами къ ю. на лѣвомъ боку, немного

скорчившись. Съ лѣваго бока у таза найдена обыкновенная рѣчная раковина. Подъ костями замѣчена подстилка въ видѣ красной глины.

Подобная-же земляная гробница, находившаяся дальше на ю.-в., была рыта въ материкѣ глубиною на $1\frac{1}{2}$ арш., длиною отъ с. къ ю. 3 арш., шириною 2 арш. (пл. 3, *c*). Въ ней остовъ, совершенно истлѣвшій, лежалъ головою къ ю., ногами къ с., навзничь, при чемъ колѣна были подняты къ верху; засыпанъ былъ черноземомъ, а съ верху накрытъ тростникомъ и деревомъ; подъ костями оказался слой подстилки въ видѣ красноватой глины. Вещей при остовѣ никакихъ не было. Гробница была покрыта толстыми пнями совершенно истлѣвшими, слой которыхъ простирался въ толщину аршина на два.

При окончательной очисткѣ вырѣзанной площади въ сѣверозападномъ ея концѣ (пл. 3, *h*) найденъ въ черноземной насыпи каменный молотокъ. Затѣмъ дальнѣйшее изслѣдованіе могилы прекращено по вѣроятной неважности результатовъ, ибо разрѣзомъ средины уже достаточно обнаружено значеніе этой насыпи: она покрывала цѣлое кладбище, можно предполагать, родовое. Такимъ образомъ могила представила только огромнѣйшее и весьма красивое сооруженіе изъ разряда обыкновенныхъ въ этихъ мѣстахъ могилъ, называемыхъ иногда бабаватыми по находившимся на ихъ вершинѣ каменнымъ бабамъ и которыя точно также должны заключать въ себѣ цѣлыя кладбища и, повторимъ, по всему вѣроятію родовыя, подобныя родовымъ склепамъ христіанскихъ народовъ.

Изъ множества малыхъ кургановъ, окружающихъ Толстую могилу у сел. Бѣленькаго и принадлежащихъ вѣроятно тому-же племени, разрыты были три ближайшіе. 1) Первый небольшой курганъ, около $3\frac{1}{2}$ арш. вышиною, находился къ с.-з. отъ Толстой. Въ немъ на глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. съ вершины замѣченъ слой глины, толщиною въ 2 вер., покрывавшій всю насыпь; затѣмъ опять слѣдовалъ черноземъ. Въ западной части насыпи найдено пять обломковъ мѣдныхъ стрѣлъ, а въ южной небольшой горшечекъ изъ черной глины. По срединѣ открыта гробница, вырытая въ материкѣ подкопомъ или пещерою со входомъ отъ запада. Она представляла овальную яму глубиною $2\frac{1}{2}$ арш., длиною 2 арш. 5 вер., шириною $1\frac{1}{2}$ арш. Остовъ лежалъ головою къ ю., ногами къ с., на лѣвомъ боку, скорчившись,

при чемъ ноги были прижаты близко къ животу. Яма была покрыта кругляками и сверху тростникомъ. 2) Небольшой курганъ также съ с. отъ Толстой, заслуживалъ вниманія по виду своей насыпи: онъ представлялъ кольцеобразный валъ, вышиною около 2 аршинъ, или походилъ на курганъ, у котораго средина насыпи была вынута и оставалась только его окружность. Послѣ двухъ штыховъ посрединѣ былъ открытъ огромный продолговатый камень въ видѣ бабы, лежавшій на материковой глинѣ по направленію отъ в. къ з.; длиною онъ былъ $2^3/_4$ арш., шириною 1 арш. Когда его подняли, то подъ нимъ нашли круглую яму въ 1 арш. 12 вер. въ діаметрѣ. Она опускалась въ глубь колодцемъ на одну саж. и за тѣмъ повертывала къ з. миною при такой-же ширинѣ, которая вскорѣ представила, широкій, около $1^1/_2$ саж. обвалъ, указывавшій, что подъ нимъ было подземелье. При очисткѣ обрушившейся глины, на глубинѣ $3^1/_2$ арш. съ материка, найдены истлѣвшія человѣчьи кости, лежавшія въ безпорядкѣ, по-видимому отъ трехъ остововъ. Прежде обнаружился раздробленный и перетлѣвшій черепъ, лежавшій на лѣвой сторонѣ; у лба лежала берцовая кость, подъ самымъ черепомъ найдена часть ножной кости и кости таза. Неподалеку къ с.-з. найдено еще два раздробленныхъ и перетлѣвшихъ черепа среди другихъ костей, также истлѣвшихъ. Можетъ быть покойники засыпаны были обваломъ живые. Къ с. отъ этого мѣста продолжалась небольшая галлерея или проходъ въ $2^1/_2$ саж. длиною, въ $1^1/_2$ арш. шириною и въ $1^1/_4$ арш. вышиною. Онъ оканчивался на сѣверѣ пещерою въ 2 арш. ширины и вышины. Въ немъ никакихъ вещей не было. 3) Затѣмъ раскопанъ небольшой курганъ въ $2^1/_4$ арш. вышиною, съ ю. отъ Толстой. Въ срединѣ насыпи на материковой глинѣ открытъ остовъ, лежавшій головою къ з., ногами къ в., навзничь, въ прямомъ положеніи. Длиною костякъ былъ 2 арш. 13 вер. Въ головахъ лежали сѣдло и желѣзныя перержавѣвшія стремена. Правая рука положена на животъ, лѣвая протянута прямо. У таза съ лѣваго бока найденъ небольшой точильный брусокъ и кремешокъ. Спереди на поясу найдена желѣзная пряжка съ остатками шелковой матеріи въ родѣ камки темножелтоватаго цвѣта. Сзади на поясу было желѣзное кольцо. Кромѣ того, въ насыпи найдена костяная круглая бляшка въ видѣ пуговицы, съ скважиною посрединѣ.

VI. ОСТРАЯ ТОМАКОВСКАЯ МОГИЛА.

Въ 1861 году г. Забѣлинъ, продолжая разслѣдованіе кургановъ въ тѣхъ-же степяхъ, произвелъ раскопку четырехъ могилъ, средней величины, на югъ отъ Краснокутской, изъ которыхъ три расположены по теченію рѣчки Томаковки, именно *Острая*, съ лѣвой ея стороны, и двѣ *Близницы* съ правой; а одна, *Каменная могила*, находится на большой дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь, въ 11 верстахъ на ю. отъ той-же могилы Краснокутской.

Острая могила вышиною около 8 арш., въ діаметрѣ до 30 саж., находится верстахъ въ 4-хъ на в. отъ селенія Томаковки, на возвышенной степной мѣстности, окруженной съ в., ю. и з. балками и рѣчками, впадающими въ самомъ селеніи въ рѣчку Томаковку. На с. продолжается ровная степь, гдѣ вдали видны еще двѣ значительныя могилы, Голая и Пушкарка; на з. виднѣются Близницы, Слоновскія и Томаковскія, а на ю.-з. могила Злодійка.

Насыпь имѣла конусообразную форму съ острымъ верхомъ, отъ чего, вѣроятно, и называлась Острою; вся ея поверхность сверху до подошвы осыпана камнемъ. Сѣверный бокъ круче южнаго. Вокругъ могила окопана разложистымъ рвомъ не болѣе аршина глубиною и аршинъ 5 шириною. Съ в. у подошвы лежалъ камень въ 3 арш. длиною, изъ котораго по видимому намѣревались вытесать изображеніе бабы, ибо на немъ примѣтны были слѣды работы.

Раскопка начата разрѣзомъ могилы отъ в. къ з. въ 4 саж. шириною. Первый штыхъ по всей площади заключалъ въ себѣ камни разной величины, которыми покрыта была поверхность насыпи; затѣмъ во второмъ штыхѣ слѣдовалъ очень твердый слой земли, также перемѣшанной съ камнемъ. Съ третьяго штыха, на самой срединѣ вырѣзываемой площади, ближе къ южной стѣнѣ, обнаружился одинъ большой камень, стоявшій вертикально. Послѣ обозначилось, что онъ имѣлъ вышины 2 арш., ширины 1¼ арш. Въ тоже время примѣчено, что сѣверная часть насыпи по поверхности была осыпана глиною на 1 арш. толщины. Въ срединѣ же, въ сѣверной стѣнѣ разрѣза, примѣчена могилка, вырытая отъ поверхности насыпи на 1½ арш. глубиною, въ которой найденъ перетлѣвшій остовъ, лежавшій скорчившись, головою къ в., на лѣвомъ боку. Въ головахъ найдена небольшая уже перетлѣвшая и разсыпавшаяся позвоночная кость какого-то животнаго.

Такая-же могилка, тоже по срединѣ, открыта въ южной стѣнѣ разрѣза; она была рыта въ насыпи и засыпана мѣшаною землею; глубина ея съ вершины насыпи была 2 арш. 10 вер.

Вся насыпь кургана состояла изъ глинистой земли, мѣстами перемѣшанной съ черноземомъ. Ея средина, начиная съ 4-го арш. глубины отъ поверхности, была завалена камнями. Вся подошва насыпи по окружности была укладена также большими камнями, положенными въ одинъ рядъ. Когда раскопанное пространство было очищено до материковой глины, то въ разныхъ его мѣстахъ обозначилось нѣсколько земляныхъ гробницъ, вырытыхъ въ материкѣ, въ томъ числѣ одна въ самой срединѣ кургана (см. листъ D, разрѣзъ 2, планъ 2).

Эта средняя гробница (пл. 2, *a*) имѣла длины по направленію отъ с.-в. къ ю.-з. 2¼ арш., ширины 1½ арш., глубины 1 арш. 5 вер. Каменная кладка, которая надъ этою самою гробницею шла еще сверху кургана, продолжалась до самаго дна гробницы. По мѣрѣ того, какъ вынимали камни, засыпанные здѣсь уже черноземомъ, между ними изрѣдка попадались разбросанныя перетлѣвшія человѣчьи кости, именно берцовыя и другія въ мелкихъ частяхъ, раздробленныя. На самомъ днѣ могилки, у югозападной стѣнки, найдено нѣсколько мелкихъ обломковъ черепа; по срединѣ ступни ногъ; у боковыхъ стѣнокъ части рукъ. Подъ костями былъ слой красноватой подстилки. Самая глина была также красновата и тверда, какъ бы обожжена. Гробница, вырытая безъ особой тщательности, имѣла

неправильную четыреугольную форму съ закругленными углами. Никакихъ вещей въ ней не было.

Гробница *b* къ в. отъ средней, подъ южною стѣною разрѣза, имѣла длины отъ с. къ ю. $2\frac{1}{2}$ арш., ширины $1\frac{1}{2}$ арш., глубины съ верхоземки $1\frac{3}{4}$ арш. По верхоземкѣ она была покрыта соломою или тростникомъ. Стѣнки ея были тщательно выглажены и вымазаны глиною, мѣшанною съ пескомъ. Остовъ, засыпанный черноземомъ, лежалъ скорчившись, па правомъ боку, головою къ с.-в. Правая рука находилась подъ туловищемъ, лѣвая подъ тазовою костью. Подъ костями, которыя совсѣмъ уже перетлѣли, былъ слой подстилки красноватаго цвѣта, а подъ нимъ слой подстилки бѣлый, какъ мѣлъ. Стѣнки гробницы въ головахъ и въ ногахъ были выложены деревомъ, въ углахъ же стояли круглые столбики. Остовъ сверху былъ также повидимому покрытъ досками, или, можетъ быть, кругляками, какъ можно было судить по остаткамъ совершенно перегнившаго дерева.

Гробница *c* подлѣ предыдущей, къ в., подъ самою стѣною разрѣза, имѣла длины, по направленію отъ в. къ з., $2\frac{1}{2}$ арш., ширины 1 арш. 6 вер., глубины $1\frac{1}{2}$ арш. и была по верхоземкѣ покрыта толстыми деревянными брусьями. Стѣнки ея выглажены тщательно и вымазаны глиною, смѣшаною съ пескомъ. Яма была засыпана черноземомъ, подъ которымъ найдены лишь нѣкоторыя истлѣвшія части остова; кости отъ ногъ лежали къ в., по срединѣ нѣсколько костей отъ рукъ. Черепа же и другихъ частей остова совсѣмъ не найдено и слѣдовъ. Слой подстилки подъ костями былъ коричневаго цвѣта, а подъ нимъ слой подстилки бѣлый, какъ мѣлъ.

Гробница *d*, подъ сѣверною стѣною разрѣза, имѣла длины отъ с.-з. къ ю.-в. 3 арш., ширины $1\frac{1}{2}$ арш., глубины $1\frac{1}{4}$ арш. Она рыта съ поверхности насыпи, т. е. послѣ того времени, когда курганъ былъ насыпанъ надъ средними гробницами, и была засыпана черноземомъ, подъ которымъ найдено только въ сѣверномъ углу немного угольевъ и по срединѣ кусокъ красной краски въ родѣ бакана. По дну былъ однакожъ примѣтенъ слой подстилки красноватаго цвѣта и подъ нимъ слой бѣлый. Костей, даже и въ мелкихъ остаткахъ, не было.

Гробница *e*, находившаяся дальше къ в., обнаружила овальную яму по направленію отъ ю.-в. къ с.-з., рытую въ видѣ пещеры, подкопомъ, длиною $3\frac{1}{2}$ арш., шириною $2\frac{1}{4}$ арш., глубиною $1\frac{1}{2}$ арш. Въ ней довольно сохранившійся

остовъ былъ засыпанъ глиною грудками (комками) и лежалъ головою къ ю.-в., ногами къ с.-з., навзничь, протянуто. Справа у черепа найденъ совсѣмъ развалившійся простой горшокъ изъ глины синеватаго цвѣта. У самаго черепа найдены куски красноватой краски.

Гробница *f*, находившаяся еще дальше къ в., обнаружила также овальную яму, въ направленіи отъ ю. къ с., длиною 2 арш., шириною $1\frac{1}{2}$ арш., глубиною $1\frac{1}{2}$ арш. Въ ней лежалъ остовъ ребенка, головою къ ю. съ протянутыми ногами. Длиною остовъ былъ $1\frac{1}{4}$ арш. Подъ костями былъ слой подстилки коричневаго цвѣта. Въ головахъ стоялъ глиняной простой горшокъ, у котораго края украшены грубою рѣзьбою въ видѣ городковъ или треугольниковъ.

Гробница *g* къ з. отъ средней, подъ южною стѣною разрѣза, имѣла длины отъ ю. къ с. $2\frac{3}{4}$ арш., ширины $1\frac{1}{4}$ арш., глубины $1\frac{1}{4}$ арш.; рыта была также съ поверхности насыпи и забита мѣшаною землею съ бѣлою глиною. По верхоземкѣ была покрыта деревомъ. Стѣнки тщательно вымазаны глиною съ пескомъ. По угламъ гробницы стояли круглые, уже сгнившіе столбики. Истлѣвшій остовъ, засыпанный черноземомъ, былъ также покрытъ деревомъ и лежалъ скорчившись, на лѣвомъ боку, головою къ ю.; руки находились у колѣнъ. Подъ костями былъ примѣтенъ слой какой-то подстилки темнокраснаго цвѣта, а подъ нимъ слой бѣлый. Въ головахъ остова найдены обломки раковины.

Такимъ образомъ раскопка этого кургана, который своею каменною кладкою подавалъ надежду на болѣе интересныя открытія, обнаружила, что подъ нимъ скрывалось обыкновенное степное кладбище. Употребленіе камня въ его сооруженіи объясняется, впрочемъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что камень въ изобиліи находится вблизи кургана въ рѣчкѣ Томаковкѣ. Дальнѣйшее изслѣдованіе насыпи было остановлено по очевидной маловажности его результатовъ.

Между тѣмъ въ августѣ 1862 года, государственный крестьянинъ селенія Томаковки, Прокофій Бѣлой, добывая остававшійся въ нераскопанной насыпи камень на двухъ-аршинной глубинѣ, открылъ схороненный тамъ кладъ, заключавшій въ себѣ золотой шейный обручь (табл. XXVI, рис. 10); золотую серпообразную бляшку, верхняя сторона которой покрыта мелкою зернью, въ видѣ пирамидально-сложенныхъ шариковъ и голубою эмалью, а нижняя имѣетъ два небольшихъ ушка (тамъ-же, рис. 8), золотыя узорчатыя ножны кинжала, также

украшенныя голубою эмалью (на той-же таблицѣ, рис. 16 и 16ª), съ перержавѣвшими желѣзными обломками самаго кинжала и съ частью золотой эмальированной рукояти (рис. 17), на которой еще сохранялось сгнившее дерево; двѣ золотыя узорчатыя пластины (рис. 13 и 18), служившія, быть можетъ, украшеніемъ колчану, или ножнами меча, золотую чашку (рис. 14) съ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ дна, назначеніе которой опредѣлить трудно, и 200 бронзовыхъ стрѣлъ. Можетъ быть, это остатки вооруженія одного изъ позднѣйшихъ обитателей этихъ степей. Тогда-же въ курганѣ найденъ гнилой деревянный гробъ и человѣчьи кости. Но по собраннымъ объ этой находкѣ свѣдѣніямъ, нельзя опредѣлительно заключить, гдѣ именно въ насыпи сдѣлана находка, ибо камни лежали по всей ея окружности и частію по скатамъ. Неизвѣстно также, въ этомъ-ли гробу при костяхъ найдены описанныя вещи, или же гробъ съ костями найденъ особо отъ сдѣланной находки. Въ насыпи, какъ упомянуто выше, открыты двѣ подобныя-же могилы, кромѣ материковыхъ.

VII. БЛИЗНИЦЫ СЛОНОВСКІЯ.

Эти два кургана, почти одинаковой величины (около 7 арш. выш. и 25 саж. въ діаметрѣ), стоящіе рядомъ и называемые въ сел. Томаковкѣ Близницами Дальними, находятся на землѣ г-жи Слоновской, къ с.-з. отъ сел. Томаковки, на возвышенной мѣстности, которая съ ю. опускается къ рѣчкѣ Топильной, а съ с. къ балкамъ, идущимъ въ рѣчку Томаковку. На в. ровная степь, а вдали верстахъ въ 4-хъ видны Томаковскія Близницы. На з. также ровная степь идетъ къ большой Никопольской дорогѣ, на которой верстахъ въ семи отсюда видна могила «Каменная». Главная Близница отличается отъ близлежащаго кургана плоскою вершиною, окружена рвомъ, шириною 5 арш., глубиною въ 1 арш., и валомъ шириною 10 арш., вышиною въ 1 арш. Съ в. противъ Могилы почти у самаго вала, лежали рядомъ 9 огромныхъ камней. Изъ нихъ нѣкоторые длиною болѣе 5 арш., отъ 1-го до 2-хъ арш. шириною и около 1 арш. толщиною. Они расположены въ 3 — 4 арш. другъ отъ друга, по направленію отъ с. къ ю., на пространствѣ 46 арш. Концы ихъ, обращенные къ Могилѣ, приподняты и, какъ послѣ оказалось, подставлены на камняхъ. Средній камень лежитъ ближе къ Могилѣ, у самаго вала. Далѣе, къ в. отъ этого ряда камней, лежали въ разныхъ мѣстахъ по степи, нерѣдко также продольными и поперечными рядами, камни разной величины, концы которыхъ, обращенные къ Могилѣ, также приподняты. Величина

или объемъ камней уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ Могилы. На разстояніи 100 саж. отъ Могилы эти каменныя гряды прекращаются. Въ прежнее время, безъ сомнѣнія, камней было больше и, можетъ быть, протяженіе ихъ кладки было дальше. Въ теченіи 40 или 50 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ стала населяться Томаковка, крестьяне, по ихъ разсказамъ, постоянно разбирали эти камни подъ свои постройки.

Другой курганъ Близницъ находится къ с. отъ главнаго въ 16 саж. и формою походитъ на обыкновенныя въ здѣшнихъ мѣстахъ могилы, имѣя круглый верхъ и значительно пологіе бока, особенно на южную сторону.

Раскопка главной Близницы начата разрѣзомъ средины отъ в. къ з., прямо противъ гряды упомянутыхъ выше камней, шириною въ 4½ саж. Съ перваго-же штыха по всей поверхности попадался камень, мелкій и крупный. Во второмъ штыхѣ по срединѣ найдены четыре кости лошадиныхъ ногъ, переднихъ и заднихъ, съ бабками. Насыпь состояла изъ одного чернозема; въ срединѣ съ самой вершины она была завалена нетесаннымъ камнемъ, который обозначалъ мѣсто гробницы, заваленной тѣмъ-же камнемъ. Такая каменная кладка простиралась иногда въ ширину болѣе 3-хъ аршинъ. Подъ нею и слои чернозема были гораздо тверже, чѣмъ на остальномъ пространствѣ кургана. У подошвы по всей окружности могила также была окладена каменнымъ цоколемъ (листъ Е, разрѣзъ 2).

Въ слояхъ чернозема и камня изрѣдка попадались лошадиныя кости и черепки разбитыхъ глиняныхъ амфоръ. Когда стали приближаться къ материку, то около средины обнаружились слои глины, выброшенной при устройствѣ гробницы, къ с. и з., въ 1 аршинъ толщиною. При очисткѣ всего раскопаннаго пространства до материковой глины, въ сѣверозападной его части подлѣ каменнаго цоколя (л. Е. планъ 2, *d*), найдены сложенными въ кучку шесть перержавѣвшихъ удилъ съ баранчиками и четыре изображенія крылатаго льва, пожирающаго какое-то животное, со втулками въ нижней части, для надѣванья на древко (см. табл. XXVI, рис. 1 и 2). Одно такое изображеніе отъ втулки отломлено. Вѣроятно въ такомъ видѣ втулка была положена на мѣсто еще во время погребенія, ибо отломленной части не найдено даже и признаковъ.

Въ срединѣ обнаружилась яма неправильной формы, линія которой съ запада начиналась четыреугольникомъ и продолжалась къ в. и с. кругло (Пл. 2, *a*, *b*). Длины

эта яма имѣла отъ в. къ з. около 10 арш., ширины около 5 арш. Средина ея была забита такъ твердо, что черноземъ отламливался осколками, какъ ледъ. Послѣ нѣсколькихъ штыховъ показались перемѣшанные слои глины и чернозема, которые наклонялись въ глубь къ восточному углу ямы.

По мѣрѣ приближенія ко дну гробницы (*a*) были находимы въ разныхъ мѣстахъ человѣчьи и лошадиныя кости и черепки разбитой амфоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что гробница была уже раскопана и въ первоначальномъ видѣ оставалась только ея западная часть не болѣе какъ на 3 арш. въ длину. Эта сторона гробницы сохраняла еще первоначальную свою форму четыреугольника и имѣла ширины въ верху 2¼ арш., на днѣ 3 арш., глубины 5¼ арш. Затѣмъ стѣнки ея входили въ широкое круглое подземелье (*b*), которое простиралось на в. и имѣло въ діаметрѣ около 8 арш.; дно его было ниже дна гробницы и постепенно возвышалось въ уровень дна гробницы. Грабительская лазейка (*cc*) вошла въ сѣверовосточный уголъ гробницы. При очисткѣ подземелья и лазейки были находимы разбросанныя кости человѣчьи и лошадиныя и черепки глиняныхъ амфоръ. Кромѣ того собрано въ разное время нѣсколько черепковъ разбитой греческой чашки о двухъ ручкахъ, расписанной травами и какими-то изображеніями черною краскою, по простому глиняному фону (табл. XXVI, рис. 15). При самыхъ усердныхъ поискахъ, остальныхъ частей этой чашки не открыто. Сверхъ того найдено: четыре золотыхъ бляшки, битыхъ въ видѣ розетокъ (табл. XXVI, рис. 7 и 9), гладкая золотая пуговка съ ушкомъ, басменное измятое золотое изображеніе лежащаго льва, костяная трубка въ родѣ черенка, бронзовая стрѣлка, нѣсколько обломковъ отъ желѣзныхъ скобокъ, и обломки меча или другаго подобнаго оружія, сходные съ найденными въ Толстой Могилѣ Краснокутской. Въ грабительской лазейкѣ найдены человѣчій черепъ, частію поврежденный, и кости отъ лошадинаго черепа. Кости, вырытыя въ подземельѣ и въ устьѣ лазейки, были окрашены бирюзовымъ цвѣтомъ, вѣроятно отъ мѣдной окиси.

VIII. БЛИЗНИЦЫ ТОМАКОВСКІЯ.

Два кургана, называемые въ сел. Томаковкѣ Близницами Ближними, въ отличіе отъ Близницъ Слоновскихъ, которыя именуются Дальними, находятся на казенной землѣ, верстахъ въ двухъ отъ означеннаго селенія съ з., на возвышенной степной мѣстности, по которой расположены и другія значительныя могилы.

Главный курганъ лежитъ къ в. отъ втораго, въ недальнемъ разстояніи. По сооруженію онъ меньше послѣдняго, имѣющаго около 6 арш. вышины и 22 саж. въ діаметрѣ, и отличается отъ него болѣе плоскою вершиною и болѣе крутыми боками. Съ восточной стороны противъ него, подобно какъ у Слоновскихъ Близницъ, лежалъ рядъ камней по направленію отъ с. къ ю., а за нимъ по степи. далѣе къ в., расположено было значительное количество такихъ-же камней, тоже рядами. Много камней уже свезено крестьянами на постройки, но замѣтны еще ямы, въ которыхъ они прежде лежали. Эти каменныя гряды протягивались отъ Могилы далѣе на в. сажень на сто, а можетъ быть и болѣе.

Раскопка главнаго кургана начата разрѣзомъ его средины отъ в. къ з., на 3 саж. шириною. Съ перваго-же штыха показались по срединѣ насыпи камни разной величины. При углубленіи съ вершины на 3 аршина по бокамъ кургана обнаружились слои желтой глины. Вся насыпь впрочемъ состояла изъ чернозема и въ срединѣ надъ гробницею была завалена камнями по пространству около 3 арш. въ діаметрѣ; среди камней изрѣдка попадались уголья (листъ D, разрѣзъ 1).

По окружности, у подошвы, вмѣсто каменной кладки, курганъ осыпанъ слоемъ желтой глины, вынутой, быть можетъ, изъ подземныхъ грабительскихъ ходовъ. Отсутствіе каменнаго цоколя вокругъ Могилы и вообще малый ея размѣръ заставляютъ предполагать, что сооруженіе насыпи почему-либо не было окончено.

Въ западной сторонѣ раскопаннаго пространства, въ насыпи, почти у материка, найдено нѣсколько черепковъ разбитой амфоры и въ одномъ мѣстѣ, въ глиняномъ слоѣ, шедшемъ по окружности, три мѣдныхъ пуговицы, мѣдная запона отъ уздечнаго убора и небольшой кусокъ совсѣмъ перержавѣвшаго желѣза.

Когда сталъ открываться материкъ, то замѣчено, что каменная кладка надъ гробницею прекращалась на его уровнѣ. Здѣсь лежали рядомъ два большихъ камня, около которыхъ найдены небольшіе куски перегнившаго дерева и мелкій уголь. По сторонамъ, на с.-в. и с.-з., лежали толстые слои глины, выброшенные при устройствѣ гробницы. По снятіи этихъ слоевъ обозначилась гробничная яма, сохранившая свою первоначальную четыреугольную форму только съ западной стороны (л. D, планъ 1, *a*). Она была вырыта въ длину отъ в. къ з. на 4½ арш., въ ширину на 2 арш., и съ восточной стороны видимо была разрушена обваломъ въ особое подземелье (*b*), который въ поперечникѣ, отъ с. къ ю., имѣлъ 5 арш. ширины. На днѣ гробницы, лежавшемъ на материковомъ слоѣ бѣлой глины, открылись два подземныхъ входа, одинъ съ с. (*cc*), другой съ в. (*dd*), которые вводили въ круглое обширное подземелье (*b*), выкопанное съ восточной стороны гробницы и имѣвшее длины слишкомъ 6 арш., ширины 4½ арш. Восточный входъ имѣлъ вышины 1 арш., ширины 1¼ и опускался въ подземелье ступенею въ ½ арш. глубины. Сѣверный входъ, значительно обвалившійся, имѣлъ вышины 1¼ арш., ширины 2 арш., опускался въ подземелье крутымъ сходомъ въ 1½ арш. Самая гробница (*a*) на днѣ имѣла ширины отъ с. къ ю., 2 арш. 6 вер., длины 4 арш. 13 вер., глубины съ верхоземки въ западномъ концѣ 7 арш., въ восточномъ 7 арш. 3 вер. Дно подземелья было на поларшина ниже дна гробницы и спускалось отъ нея покатостью. Въ южной стѣнкѣ гробницы, на поларшина отъ ю.-в. угла и на арш. выше ея дна, замѣчена небольшая круглая дырка въ 4 вер. въ діаметрѣ, шедшая далѣе къ ю. на 1½ арш. Здѣсь вѣроятно расхитители дѣлали новый поискъ для того, чтобъ освидѣтельствовать, нѣтъ ли еще другой гробницы.

По всему видно, что расхищеніе произведено изъ сѣвернаго подземнаго входа (*cc*), ибо противъ него, въ подземельѣ. при очисткѣ дна, найденъ человѣчій черепъ безъ челюсти, довольно сохранившійся, а на аршинъ разстоянія отъ этого черепа къ в. собрано нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ и найдены костяной черенокъ отъ ножа и желѣзная перержавѣвшая трубка отъ копья или другаго подобнаго оружія. Въ самомъ ходѣ также найдено 5 подобныхъ-же стрѣлокъ. Кромѣ того, какъ здѣсь, такъ и въ подземельѣ, подлѣ этого входа. вырыты разбросанныя кости человѣчьи, кости молодаго коня и челюсть жеребенка. Дно входа покрыто было твердымъ слоемъ чернозема отъ 1-го до 4-хъ вер. толщиною, вынесеннаго безъ сомнѣнія изъ гробницы. которая вся была засыпана черноземомъ. Эту лазейку можно было очистить по длинѣ только на 2 саж. и 1 арш.; затѣмъ она высокою ступенью, въ ½ арш., круто поднималась вверхъ, гдѣ была завалена обрушившеюся материковою глиною. Внѣшній ея выходъ шелъ подъ самую насыпь.

Восточный подземный входъ (*dd*) не обнаружилъ ничего такого, что бы указывало на поиски расхитителей. Дно его, рытое въ бѣлой глинѣ, не было засыпано черноземомъ и по очисткѣ его отъ обвалившейся со свода глины на немъ найдены только два небольшіе черепка отъ простаго горшка изъ черной глины. Направленіе его къ в. шло прямо на 4 саж., потомъ подымалось колодцемъ (*e*) вверхъ на 2 саж., на материкъ; въ діаметрѣ лазейка имѣла 2 аршина.

Съ южной стороны кургана подъ присыпью найдена небольшая гробница (л. D, планъ 2, *f*), рытая въ материкѣ подкопомъ, глубиною на 3 арш., шириною въ 1½ арш., длиною въ 2½ арш. Въ ней лежали два дѣтскихъ остова рядомъ, головами къ з. На шеѣ одного, лежавшаго съ сѣверной стороны, было монисто изъ шести стекляныхъ бусъ (см. табл. XXVI, рис. 4 и 5) и одного мѣднаго кольца, съ малою стекляною-же бусою (на той-же таблицѣ, рис. 3). Черепа и кости совершенно истлѣли. Подъ костями была подстилка темно-красноватаго цвѣта. По всему вѣроятію эта гробница принадлежитъ уже позднѣйшему времени.

IX. КАМЕННАЯ МОГИЛА.

Могила эта, выш. около 8 арш., въ діаметрѣ до 28 саж., находится на почтовой дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь, въ 11-ти верстахъ отъ Краснокутской станціи. Мѣстность возвышенная, съ которой во всѣ стороны открывается обширный видъ верстъ на 20-ть: къ з. видна огромная Толстая Могила Гегелина (Нечаева), къ с. за балками степь и сел. Чумаки; къ с.-в. Толстая Краснокутская, къ ю. Близницы Слоновскія и Томаковскія. Недалеко отъ Могилы къ с.-в. находится другой, малый курганъ.

Въ народѣ Могила носитъ названіе «Каменной» безъ сомнѣнія по значительному количеству камня, лежащаго въ ея насыпи. Окрестные поселяне съ давняго времени вынимали камень для своихъ построекъ, и вся насыпь въ нижней части, по подошвѣ, окопана небольшими ямами; оттого и бока ея сдѣлались особенно крутыми, такъ что съ виду Могила имѣла форму широкаго круглаго стога сѣна.

Раскопка начата разрѣзомъ средины по направленію отъ з. къ в., въ 5 саж. ширины. Въ срединѣ насыпи показались камни разной величины, кладенные безпорядочно на пространствѣ около трехъ сажень въ квадратѣ. Затѣмъ это пространство каменной кладки съ каждымъ штыхомъ вглубь уменьшалось въ своемъ діаметрѣ и надъ самою гробницею имѣло только $1\frac{1}{2}$ сажени ширины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивался размѣръ камней; попадались иногда массы отъ 1-го до 2-хъ

арш. длины и почти въ 1 арш. толщины. Вся насыпь состояла изъ чернозема, сбитаго въ неимовѣрно твердую массу, которую съ трудомъ брали даже очень острые заступы. По окружности отъ подошвы Могила была также окладена, почти на 8 саж. шириною, большими нетесанными камнями. Подъ насыпью внутри этой каменной окладки, по материку, мѣстами лежали также большіе камни и по всему пространству на 5 сажень въ діаметрѣ лежалъ слой перетлѣвшаго дерева, толщиною отъ ½ и по мѣстамъ до 5 вершковъ (листъ Е, разрѣзъ 1, планъ 1).

Въ срединѣ этой деревянной постилки находились двѣ гробничныя овальныя ямы, одна (пл. 1, *a*) большая, по длинѣ отъ в. къ з. на 7 саж., другая (*b*) къ з. отъ нея, малая, въ 3 арш. длины по тому-же направленію. Подлѣ этихъ ямъ къ в. и з. выкинута была глина, небольшое количество которой показывало, что гробницы были рыты не слишкомъ глубоко. Въ малой гробницѣ схороненъ былъ малорослый, но старый конь (судя по зубамъ). Онъ лежалъ на лѣвомъ боку съ протянутою мордою къ большой гробницѣ, т. е. къ в.; переднія и заднія ноги были близко прижаты къ туловищу, при чемъ переднія были согнуты у самой морды. Въ мордѣ остались желѣзныя удила съ баранчиками, а на переносьѣ найдены остатки перетлѣвшаго ремня отъ уздечки съ 10 наборными мѣдными пуговками и одною большою четыреугольною пуговицею, находившеюся по срединѣ переносья. Другихъ вещей при остовѣ не было. Могила, какъ упомянуто, имѣла овальную форму и была выкопана въ величину коня.

Большая гробница по верху заложена была большими камнями, наиболѣе плитами. Въ твердомъ, какъ камень, черноземѣ, которымъ была забита вмѣстѣ съ каменьями яма, попадались небольшія, совсѣмъ перержавѣвшія, желѣзныя пластинки отъ брони. Здѣсь-же, еще на поверхности материка, надъ самою срединою ямы, найденъ небольшой черепокъ отъ греческой глиняной чашки, покрытой черною поливою. Чѣмъ раскопка шла глубже, тѣмъ чаще попадались обломки желѣзныхъ пластинокъ отъ брони, раскиданные въ разныхъ мѣстахъ. Очень затрудняло очистку гробницы выниманіе плитныхъ камней, которыми она была уставлена по стѣнкамъ и завалена въ срединѣ. Съ полутора-аршинной глубины стали изрѣдка попадаться лошадиныя и человѣчьи кости (реберныя и ручныя) и найдена кость человѣчьей нижней челюсти. Попадались также перержавѣвшіе остатки брони, иногда по одной пластинкѣ, а иногда кусками отъ 1-го до 4-хъ вершковъ въ квадратѣ, осо-

*

бенно въ сѣверовосточномъ углу гробницы. Время отъ времени попадались также мелкіе черепки небольшой глиняной амфоры. Наконецъ, когда стали подходить ко дну гробницы, въ восточной ея половинѣ, ближе къ сѣверной стѣнкѣ, открытъ человѣчій черепъ, стоявшій теменемъ вверхъ. На немъ была положена совсѣмъ уже перержавѣвшая броня, состоявшая изъ желѣзныхъ пластинокъ около вершка длиною и въ полвершка шириною, съ скважинами по краямъ для пришивки ихъ на холстъ, перетлѣвшіе остатки котораго на нѣкоторыхъ пластинкахъ были еще замѣтны. Подлѣ черепа съ западной стороны найдено нѣсколько мелкихъ костей отъ реберъ и другихъ частей остова. Аршина полтора еще далѣе къ з. найдена часть верхней челюсти. Въ этомъ мѣстѣ разсыпаны были и желѣзныя пластинки отъ брони; часть ея, величиною около 5 вершковъ въ квадратѣ, найдена на мягкомъ слоѣ перетлѣвшей тростниковой травы, на которомъ пластинки отпечатлѣлись въ томъ именно видѣ, какъ онѣ расположены были въ самой брони. Съ другой сѣверовосточной стороны подлѣ черепа лежали рядомъ три желѣзныхъ копья (см. рисунки въ $1/3$ подлинника, помѣщенные въ концѣ этой главы, на стр. 73), остріями въ направленіи къ с.-з.; при нихъ замѣчены остатки перетлѣвшихъ древокъ.

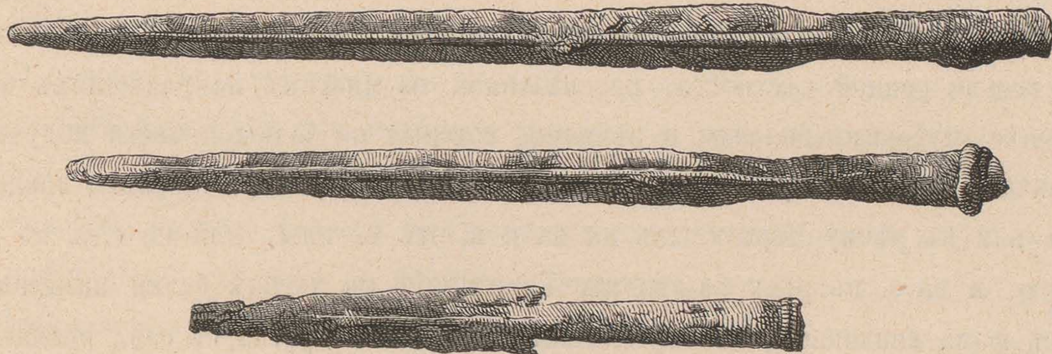
Такимъ образомъ гробница заключала въ себѣ только неполныя останки умершаго, изъ которыхъ иныя по видимому были даже покиданы туда вмѣстѣ съ черноземомъ и камнями, ибо найдены въ разбросанномъ видѣ, въ разныхъ мѣстахъ гробницы, арш. на $1\frac{1}{2}$ и на 1 арш. выше ея дна, подобно разбросаннымъ пластинкамъ желѣзной брони.

Въ западной, болѣе обширной, половинѣ гробницы лежали два коня, одинъ у сѣверной, другой у южной стѣнки. съ протянутыми головами къ в., такъ что человѣчій черепъ находился въ середкѣ между этихъ головъ, а переднія ноги коня, лежавшаго у сѣверной стѣнки, лежали подлѣ самаго черепа. На коняхъ никакихъ уборовъ не было.

Соотвѣтственно такому расположенію конскихъ костяковъ, могила имѣла форму неправильнаго, перехваченнаго въ срединѣ, овала. Въ западной части, гдѣ лежали кони, она была шире, потомъ съуживалась въ срединѣ и снова расширялась въ восточной половинѣ, гдѣ лежалъ человѣчій черепъ среди конскихъ головъ. Длины яма имѣла, отъ в. къ з. 6 арш. 14 вер., ширины въ западномъ отдѣленіи 3 арш. 12 вер., въ срединѣ 2 арш. 11 вер., въ восточномъ отдѣленіи 3 арш.; глубины

съ верхоземки 3 арш. Стѣнки ямы окладены были большими лещадными камнями до 3-хъ аршинъ длиною и въ аршинъ шириною. Сверхъ того все дно восточнаго отдѣленія выложено было также лещаднымъ камнемъ по материковой глинѣ. Здѣсь на этой каменной настилкѣ, какъ упомянуто, лежалъ человѣчій черепъ и около него кости, броня и копья. При очисткѣ дна попадались изрѣдка желѣзныя пластинки отъ брони и найдено нѣсколько обломковъ небольшаго греческаго алавастра, а также черепочки отъ глинянаго небольшаго кувшинчика или амфоры и одинъ отъ греческой чашки, подобный по глазури тому, какой былъ найденъ поверхъ гробницы.

Не смотря на то, что разслѣдованіе этой гробницы не обнаружило и малѣйшихъ слѣдовъ ея разрушенія посредствомъ обыкновенныхъ подземныхъ грабительскихъ лазеекъ, ибо внутри, въ своихъ стѣнкахъ, уставленныхъ каменными плитами, она вполнѣ сохраняла свое первоначальное устройство, однако, открытый въ ней безпорядокъ относительно останковъ покойника и находившихся при немъ вещей, показываетъ, что обыскъ былъ совершенъ, и по всему вѣроятію съ вершины кургана, тѣмъ именно путемъ, гдѣ кладены были каменья.



X. ЧЕРТОМЛЫЦКАЯ МОГИЛА.

Толстая Могила, извѣстная подъ именемъ Чертомлыцкой, находится въ имѣніи г-жи Зейфартъ, верстахъ въ 20 къ с.-з. отъ мѣстечка Никополя (Екатеринославской губерніи и уѣзда), лежащаго на самомъ Днѣпрѣ.

Могила эта по своей величинѣ принадлежитъ къ самымъ огромнымъ курганамъ, какіе только извѣстны въ тамошнихъ степяхъ. Она насыпана на возвышенной и весьма ровной мѣстности, перерѣзанной во многихъ направленіяхъ болѣе или менѣе глубокими балками и рѣчками, которыя по большой части получаютъ свое начало не подалеку отъ могилы и, расходясь въ разныя стороны, впадаютъ потомъ или въ рѣчку Чертомлыкъ на ю. и в. отъ могилы, или на с.-з. въ рѣку Солоную, и на з. въ рѣку Базавлукъ. Ближайшія къ могилѣ балки называются, одна съ ю.-в., впадающая въ Чертомлыкъ, Казарькою, другая съ с.-в., впадающая въ Солоную, Криничеватою.

Съ могилы во всѣ стороны открываются далекіе виды и ровная степь, особенно къ з., представляется уровнемъ моря. Къ ю. виднѣются плавни, т. е. поемные Днѣпровскіе лѣса, а за ними дальше на горизонтѣ возвышается урочище «Мамаева гора», значительная, хотя и пологая, за-днѣпровская степная возвышенность. Къ ю.-в. на горизонтѣ видны четыре довольно большихъ кургана, находящіеся у самого Никополя. Съ в., верстахъ въ трехъ отъ могилы, пролегаетъ

старая чумацкая дорога изъ Крыма въ Крюковъ (Кіевской губерніи). Къ с., верстахъ въ 30-ти, видны еще двѣ огромныя могилы, Гегелина и Нечаева.

Съ западной стороны Чертомлыцкаго кургана въ разстояніи 12 саж., лежитъ Долгая Могила, насыпанная по направленію отъ в. къ з., длиною по подошвѣ около 60, а по верху 20 саж.; за нею разбросано по степи еще нѣсколько кургановъ меньшей величины, изъ которыхъ шесть идутъ одинъ за другимъ, почти въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, по направленію къ р. Солоной отъ ю.-в. къ с.-з. Почти прямо на в., версты на 1½ отъ могилы, видны небольшія «Близницы» или двѣ могилы средней величины, насыпанныя рядомъ. У самой могилы, у южной ея пологости, насыпанъ также небольшой курганъ, подобный которому находится и съ сѣверозападной стороны.

Насыпь Чертомлыцкой могилы имѣла обыкновенную конусообразную форму; вершина ея представляла ровную площадь въ 7 саж. въ діаметрѣ, посрединѣ которой въ ямѣ стояла каменная баба съ отшибенною и снова приставленною головою, лицемъ къ востоку. По площади въ разныхъ мѣстахъ также были вырыты ямы, вѣроятно мѣстными искателями кладовъ.

Вышина боковъ по откосу съ подошвы до краевъ верхней площади, простиралась отъ 24 до 26 саж. Сѣверный бокъ съ вершины до половины кургана имѣетъ почти отвѣсную крутизну, затѣмъ дѣлаетъ обрывъ или ступень около сажени шириною и сходитъ къ подошвѣ также довольно круто. Въ окружности по подошвѣ могила имѣетъ болѣе 165 саж. Отвѣсной вышины съ вершины до материка около 9 саж.

У подошвы могилы и подлѣ нея по степи изрѣдка попадались мелкіе камни, а небольшія ямы, вырытыя съ восточной стороны, вѣроятно съ цѣлію добыть камня для построекъ, обнаруживали, что подъ насыпью находится сложенный изъ камня фундаментъ или цоколь, изъ котораго нѣсколько вырытыхъ камней оставалось еще на мѣстѣ. Съ сѣвернаго бока, ближе къ з., у подошвы кургана была вырыта круглая яма въ 4 саж. въ діаметрѣ, осыпанная валомъ около 3 саж. шириною. Здѣсь былъ рытъ подземный ходъ въ могилу давнишними искателями ея кладовъ, отчего образовался и самый валъ изъ земли, которая выкидывалась при раскопкѣ (см. листъ F, планъ, M, *ee*).

Чертомлыцкая могила очень хорошо была извѣстна Запорожцамъ, для кото-

рыхъ она служила отличнымъ сторожевымъ пунктомъ при наблюденіяхъ за движеніями Татаръ и другихъ непріятелей. Ученые путешественники Екатерининскаго времени также не могли не обратить особаго вниманія на этотъ замѣчательный памятникъ степной древности. Такъ В. Зуевъ въ своихъ «Путешественныхъ Запискахъ отъ С. Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году» (Спб. 1787) довольно подробно описываетъ тогдашнее состояніе могилы, которую онъ осматривалъ съ истинно ученымъ вниманіемъ.

«Выѣхавъ изъ Чертомлыка (станція того времени изъ Никополя къ Херсону) верстъ черезъ пять, говоритъ путешественникъ (стр. 265), увидѣли мы превеликій круглый курганъ, какого я ни прежде, ни послѣ не видывалъ. Его называютъ здѣсь толстою могилою. Вокругъ, видно, онъ также былъ окладенъ известковымъ каменьемъ, по тому что сколь много по степи, подъѣзжая къ ему, его валялось, больше того на сей художественной горѣ его было. Взошедъ на оный довольно круто, посреди самаго верьха, представляется ямина, которая однако не отъ инаго чего есть, какъ что земля осѣла и въ оной яминѣ стоитъ каменной болванъ увеличеннаго росту. Болванъ сей кругомъ обтесанъ довольно ясно, чтобъ разпознать части тѣла, платье и вещи, какія онъ на себѣ нашивалъ. Голова круглая, какъ шаръ, на которой чертъ лица или совсѣмъ не было изображено или отъ времяни стерлись. Онъ стоялъ лицемъ на западъ, врытъ въ землю по самое платье и для того ногъ было не видно. Одѣтъ видно въ латы и на головѣ такая жъ кольчужная шапка, отъ которой пояса или ремни привязывались на зади къ находящейся на спинѣ пряжкѣ, которою и латы застегивались; руки у него сложены пальцы въ пальцы; пониже оныхъ видѣнъ широкій поясъ или портупея съ большими для застегиванія на переди бляхами, а на лѣвой бедрѣ и знакъ шпаги. Другихъ орудій около его никакихъ было не видно.... На супротивъ толстой могилы къ западу шаговъ черезъ 30 или 40 имѣется другой насыпной бугоръ, длиною саженъ на 15 и высокой. Онъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ первому и если позволено такъ думать, то долженъ представлять или сокрытое сего великаго болвана имѣніе, или схороненную тутъ въ одномъ мѣстѣ всю его родню: ибо и поставленіе его лицемъ къ сей могилѣ, или на западъ, не совсѣмъ обыкновенно или обще со всѣми прочими, коихъ я послѣ видалъ болванами. Какъ тотъ, такъ и другой бугры вокругъ укладены были известковыми камнями».

Такимъ образомъ теперешнее состоянiе могилы было нѣсколько различно отъ описаннаго Зуевымъ. Онъ упоминаетъ, что главный курганъ, равно какъ и лежащая подлѣ него Долгая Могила, были обложены камнемъ, что по степи также много лежало этого камня, который съ того времени окрестные поселяне безъ сомнѣнiя разобрали на свои постройки. Сохраняется однакожъ между ними и до сихъ поръ память, что отъ могилы къ в., къ небольшимъ Близницамъ, о которыхъ выше упомянуто, версты на 1½ разстоянiя или и менѣе, обозначена была дорога положенными въ нѣсколько рядовъ каменьями, подобно тому, какъ было, а отчасти и теперь сохраняется, у Близницъ Томаковской и Слоновской.

Каменная баба также съ тѣхъ поръ значительно потерпѣла, именно голова ея уже отшибена и стояла она лицемъ къ востоку, а не къ западу, какъ упоминаетъ Зуевъ[1]. Она грубо вытесана изъ цѣльнаго песчаника, длиною 3¾ аршина,

1 По разсказамъ мѣстныхъ жителей, лѣтъ 20 или 30 тому назадъ, ее свезли съ кургана и поставили было гдѣ-то въ усадьбѣ для хозяйственныхъ потребностей, какъ простой камень. Но какъ между поселянами окрестной степи существовало и даже до сихъ поръ существуетъ вѣрованiе, что эта баба изцѣляетъ отъ лихорадокъ и къ ней всегда ходили съ этою цѣлью на поклонъ, то снятiе ея съ кургана произвело въ народѣ суевѣрные толки и случай этотъ сопровождался будто-бы четырехлѣтнею повсемѣстною засухою, а къ тому же и самая баба много безпокоила деревню суевѣрными представленiями о ней, такъ что по общему мнѣнiю рѣшено было поставить ее на прежнее мѣсто. При этихъ перевозкахъ вѣроятно была отбита у ней голова и сама она потомъ поставлена лицомъ къ востоку. Старики присовокупляютъ, что когда нужно было свезть бабу съ кургана, то насилу ее стягли 10 воловъ, а когда везли на курганъ, такъ одною парою пошла и такъ легко, какъ будто сама собою шла. Послѣ этого одинъ крестьянинъ изъ Чертомлыцкихъ хуторовъ взялъ было съ кургана одну голову бабы и приладилъ ее какъ подставку подъ свой погребъ. Пошли опять толки, сдѣлалась опять засуха; какой-то женщинѣ открылось, что засуха пройдетъ, когда голова будетъ поставлена на мѣсто. Такъ дѣйствительно и было. Вообще изъ разсказовъ ясно, что Чертомлыцкая баба пользуется особеннымъ суевѣрнымъ уваженiемъ между окрестными селянами, которое распространяютъ посредствомъ разныхъ басенъ старые чабаны или пастухи, въ тѣхъ выгодахъ, что жертвы, приносимыя ей въ чаянiи исцѣленiй, деньгами и хлѣбомъ, собираются тайно вѣроятно тѣми-же чабанами. Между прочимъ одна старуха изъ Чертомлыцкихъ хуторовъ разсказывала, что она носила къ бабѣ своего двѣнадцатилѣтняго сына, долго страдавшаго лихорадкой. Пришла она на курганъ съ сыномъ на рукахъ раннею зарею, помолилась на востокъ, положила бабѣ гривну грошей и паляницу (хлѣбъ); съ той поры сынъ изцѣлѣлъ отъ лихорадки. Трудно узнать всѣ подробности этого языческаго поклоненiя, о которыхъ поселяне въ своихъ разсказахъ боязливо умалчиваютъ; но должно полагать, что совершались вѣроятно и еще кое-какiе обряды, относившiеся прямо къ истукану. Въ 1859 году, когда г. Забѣлинъ въ первый разъ осматривалъ Чертомлыцкую могилу, на восходѣ солнца, онъ встрѣтилъ тамъ старика чабана, объяснившаго ему, что баба очень

въ томъ числѣ самое изображенiе длиною въ 3 аршина, а подножiе въ $^3/_4$ арш. Шириною камень въ плечахъ 1 арш., въ подолѣ кафтана 15 верш.; толщиною около 11 верш. Голова по шею отбита вмѣстѣ съ лѣвымъ плечомъ. Изображенiе въ мужскомъ нарядѣ. На головѣ невысокая шапка въ родѣ ермолки или шапки-мисюрки, съ каймою, расположенною по вѣнцу шапки и отъ темени крестъ-накрестъ. Назади изъ подъ шапки опускается затыльникъ въ родѣ косы, сначала въ пять прядей, а затѣмъ сходитъ въ кольцо и падаетъ по спинѣ въ одну прядь. Кафтанъ длинный, ниже колѣнъ, украшенъ по швамъ и подолу нашивками или каймами. Руки сложены у живота. На лѣвомъ бедрѣ виситъ на темлякѣ мечъ, а на правомъ родъ колчана. Ноги по размѣрамъ фигуры очень малы, не болѣе 7 верш. Можетъ быть этимъ хотѣли обозначить сидячее положенiе фигуры.

О сокровищахъ, которыя по понятiямъ мѣстныхъ жителей скрывались въ могилѣ, ходили разсказы и толки. болѣе или менѣе невѣроятные, украшенные суевѣрною фантазiею. Болѣе правдоподобенъ разсказъ, что лѣтъ 30 — 40 назадъ пастухъ, жившiй подъ курганомъ въ шалашѣ, нашелъ будто бы съ сѣверной его стороны сѣдло съ серебряными стременами и цѣлый кладъ старинныхъ талеровъ.

Разслѣдованiе кургана начато было съ его крутой верхушки. При этомъ на глубинѣ $1^1/_2$ и 2 арш. и въ разстоянiи отъ бабы, т. е. отъ центра курганной насыпи, на 2 арш. и потомъ на $3^1/_2$ саж. по направленiю на з. и на с., попадались черепки отъ амфоръ, подобныхъ найденнымъ въ могилѣ Краснокутской. По направленiю отъ центра, на с.-з. въ разстоянiи 3 саж. и на глубинѣ $1^1/_2$ арш., найдены слѣдующiя вещи: два бронзовыхъ баранчика отъ удилъ; три круглыя бронзовыя пуговицы съ ушками; бронзовая запона въ видѣ цвѣтка, съ ушкомъ (срав. табл. XXVIII, рис. 9), и желѣзныя удила, съ двумя четыреугольными пряжками. Подобныя-же вещи открыты нѣсколько дальше, по тому-же направленiю на глубинѣ $2^1/_2$ арш.: два баранчика отъ удилъ (ср. табл. XXIII, рис. 9), шесть

помогаетъ въ лихорадкахъ и другихъ болѣзняхъ, о чемъ ее просятъ, принося ей деньги и хлѣбъ, что иной разъ, именно на восходѣ солца, пришедшимъ чудится, какъ будто она промолвитъ, какъ будто спроситъ, покайся, скажетъ, что̀ съ молоду дѣлалъ? Такое суевѣрное поклоненiе Чертомлыцкой бабѣ не угасло и теперь. Когда, начиная раскопку кургана, пришлось свалить бабу къ его подошвѣ, гдѣ она и оставалась нѣкоторое время, то по окрестности также пошли суевѣрные толки и многiе поселяне, проѣзжавшiе или проходившiе мимо, благоговѣйно снимали свои шляпы и цѣловали поверженный камень.

круглыхъ пуговицъ въ $^5/_8$ вер. въ діаметрѣ съ ушками, запона въ видѣ цвѣтка, съ ушкомъ (срав. табл. XXVIII, рис. 9), петля (срав. табл. XXVIII, рис. 11), двѣ трубочки отъ уздечныхъ ремней или кистей. На вещахъ еще сохранялась отчасти позолота.

Въ $4^1/_2$ саж. на с.-з. отъ центра, на глубинѣ $1^1/_2$ арш., найдено нѣсколько лошадиныхъ зубовъ и часть челюсти, четыре бронзовыхъ баранчика отъ удилъ (срав. табл. XXIII, рис. 9), двѣ бронзовыя запоны въ видѣ цвѣтка (срав. табл. XXVIII, рис. 9) и желѣзныя удила. Въ 3 саж. на с.-в. отъ центра найденъ обломокъ бронзовой стрѣлки. Когда сняли съ мѣста каменную бабу, то подлѣ нея въ землѣ были найдены двѣ копѣйки 1830 г., грошъ 1832 г. и копѣйка 1854 г., подтверждающія вышеупомянутое суевѣрное чествованіе «бабы».

На третьей сажени съ вершины кургана, въ разстояніи $1^1/_2$ саж. на в. отъ центра, обнаружились въ нѣсколькихъ мѣстахъ разныя желѣзныя вещи. Это были сложенные въ кучу и безъ всякаго порядка предметы конскаго убора, именно желѣзныя удила съ принадлежащими къ нимъ бронзовыми частями и украшеніями: какъ-то: баранчиками, пуговицами, пряжками, запонами и кольцами. Пространство всей этой массы было длиною 2 арш., шир. $1^1/_2$ арш., выш. 1 арш. Съ западной стороны подъ желѣзными удилами, въ срединѣ, лежалъ бронзовый прорѣзной шаръ со втулкою и бронзовыя изображенія львовъ, драконовъ и птицъ, также со втулками. Съ восточной стороны примѣчено нѣсколько золотыхъ пластинокъ, повидимому служившихъ украшеніемъ для уздечныхъ ремней; подлѣ нихъ находилась круглая серебряная бляха въ 3 верш. въ діаметрѣ, совсѣмъ окислившаяся и отъ прикосновенія разсыпавшаяся въ песокъ, такъ что нельзя было сохранить ее въ цѣлости. Около нея были еще серебряныя вещи, также превратившіяся въ золу. Отъ круглой бляхи по направленію къ желѣзнымъ удиламъ, тянулась нитка мелкихъ раковинъ (табл. XXVII, рис. 6 и 7), которыя, вѣроятно, были нанизаны на ремнѣ; всѣ онѣ значительно перетлѣли.

Такъ какъ всѣ вещи были сложены безпорядочно въ кучу, то большая ихъ часть и особенно желѣзныя удила до того были перепутаны своими частями, что требовалась большая осторожность и тщательность при очищеніи ихъ отъ земли и при отдѣленіи ихъ другъ отъ друга. Почти совсѣмъ перержавѣвшія удила, равно какъ тонкія мѣдныя бляхи, очень часто ломались отъ перваго прикосновенія, а

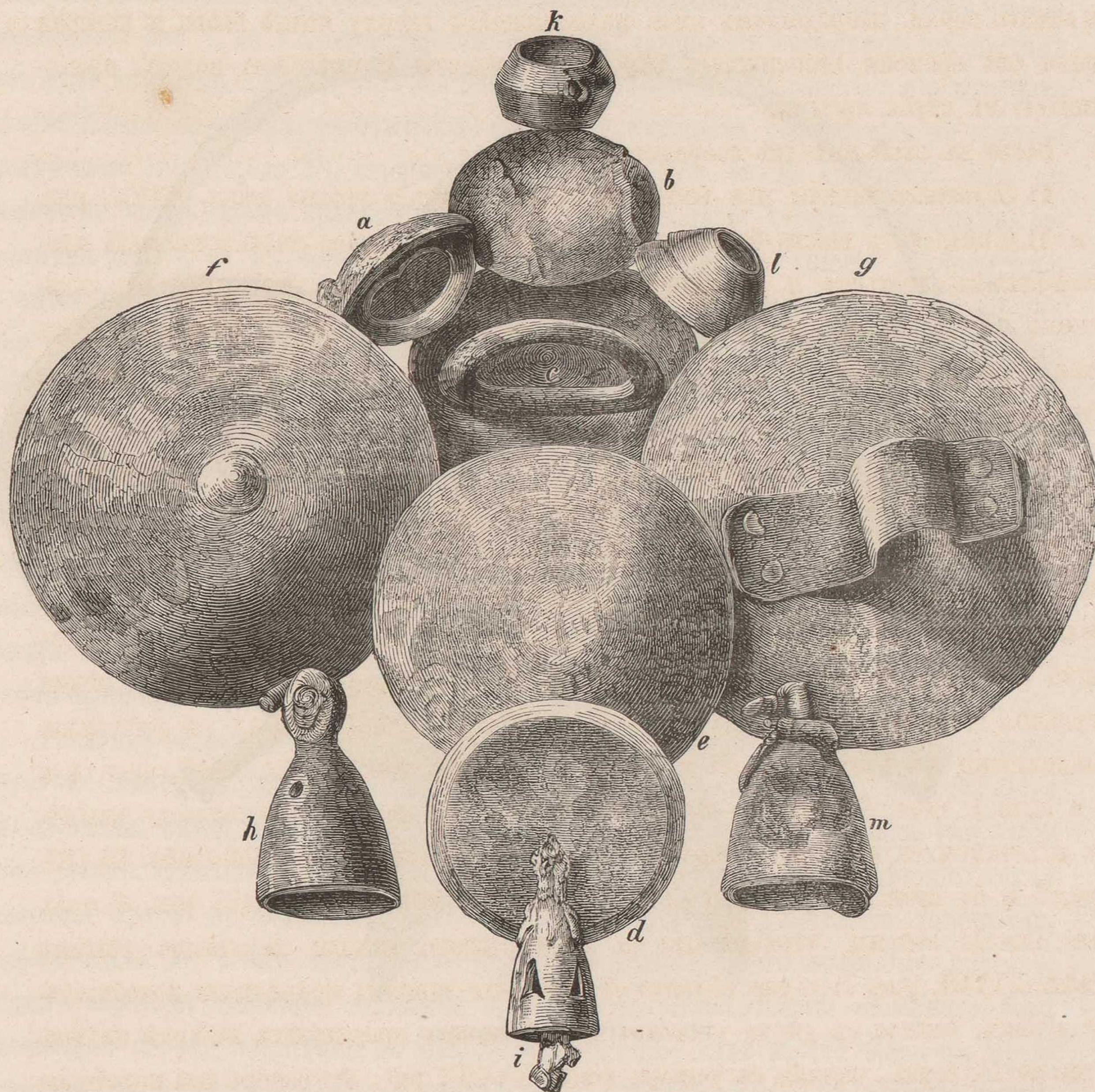
нѣкоторыя изъ вещей уже переломаны повидимому еще въ то время, когда были здѣсь положены. Всѣ вещи особенно потерпѣли отъ ржавчины и окисленія по тому случаю, что лежали въ сыромъ слоѣ чернозема, промоченномъ въ этомъ мѣстѣ съ самаго верха, посредствомъ ямы, находившейся вверху подлѣ бабы, и которая время отъ времени наполнялась вѣроятно дождевою и снѣговою водою, проходившею въ глубь насыпи.

Всего въ этой находкѣ собрано:

А) *Золотыхъ* вещей: два басменныхъ изображенія крыла (табл. XXVII, рис. 2 и 3) и пятдесятъ шесть басменныхъ пластинокъ, большею частію въ видѣ продолговатыхъ листьевъ и ленточекъ (табл. XXVII, рис. 4, 5 и 8). Всѣ эти пластинки по краямъ имѣютъ скважины для прикрѣпленія ихъ къ ремнямъ гвоздиками, тоже золотыми, какъ можно заключать по гвоздикамъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ пластинкахъ.

Б) *Бронзовыхъ* вещей: упомянутый выше прорѣзной шаръ со втулкою (табл. XXVII, рис. 1), четыре прорѣзныхъ изображенія львовъ, съ плоскими рукоятьми (табл. XXVIII, рис. 3 и 4), которыя были утверждены въ деревѣ гвоздями, какъ замѣтно по оставшимся признакамъ; четыре прорѣзныхъ изображенія какого-то крылатаго животнаго съ прорѣзными втулками, по сторонамъ коихъ находятся ушки (табл. XXVIII, рис. 1 и 2); два изображенія летящей птицы съ прорѣзными втулками и также съ ушками по сторонамъ, совершенно сходныя съ фигурами, найденными въ Краснокутской и Луговой могилахъ (срав. табл. XXIV, рис. 4 и 5 и вып. I, табл. II, рис. 6—8), семь рѣзныхъ запонъ въ видѣ головокъ какого-то животнаго, служившихъ, вѣроятно, украшеніемъ переносья коней (табл. XXVIII, рис. 5 и 6; срав. табл. XXIII, рис. 2 и 3 и выпускъ I, табл. XIII, рис. 6 и 7), двѣ плоскія запоны, украшенныя съ лица рѣзбою, каждая съ однимъ ушкомъ (табл. XXVIII, рис. 7) и два обломка отъ такой-же запоны; тринадцать подобныхъ-же запонъ, каждая съ двумя ушками; восемь запонъ прорѣзныхъ въ видѣ цвѣтка, длиною $1\frac{3}{8}$ верш., каждая съ ушкомъ (табл. XXVIII, рис. 8); сорокъ три подобныя-же запоны, длиною $\frac{7}{8}$ верш. (табл. XXVIII, рис. 9); сорокъ запонъ въ видѣ птичьей головы съ гребнемъ, каждая съ круглою скважиною (табл. XXVIII, рис. 10), сорокъ пять петель (табл. XXVIII, рис. 11; срав. также табл. XXIII, рис. 8); двѣсти семьдесятъ круглыхъ, болѣе или менѣе выпуклыхъ и толстыхъ пуговицъ съ ушками,

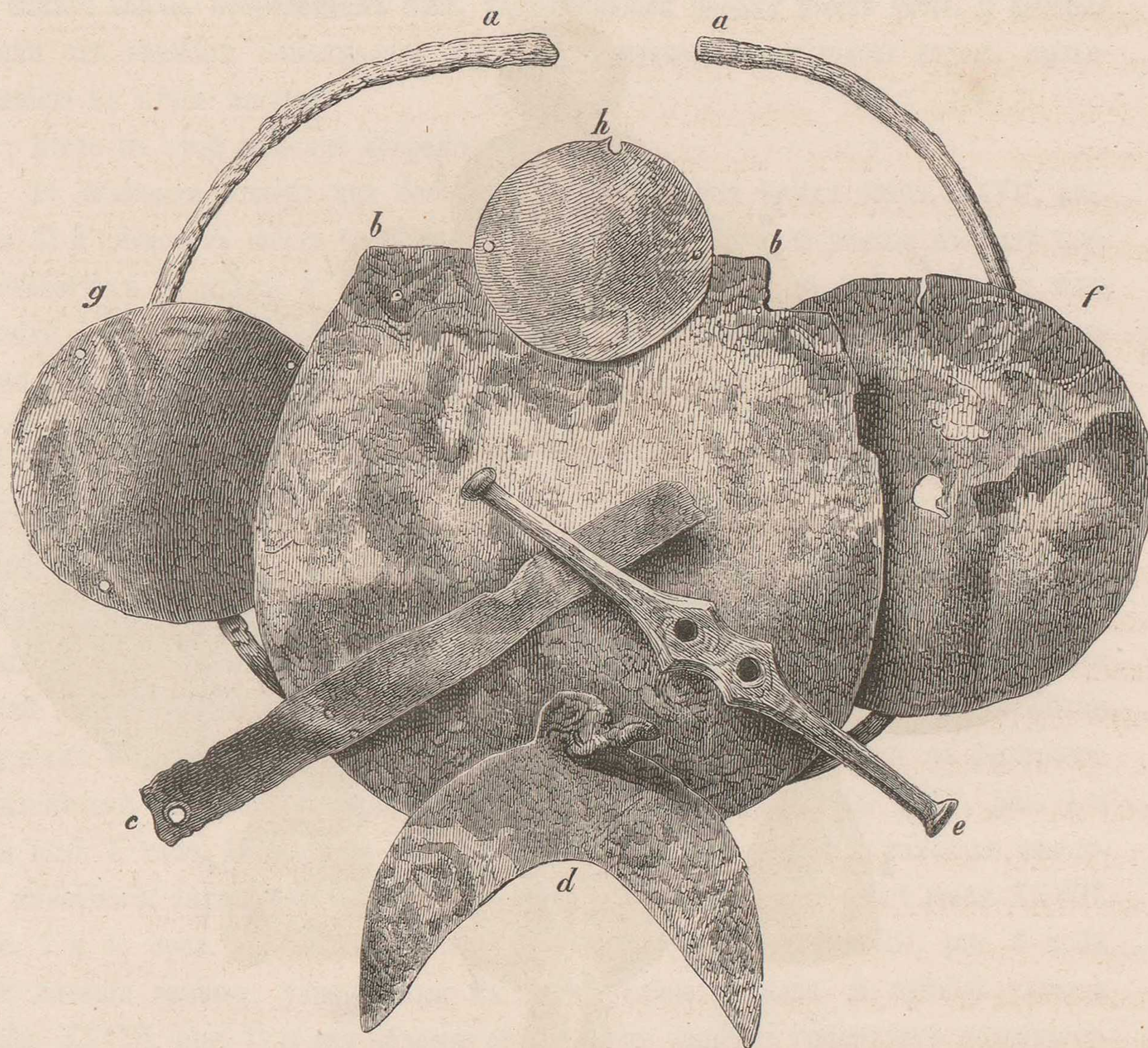
величиною въ діаметрѣ, однѣ въ $^{1}/_{2}$ верш., другія въ $^{5}/_{8}$, $^{6}/_{8}$, $^{7}/_{8}$, $1^{1}/_{8}$, и $1^{3}/_{8}$ вершка (см. нижеслѣдующую виньетку лит. *a — f*); пять пуговицъ изъ тонкаго листа съ ушками (тамъ-же, лит. *g*); сорокъ два колокольчика (тамъ-же, лит. *h*), у нѣко-



(Въ натуральную величину.)

торыхъ сохранились остатки желѣзныхъ язычковъ и цѣпочекъ, на которыхъ колокольчики были привѣшены къ бляхамъ (тамъ-же, лит. *m*); два колокольчика, поменьше, прорѣзные (тамъ-же, лит. *i*); двадцать пять бусъ, величиною въ діаметрѣ

около $^3/_8$ верш. (тамъ-же, лит. *k*); двѣнадцать трубочекъ отъ уздечныхъ кистей, величиною въ діаметрѣ $^1/_2$ верш. (тамъ же, лит. *l*), въ томъ числѣ семь поменьше; шестдесятъ два баранчика отъ удилъ (срав. нижеслѣдующую виньетку, лит. *e*,



(Въ $^2/_3$ натуральной величины.)

и табл. XXIII, рис. 9); шейное, раздвижное кольцо изъ проволоки, въ 4 верш. въ діаметрѣ; см. туже виньетку, лит. *a*); три большія овальныя срѣзанныя съ одной стороны бляхи, длиною $3^3/_8$ верш. (см. туже виньетку, лит. *b*); обломки мѣдной пластинки въ видѣ ленты, шириною $^1/_4$ верш. (тамъ-же, лит. *c*); одиннадцать бляхъ

въ видѣ полумѣсяца съ ушкомъ (тамъ-же, лит. *d*; срав. выпускъ I, табл. II, рис. 5 и табл. VII, рис. 11; у иныхъ въ ушкахъ сохранились желѣзныя цѣпочки, а у двухъ по колокольчику; нѣкоторыя поломаны); двадцать шесть круглыхъ бляхъ, величиною отъ $^2/_8$ до $1^1/_2$ вершковъ въ діаметрѣ, каждая съ скважиною въ срединѣ (см. туже виньетку, лит. *f*); круглая бляха, величиною въ $2^1/_8$ вершка; сто тридцать восемь бляхъ круглыхъ, выпуклыхъ, каждая съ четырьмя скважинами по краямъ, величиною отъ $1^5/_8$ до $1^3/_8$ вершковъ въ діаметрѣ (см. ту-же виньетку, лит. *g*); девяносто шесть бляхъ круглыхъ плоскихъ съ небольшою частію выпуклыхъ, величиною отъ $^7/_8$ до $1^2/_8$ верш. въ діаметрѣ (тамъ-же, лит. *h*), каждая съ четырьмя, а иныя съ тремя скважинами по краямъ (у нѣкоторыхъ сохранялись еще остатки перетлѣвшихъ нитокъ, которыми онѣ вѣроятно были къ чему-либо прикрѣплены); двѣсти шестдесять семь стрѣлокъ разной величины и формы, сходныхъ съ найденными въ Луговой могилѣ (см. выпускъ I, табл. I, рис. 11—22).

В) *Желѣзныхъ* вещей: двое маленькихъ и множество большихъ удилъ разной величины, одни безъ баранчиковъ, другіе съ баранчиками и съ кольцами отъ уздечныхъ ремней (срав. табл. XXIII, рис. 8 и 9). Желѣзныхъ удилъ, сложенныхъ безпорядочно въ кучу, вмѣстѣ съ описанными вещами и большею частію сварившихся отъ ржавчины или совершенно перержавѣвшихъ, найдено около 250, какъ можно было приблизительно счесть по числу баранчиковъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ.

Раскопка четвертой сажени насыпи по отвѣсу не представила ничего относительно находокъ, но обнаружила, что сѣверный бокъ могилы, опускавшійся до площади пятой сажени почти отвѣсно, а затѣмъ, образуя, какъ уже замѣчено выше, небольшой перерывъ въ одну сажень шириною, сходившій также довольно круто до подошвы, былъ на этомъ перерывѣ укрѣпленъ каменьями, положенными по всему протяженію перерыва рядами и въ нѣсколько ярусовъ. Такимъ образомъ отвѣсное положеніе и обрывъ на пятой сажени сѣвернаго бока произошли не отъ позднѣйшихъ разрушеній насыпи, какъ можно было бы предполагать по поверхностному ея обслѣдованію, а устроены при самомъ сооруженіи кургана. Это заставляетъ предполагать, что крутизна сѣверной стороны, замѣченная у всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ могилъ въ тамошнихъ мѣстахъ, не есть дѣло случайныхъ какихъ-либо обстоятельствъ, а напротивъ представляетъ общее и повидимому неизмѣнное условіе въ сооруженіи этихъ древнихъ

могильныхъ насыпей, условіе, которое, быть можетъ, служило выраженіемъ какихъ-либо языческихъ вѣрованій, освящавшихъ, безъ сомнѣнія, каждый шагъ и каждое дѣйствіе въ обрядахъ, сопровождавшихъ похороны и самое сооруженіе надгробнаго памятника. Во всякомъ случаѣ, одно достовѣрно, что это сооруженіе, т. е. насыпаніе могилы производилось съ юга къ сѣверу, отчего, по естественной причинѣ, южный бокъ кургана становился всегда наиболѣе отлогимъ, а сѣверный наиболѣе крутымъ, такъ что въ большихъ сооруженіяхъ, какова напр. Чертомлыцкая Толстая могила, этотъ бокъ по самой срединѣ требовалось подкрѣплять каменнымъ фундаментомъ или рядами и гнѣздами камней, которые должны были удерживать въ отвѣсномъ почти положеніи рыхлую насыпь чернозема, въ то время, какъ съ южной стороны, откуда по всему вѣроятію носили на курганъ землю, такихъ подкрѣпленій не требовалось.

Во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, которыхъ потребовала бы раскопка сплошь всей насыпи, дальнѣйшее разслѣдованіе кургана, съ пятой сажени по отвѣсу, поведено широкимъ разрѣзомъ средины насыпи по направленію отъ в. къ з. Сначала ширина этого разрѣза была сдѣлана въ 22 саж. съ тою цѣлью, чтобы потомъ, уменьшая ее постепенно, сажень за саженью, подойти къ материку, не оставивъ слишкомъ высокихъ стѣнъ, которыя, по случаю обваловъ, всегда очень опасны для производства работы. Затѣмъ, по снятіи со всей площади пласта въ 1 саж. толщиною, ширина разрѣза была уменьшена до 20 саж. и наконецъ, по снятіи съ площади еще такого-же пласта, была опредѣлена въ 16 саж. Съ этою шириною средина кургана была раскопана до самаго материка, при чемъ стѣны разрѣза не могли уже угрожать обвалами, ибо ихъ вышина, такимъ способомъ раскопки, была уменьшена до 3 саж.

Въ очищаемыхъ съ площади разрѣза слояхъ чернозема время отъ времени были находимы въ разныхъ мѣстахъ черепки отъ разбитыхъ амфоръ, въ томъ числѣ найдены двѣ ручки съ греческими клеймами, одна по срединѣ разрѣза съ едва замѣтнымъ клеймомъ ΤΙΜΑΡ...., другая въ камняхъ восточной окраины насыпи съ изображеніемъ, кажется, виноградной кисти и трехстрочною надписью:

. ΟΡΥΟΣ (Β)όρυος
. ΣΤΥΝΟΜΟΥ (ἀ)στυνόμου
. . ΛΟΚΡΑΤΟΥΣ (Φι)λοκράτους

Кромѣ того, въ западной части у южной стѣны найдены небольшія желѣзныя переломанныя удила и бронзовая стрѣлка; въ этой-же мѣстности, въ камняхъ цоколя, попадались лошадиныя кости отъ челюсти и ногъ, черепки амфоръ и нѣсколько черепковъ простаго горшка изъ черной крупнозернистой глины.

Въ сѣверо-восточномъ углу разрѣза, у сѣверной стѣны, найдены бронзовая стрѣлка, четыре бронзовыхъ пуговицы, около ½ верш. въ діаметрѣ, шесть бронзовыхъ баранчиковъ отъ удилъ (изъ нихъ два маленькихъ, два среднихъ и два побольше) и три желѣзныхъ обломка отъ удилъ.

Раскопка кургана въ 1862 г. была доведена до седьмой сажени глубины по отвѣсу съ вершины насыпи и остановлена до слѣдующаго года, причемъ были приняты мѣры, чтобы сохранить ее и отъ расхитителей, а болѣе отъ весенней воды. Съ этою цѣлію по срединѣ вырѣзанной площади оставленъ земляной столбъ въ 2 саж. выш. и въ 1½ саж. толщ., отъ котораго къ восточной и западной сторонамъ площади сдѣланы для стока воды широкіе уступы, постепенно сходившіе къ окраинамъ кургана, такъ что въ самой срединѣ надъ материкомъ оставалась еще толщина насыпи около 3 саж. вышиною.

Въ 1863 г. начатое вновь разслѣдованіе кургана производилось по обыкновенію штыхомъ, т. е. горизонтальною съемкою пластовъ чернозема по всей вырѣзанной площади. Вскорѣ съ восточной и западной стороны этой площади обнаружился сплошной каменный цоколь, складенный изъ нетесанныхъ разной величины известковыхъ и гранитныхъ камней по всей окружности кургана (см. листъ F, общій планъ). Иные камни были длиною отъ 1½ до 3 и даже до 4 арш., толщиною въ 1 арш. и болѣе. Въ камняхъ этого цоколя, равно какъ и въ самой насыпи, по всей площади въ разное время были находимы черепки разбитыхъ амфоръ, въ томъ числѣ часть ручки съ полуистертымъ клеймомъ ΑΣΤ . . . . . ; въ западной части попадались черепки простыхъ черноглиняныхъ горшковъ самаго грубаго издѣлія, лошадиныя кости, по преимуществу челюсти, зубы, ножныя бабки, лопатки; найдены также бронзовыя вещи: три пуговицы, баранчикъ, петля отъ уздечнаго убора и нѣсколько стрѣлокъ, въ томъ числѣ одна желѣзная, въ камняхъ цоколя.

Вокругъ самой средины раскопаннаго пространства, въ черноземныхъ слояхъ, стали постепенно все больше и больше обнаруживаться слои глины, красноватой,

бѣловатой и желтой, выкинутые изъ устроенной здѣсь гробницы. Глина вокругъ гробницы лежала въ видѣ кольца, имѣвшаго 16 саж. въ діаметрѣ, пластомъ, отъ 4 до 6 саж. въ ширину и отъ ½ до 2½ арш. толщины. Наибольшая толщина пласта находилась съ южной стороны: здѣсь она доходила до 2½ арш. Со всѣхъ сторонъ пластъ опускался постепенно къ мѣсту гробницы.

Когда по всему раскопанному пространству, насыпные черноземные и глиняные слои были сняты до материковой глины, то въ самой срединѣ обозначилась засыпанная чистымъ черноземомъ гробничная яма, рытая въ материкѣ въ видѣ правильнаго продолговатаго четыреугольника, въ длину по направленію отъ в. къ з. на 6½, а въ ширину на 3 арш. (листъ F, планъ A). Къ сѣверозападному ея углу примыкала въ разстояніи 2½ саж. другая, также засыпанная черноземомъ, яма овальной неправильной формы, длиною отъ в. къ з. около 4 саж., шириною въ 2 саж. Неправильная форма и трещины въ краяхъ ямы указывали, что это былъ собственно провалъ въ подземелье (ibid. № IV).

Прямо къ з. отъ гробничной четыреугольной ямы было открыто еще пять гробничныхъ-же четыреугольныхъ ямъ, засыпанныхъ также черноземомъ, три почти квадратныя, рядомъ, по направленію отъ ю. къ с. (ibid. №№ VIII, IX, X), и двѣ малыя, продолговатыя (ibid. №№ VI, VII), расположенныя также рядомъ, но ближе къ главной ямѣ, и притомъ такъ, что южная малая находилась противъ южной квадратной, а сѣверная малая противъ средней квадратной.

Вскрытіе этихъ гробницъ начато съ южной малой (№ VI). Она была вырыта въ материковой глинѣ отъ 1 до 1½ арш. глубиною и на 3 арш. въ длину, по направленію отъ з. къ в. Ширина ея въ западномъ концѣ доходила до 1½ арш., а въ восточномъ имѣла только ¾ арш. Дно постепенно понижалось къ в. или къ центральной гробницѣ, такъ что отъ глубины 1 арш., на з., оно сходило до 1½ арш., въ восточномъ концѣ. Въ ней лежалъ уже истлѣвшій остовъ навзничъ, головою къ з., лицемъ къ в., съ протянутыми по сторонамъ руками. Черепъ лежалъ на правой сторонѣ. Длиною остовъ былъ 2¾ арш. Съ правой стороны подъ черепомъ найдена золотая серьга съ дутой привѣской въ видѣ двулицой человѣческой головы (табл. XXX, рис. 8). На шеѣ серебряный обручъ, обернутый тонкимъ золотымъ листомъ; на среднемъ пальцѣ правой руки золотое витое проволочное кольцо (табл. XXXVII, рис. 10). Съ праваго-же бока остова лежали рядомъ желѣз-

ное копье и желѣзная стрѣла, длиною въ 3 арш. съ желѣзными наконечниками и деревянными, уже совсѣмъ истлѣвшими, древками. Съ лѣваго бока у пояса найденъ желѣзный ножикъ съ костянымъ черенкомъ, а у тазовой кости кучка бронзовыхъ стрѣлокъ, числомъ 100, съ остатками кожанаго, уже перетлѣвшаго колчана, въ которомъ они сохранялись. При нѣкоторыхъ были еще замѣтны части тростниковыхъ истлѣвшихъ древецъ.

Точно также была устроена и другая гробница, находившаяся рядомъ, въ разстояніи 3¼ арш. къ с. Ея глубина и длина были одинаковы съ описанной; шириною она была въ западномъ концѣ 1¾ арш., въ восточномъ 1 арш. Дно гробницы точно также понижалось по откосу къ центральной гробницѣ или къ в. Истлѣвшій остовъ лежалъ навзничъ, съ протянутыми по сторонамъ руками. Черепъ лежалъ на лѣвой сторонѣ. На шеѣ остова находился золотой витой обручъ, около ½ ф. вѣсомъ (табл. XXXVII, рис. 9). У головы слѣва найдена кучка бронзовыхъ стрѣлъ, числомъ 55, съ остатками тростниковыхъ древецъ, расписанныхъ, какъ было видно, красными поясками. По сторонамъ черепа найдены двѣ костяныя пуговицы и еще одна вмѣстѣ съ стрѣлами. У кости лѣвой руки лежали перетлѣвшіе остатки колчана, части дерева и кожи, и пять бронзовыхъ стрѣлокъ. Кости остова имѣли длины 2¾ арш.

Затѣмъ была вскрыта южная гробница (№ VIII), находившаяся въ головахъ у перваго остова, такъ что линія ея восточной стороны совпадала съ линіею западнаго конца его гробницы. Она, какъ упомянуто, имѣла квадратную форму, въ 4 арш. длиною и шириною; выкопана была въ материковой глинѣ глубиною съ верхоземки на 3½ арш. Сверху была покрыта деревянными перегнившими кругляками, которые отъ тяжести черноземной насыпи уже упали въ яму и тѣмъ доказывали, что гробница не была засыпана землею, а была только покрыта деревянною настилкою, отчего надъ этимъ мѣстомъ еще сверху былъ замѣченъ провалъ.

Когда были выкинуты обвалившіеся съ деревомъ слои чернозема, то у южной стѣны вскорѣ обнаружились кости коня, лежавшаго на животѣ, нѣсколько на правый бокъ, головою къ в., по направленію къ главной или центральной гробницѣ. Съ черепа былъ снятъ слѣдующій уздечный серебряный уборъ: наносникъ рѣзной съ изображеніемъ головы какого-то животнаго (сравн. табл. XXVIII, рис. 5. 6.), рѣзная бляха съ двумя ушками (сравн. табл. XXVIII, рис. 7, и табл. XXVII, рис.

*

9 и 10), обломки такой-же бляхи, двѣ небольшія воронкообразныя трубочки, вѣроятно отъ кистей (см. виньетку на стр. 81, лит. *l*; сравн. вып. I, табл. X, рис. 24), и шесть большихъ круглыхъ, выпуклыхъ пуговицъ съ ушками.

Подлѣ этого коня лежалъ другой конь въ такомъ-же положеніи. Съ головы его снятъ золотой уздечный уборъ: подобный-же наносникъ рѣзной съ изображеніемъ головы животнаго (сравн. вып. I, табл. XIII, рис. 6 и 7), двѣ рѣзныя бляхи съ изображеніемъ птицъ, каждая съ двумя серебряными ушками (срав. табл. XXVII, рис. 9 и 10), двѣ небольшія воронкообразныя трубочки (срав. вып. I, табл. X, рис. 24) и шесть большихъ круглыхъ, выпуклыхъ пуговицъ съ ушками. Сверхъ того, золотой уборъ съ сѣдла, состоящій изъ четырехъ пластинъ — изъ нихъ двѣ переднія вырѣзныя (табл. XXXIX, рис. 11), а двѣ заднія прямыя, — прикрѣпленныхъ къ дереву золотыми-же гвоздиками (срав. вып. I, табл. XII, рис. 7 и 8), и изъ четырехъ плоскихъ пуговицъ, серебряное кольцо и желѣзная пряжка отъ подпруги. Третій конь лежалъ у сѣверной стѣны гробницы на лѣвомъ боку, головою также къ в. Уздечный уборъ на немъ былъ такой-же, но серебряный, а именно: наносникъ, двѣ рѣзныя бляхи, двѣ небольшія воронкообразныя трубочки и шесть большихъ круглыхъ, выпуклыхъ пуговицъ съ ушками. Между костями 2-го и 3-го коней найденъ уборъ бронзовой уздечки: наносникъ въ видѣ птичьей головы (срав. табл. XXVIII, рис. 10), двѣ бляхи съ ушками въ видѣ цвѣтка (ibid. рис. 9), двѣ воронкообразныя трубочки, шесть бусъ и круглая костяная пуговица.

Средняя гробница была устроена точно также, какъ южная, имѣла и одинаковую съ нею длину, ширину и глубину и была покрыта сверху кругляками, которые, перетлѣвши, провалились въ яму, почему и найдены были въ обломкахъ на различной глубинѣ. На днѣ гробницы лежали остовы четырехъ коней, головами и мордами къ восточной стѣнѣ, ничкомъ, съ подогнутыми передними ногами. Первый конь отъ южной стѣны наряженъ былъ въ золотой уздечный уборъ, во всемъ сходный съ описаннымъ выше и состоявшій изъ такого-же наносника, двухъ рѣзныхъ бляхъ съ серебряными ушками, двухъ малыхъ воронкообразныхъ трубочекъ и шести большихъ пуговицъ съ серебряными ушками. На немъ было сѣдло, украшенное такими-же золотыми пластинами и пуговицами съ желѣзною пряжкою и серебрянымъ кольцомъ отъ подпруги. Второй конь, лежавшій рядомъ, былъ въ серебряномъ подобномъ-же уздечномъ уборѣ, безъ сѣдла. Третій конь былъ

убранъ подобною-же золотою уздечкою и сѣдломъ съ золотыми пластинами и пуговицами, желѣзною пряжкою и серебрянымъ кольцомъ отъ подпруги. Сверхъ того, на его шеѣ находился еще бронзовый уборъ, въ родѣ цѣпи, состоявшій изъ трехъ большихъ овальныхъ бляхъ (см. виньетку на стр. 82, лит. *b*), изъ десяти бляхъ въ видѣ полумѣсяца (тамъ-же, лит. *d*; сравн. вып. I, табл. VII, р. 11) и изъ восьми колокольчиковъ (см. стр. 81, лит. *h*.). Все это соединялось между собою посредствомъ желѣзной цѣпочки, звенья которой, около вершка длиною, были сдѣланы изъ толстой проволоки, согнутой въ кольца лишь по концамъ. На четвертомъ конѣ, лежавшемъ у сѣверной стѣнки гробницы, былъ одинъ только уборъ уздечный серебряный, состоявшій изъ наносника, двухъ небольшихъ воронкообразныхъ трубочекъ, двухъ рѣзныхъ бляхъ, каждая съ двумя ушками и золотыми закрѣпками и шести большихъ круглыхъ выпуклыхъ пуговицъ съ ушками и золотыми-же закрѣпками.

Эта средняя гробница, какъ упомянуто выше, находилась въ головахъ конюшаго, лежавшаго въ особой могилкѣ къ в., или ближе къ гробницѣ главной (листъ F, планъ № IX и VII).

Третья или сѣверная гробница была выкопана совершенно сходно съ предыдущими. Только объемъ ея въ длину и ширину былъ нѣсколько больше, именно по 4¼ арш. Глубина была таже, 3½ арш. съ верхоземки. Въ ней также лежали остовы четырехъ коней, головами и мордами къ восточной стѣнкѣ, ничкомъ, съ подогнутыми передними ногами. Первый конь отъ сѣверной стѣнки былъ въ золотой уздечкѣ, состоявшей изъ наносника, бляхъ и пуговицъ одинаковой формы и работы съ прежде найденными, и съ сѣдломъ, украшеннымъ золотыми-же пластинами и пуговицами, совершенно подобными описаннымъ. Точно такой-же золотой уздечный и сѣдельный уборъ снятъ и со втораго коня, лежавшаго рядомъ. На третьемъ конѣ, кромѣ такого-же, во всемъ сходнаго, золотаго уздечнаго и сѣдельнаго убора, на шеѣ находился бронзовый уборъ, сходный съ описаннымъ при третьемъ конѣ средней гробницы, и состоявшій изъ трехъ овальныхъ большихъ бляхъ, одиннадцати бляхъ поменьше въ видѣ полумѣсяца, двадцати бляшекъ шестиугольныхъ и восьми колокольчиковъ; все это скрѣплялось нѣкогда точно также желѣзною цѣпью. Четвертый конь, лежавшій у сѣверной стѣнки, былъ въ серебряномъ уздечномъ уборѣ, совершенно сходномъ съ прежде найденными.

Затѣмъ было приступлено къ разслѣдованію главной гробницы. Для удобства раскопки, съ трехъ ея сторонъ было принято материка по двѣ саж. въ ширину, на устройство приступокъ или припечковъ, необходимыхъ при слѣдованіи за раскопкою вглубь: на эти приступки выбрасывалась постепенно поднимаемая со дна ямы земля. Восточная сторона была оставлена нетронутою съ цѣлью сохранить хотя часть первоначальнаго устройства этой могильной ямы. Вскорѣ было замѣчено, что яма выкопана по линіи трапеціи, и въ планѣ и въ разрѣзѣ, и при томъ такъ, что широкою стороною трапеція опускалась вглубь (листъ F, разрѣзъ по линіи В. С., лит. А). Это обстоятельство представило весьма значительныя затрудненія въ работѣ. Чѣмъ глубже пошла раскопка, тѣмъ становилась она сложнѣе и опаснѣе. Съ каждымъ новымъ штыхомъ въ глубь, площадь засыпаннаго въ гробницу чернозема расширялась, уходила подъ материковыя стѣны, которыя, оставаясь въ наклонномъ положеніи, давали трещины и грозили паденіемъ. Это подвергало большой опасности рабочихъ и очень замедляло раскопку, ибо тотчасъ было необходимо выбирать и эти материковыя стѣны. Иногда стѣны дѣйствительно обваливались и цѣлые дни проходили лишь въ томъ, чтобы выкидать со дна ямы обвалившуюся массу глины.

Когда раскопка доведена была до 4 саж. глубины, то сначала по западной материковой стѣнѣ, а потомъ и у другихъ стѣнъ, время отъ времени стали попадаться небольшія желѣзныя скобы и гвозди, согнутые также въ видѣ скобъ. Примѣтно было, что эти скобы скрѣпляли какія-то деревянныя палки толщиною въ ½ вершка совсѣмъ уже истлѣвшія, и которыя, какъ можно было примѣтить по сохранившимся въ черноземныхъ слояхъ впадинамъ, стояли нѣкогда у стѣнъ ямы вертикально, въ разстояніи другъ отъ друга на 4—6 вершковъ. Нельзя было не обратить особаго вниманія и на то обстоятельство, что черноземъ во всей ямѣ отличался необыкновенною чистотою, безъ малѣйшей примѣси какихъ-либо другихъ частей земли. Видимо, что это былъ одинъ только верхній слой, собранный прямо изъ-подъ степнаго дерна. Въ немъ были найдены одна бронзовая стрѣлка обыкновенной остроугольной формы, одна бронзовая стрѣлка въ формѣ копьеца и обломокъ синей стекляной бусы.

Гробница своею сохранностью вообще не представляла никакихъ признаковъ ея прежняго опустошенія. Материковыя стѣны были совершенно цѣлы, и рушеные,

нѣсколько обвалившіеся, слои чернозема находились только въ ея углахъ: это объяснялось болѣе или менѣе значительнымъ углубленіемъ этихъ угловъ подъ линію стѣнъ, отчего сыпанный сверху черноземъ не могъ здѣсь образовать такихъ-же твердыхъ слоевъ, какіе лежали на срединѣ.

Библіотека Румянцовскаго Музея

Раскопка достигла уже почти пяти саж. глубины, а дно гробницы еще не открывалось. Въ материкѣ были пройдены слои верхней желтой глины, за которымъ слѣдовалъ слой бѣловатой глины, а за нимъ шли слои глины красноватой и темножелтой. Наконецъ, на глубинѣ 15¼ арш. съ верхоземки, обнаружился слой чистой бѣлой глины: это и было дно могильной ямы. На немъ мѣстами, и особенно у стѣнъ, попадались слои перетлѣвшаго тростника съ незначительными остатками перетлѣвшаго дерева, а на самой срединѣ оказались слѣды красокъ голубой и карминной или пурпуровой; онѣ сохранялись преимущественно на исподнемъ слоѣ чернозема, который по этому очень легко отдѣлялся отъ материковаго слоя бѣлой глины. Нельзя было сомнѣваться, что эти краски служили нѣкогда украшеніемъ гроба, или какихъ-либо деревянныхъ досокъ, отъ которыхъ однакожъ не оставалось почти и слѣдовъ. Одни лишь немногіе обломки гнилушекъ попадались въ разныхъ мѣстахъ по всему дну ямы. На этомъ днѣ яма имѣла слѣдующее пространство: длины отъ в. къ з. 9½ арш., ширины у восточной стѣны 7 арш. 12 верш., у западной — 5 арш. 12 верш., въ срединѣ 6½ арш.; глубины съ верхоземки 15¼ аршинъ. Отсюда разслѣдованіе поведено еще глубже, въ самомъ материкѣ, съ цѣлью допытаться, нѣтъ-ли гдѣ еще какихъ гробничныхъ помѣщеній. Вскорѣ материковый пластъ бѣлой глины обозначилъ форму креста, въ промежуточныхъ углахъ котораго, аршина по 3 въ квадратѣ, оставался еще насыпной черноземъ. Это были углы гробничной ямы и въ нихъ помѣщались покатые сходы изъ нея въ наугольныя тоже гробничныя подземелья (листъ F, разрѣзъ по линіи D. E, № II и III). За пластомъ бѣлой глины, который лежалъ толщиною съ небольшимъ на 2 арш., показался новый материковый пластъ отличной красной глины. На его уровнѣ и были расположены упомянутыя наугольныя подземелья. Снаружи онѣ представлялись впадинами или нишами, около 3½ арш. шириною, которыя были сплошь завалены обрушившеюся сверху глиною. Разслѣдованіе ихъ становилось весьма опаснымъ, ибо надъ ними висѣли шести-саженныя материковыя стѣны угла, грозившія ежеминутно обваломъ, особенно когда

ниши были очищены вглубь почти на 3 арш. отъ линіи отвѣса. Продолжать такимъ образомъ раскопку не было возможности, снимать же весь материкъ сверху требовалось и много времени и еще болѣе расходовъ, быть можетъ вовсе напрасныхъ. По такимъ соображеніямъ назначено было вести разслѣдованіе подкопомъ или двумя пещерами, въ 1½ арш. ширины каждая, оставивъ между ними столбъ тоже въ 1½ арш. толщины, который долженъ былъ поддерживать своды подкопа и всю толщу верхняго материка.

Изслѣдованіе было начато съ юговосточнаго подземелья (см. листъ F, планъ № 1). Не далѣе двухъ аршинъ отъ входа въ это подземелье, у югозападной стѣны, была открыта небольшая мѣдная ваза (см. прилагаемую виньетку), стоявшая у

(Въ 1/6 натуральной величины.)

самой материковой стѣнки[1]. За нею дальше показалась глиняная амфора, также стоявшая у стѣны и совсѣмъ уже раздавленная отъ обвала. Противъ этой амфоры на красноглиняномъ материкѣ, по направленію отъ с. къ ю., лежалъ на лѣвомъ боку, головою къ амфорѣ, совсѣмъ уже истлѣвшій остовъ какого-то животнаго, отъ костей коего оставался только слой извести, длиною 1¼ арш. (см. листъ F, пл. № 1, *a*); дальше открыты еще четыре амфоры, стоявшія въ рядъ по стѣнѣ и всѣ уже раздавленныя[2]. Такимъ образомъ было пройдено по южной стѣнѣ пещеры почти 5 арш.

1 Такія-же вазы найдены въ Кульобской гробницѣ, въ Керчи. См. Древн. Босф. Киммер. Т. I, стр. 276, Табл. XLIV, рис. 11 и 13.

2 Срав. планъ Кульобской гробницы въ Древн. Босф. Киммер. Т. I, стр. 276 и черт. А, лит. *f*.

длины. Еще дальше на аршинъ попалась кучка бронзовыхъ стрѣлъ, съ остатками деревецъ и перетлѣвшей кожи отъ колчана, а потомъ обозначилась материковая стѣнка, составлявшая уголъ со стѣнкою, подлѣ которой проводилась раскопка. По пути въ разныхъ мѣстахъ собрано пять желѣзныхъ ножей съ костяными рукоятками (табл. XL, рис. 22[1]) и нѣсколько кучекъ стрѣлъ, лежавшихъ отдѣльно, вѣроятно въ колчанахъ, которыхъ кожаные остатки попадались тутъ-же. Въ углу стрѣлы были поставлены рядами по обѣимъ стѣнамъ, и такъ какъ здѣсь, особенно у самыхъ стѣнъ, мѣстами оставались въ обвалившейся глинѣ пустоты, то еще можно было видѣть эти стрѣлы съ цѣлыми деревцами, длиною около аршина, толщиною $\frac{1}{8}$ вершка. Отъ прикосновенія они тотчасъ-же разсыпались въ прахъ. Стоявшихъ въ такомъ видѣ стрѣлъ насчитано болѣе 50, но очень вѣроятно, что весь этотъ уголъ былъ точно также уставленъ стрѣлами, ибо на материкѣ, подлѣ стѣнъ, собрано ихъ около ста. Въ томъ-же углу, въ разстояніи отъ стѣнъ на 2 арш., найдены остатки ткани, въ родѣ ковра.

Во тоже время и тѣмъ-же способомъ углублялись въ это юго-восточное подземелье по другой его материковой стѣнѣ, сѣверо-восточной. Въ 3-хъ арш. отъ входа и въ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ стѣны открыто на материкѣ нѣсколько золотыхъ уборовъ, состоящихъ изъ чеканныхъ пластинъ, съ разными изображеніями и съ просверленными по краямъ дырочками, и изъ каемчатыхъ пластинокъ съ привѣсками[2].

Вообще здѣсь собрано: одна пластинка длиною $14\frac{1}{8}$ дюйм., ширин. $1\frac{7}{8}$ д., съ изображеніемъ травъ и цвѣтовъ (табл. XXXVI, рис. 8); — четыре подобныхъ-же пластинки, длиною двѣ въ $7\frac{3}{4}$ дюймовъ, а двѣ въ $5\frac{1}{2}$ д., шириною каждая $1\frac{3}{8}$ д,; — восемь пластинокъ шириною $1\frac{1}{8}$ д., съ изображеніемъ рогатыхъ сфинксовъ (?) и грифоновъ (табл. XXXV, рис. 4[3]); изъ нихъ двѣ длиною $7\frac{7}{8}$ д., четыре $5\frac{7}{8}$ д., а двѣ $2\frac{3}{4}$ д.; — четыре гладкія пластинки, длиною отъ $5\frac{1}{4}$ до $3\frac{3}{4}$ д., шир. отъ $\frac{5}{8}$ до $\frac{1}{4}$ д., вырѣзанныя по овалу; — пять гладкихъ пластинокъ, длиною отъ $2\frac{3}{8}$ до $1\frac{1}{4}$ д., шир. отъ $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{4}$ д.; — уборъ, состоящій изъ пластины, длиною около

1 Подобные-же ножи найдены и въ Кульобской гробницѣ. См. Древн. Босф. Кимм. табл. XXX, рис. 9.

2 Подобныя-же украшенія найдены въ Кульобской гробницѣ. См. Древн. Босф. Кимм. табл. II, рис. 2 и 3.

3 Срав. Отчетъ Археол. Комм. за 1864 г., стр. 181, табл. V, рис. 4.

9 д., согнутой каймою, къ коей привѣшены дутыя пуговицы (сравн. табл. XXXIX, рис. 1); — пять такихъ-же пластинокъ неполныхъ; — подобный-же уборъ, состоящій изъ пластины длиною $7^3/_8$ д. съ прикрѣпленными къ ней крючками, на которыхъ привѣшены дутыя пуговицы (табл. XXXIX, рис. 4); — три части такого-же убора; — двѣ четыреугольныхъ бляшки съ изображеніемъ двухъ цвѣтковъ (табл. XXX, рис. 1); — семь бляшекъ продолговатыхъ съ изображеніемъ по концамъ человѣчьяго лица (ibid. рис. 17); — тринадцать бляшекъ круглыхъ, велич. $^5/_8$ д., съ изображеніемъ розетки (сравн. табл. IX, рис. 6); — шесть бляшекъ круглыхъ такой-же величины съ выпуклою и гладкою срединою (табл. XL, рис. 4); — восемь пуговокъ половинчатыхъ круглыхъ, величиною около $^1/_4$ д. (срав. табл. XL, рис. 11); помятая ручка мусата; — серебряная проволока, свернутая змѣеобразно; — желѣзный ножикъ съ костяною рукояткою (ср. табл. XL, рис. 22) и остатки перетлѣвшей ткани.

Вещи лежали безпорядочно, частію на материкѣ подъ рушеною глиною, а частію въ самыхъ ея слояхъ, вершковъ до 8 выше материка. По видимому это были уборы съ одежды и большею частію головные, какъ можно судить по пластинкамъ, которыя представляютъ нѣчто въ родѣ вѣнчиковъ.

Дальше на три аршина открытъ новый складъ подобныхъ-же золотыхъ уборовъ; въ немъ собрано: пластинка длин. $12^3/_4$, шир. $1^3/_8$ д., съ изображеніемъ въ срединѣ какого-то крылатаго животнаго, а по сторонамъ травъ и цвѣтовъ (табл. XXXVI, рис. 7); — двѣ пластинки дл. $6^1/_2$ д., шир. $^3/_4$ д., съ изображеніемъ бодающихся козловъ (ibid. рис. 2); — десять такихъ-же пластинокъ, дл. отъ $4^1/_4$ до 2 д.; — двѣ пластинки дл. $6^1/_2$ д., шир. 1 д., съ изображеніемъ пластаныхъ сфинксовъ (ibid. рис. 1[1]); — семь такихъ-же пластинокъ, дл. отъ 4 до $2^3/_8$ д.; — двѣ пластинки, длиною $6^3/_4$ д., шир. $^1/_8$ д., къ коимъ прикрѣплены загнутыя крючками петли съ продолговатыми дутыми пуговицами (ср. табл. XXXIX, рис. 4 и 5); — двѣ пластинки, длиною одна 7 д., другая $5^1/_2$ д., шир. $^1/_4$ д., у коихъ на петелькахъ привѣшены такія-же гладкія пуговицы (табл. XL, рис. 1); — три части отъ такихъ-же уборовъ; — двадцать четыре четыреугольныхъ бляшки, длиною $^5/_8$, шир. $^1/_2$ д., съ изображеніемъ какого-то животнаго (табл. XXX, рис. 19); — восемдесять

1 Срав. Древн. Босф. Кимм. I, стр. 154, табл. XXII, рис. 10 и 11.

шесть бляшекъ треугольныхъ горошчатыхъ (табл. XL, рис. 19; ср. вып. I, табл. IX, рис. 16 [1]); — сто двѣ трубочки, дл. около $^5/_8$ д., украшенныя поясками; (срав. табл. X, рис. 6); — сорокъ девять привѣсокъ дутыхъ около $^1/_2$ д. (табл. XXX, рис. 21); — тридцать пуговокъ половинчатыхъ круглыхъ въ $^1/_4$ д. (табл. XL, рис. 11); — желѣзный ножикъ съ костяною ручкою, длин. 7 д. (ср. табл. XL, рис. 22; — четыре костяныхъ дощечки длин. отъ $3^7/_8$ до $2^1/_2$ д., шир. $^4/_8$ д.; — желѣзный крючекъ длин. $4^1/_2$ д.; — желѣзная спица дл. $1^3/_4$ д.

Вещи лежали также въ безпорядкѣ, подъ слоями и въ слояхъ рушеной глины, въ разныхъ мѣстахъ, такъ что совсѣмъ невозможно было опредѣлить въ какомъ расположеніи онѣ находились первоначально. Замѣчено только, что четыреугольныя бляшки съ изображеніемъ какого-то неяснаго животнаго принадлежали къ одному наряду съ пластиною, на которой изображены въ срединѣ крылатое животное, а по сторонамъ травы и цвѣты, и составляли, по видимому, кайму наряда, ибо найдены, хотя и разсыпанными въ глинѣ, но лежавшими рядомъ, одна подлѣ другой. Треугольныя горошчатыя бляшки и трубочки, украшенныя поясками, составляли также одинъ нарядъ съ пластинами, на которыхъ изображены бодающіеся козлы, ибо находимы были вмѣстѣ и лежали въ перемежку, бляшки и трубочки; послѣднія видимо служили связью для бляшекъ. Уборы состоящіе изъ пластинъ, къ коимъ прикрѣплены петли съ привѣсками пуговицъ, найдены въ разныхъ мѣстахъ, каждый особо; при нихъ были находимы дутыя продолговатыя пуговицы, которыя попадались и при другихъ подобныхъ-же уборахъ. Судя по найденнымъ желѣзнымъ крючкамъ, можно съ большою вѣроятностію заключить, что одежды были повѣшены въ сводѣ подземелья [2].

Далѣе въ этой части подземелья ничего не было встрѣчено, кромѣ рушеной глины и потомъ противоположной входу стѣны, по направленію которой и поведены были работы отъ обоихъ угловъ подземелья. Вскорѣ рабочіе встрѣтились другъ съ другомъ, пробивъ пещеру и подлѣ этой стѣны. Такимъ образомъ подземелье было обойдено по материковой стѣнѣ вокругъ пещерою отъ $1^1/_2$ до 2 арш. ширины. Оставалась неразслѣдованною его средина въ 2 арш. шириною и въ 5

1 Ср. также Древн. Босф. Кимм. I, табл. XXII, рис. 7 и 25.

2 Срав. описаніе Кульобской гробницы въ Древн. Босф. Кимм. Т. I, стр. XXXIV.

арш. длиною, поддерживавшая материковую толщу отъ паденія. Разслѣдованіе этого столба представляло величайшія затрудненія по случаю опасности отъ обвала. Назначено было сдѣлать въ немъ два поперечные пролета или новыя пещеры, съ цѣлію осмотрѣть и подъ самымъ столбомъ дно подземелья. Работы удались, хотя не привели ни къ какимъ открытіямъ. Оказалось, что средина подземелья завалена была одною только рушеною глиною. Необходимо было однакожъ узнать, что̀ находилось и подъ остальною массою обвалившейся глины, которая служила еще подпорою свода въ видѣ трехъ круглыхъ столбовъ, образовавшихся отъ раскопки пещеръ или проходовъ. Благодаря особой смѣлости и ловкости рабочихъ, очистка всего подземелья произведена успѣшно. Она начата съ задняго столба, который мало-по-малу былъ наконецъ срѣзанъ до материковаго пласта, гдѣ никакихъ вещей не было. Не смотря на значительную ширину очищеннаго такимъ образомъ пространства (почти 20 квадр. арш.), сводъ въ этомъ мѣстѣ сталъ обваливаться только тогда, когда было приступлено къ раскопкѣ средняго столба; подъ этимъ столбомъ точно также ничего не было найдено.

Раскопка передняго столба представляла уже меньше опасности и была окончена благополучно. Здѣсь также ничего не было открыто. Такимъ образомъ вся средина подземелья, имѣвшаго около 7 арш. длины и 5 арш. ширины, оставалась ничѣмъ не занятою. Оно было вырыто круглымъ сводомъ и первоначально имѣло вышины около 3 арш., какъ можно было заключить по пласту упавшей темно-красной глины, лежавшему въ материкѣ около 3 арш. выше.

Тѣмъ-же способомъ и съ такими-же опасностями произведена была раскопка и другаго, сѣверо-восточнаго, наугольнаго подземелья (листъ F, планъ № II). Работа начата также вырѣзкою пещеры подлѣ юго-восточной его стѣны, у которой, чрезъ 1½ арш. разстоянія отъ входа, открытъ рядъ глиняныхъ амфоръ, числомъ 6-ть, стоявшихъ подлѣ самой стѣны, наклонно къ ней, и совсѣмъ раздавленныхъ отъ обвала. Когда было пройдено еще 1½ арш. въ рушеной глинѣ, то стали попадаться въ ея слояхъ, а равно и на материкѣ, въ разстояніи 2-хъ арш. отъ стѣны, золотыя бляшки и небольшія пуговки. Затѣмъ заступъ остановился на одномъ мѣстѣ, гдѣ глина своимъ цвѣтомъ и крѣпостью походила на кирпичъ или на слой глины пережженой. По очисткѣ всей этой массы, подъ нею открыто бронзовое круглое, совершенно гладкое зеркало, съ желѣзною перержавѣвшею рукояткою.

Оказалось, что глина приняла описанный цвѣтъ отъ окисленія желѣза. Въ изломѣ масса обнаружила сѣтчатый уборъ, состоявшій изъ золотыхъ пуговицъ и трубочекъ, перенизанныхъ стекляными синими бусами. Подлѣ этого мѣста собрано золотыхъ вещей: одна четыреугольная бляшка съ изображеніемъ тельца (таб. XXX, рис. 5); — двадцать пять бляшекъ такой-же формы съ изображеніемъ двухъ цвѣтковъ (ibid. рис. 1); — двадцать четыре бляшки треугольныя горошчатыя, изъ которыхъ 2 велич. около $^{7}/_{8}$ д., а 22 въ $^{1}/_{2}$ д. (срав. вып. I, табл. IX. рис. 16 и 21); — двѣнадцать бляшекъ круглыхъ съ изображеніемъ розетки (ibid. рис. 6); — восемь бляшекъ продолговатыхъ съ изображеніемъ по концамъ человѣчьяго лица (табл. XXX, рис. 17); — три бляшки круглыхъ въ $^{5}/_{8}$ д. съ выпуклою гладкою срединою (ср. табл. XL, рис. 4); — двадцать девять привѣсокъ дутыхъ съ рѣзьбою, велич. $^{7}/_{8}$ д. (ibid., рис. 16); — двѣ гладкихъ бусы велич. $^{3}/_{8}$ д. (ibid. рис. 13); — сорокъ трубочекъ, украшенныхъ поясками (ср. табл. X, рис. 6); — шестьдесятъ шесть бусъ стекляныхъ синихъ, вел. $^{1}/_{8}$ д.; — сто пятьдесятъ восемъ пуговокъ золотыхъ круглыхъ гладкихъ, вел. $^{1}/_{4}$ д. (ср. табл. XL, рис. 11); — серебряная вещица въ родѣ печатки съ рѣзнымъ дномъ (табл. XL, рис. 20 и 20^{a}; срав. табл. XXXVIII, рис. 13); — обломокъ серебрянаго кольца и остатки перетлѣвшихъ тканей и волосъ.

На $^{3}/_{4}$ арш. дальше отъ этого мѣста, снова стали попадаться золотыя бляшки, пуговки и трубочки, а потомъ пластины и уборы, совершенно подобные найденнымъ въ юго-восточномъ подземельи. Въ разныхъ мѣстахъ здѣсь собраны слѣдующія золотыя вещи: пластина длиною около $12^{1}/_{2}$, шир. $1^{3}/_{8}$ дюйм. съ изображеніемъ сфинксовъ (?), борющихся съ грифонами (сравн. табл. XXXVI, рис. 3 [1]); — двѣ пластины, длиною каждая около $5^{1}/_{2}$, шир. $1^{2}/_{8}$ дюйм., съ изображеніемъ пластаныхъ сфинксовъ (сравн. ibid., рис. 1); — двѣ такихъ-же пластины, длиною 4, шир. $1^{1}/_{8}$ д.; — два убора, состоящіе каждый изъ согнутой въ полуциркуль пластины, длиною $6^{1}/_{2}$ д., къ которой привѣшены дутыя пуговицы (табл. XXXIX, рис. 2 [2]); — два обломка такого-же убора; — двѣ пластинки, длиною около 7 дюйм., къ которой прикрѣплены крючки изъ такой-же пластинки, съ дутыми привѣсками (табл. XXXIX, рис. 5); — пять привѣсокъ отъ такихъ-же уборовъ; — четыре пла-

1 Срав. Древн. Босф. Кимм. Т. I, стр. 18, табл. II, рис. 2.

2 Срав. Древн. Босф. Кимм. Т. I, стр. 42, табл. VI, рис. 1.

стины полуциркульныхъ, чеканенныхъ зубцами, двѣ въ діаметрѣ около 7 д., а двѣ $6\frac{1}{2}$ д. (табл. XXXIX, рис. 10); — четыре обломка такой-же пластины; — три согнутыя въ общій кругъ пластины, чеканенныя зубцами, въ видѣ гребенокъ (табл. XXXVIII, рис. 14); — двѣ бляшки въ видѣ крылъ, вел. около 2 д. (табл. XXXVIII, рис. 4); — четыре подобныхъ-же бляшки, вел. двѣ въ $1\frac{1}{2}$ д., а двѣ въ $\frac{7}{8}$ д. (табл. XXXVIII, рис. 8); — двѣ полоски въ видѣ вѣтки (табл. XXXVIII, рис. 10); — девятнадцать бляшекъ треугольныхъ горошчатыхъ, длиною $\frac{7}{8}$ д. (табл. XL, рис. 3); — сто тридцать бляшекъ круглыхъ въ діам. $\frac{3}{4}$ д., съ изображеніемъ человѣчьей бородатой головы (табл. XL, рис. 7 [1]); — сто пуговицъ круглыхъ гладкихъ велич. $\frac{1}{2}$ дюйма и съ ушкомъ; — двѣсти пять пуговокъ тонкихъ половинчатыхъ, велич. отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{3}{8}$ д. (сравн. вып. I, табл. IX, рис. 25, 26); — сто восемдесятъ шесть трубочекъ, украшенныхъ поясками, длиною около $\frac{3}{8}$ д. (ibid. табл. X, рис. 6). Вмѣстѣ съ золотыми вещами найдено нѣсколько желѣзныхъ крючковъ, большею частію въ обломкахъ, и остатки тканей. Такіе остатки еще сохранялись на одномъ изъ крючковъ и положительно указывали, что хранившіяся здѣсь одежды висѣли въ сводахъ на этихъ крючкахъ, съ которыми вмѣстѣ и упали на материкъ; поэтому очень понятно, отчего въ такомъ безпорядкѣ открывались самыя вещи, служившія безъ сомнѣнія уборомъ для этихъ одеждъ. Нѣкоторыя изъ нихъ лежали на материкѣ, но большая часть среди слоевъ рушеной глины, вершковъ на 5 и даже на 8 выше уровня материка; это указываетъ также, что своды обрушились не вдругъ, а обваливались постепенно. Ближе къ материковой стѣнѣ, противоположной входу, найдены серебряная, поврежденная окисью и переломавшаяся ложка, длиною со стеблемъ около $10\frac{1}{2}$ дюйм., одиннадцать бѣлыхъ стекляныхъ бисеринокъ и остатки перетлѣвшихъ тканей.

Въ тоже время производилась раскопка пещеры и по сѣверо-восточной стѣнѣ этого подземелья. Здѣсь подлѣ стѣны, почти у самаго входа въ подземелье, лежалъ мужскій остовъ, головою вглубь подземелья, слѣдовательно лицомъ ко входу. На шеѣ у него былъ бронзовый обручъ изъ тонкой гладкой проволоки; справа найдена золотая дутая подвѣска, можетъ быть отъ серьги (табл. XL, рис. 16); на среднемъ пальцѣ правой руки золотое проволочное кольцо (табл. XXXVII, рис. 10). Въ голо-

1 Ср. Древн. Босф. Кимм. табл. XXI, рис. 9.

вахъ съ правой-же стороны собрано нѣсколько золотыхъ и костяныхъ вещей, составлявшихъ повидимому что-то въ родѣ жезла, а именно: золотая круглая чеканная травами бляха съ круглою выемкою въ рединѣ и съ ободкомъ по краямъ, прикрѣпленнымъ гвоздиками (табл. XXXVIII, рис. 16); — золотая литая трубочка къ низу разложистая, въ родѣ печатки, украшенная рѣзьбою (ibid. рис. 13); — золотой литой наконечникъ въ видѣ шахматной пѣшки (ibid., рис. 9); — двѣ золотыя пластинки свитыя спирально (табл. XXXVII, рис. 12); — обломки серебряной чеканной бляшки съ остатками кожи; — шесть костяныхъ ободковъ, обтянутыхъ золотомъ (табл. XL. рис. 10); — костяная трубочка; — костяной наконечникъ, костяная палочка и 16 небольшихъ костяныхъ клинышковъ. Съ лѣвой стороны найденъ ножикъ съ костянымъ черенкомъ и 67 бронзовыхъ стрѣлъ съ перетлѣвшими остатками кожанаго колчаннаго тулья. Дальше къ сѣверу, въ 3 арш. отъ остова, открыта куча различныхъ золотыхъ вещей, съ просверленными по краямъ дырочками, принадлежавшихъ безъ сомнѣнія къ головнымъ уборамъ и къ украшеніямъ одежды, а именно: золотая чеканная пластина, длин. 14 дюйм., ширин. $1\frac{3}{4}$ д., съ изображеніемъ грифоновъ, львовъ, оленей и др. (табл. XXXV, рис. 5 [1]); — двѣ золотыя пластины, каждая длиною 7 д., шир. болѣе $1\frac{1}{2}$ д., съ изображеніемъ травъ, цвѣтовъ и плодовъ (табл. XL, рис. 23); — двѣ золотыя пластины той-же работы, длиною около $2\frac{1}{2}$ д.; — двѣ золотыя чеканныя пластины съ изображеніемъ травъ, длиною каждая около $9\frac{1}{2}$ д., шириною около $1\frac{1}{2}$ д. (табл. XXXVI, рис. 5); — двѣ золотыя пластины прорѣзныя съ изображеніемъ грифоновъ (терзающихъ оленя), льва и крылатаго кабана (?), длиною каждая 6 дюйм., шириною $1\frac{1}{4}$ д. (табл. XXXV, рис. 3 [2]); — пять такихъ-же пластинъ поломанныхъ, и десять отдѣльныхъ обломковъ отъ подобныхъ-же пластинъ; — четыре гладкія пластинки, длиною болѣе 7 дюймовъ, служившія каймами; — два золотыхъ убора, состоящихъ каждый изъ пластинки, длиною около 7 дюймовъ, съ крючками, на коихъ прикрѣплены дутыя продолговатыя привѣски (сравн. табл. XXXIX, рис. 3 и 4); — двадцать четыре круглыхъ бляхи, съ изображеніемъ медузиной головы, каждая съ 5 дутыми продолговатыми привѣсками (табл. XXX, рис. 13); — двадцать семь круглыхъ бля-

1 См. Отчетъ Археолог. Комм. за 1864 годъ, стр. 181, табл. V, рис. 5,

2 См. Отчетъ Археолог. Комм. за 1864 годъ, стр. 178 и табл. V, рис. 3.

шекъ, съ изображенiемъ медузиной головы (ibid. рис. 18); — три круглыя бляшки, съ изображенiемъ головы юнаго воина въ шлемѣ, украшенномъ сзади львиною маскою (ibid. рис. 6[1]); — тридцать три золотыхъ круглыхъ бляшки, съ изображенiемъ Геркулеса, удушающаго льва (ibid. рис. 10[2]); — круглая бляшка съ изображенiемъ кажется льва, пожирающаго крылатаго сфинкса (ibid. рис. 12); — шестьдесять двѣ бляшки четыреугольныхъ, съ изображенiемъ дракона (ibid. рис. 15); — семь бляшекъ четыреугольныхъ съ изображенiемъ льва, терзающаго оленя (ibid. рис. 11); — десять четыреугольныхъ бляшекъ, съ изображенiемъ человѣка, борющагося съ крылатымъ животнымъ (ibid. рис. 14, и табл. XXXV, рис. 8); — сорокъ пять бляшекъ четыреугольныхъ, съ изображенiемъ зайца (табл. XXXV, рис. 9[3]); — тридцать одна бляшка такой-же формы, съ изображенiемъ грифона (ibid. рис. 6); — сто шестьдесять круглыхъ бляшекъ, съ изображенiемъ розетки, въ дiаметрѣ однѣ въ $^3/_4$, другiя въ $^1/_2$, третьи въ $^1/_4$ дюйма (табл. XXX, рис. 2 и табл. XL, рис. 6 и 18); — двѣсти шестьдесятъ бляшекъ треугольныхъ, горошчатыхъ, велич. отъ $^1/_2$ до $^5/_8$ дюйма (сравн. вып. 1, табл. IX, рис. 16 и 21); — тридцать три продолговатыя рѣзныя привѣски, длиною $1^1/_4$ д. (табл. XL, рис. 15); — двадцать пуговицъ въ видѣ человѣчьей головы, въ дiам. около $^3/_8$ д. (табл. XXX, рис. 3, 7 и 9[4]); — восемнадцать пуговокъ въ видѣ розетки, вел. въ дiам. $^3/_8$ д. (ibid. рис. 4); — шестьдесятъ бусъ, украшенныхъ сканью, вел. около $^1/_4$ д. (ibid. рис. 23); — двадцать три золотыхъ бусы гладкихъ, вел. около $^1/_8$ д. (сравн. вып. I, табл. X, рис. 18 и 11); — четыреста пятьдесятъ девять пуговичекъ круглыхъ гладкихъ, вел. отъ $^1/_8$ до $^1/_4$ д. (срав. табл. IX, рис. 25 и 26); — триста трубочекъ, украшенныхъ поясками, дл. отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ д. (срав. табл. X, рис. 6); — двѣ золотыя дутыя запаны въ видѣ сидящихъ крылатыхъ сфинксовъ, съ серебрянымъ крючкомъ каждая (табл. XXX, рис. 24).

1 Подобныя-же бляшки найдены въ Кульобской гробницѣ. См. Древн. Босф. Киммер. Т. I, стр. 148 и табл. XXI, рис. 2.

2 Такiя-же бляшки найдены въ Кульобской гробницѣ. См. Древн. Босф. Киммер. Т. I, стр. 144 и табл. XX, рис. 3.

3 Подобныя-же бляшки найдены въ Кульобской гробницѣ. См. Древн. Босф. Киммер. Т. I, стр, 146 и табл. XX, рис. 15.

4 Срав. Древн. Босф. Кимм. табл. XXXII, рис. 7 — 9.

Вещи лежали на пространствѣ 2 арш. въ длину отъ с. къ ю. и аршина на $1\frac{1}{2}$ въ ширину, въ слояхъ очень твердой и вязкой глины, въ аршинъ толщиною. Между ними попадались желѣзные крючки (большею частію въ мелкихъ обломкахъ), на которыхъ одежды и уборы повѣшены были въ сводѣ подземелья. Подлѣ задней стѣны подземелья собрано 17 костяныхъ дощечекъ и ихъ обломковъ съ остатками позолоты, служившихъ вѣроятно украшеніемъ ящика или ларца, и костяная стрѣлка (срав. вып. I, табл. XI, рис. 12 и 24). Здѣсь-же, особенно ближе къ южному углу, найдены были и перетлѣвшія ткани въ комкахъ.

Разслѣдованіе сѣверо-западнаго подземелья (листъ F, планъ № IV) было произведено съ верхнихъ пластовъ материка по той причинѣ, что сдѣланныя раскопки въ овальной сѣверо-западной-же ямѣ (№ V) обнажили здѣсь материковую толщу съ обѣихъ сторонъ, почему она ежеминутно грозила паденіемъ. Когда стали приближаться къ материку, то въ сѣверо-западномъ углу раскопанной площади этого подземелья, гдѣ лежали сплошные слои рушеной красной глины, не обнаруживавшіе никакихъ признаковъ, что подъ ними можно встрѣтить какую-либо находку, заступъ вдругъ стукнулъ обо что-то, лежавшее въ глубинѣ слоевъ (листъ F, планъ, № IV, *b*). Тотчасъ работа заступами была остановлена и вмѣсто заступовъ употреблены въ дѣло копальные ножи. По очисткѣ мѣста былъ открытъ какой-то кружокъ, въ родѣ обода изъ почернѣвшаго отъ окисленія серебра. Дальнѣйшая очистка этого кружка обнаружила вскорѣ, что то былъ какой-то сосудъ, сидѣвшій очень твердо въ глиняномъ слоѣ. Необходимо было окопать его кругомъ канавой, дабы вынуть безъ поврежденія. При устройствѣ такой канавы образовалась глиняная круглая тумба около 2 арш. въ поперечникѣ и въ 1 арш. вышиною, которая потомъ отъ верха до низу постепенно снималась тонкими слоями; такимъ способомъ глина была очищена до самаго корпуса сосуда. Это была большая серебряная ваза, мѣстами позолоченная, въ родѣ амфоры, съ двумя ручками, стоявшая нѣсколько наклонно къ з., на массивномъ подножьѣ. Видимо было, что это наклонное положеніе вазы произошло отъ обвала сводовъ подземелья, отъ котораго верхній бокъ вазы оказался помятымъ и отъ тяжести глинянаго слоя продавленнымъ (см. табл. XXXI и XXXII, на которыхъ изображены лицевая и оборотная стороны вазы въ $\frac{2}{3}$ подлинника, и табл. XXXIII, съ изображеніемъ помѣщенныхъ на плечахъ вазы рельефныхъ фигуръ въ натуральную величину). Ваза

эта, должно быть, служила для хранения и разливки вина, кумыса или какого-либо другаго настоя, какъ это доказываютъ мелкія ситечки, находящіяся въ горлѣ ея и въ основаніи трехъ носковъ, изъ которыхъ одинъ, въ видѣ позолоченной крылатой лошадиной головы среди лучезарнаго вѣнка, помѣщенъ на лицевой сторонѣ сосуда, а два, въ видѣ позолоченныхъ львиныхъ головъ, находятся ниже по бокамъ вазы. Затычки къ этимъ носкамъ висѣли на серебряныхъ цѣпочкахъ, отъ которыхъ сохранились у одной львиной головы часть самой цѣпочки, а у другой крючекъ, на которомъ она висѣла. Плечи вазы украшены широкою полосою, на которой размѣщены припаянныя къ ней позолоченныя высоко-рельефныя фигуры степныхъ коней и ухаживающихъ за ними Скиѳовъ[1]. Надъ этою полосою помѣщены двѣ позолоченныя, отчасти басменныя, отчасти нарѣзныя группы, состоящія каждая изъ оленя, терзаемаго двумя грифонами. Остальная часть вазы, за исключеніемъ позолоченныхъ ручекъ и шейки, покрыта позолоченными-же басменными и нарѣзными изображеніями разныхъ листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ и птицъ[2].

1 Скиѳы эти сходны со Скиѳами, изображенными на извѣстномъ Кульобскомъ сосудѣ. См. Древности Босф. Кимм. Табл. XXXIII и Отчетъ Археол. Комм. за 1864 годъ, стр. 142.

2 Подробное описаніе этого замѣчательнѣйшаго памятника см. при Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1864 годъ, Спб. 1865, стр. 5 и слѣд. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на этой вазѣ изображено самое существенное и важнѣйшее дѣло изъ Скиѳскаго быта, именно *покореніе дикаго коня*. Художникъ развилъ эту мысль съ замѣчательнымъ искусствомъ и расположилъ свои изящныя изображенія въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какимъ по необходимости всегда сопровождалось это степное скиѳское занятіе. Изображеніе расположено вокругъ по плечу вазы и составляетъ два особые и равные отдѣла, одинъ передній (табл. XXXI и XXXIII, рис. 1 и 3), другой задній (табл. XXXII и XXXIII, рис. 2). Начальный пунктъ художественной мысли и самого дѣла находится по срединѣ этой задней стороны всей картины. Здѣсь двѣ лошади представлены еще на степной дикой свободѣ: онѣ пасутся въ степи. По сторонамъ изображено первое дѣйствіе покоренія ихъ человѣку: онѣ уже пойманы на арканъ Скиѳами, которые стараются удержать, остановить ихъ на мѣстѣ. Фигуры лошадей и фигуры Скиѳовъ изображаютъ сопротивленіе другъ другу: лошади стремятся убѣжать, Скиѳы упираются всѣми силами, дабы удержать бѣгущихъ. Такимъ образомъ этотъ задній отдѣлъ картины и съ правой, и съ лѣвой стороны, существенно выражаетъ одно: ловлю степнаго, свободно пасущагося коня.

Съ передней стороны вазы, на самой срединѣ, изображенъ и самый важный актъ этой ловли, именно усиліе трехъ Скиѳовъ повалить дикаго, необузданнаго коня на землю, дабы потомъ взнуздать его. Два Скиѳа, стоящіе впереди коня, тянутъ его веревками (которыхъ къ сожалѣнію не сохранилось на памятникѣ), одинъ за правую переднюю ногу, другой за обѣ, вѣроятно спутанныя, заднія ноги Скиѳъ, стоящій позади, тоже

Подлѣ вазы стояла большая серебряная, мѣстами позолоченная, желобчатая чаша о двухъ ручкахъ, имѣющая около $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ, на поддонѣ изъ трубчатыхъ ножекъ (табл. XXIX, рис. 2 и 5, въ 4-ую долю). По верхнему внутреннему краю ея идетъ позолоченная гирлянда изъ лавровыхъ листьевъ и ягодъ (ibid. рис. 3 и 4). Дно чаши украшено позолоченными рѣзными травами, цвѣтами и розетками и обведено золотою витою каймою (ibid. рис. 6). Подъ ручками находится рельефное позолоченное изображеніе женской фигуры, съ калатосомъ на головѣ и съ приподнятыми вверхъ руками (ibid. рис. 7). На чашѣ среди листьевъ лежала большая серебряная, нѣсколько сплюснутая ложка, ручка которой оканчивается головою собаки (см. уменьшенное въ 4 раза изображеніе ея на табл. XXIX, рис. 1). Затѣмъ, при разслѣдованіи рушеной глины дальше, къ южной сторонѣ, были открыты слои глины съ отпечатками красокъ синей, голубой, зеленой и желтой и съ остатками по мѣстамъ перетлѣвшаго дерева. Слои эти обозначили продолговатый четыреугольникъ, имѣвшій длины по направленію отъ в. къ з. $3\frac{1}{4}$ арш., ширины 2 арш. Вышина ихъ достигала 1 арш. Очевидно было, что этими окрашенными слоями глины обозначались линіи стоявшаго здѣсь и уже совсѣмъ истлѣвшаго деревяннаго саркофага или гроба. По срединѣ, въ этомъ мѣстѣ на материкѣ (листъ F, планъ № IV) открытъ женскій остовъ, лежавшій головою къ западу и слѣдовательно лицемъ ко входу въ подземелье. На немъ былъ слѣдующій уборъ: на шеѣ золотой массивный обручъ съ литыми изображеніями по концамъ львовъ, въ діаметрѣ $5\frac{1}{2}$ дюймовъ, вѣсомъ 1 ф. (табл. XXXVII, рис. 2). По сторонамъ черепа найдены двѣ золотыя серьги, состоящія изъ кольца съ семью подвѣсками изъ ду-

тянетъ къ себѣ коня за лѣвую переднюю его ногу. Группа слѣва показываетъ, что конь уже взнузданъ и Скиѳъ его треножитъ, притягивая лѣвую переднюю ногу черезъ плечо коня къ правому поводу узды съ цѣлью оставить его въ этомъ неестественномъ и очень трудномъ для коня положеніи, чтобы онъ самъ собою привыкъ слушаться повелѣній узды. Группа справа показываетъ, что дикій конь уже спокоенъ, объѣзженъ, взнузданъ и осѣдланъ и Скиѳъ спокойно треножитъ его переднія ноги для отдыха. Впереди этой послѣдней группы и послѣдняго акта покоренія лошади изображена фигура Скиѳа, стоящаго лицомъ къ зрителю и что-то разсматривающаго въ скинутомъ съ праваго плеча своемъ кафтанѣ. Къ сожалѣнію части рукъ у него отрѣзаны заступомъ при открытіи вазы и не были потомъ найдены, хотя это именно обстоятельство и послужило къ ея сохраненію, потому что дало возможность вовремя остановить раскопку заступами, отъ которыхъ ваза непремѣнно была бы поломана. И. З.

тыхъ пуговицъ на цѣпочкахъ (табл. XXXVIII, рис. 15). На лбу золотая пластина (родъ вѣнчика), чеканенная травами, дл. 11½ д., ширин. 1 д. (сравн. табл. XXXVI, рис. 4), двадцать девять золотыхъ бляшекъ въ видѣ цвѣтковъ (табл. XL, рис. 2[1]), двадцать бляшекъ въ видѣ розетокъ, въ діам. ⅜ д. и семь золотыхъ пуговокъ, половинчатыхъ, въ діам. ¼ д. Около головы и всего торса лежали рядомъ пятьдесять семь золотыхъ четыреугольныхъ тисненныхъ бляшекъ съ изображеніемъ сидящей женской фигуры, по всей вѣроятности Скиѳянки, которая держитъ въ лѣвой рукѣ круглое зеркало, и стоящаго передъ нею молодаго Скиѳа съ ритономъ въ правой рукѣ (табл. XXX, рис. 16[2]). Рядъ этихъ бляшекъ тянулся выше черепа на 8 вершковъ, образуя надъ нимъ треугольникъ съ закругленною вершиною, и потомъ спускался къ плечамъ и шелъ до кистей рукъ. Безъ сомнѣнія, это была кайма какого-либо головнаго покрова. Съ исподней стороны бляшекъ очень были еще замѣтны слѣды истлѣвшей весьма тонкой ткани пурпуроваго цвѣта. На кистяхъ рукъ были золотые браслеты изъ гладкихъ пластинъ, шириною 1⅜ дюйм., съ пояскомъ по срединѣ (табл. XL, рис. 5[3]). На всѣхъ пальцахъ находились золотые перстни, на девяти гладкіе, а на одномъ, правомъ мизинцѣ, рѣзной съ изображеніемъ летящей утки (табл. XXXV, рис. 10[4]). Между костью таза и ребрами лѣвой стороны найденъ круглый камень, въ родѣ картечной пули (табл. XXVIII, рис. 12). Подлѣ правой руки лежало бронзовое круглое зеркало съ костяною рукояткою, которая находилась почти подлѣ пальцевъ (см. виньетку въ концѣ этой главы).

Въ разстояніи 2 арш. отъ гроба, прямо противъ его средины (въ 2½ арш. отъ тазовой кости упомянутаго остова), по направленію къ с., открытъ еще остовъ, длиною 2 арш. 2 верш., лежавшій головою къ гробу; голова его покоилась на правой щекѣ. У него на кистяхъ рукъ найдены небольшіе браслеты, на лѣвой — желѣзный, на правой — бронзовый, оба изъ тонкихъ пластинъ въ видѣ колецъ, отчего они совсѣмъ перержавѣли и переломались на мелкіе куски. Съ лѣвой стороны у тазовой кости, нѣсколько выше ея, найденъ ножикъ съ костяною руко-

1 Срав. Древн. Босф. Кимм. табл. XXII, рис. 28.

2 Такія-же бляшки найдены въ Кульобской гробницѣ См. Древн. Босф. Кимм. табл. XX, рис. 11.

3 Подобные же браслеты найдены и въ Кульобской гробницѣ. Ibid. табл. XXVI, рис. 3 и 4.

4 См. также Отчетъ Археологич. Коммиссіи за 1864 годъ, стр. 182 и табл. V, рис. 10.

ятью, а ниже кучка бронзовыхъ стрѣлокъ. Съ лѣвой-же стороны, на ½ арш. отъ остова, паралельно съ нимъ лежала простая глиняная амфора. По всей материковой сѣверной стѣнѣ подземелья, въ которую почти упирались ноги этого остова, стояли рядомъ, начиная отъ самаго входа въ подземелье изъ главной гробницы, 13 такихъ-же глиняныхъ амфоръ, рядъ которыхъ оканчивался у того мѣста, гдѣ открыта серебряная ваза, т. е. въ сѣверо-западномъ углу подземелья. Всѣ амфоры были уже раздавлены тяжестью обвалившейся глины. Окончательная очистка материка по всему этому пространству ничего болѣе не обнаружила.

Оставалось для разслѣдованія еще наугольное подземелье, юго-западное (листъ F, планъ № III). Когда сняли часть материковой толщи, лежавшей надъ этимъ подземельемъ, то въ рушеной глинѣ на материкѣ сперва были открыты только ноги остова, лежавшаго дальше по направленію къ западу. Голени были покрыты латами (кнемидами), выбитыми изъ тонкихъ бронзовыхъ листовъ, которые совсѣмъ перержавѣли и отъ прикосновенія ломались въ мелкіе куски. Послѣ этого открытія, необходимо было идти дальше уже подкопомъ, посредствомъ пещеръ. Такая раскопка вскорѣ обнаружила, что найденный остовъ лежалъ головою къ з., слѣдовательно лицемъ ко входу въ подземелье. На шеѣ у него найденъ золотой обручъ, въ 5 дюйм. въ діаметрѣ, съ 12-ю нѣсколько потертыми изображеніями львовъ, по шести на каждомъ концѣ и сканными каймами въ видѣ городковъ (табл. XXXVII, рис. 7 и 7[a]). Около черепа лежали рядомъ 29 золотыхъ четыреугольныхъ бляшекъ съ изображеніемъ грифона (табл. XXXV, рис. 7[1]). Нитка этихъ бляшекъ огибала овально черепъ на 4 вершка выше его; ясно, что это была кайма головнаго покрова. Подлѣ нижней части черепа найдены еще двѣ золотыя бляшки поменьше, одна изъ нихъ четыреугольная съ изображеніемъ двухъ цвѣтковъ (табл. XXX, рис. 1), а другая круглая съ изображеніемъ медузиной головы (табл. XXX, рис. 22); — на кистяхъ рукъ были золотые гладкіе браслеты шириною въ 1½ д. съ поясками по срединѣ (табл. XXXVII, рис. 6 и 8); — на безъименныхъ пальцахъ обѣихъ рукъ кольца золотыя гладкія, согнутыя изъ пластинъ, шириною ⅝ дюйм., съ выпуклымъ пояскомъ по срединѣ (ibid. рис. 11); — у лѣваго бедра мечъ съ рукоятью, покрытою золотымъ листомъ, на которомъ грубо изображены грифоны и другія живот-

1 См. также Отчетъ Археол. Комм. за 1864 годъ, стр. 182, табл. V, рис. 7.

ныя (ibid. рис. 3[1]), и золотой гладкій наконечникъ отъ ноженъ меча, длиною 6½ дюйм.; подлѣ меча у лѣвой руки двѣ золотыя трубочки, чеканныя косячками, съ каемками по концамъ, длиною 2 дюйм., въ діам. ⅜ дюйма (ibid. рис. 13), и золотая свитая спирально пластинка[2], длиною около 12 д., шириною ⅜ д. (ibid. рис. 14). На чреслахъ находился бронзовый наборъ съ пояса, состоявшій изъ согнутыхъ по овалу пластинокъ, собранныхъ въ чешую (ср. табл. XL, рис. 24). Съ лѣвой-же стороны, близь рукояти меча, найденъ ножикъ съ костяною ручкою (срав. ibid. рис. 22) и кучка бронзовыхъ стрѣлъ съ перетлѣвшими остатками кожанаго колчана. Въ головахъ слѣва на 1½ арш. разстоянія найдены: желѣзные наконечники копья и стрѣлы, которые лежали у ногъ остова и тѣмъ показывали, что длина этихъ оружій была около 3 аршинъ. Дальше къ с. на ¾ арш. лежали еще три такихъ-же копья, которыя повидимому были длиннѣе на ½ арш., такъ что для помѣщенія ихъ верхнихъ концовъ въ западной стѣнѣ въ головахъ остова была выкопана небольшая впадина (листъ F, планъ, № III). Въ головахъ остова, слѣва-же, вблизи черепа, найдены обломки бронзовой чаши (діаметръ 4 д.) и серебрянаго кувшинчика, съ ременною витою поцѣпкою. За ними дальше на ¼ арш. лежала еще кучка бронзовыхъ стрѣлъ съ признаками кожанаго колчана.

Съ правой стороны подлѣ этого остова, на 1½ арш. отъ него къ югу, лежалъ другой остовъ, въ слѣдующемъ уборѣ: на шеѣ золотой литой обручъ, на концахъ котораго изображено рѣзьбою по одному льву (табл. XXXVII, рис. 4); — на правой рукѣ серебряный поломанный браслетъ, шир. 1½ дюйм., съ двумя въ срединѣ поясками (ср. табл. XXXVII, рис. 6), и на среднемъ пальцѣ золотое кольцо, согнутое изъ гладкой пластины, шир. около ½ дюйма (табл. XL, рис. 21). На чреслахъ бронзовый наборъ съ пояса, подобный описанному, и при немъ съ лѣвой стороны обломки перержавѣвшаго ножа или меча; — у тазовой кости колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ и обломки небольшаго желѣзнаго ножика. Костей лѣвой руки до локтя не было. Подлѣ обоихъ остововъ въ разныхъ мѣстахъ собрано довольно ржавыхъ

1 Подобная-же рукоятка отъ меча найдена и въ Кульобской гробницѣ. См. Древн. Босф. Киммер. табл. XXVII, рис. 10; срав. на той-же таблицѣ рис. 9.

2 Можетъ быть ею обернута была ручка плети, какъ въ Кульобской гробницѣ. См. Древн. Босф. Киммер. Т. I, стр. XXIV.

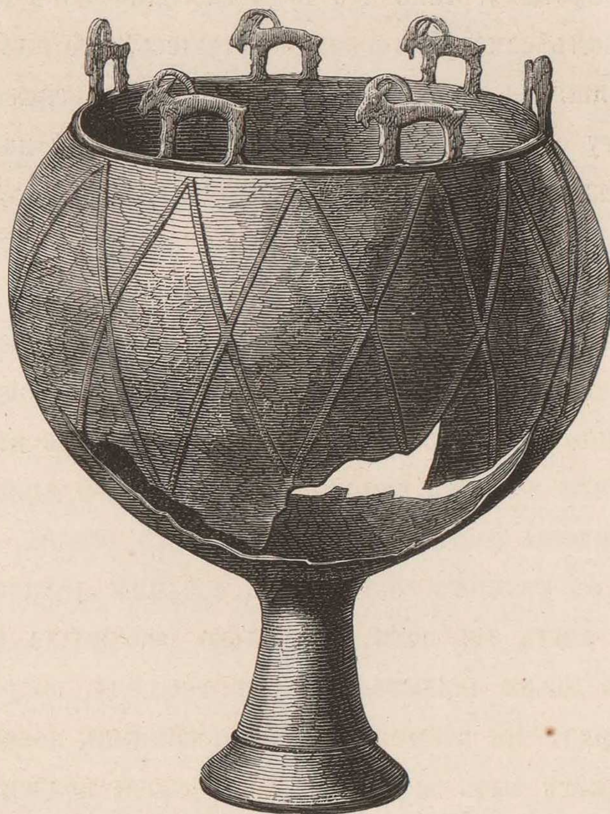
гвоздей, въ обломкахъ, также небольшихъ скобокъ и согнутыхъ въ видѣ крючковъ гвоздей, какіе попадались уже и въ главной гробницѣ.

Одновременно съ разслѣдованіемъ главной гробницы и описанныхъ наугольныхъ ея подземелій, произведено разслѣдованіе и сѣверо-западной большой овальной ямы (листъ F, планъ, № V). Когда углубились въ нее на 3 арш., у сѣверной стѣнки обнаружился провалъ, такъ что туда свободно могъ влѣзть одинъ изъ рабочихъ. При подробномъ осмотрѣ провала, оказалось, что онъ ведетъ въ устье подземнаго входа, имѣвшаго направленіе на глубинѣ 2-хъ сажень прямо къ сѣверу, къ тому именно мѣсту съ наружной стороны кургана, гдѣ находились слѣды давнишней раскопки. Лазейка была вырыта сводомъ и имѣла 1½ аршина въ діаметрѣ (ibid. *ee*). При дальнѣйшемъ разслѣдованіи ямы оказалось, что черноземъ лежалъ въ ней глубиною до 3½ арш., съ материка, что должно было приблизительно указывать и на высоту вырытаго въ глубинѣ подземелья, которое, обвалившись, дало мѣсто и этому черноземному слою насыпи, засыпавшему провалъ. За черноземомъ слѣдовала желтая глина, обыкновенно лежащая подъ нимъ въ материкѣ.

У восточной стѣнки ямы въ глинѣ, на глубинѣ 10 арш. 6 верш. съ верхоземки (ibid. *c*), найдены кости отъ человѣческаго остова, лежавшія въ безпорядкѣ и притомъ не въ полномъ составѣ. Въ срединѣ лежала тазовая кость, на юго-востокъ отъ нея кость отъ ноги, нѣсколько реберныхъ и позвоночныхъ; на сѣверо-западъ нижняя лѣвая челюсть, а на юго-западъ, въ разстояніи 1 аршина, черепъ теменемъ вверхъ. По всему вѣроятію покойникъ погибъ во время обвала этого подземелья, можетъ быть застигнутый въ своей подземной лазейкѣ, слѣды которой, направлявшіеся отъ сѣверо-запада, еще возможно было примѣтить по расположенію слоевъ глины. У юго-восточной стѣны, на глубинѣ 11 арш. 4 верш. съ верхоземки, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были прежде собраны кости человѣческаго остова, найдена еще берцовая кость. На глубинѣ 13 арш. подъ тѣмъ-же мѣстомъ еще было собрано нѣсколько человѣчьихъ, а также и конскихъ костей (въ томъ числѣ конская позвоночная), разбросанныхъ на пространствѣ квадратной сажени дальше къ юго-востоку. Здѣсь-же изрѣдка попадались комки чернозема и открытъ цѣлый его слой, толщиною не болѣе вершка, направлявшійся прямо къ устью грабительской лазейки.

На глубинѣ 15 арш., у сѣверной стѣны вырытаго пространства, стали изрѣдка

попадаться небольшіе известковые камни и черепки простаго черноглинянаго горшка грубой работы. Здѣсь-же найденъ былъ обломокъ желѣзнаго гвоздя съ круглою шляпкою. Затѣмъ у сѣверной стороны ямы, почти подъ самымъ устьемъ подземной лазейки (ibid. *d*), какъ только сняли слой темной материковой глины, была открыта огромная бронзовая ваза (см. прилагаемую виньетку). Сначала показались ея ручки,



($^{1}/_{10}$ натуральной величины.)

изображающія козловъ; онѣ указывали, что ваза стояла правильно на своемъ поддонѣ. Приняты были всевозможныя предосторожности, чтобы вынуть ее безъ поврежденій; однакожъ дно ея было уже раздавлено тяжестью обвала и такъ перержавѣло, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ растрескалось и части его вывалились. Поддонъ также поломался. Внутри вазы лежали кости коня — черепъ, часть реберъ и кости ногъ — всѣ окрашенныя мѣдною ярью и уже значительно перетлѣвшія. Снаружи по дну ваза была сильно закопчена и тѣмъ обнаруживала, что это былъ собственно походный котелъ для приготовленія пищи.

За этою вазою дальше у самой материковой стѣны показалась другая подобная-же ваза (см. прилагаемую виньетку), поменьше. Въ ней находились такія-же

($^1/_8$ натуральной величины.)

кости жеребенка и сверхъ того желѣзная черпалка въ видѣ чашки, въ 3 вершка въ діаметрѣ, съ ручкою въ 12 вершковъ длиною. Снаружи вазу точно также покрывалъ значительный слой копоти. Видимо, что вазы были вынесены съ прежняго ихъ мѣста и оставлены въ подземельѣ, подъ самымъ устьемъ грабительской лазейки, съ намѣреніемъ вытащить и ихъ вмѣстѣ съ прочими сокровищами. При разслѣдованіи материковаго дна въ этомъ мѣстѣ, особенно подъ самымъ устьемъ упомянутой лазейки, время отъ времени были находимы въ слояхъ рушеной земли и на самомъ материкѣ различныя мелкія золотыя вещицы, а именно: золотая бляшка сердцевидной формы, длиною $^5/_8$ д., съ гвоздикомъ (ср. табл. XXXVIII, рис. 2); — золотая подвѣска, изображающая человѣчью голову (табл. XXX, рис. 3); золотая буса, величиною $^5/_8$ д.; — золотая бляшка, въ видѣ листка; — два обломка отъ золотыхъ прорѣзныхъ бляшекъ; — обломокъ золотой трубчатой каймы, украшенной поясками; — золотая пуговка; — костяная трубочка, обложенная серебромъ, и шесть черепковъ греческой глиняной чаши, покрытой черною глазурью.

Далѣе подлѣ сѣверозападнаго угла, открыта въ материковой стѣнѣ пещерка, имѣвшая во входѣ 1 арш. ширины и вышины и простиравшаяся въ длину на 3 арш. (листъ F, планъ № V, *f*.); внутри пещерка распространялась на $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Здѣсь справа, въ слоѣ рушеной земли, найдена бронзовая съ позолотою чаша, въ діам. $8\frac{3}{4}$ дюйм., выш. $3\frac{1}{2}$ д. съ поддономъ, вся уже перержавѣвшая и поломанная. Подлѣ нея лежалъ кожаный истлѣвшій колчанъ съ бронзовыми стрѣлами; слѣва въ углу найдены мечь съ рукоятью, покрытою золотомъ, во всемъ сходный съ описаннымъ выше (сравн. табл. XXXVII, рис. 3); — наконечникъ золотой отъ ножа или мусата, украшенный сканью (ibid. рис. 5); — двѣ части такого-же наконечника, два звена серебряной витой цѣпочки (ср. табл. XXXVIII, рис. 12), и два желѣзныхъ ножа съ костяными рукоятками; въ сводѣ надъ чашею воткнутъ былъ желѣзный крючокъ.

У западной стѣны подземелья, на аршинъ выше материка, въ рушеномъ слоѣ глины (л. F, планъ № V, *g*), найдены неполные останки человѣческаго остова: раздавленный на мелкія части черепъ и нѣсколько костей отъ рукъ, ногъ и реберъ, — все это лежало кучею въ безпорядкѣ, перемѣшанное съ слоями глины. Здѣсь-же собрано нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ. Отъ этого мѣста далѣе къ юго-западному углу на материкѣ (ibid. *ig*) обнаружились остатки перетлѣвшаго дерева, по видимому отъ досокъ, лежавшихъ рядомъ по направленію отъ сѣвера къ югу. Вслѣдъ за тѣмъ въ западной стѣнѣ открыта новая пещерка (ibid. *h*), также въ аршинъ ширины и вышины при входѣ. Съ лѣвой стороны, у самаго ея входа, стояло бронзовое ведерцо, совсѣмъ перержавѣвшее и поломанное отъ обвалившейся земли. Далѣе на протяженіи двухъ арш., начиная отъ входа, лежалъ какой-то черный слой, въ которомъ мѣстами свѣтились золотыя бляшки и пуговки. Особенно много этихъ бляшекъ и пуговокъ лежало вблизи входа; дальше вглубь пещерки ихъ было меньше; тамъ лежалъ кучками одинъ только упомянутый черный слой, походившій на перетлѣвшую кожу или какую-либо толстую ткань, превратившуюся въ совершенный черноземъ. Въ этомъ слоѣ собрано: двадцать бляшекъ четыреугольныхъ, довольно грубой работы съ изображеніемъ женской сидящей фигуры, и стоящаго по правую ея руку Скиѳа (табл. XXX, рис. 20); семьдесятъ бляхъ, величиною въ діаметрѣ $1\frac{1}{2}$ д., съ изображеніемъ юной Вакховой или женской головы (срав. вып. I, табл. VIII, рис. 7); сто три бляшки, вел. въ діаметрѣ $1\frac{1}{8}$ д., съ изобра-

женіемъ розетки (ibid. табл. IX, рис. 3); пятьсотъ три бляшки треугольныхъ горошчатыхъ величиною въ $^3/_4$, $^1/_2$ и $^1/_4$ д. (ibid. рис. 21 и табл. XL, рис. 8 и 19); — круглая бляшка, изображающая медузину голову (табл. XXX, рис. 18); — двѣ бляшки розетками, въ діам. $^3/_8$ д.; — двѣ круглыя бляшки, въ діам. $^1/_4$ д., выбитыя кружками; — четыре обломка отъ бляхъ, изображающихъ травы; — два обломка въ видѣ крылъ (ср. табл. XXXVIII, рис. 4); — три обломка отъ трубочекъ съ поясками; — множество пуговичекъ круглыхъ, половинчатыхъ въ діам. около $^1/_4$ д. (сравн. вып. I, табл. IX, рис. 2, 6); — бронзовая круглая бляшка, въ діам. $^3/_8$ д., и костяная шашечка, вышиною и въ діаметрѣ около $^3/_8$ д., съ диркою по срединѣ и съ боку.

Пещерка продолжалась въ длину на 3 арш. и въ разстояніи двухъ арш. отъ входа поворачивала на лѣво, прямо къ югу, тоже на 2 арш. въ длину. Здѣсь кромѣ обвалившихся со стѣнокъ и со свода комковъ глины ничего не было.

При изслѣдованіи материка въ юго-западномъ углу (л. F, планъ № V, *l*) на пространствѣ квадратной сажени было собрано довольно различныхъ золотыхъ вещицъ, попадавшихся въ разныхъ мѣстахъ, а именно: перстень съ изображеніемъ быка (табл. XXXV, рис. 12[1]), перстень съ изображеніемъ собаки (ibid. рис. 11[2]), кольцо согнутое изъ проволоки, въ діаметрѣ 1 д. (табл. XXXV, рис. 10 *a*); — гладкій наконечникъ съ ноженъ меча, длиною $5^5/_8$ д.; — прорѣзная травная накладка на желѣзной полосѣ, длиною около 7 д.; — прорѣзная травная бляха, служившая также накладкою, длиною 6 д. (табл. XXXVIII, рис. 5); — прорѣзная бляха грушевидной формы, длиною 4 д., вѣроятно съ колчана (ibid. рис. 6); — двѣ подобныхъ же бляхи, длиною $1^5/_8$ и $2^3/_4$ дюйм. (ibid. рис. 2, 3); — такая-же бляха въ видѣ раковины, длиною $1^5/_8$ д. (ibid. рис. 1); — обломокъ прорѣзной бляхи длиною $2^1/_4$ д., шириною 1 д.; — обломокъ бляхи съ изображеніемъ какого-то животнаго (ibid. рис. 11); — обломокъ, изображающій голову какого-то животнаго; — три обломка изображающіе ноги какого-то животнаго; — одинадцать обломковъ разной величины отъ подобныхъ-же бляхъ; — двѣнадцать обломковъ пластинъ разной величины отъ бордюрныхъ или каемныхъ украшеній (ср. вып. I, табл. XI, рис. 1); — семь обломковъ разной величины отъ бордюрныхъ украшеній, въ видѣ трубо-

1 См. Отчетъ Археол. Комм. за 1864 годъ, стр. 182 и табл. V, рис. 12.

2 См. Отчетъ Археол. Комм. за 1864 годъ, стр. 182 и табл. V, рис. 11.

чекъ съ поясками (ibid. рис. 4); — круглая бляха, въ діаметрѣ $1\frac{1}{8}$ д., въ видѣ розетки; — бляшка, на коей выбито 5 кружковъ, расположенныхъ крестообразно (сравн. вып. I, табл. IX, рис. 9 и 12); — пять круглыхъ бляшекъ въ видѣ розетки, въ діам. $\frac{3}{8}$ д.; — три круглыя бляшки, кружчатыя, въ діам. $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{8}$ д.; — двѣ костяныя пуговки въ видѣ трубочекъ, обтянутыя золотымъ листомъ; — три золотыя трубочки, служившія накладками для такихъ-же костяныхъ (ibid. табл. X, рис. 24); — девятнадцать золотыхъ бусъ, величиною $\frac{5}{8}$ д. (табл. XL, рис. 17); — серебряная пряжка, такая-же трубочка и нѣсколько обломковъ отъ серебряной бляхи.

На самомъ материкѣ обозначились тонкіе слои перетлѣвшаго дерева, явно указывавшіе мѣсто лежавшихъ здѣсь досокъ на $3\frac{1}{4}$ арш. въ длину отъ ю. къ с. и на 3 арш. въ ширину отъ в. къ з., прямо противъ открытой пещерки.

Далѣе отъ этого угла къ в., въ разстояніи 3 арш. отъ западной стѣны, открыта еще пещерка, также въ аршинъ шириною и вышиною при входѣ (л. F, планъ № V, *k*). На аршинъ отъ входа вправо и влѣво пещерка распространялась впадинами, образуя пространство въ 3 арш. шириною. Здѣсь открытъ былъ цѣлый складъ въ высшей степени замѣчательныхъ вещей. Сначала въ слояхъ рушеной глины изрѣдка попадались золотыя бусы, небольшія бляшки, трубочки и мѣдныя и желѣзныя пластинки съ поясного набора. На самомъ материкѣ во впадинѣ слѣва, въ лѣвомъ углу, лежали кучками тѣ же поясныя пластинки, согнутыя по овалу и собранныя въ чешую; это по всему вѣроятію обозначало, что здѣсь нѣкогда были положены цѣлые пояса. Подъ ними найдено нѣсколько ножей, совсѣмъ уже перержавѣвшихъ, нѣсколько желѣзныхъ крюковъ и гвоздей съ круглыми шляпками и пять подъемныхъ бронзовыхъ скобъ, быть можетъ отъ гроба. Въ противоположномъ углу собрано нѣсколько золотыхъ бляшекъ прорѣзныхъ, вѣроятно съ колчановъ или отъ ноженъ мечей. Вверху надъ этимъ мѣстомъ въ стѣну воткнуты были три меча съ золотыми рукоятками, грубой работы (табл. XL, рис. 9, 12 и 14); однакожъ въ стѣнѣ оставались только ржавые клинки, а рукоятки лежали уже на материкѣ.

По срединѣ пещерки, на материкѣ, открытъ тонкій слой перетлѣвшаго дерева. Оказалось, что это были остатки доски или футляра отъ налуча, ибо подъ этимъ слоемъ лежала верхняя золотая чеканная доска этого футляра съ изображеніемъ сложной, въ два ряда, сцены изъ круга греческихъ религіозныхъ вѣрованій, по сторонамъ которой помѣщены сверху — рядъ нападающихъ другъ на друга живот-

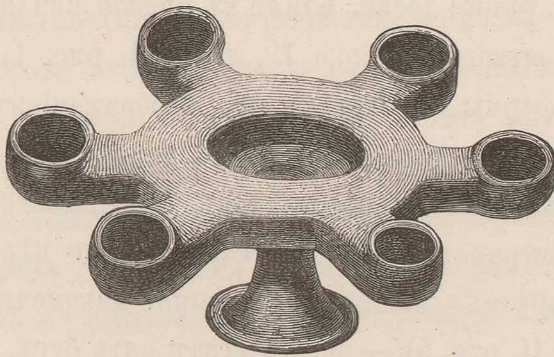
ныхъ, какъ то: львицы и быка, лани и самки барса, кабана и льва, оленя со львомъ и барсомъ; слѣва — цвѣточная гирлянда, а снизу — двойная кайма изъ лиственныхъ и цвѣточныхъ гирляндъ, оканчивающаяся справа группою барса, терзаемаго двумя грифонами (табл. XXXIV). Около ея найдены три золотыя каймы отъ краевъ налуча, украшенныя поясками (табл. XXXIX, рис. 6) и двѣ каймы, рѣзанныя городками (табл. XXXIX, рис. 7 и 8). Рядомъ съ этою доскою лежали золотая-же чеканная покрышка съ ноженъ меча, изображающая бой Грековъ съ варварами, по лѣвую сторону котораго помѣщены два грифона, обращенныхъ другъ противъ друга, а сверху оленья голова, терзаемая грифономъ (см. табл. XXXV, рис. 1). Тутъ-же найдены два желѣзныхъ меча съ золотыми рукоятками; на одномъ изъ нихъ вверху рукояти изображены двѣ бычачьи головы (ibid. рис. 2), а по ея длинѣ — охота на оленей[1], на другомъ — грубо вычеканены грифоны и другія животныя (табл. XXXVII, рис. 3). Подлѣ той-же доски, ближе къ правой впадинѣ пещерки, найдены: мусатъ съ золотою рукояткою, длиною $7\frac{1}{4}$ д. (ibid. рис. 1); — золотая бляха съ колчана грушевидной формы, съ чеканнымъ изображеніемъ по сторонамъ двухъ крылатыхъ львовъ и цвѣтовъ (см. рисунокъ въ концѣ этой главы, въ $\frac{1}{2}$ натуральной величины[2]) и кучка бронзовыхъ стрѣлокъ. При очисткѣ материка въ правой впадинѣ и по всему пространству пещерки собрано еще нѣсколько золотыхъ бусъ, пуговокъ, бляшекъ и другихъ вещицъ, а именно: наконечникъ отъ ножа или мусата (сравн. табл. XXXVII, рис. 5); — шестьдесятъ пять бусъ, велич. $\frac{5}{8}$ и $\frac{3}{8}$ д.; — десять чеканныхъ трубочекъ, длин. $2\frac{1}{2}$ д., толщ. $\frac{1}{4}$ д. (табл. XXXIX, рис. 9); — четыре бляшки круглыя розетками, велич. въ діам. около $\frac{1}{4}$ д. и въ $\frac{1}{2}$ д.; — одна бляшка съ выпуклою гладкою срединою, вел. $\frac{1}{2}$ д.; — двѣ бляшки прорѣзныя грушевидныя, съ колчановъ, длиною 4 д. (сравн. табл. XXXVIII, рис. 6); — бляшка прорѣзная травная, длиною $4\frac{5}{8}$ д. (ibid. рис. 7); — двѣ бляшки съ 5 каждая листками, велич. около 1 д.; — серебряная трубка съ скважиною по срединѣ, длиною $3\frac{1}{4}$ д.; — три серебряныя круглыя трубочки, двѣ въ діаметрѣ $1\frac{5}{8}$ д., и одна $1\frac{1}{8}$ д.; — четыре обломка отъ звеньевъ свитой серебряной проволоки; —

1 Подробное описаніе этого меча и досокъ съ налуча и съ ноженъ см. въ Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1864 годъ, стр. 142 — 178, табл. IV и V.

2 См. Отчетъ Археол. Комм. за 1864 годъ, стр. 128 и заглав. листъ.

пять серебряныхъ пуговокъ въ діаметрѣ $^{3}/_{8}$ и $^{1}/_{4}$ д.; — пуговка бронзовая; — двадцать четыре пуговицы трубочками, костяныя, обтянутыя золотомъ; — четыре подобныхъ-же пуговки, безъ золота, и обломокъ краснаго королька.

Отъ этой послѣдней пещерки далѣе къ востоку не встрѣчено никакихъ находокъ. Стѣна этого юго-восточнаго угла состояла изъ рушеной обвалившейся красной глины, между тѣмъ какъ здѣсь долженъ бы лежать материковый пластъ бѣлой глины. Это обстоятельство указывало, что обслѣдованное подземелье въ этомъ мѣстѣ сообщалось съ наугольнымъ сѣверо-западнымъ подземельемъ главной гробничной ямы, въ которомъ открытъ женскій гробъ и ваза. Въ сѣверо-восточномъ углу, напротивъ того, лежалъ еще пластъ бѣлой глины, направлявшійся по восточной стѣнѣ къ югу на $1^{1}/_{2}$ саж. Здѣсь подъ самою стѣною (листъ F, планъ № V, *c*) найденъ бронзовый свѣтильникъ о 6 рожкахъ (см. прилагаемый рисунокъ).



($^{1}/_{5}$ натуральнов величины.)

Разслѣдованіе этого подземелья, въ которомъ открыты вмѣстѣ съ замѣчательными вещами и явные слѣды грабительскихъ поисковъ очень давняго времени, могутъ приводить къ весьма различнымъ соображеніямъ и предположеніямъ. Должно предполагать, что черезъ это именно подземелье произведено опустошеніе главной гробницы (А), что сюда вынесены изъ нея мѣдныя большія вазы и всѣ золотыя вещи, попрятанныя съ неизвѣстною цѣлью въ здѣшнихъ трехъ пещеркахъ. Но въ такомъ случаѣ остается неразрѣшимымъ вопросъ, какимъ путемъ грабители проникли изъ этого подземелья въ главную гробницу, и какимъ образомъ они миновали примыкавшее сюда наугольное подземелье съ женскимъ гробомъ, серебряною вазою и другими вещами. Если они обыскивали могилу въ то время, когда это наугольное подземелье совсѣмъ уже было завалено обрушившеюся

землею, то могло статься, что они прошли въ главную гробницу поверхъ рушеной земли, вовсе не догадываясь, что подъ нею находятся также сокровища. Но въ такомъ случаѣ представляется весьма затруднительнымъ для объясненія то обстоятельство, съ какою цѣлью было выкопано грабителями это столь обширное подземелье (№ V)? — Возможно и другое предположеніе, не менѣе вѣроятное: не было ли подземелье A только главною входною камерою ко всѣмъ остальнымъ гробничнымъ подземельямъ, изъ числа которыхъ главнымъ (гдѣ, быть можетъ, покоился прахъ самаго царя) было именно это обширное помѣщеніе № V съ боковыми пещерками, куда грабители прямо и попали посредствомъ своей длинной лазейки *ee* и были въ немъ раздавлены обваломъ, неуспѣвши вынести всѣхъ найденныхъ ими вещей. Со входною камерою A подземелье сообщалось чрезъ гробницу № IV, гдѣ покоился женскій остовъ. Скиѳскій обычай хоронить болѣе или менѣе знатныхъ покойниковъ въ пещерныхъ помѣщеніяхъ подтверждается разслѣдованіями и многихъ другихъ кургановъ.

Работы, произведенныя въ тоже время въ насыпи кургана и по всему раскопанному пространству на верхоземкѣ, привели къ слѣдующимъ открытіямъ.

При раскопкѣ западной части насыпи замѣчены откосные, значительно утоптанные, слои чернозема, шедшіе съ вершины кургана къ его окружности и указывавшіе, что насыпь кургана сооружалась въ разное время, какъ бы періодически, что въ началѣ курганъ былъ меньше и потомъ время отъ времени увеличивался новыми насыпями. Вообще упомянутые слои показывали, что подобныя громадныя насыпи, какъ и слѣдовало ожидать, созидались не однимъ разомъ, а въ сроки болѣе или менѣе продолжительные, что могло совпадать или съ требованіями языческихъ обычаевъ и обрядовъ, совершаемыхъ въ память покойника, или съ другими какими обстоятельствами, располагавшими вообще ходомъ работъ.

Въ 16-ти саженяхъ отъ центра насыпи, въ прямомъ направленіи къ з., по откосу одного изъ упомянутыхъ слоевъ чернозема, почти у самаго материка (по плану листъ F, въ точкѣ *m*), лежали по длинѣ на 2½ арш. кости отъ неполнаго остова коня, значительно перетлѣвшія, именно черепъ съ передними ногами, нѣсколько позвоночныхъ костей и заднія ноги. Эти останки были расположены однакоже въ порядкѣ, какой долженъ имѣть полный остовъ животнаго и притомъ такъ, что оно какъ бы взбиралось на вершину кургана. Въ челюсти оставались еще

желѣзныя удила, но безъ уздечнаго прибора, который былъ найденъ потомъ въ конской гробницѣ № VIII. Можетъ быть это были останки жертвеннаго коня.

На самомъ материкѣ въ этомъ-же мѣстѣ, на разстоянiи одной саж. по направленiю къ ю.-в., открыта могилка (листъ F, планъ № XI), рытая въ материкѣ на 1 арш. глубиною, и около $1\frac{1}{2}$ саж. шириною и длиною, въ которой по срединѣ найденъ человѣчiй черепъ, между костями ногъ и реберъ. Остальныхъ костей остова не было. На аршинъ разстоянiя отъ этихъ останковъ къ ю.-в. стоялъ простой горшокъ, украшенный по мѣстамъ рѣзьбою. Въ $1\frac{1}{2}$ арш. разстоянiя на в. открытъ черепъ младенца съ грудными и ручными костями, лежавшими въ безпорядкѣ, и подлѣ небольшой простой горшечекъ, вышиною 2 верш., въ дiаметрѣ вверху $2\frac{1}{2}$, на днѣ $1\frac{5}{8}$ вер. Далѣе къ в. на 1 аршинъ открытъ еще такой-же младенческiй черепъ и также только съ грудными и ручными костями, а подлѣ него простой горшечекъ, подобный описанному. Въ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ большаго черепа на ю. найденъ третiй черепъ младенца съ двумя ручными костями, положенными къ черепу острымъ угломъ. При немъ также стоялъ небольшой черноглиняный горшечекъ.

Дальше къ з. на 2 арш. открыта еще небольшая могилка, рытая въ материковой глинѣ круглою пещеркою, имѣвшею $2\frac{1}{4}$ арш. глубины и $2\frac{1}{2}$ арш. въ дiаметрѣ, со входомъ съ сѣверо-западной стороны въ 1 арш. шириною (ibid. № XIII). Въ ней лежалъ остовъ навзничь, головою къ с., ногами къ ю., въ протянутомъ положенiи; голова покоилась на правой щекѣ, лѣвая рука лежала на груди. Длина остова была 2 арш. У ногъ его съ правой стороны лежалъ неполный остовъ младенца по длинѣ отъ з. къ в. на 8 вершковъ. Кости обоихъ остововъ, особенно младенческаго, совершенно перетлѣли.

Нѣсколько на ю.-в. отъ этой могилки, въ разстоянiи $1\frac{1}{2}$ саж. отъ нея, открыта еще могилка въ $1\frac{1}{2}$ арш. длиною отъ в. къ з., въ 1 арш. шириною и въ $1\frac{1}{2}$ арш. глубиною (ibid. № XII). Въ ней остовъ лежалъ головою къ в. на правомъ боку, скорчившись, съ прижатыми руками къ нижней челюсти, и съ прижатыми колѣнами къ груди, такъ что онъ занималъ пространство въ длину не болѣе 1 арш. Въ ногахъ стоялъ вверхъ дномъ простой черной глиняный горшокъ, вышиною и въ дiаметрѣ $2\frac{1}{2}$ верш. Еще ниже подъ этимъ остовомъ на 8 верш. найденъ тонкiй слой обожженной глины, а на немъ немного угольевъ съ признаками перегорѣлыхъ костей.

При разборкѣ каменнаго цоколя въ этой-же западной сторонѣ кургана найдены въ камняхъ два бронзовые уздечные убора, совершенно сходные съ найденными прежде и состоявшіе изъ пуговицъ, баранчиковъ, бляшекъ съ ушками въ видѣ птицы или цвѣтка, изъ обломка пряжки въ видѣ птичьей головы и обломка пуговицы съ трубочкою, а на материкѣ подъ камнями — желѣзное кольцо съ привѣсками, покрытое золотомъ (табл. XXXVIII, рис. 17). Вся сѣверо-западная часть материка подъ каменьями цоколя была сплошь покрыта слоемъ амфорныхъ черепковъ и лошадиныхъ костей (ноги, бабки, лопатки, челюсти), толщиною въ ¼ арш., шириною болѣе 1½ арш., который направлялся въ длину къ сѣв. на 7 саж. и уходилъ подъ сѣверную стѣну раскопки. Въ этой стѣнѣ разрѣза обращали вниманіе слои насыпи, имѣвшіе весьма острую конусообразную форму, вышиною въ 2 саж. и въ 2 саж. въ основаніи, и отличавшіеся наиболѣе темнымъ цвѣтомъ чернозема. Сдѣланная въ этомъ мѣстѣ вырѣзка стѣны, шириною въ 3 саж., глубиною въ 2 (листъ F, планъ F), ничего однакоже не обнаружила. Въ той-же сѣверной стѣнѣ сдѣланы были еще двѣ вырѣзки: одна въ срединѣ, въ 3 саж. шириною (ibid. G), а другая съ восточнаго конца, въ 2 саж. шириною (ibid. H), и въ глубь обѣ на 2 саж.; онѣ также не привели ни къ какимъ открытіямъ.

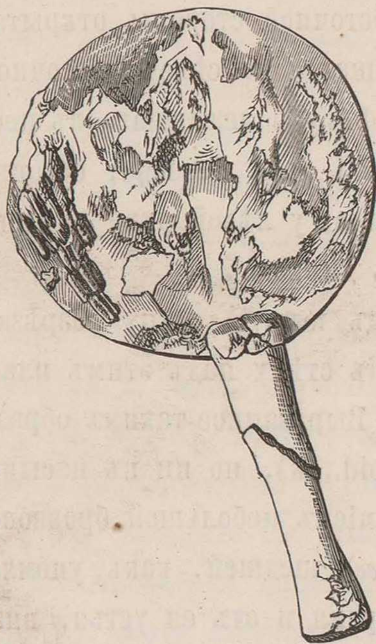
При разслѣдованіи каменнаго цоколя съ восточной стороны открыта небольшая могилка (листъ F, планъ № XIV), находившаяся въ сѣверо-восточномъ углу вырѣзанной площади и рытая въ материкѣ по фигурѣ лежавшаго въ ней остова, глубиною на 1 арш., длиною отъ с.-в. къ ю.-з. 1 арш. 12 вер.; остовъ лежалъ головою къ з., ногами къ востоку. Черепа не было; у лѣвой руки найдено желѣзное копье, а у пояса камень въ родѣ мусата съ диркою.

Такъ какъ отъ центральной гробницы подъ южную стѣну разрѣза лежалъ пластъ глины, то признано полезнымъ вырѣзать стѣну надъ этимъ пластомъ въ 8 саж. шириною до самой окружности кургана. Вырѣзанное такимъ образомъ пространство достигло 15 саж. въ длину къ ю. (ibid., K), но ни въ насыпи, ни въ материкѣ здѣсь ничего не найдено, за исключеніемъ небольшой бронзовой иглы.

Обслѣдованіе грабительской лазейки (ibid. *ee*), шедшей, какъ упомянуто, съ с.-з. отъ окружности кургана, начато въ одно время и отъ ея устья, впадавшаго въ овальную яму, и отъ ея начала съ внѣшней стороны насыпи, гдѣ находилась круглая яма, окопанная валомъ (ibid. M). Когда раскрыли эту послѣднюю яму,

то въ ея глубинѣ обнаружился ходъ въ лазейку, постепенно опускавшійся въ глубь по направленію къ ю., т. е. къ центру насыпи. Ходъ этотъ былъ заваленъ большими камнями раскопаннаго здѣсь цоколя, а самое отверстіе въ лазейку было закрыто двумя огромными каменными лещадями, поставленными также на камняхъ. При раскопкѣ этого входа попадались изрѣдка ржавые обломки гвоздей, найдены одна бронзовая стрѣлка и круглый камень въ родѣ картечной пули, очень сходный съ найденнымъ въ сѣверо-западномъ наугольномъ подземельѣ у женскаго остова. Внутри лазейки по всей ея длинѣ, до 14 саж., попадались разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ кости конскія и человѣчьи, послѣднія отъ 2-хъ остововъ, череповъ коихъ однакожъ не было, и затѣмъ по ея дну, на протяженіи 6-ти саж. отъ устья, примѣченъ очень тонкій слой красной глины, вытасканной безъ сомнѣнія съ самой глубины овальной ямы, изъ которой произведено расхищеніе гробницы.

Разслѣдованіе этого замѣчательнало кургана, доставившее столько важныхъ и богатыхъ открытій для Скиѳской древности, произведено, какъ и разслѣдованіе предыдущихъ кургановъ, по указанію и подъ наблюденіемъ Старшаго Члена Археологической Коммиссіи Забѣлина.


1/3

1/2

ПРИЛОЖЕНІЕ.

II.

ОПЫТЪ СОГЛАШЕНІЯ ПРОТИВУПОЛОЖНЫХЪ МНѢНІЙ О ГЕРОДОТОВОЙ СКИѲІИ И СМЕЖНЫХЪ СЪ НЕЮ ЗЕМЛЯХЪ.

ПРОФЕССОРА Ф. К. БРУНА.

Къ необходимости изучить сочиненіе Геродота, сознаваемой каждымъ любителемъ исторіи и географіи, присоединяется у насъ еще особый мѣстный интересъ. Если императоръ Французовъ посвятилъ часы досуга своего исторіи Цезаря; если Нѣмцы съ особенною любовью читаютъ, переводятъ и комментируютъ Тацита, то мы не можемъ не дорожить исторіею Геродота, и въ особенности IV-ою книгою ея, посвященной описанію странъ, которыя по большей части входятъ въ составъ Россіи, и были поприщемъ самыхъ важныхъ событій, совершавшихся во всѣхъ фазахъ ея существованія. Притомъ изображеніе, столь-же изящное какъ и основательное, которое Геродотъ оставилъ намъ о современныхъ ему отноше-

ніяхъ Скиѳіи и сосѣдственныхъ ей земель, есть единственный источникъ для древнѣйшей исторіи Черноморскихъ степей, тогда какъ о другихъ странахъ, имъ описанныхъ, мы можемъ почерпать еще свѣдѣнія, болѣе или менѣе важныя, и изъ другихъ источниковъ.

Наконецъ эта часть безсмертнаго труда его должна была обращать на себя вниманіе позднѣйшихъ изслѣдователей тѣмъ болѣе, что въ ней именно они встрѣчали много загадочнаго, подобно тому какъ таинственный мракъ, покрывавшій внутреннюю Африку, привлекалъ къ себѣ любознательныхъ путешественниковъ болѣе, чѣмъ другія страны свѣта.

Дѣйствительно Геродотовы «Scythica» съ давнихъ поръ вызывали огромное число спеціальныхъ трудовъ со стороны этнографовъ, историковъ и въ особенности географовъ.

Не смотря однако на всѣ старанія толкователей «отца исторіи», согласить по возможности съ дѣйствительностью географическія извѣстія, которыя онъ намъ передалъ о Скиѳіи, до сихъ поръ въ ученомъ мірѣ существуютъ весьма различныя и противурѣчивыя мнѣнія касательно вида и объёма этой страны, равно какъ о мѣстахъ поселенія разныхъ народовъ, въ ней обитавшихъ, и ихъ сосѣдей.

Безъ сомнѣнія, подобную противуположность мнѣній должно приписать тому обстоятельству, что описаніе Геродотово расположено по рѣкамъ, орошавшимъ Скиѳію, а между тѣмъ пріурочиваніе этого описанія къ рѣкамъ, дѣйствительно существующимъ въ южной Россіи, по многимъ причинамъ представляетъ огромныя затрудненія.

Такъ, во-первыхъ, всякій согласится со мною, что измѣненія, происшедшія въ физіономіи поверхности здѣшняго края, съ особенною силою должны были отразиться въ гидрографическихъ его отношеніяхъ.

Во-вторыхъ Геродотъ только о немногихъ рѣкахъ Скиѳіи говоритъ такъ обстоятельно, что нельзя ихъ не узнать, если только мы будемъ читать его безъ предубѣжденія; относительно прочихъ рѣкъ извѣстія, имъ сообщенныя, столь кратки, что безъ особенной натяжки могутъ быть примѣняемы, съ одинаковымъ по видимому правомъ, то къ одной, то къ другой изъ нашихъ рѣкъ и даже рѣчекъ.

Наконецъ Геродотъ, при всей добросовѣстности своей, едва ли могъ пріобрѣсти достовѣрныя свѣдѣнія о теченіи и объ источникахъ описанныхъ или только

упомянутыхъ имъ рѣкъ. Подобнаго рода свѣдѣнія были ему передаваемы понтійскими Греками, которые не могли знать ничего достовѣрнаго о странѣ, гдѣ сами обитали только при берегахъ. Караваны, какъ замѣчаетъ Нейманъ[1], которые, по причинѣ торговыхъ выгодъ, безъ сомнѣнія держались пути, уже проложеннаго, не имѣли ни времени, ни охоты заниматься изслѣдованіями касательно источниковъ рѣкъ. Подобныя занятія важны только для науки; въ практической жизни о нихъ не заботятся, и потому они являются обыкновенно поздно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сами собою возникаютъ безъ труда, напр. въ густо-населенныхъ и образованныхъ странахъ. Хотя слѣдов. греческіе купцы не имѣли никакого повода отыскивать въ лѣсахъ и болотахъ источники скиѳскихъ рѣкъ, но все-таки было весьма естественно, что при видѣ этихъ рѣкъ они составляли себѣ какія нибудь понятія о нихъ a priori, и многіе изъ Ольвіополитянъ могли утверждать и воображать себѣ, что, при своихъ странствованіяхъ, они достигали до источниковъ сказанныхъ рѣкъ. Но эти-же купцы, которыхъ проводники по однимъ и тѣмъ-же путямъ водили къ такимъ именно мѣстамъ, гдѣ броды или острова облегчали переправу чрезъ большія рѣки, по собственному опыту развѣ только могли говорить о числѣ рѣкъ, чрезъ которыя они переправлялись въ своихъ путешествіяхъ, да о томъ, какъ онѣ назывались и какъ велико было взаимное ихъ разстояніе у мѣстъ переправы. Въ отношеніи же верхняго или нижняго теченія этихъ рѣкъ они должны были довольствоваться собственными догадками, или указаніями туземцевъ, которые сами не могли имѣть точныхъ свѣдѣній касательно большихъ рѣкъ. Не должно забывать, что такого рода данныя уже сами по себѣ не могли имѣть одинаковую степень достовѣрности: варварскіе народы хотя и могли знать, какія племена обитали въ ихъ сосѣдствѣ, какимъ языкомъ они говорили, каковы были ихъ нравы и какими произведеніями отличался ихъ край (подобнаго рода извѣстія имѣютъ вообще нѣкоторую степень достовѣрности), но точныя свѣдѣнія о системѣ большой рѣки, безъ которыхъ основательное опредѣленіе ея источниковъ невозможно, предполагаютъ иную степень знакомства съ мѣстностями; оно можетъ быть достигнуто только посредствомъ картъ и астрономическихъ опредѣленій, или же вслѣдствіе весьма оживленныхъ торговыхъ сношеній по всѣмъ направленіямъ страны. Тотъ, кто

1 Die Hellenen im Skythenlande, Leipz. 1855, стр. 203.

берется критически обсуждать географическія извѣстія, долженъ предварительно справляться, какое имѣютъ онѣ происхожденіе; онъ долженъ умѣть оцѣнивать степень погрѣшности, возможной въ отношеніи къ матеріальному ихъ содержанію. Здѣсь то именно легко убѣдиться въ томъ, что гидрографическія извѣстія гораздо менѣе достовѣрны, чѣмъ орографическія или этнографическія. Путешественникъ постоянно имѣетъ сношенія съ туземцами и можетъ познакомиться съ ихъ особенностями; издалека уже ему бросаются въ глаза возвышенности и ихъ направленіе и долго онъ не теряетъ ихъ изъ виду; рѣка же легко укрывается отъ взоровъ его: онъ переправляется черезъ нее, можетъ быть, на такомъ мѣстѣ, гдѣ извилины ея могутъ возбуждать въ немъ совершенно ложное понятіе о главномъ ея направленіи.

Ко многимъ причинамъ, затрудняющимъ точное опредѣленіе рѣкъ Геродотовой Скиѳіи, слѣдуетъ присовокупить еще и то обстоятельство, что наименованія всѣхъ почти рѣкъ, по крайней мѣрѣ большихъ, суть ничто иное, по справедливому замѣчанію Клапрота, какъ нарицательныя слова, означающія рѣку на какомъ либо языкѣ. Вотъ почему и при Геродотѣ, одно и тоже названіе могло быть примѣняемо къ различнымъ рѣкамъ, между которыми ничего не было общаго, какъ это еще нынѣ повторяется въ нашемъ краю съ двумя Бугами, западнымъ и южнымъ, съ двумя Ингулами, большимъ и малымъ, съ Дономъ и Донцомъ (послѣдній въ нашихъ лѣтописяхъ, подобно первому, названъ просто Дономъ[1]), съ двумя Самарами и т. п.

По всѣмъ этимъ причинамъ, экзегеты до сихъ поръ не могли согласиться на счетъ опредѣленія главныхъ рѣкъ, орошавшихъ Скиѳію Геродота; они истощались въ гипотезахъ для отысканія слѣдовъ таинственныхъ рѣкъ Пантикапеса, Гипакириса и Герроса, и даже отвергали ихъ существованіе. Такъ напр. Данвиль[2] вовсе не вѣритъ, чтобы Пантикапесъ когда либо существовалъ; Гееренъ[3] говоритъ тоже самое о Гипакирисѣ и Герросѣ, между тѣмъ какъ Нейману[4] всѣ

1 Арцыбышевъ, Повѣствованіе о Россіи, 1838, I, 62.

2 Géographie d'Hérodote, въ Mém. de l'Académie des inscriptions, XXXV, 579.

3 Ideen über die Politik, den Handel und den Verkehr der Völker der alten Welt I, 2, стр. 257.

4 См. вышеприведенное сочиненіе его, стр. 204.

три рѣки кажутся непримѣнимыми къ дѣйствительности, почему онъ и думаетъ, что толкователи напрасно трудились надъ ихъ отыскиваніемъ. Другіе съ Пантикапесомъ носятся по неизмѣримому пространству вдоль лѣваго берега Днѣпра, останавливаясь и на Конскихъ водахъ, и на Самарѣ, и на Пслѣ, и на Сулѣ и даже наконецъ на Деснѣ. Герросъ обращаютъ то въ Кальміусъ, то въ Молочную, или же въ Самару и т. д. Наконецъ Гипакирисъ отыскиваютъ отъ Кинбурнской косы до внутренности Крымскаго полуострова; оттуда соединенными силами Линднеръ[1] и Надеждинъ[2] переносятъ его, подобно Герросу и Пантикапесу, на правый берегъ Днѣпра, съ тѣмъ только различіемъ, что первый узнавалъ Гипакирисъ въ Ингулѣ, тогда какъ Надеждинъ видѣлъ его въ Ингульцѣ. Ганзенъ[3] однакоже снова перемѣщаетъ рѣку Гипакирисъ съ праваго берега Днѣпра къ Сивашу и къ Донцу, и Кольстеръ[4] восхищается этой уловкой въ особенности потому, что ею будто бы рѣшенъ и спорный вопросъ о мѣстоположеніи древняго города Каркинитиды, или Каркинитиса, лежавшаго при устьѣ Гипакириса.

Но изъ замѣтки Геродота можно было вывести также заключеніе, что съ опредѣленіемъ мѣстности, которую занималъ этотъ городъ, объяснилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ разумѣлъ подъ своимъ Гипакирисомъ.

По этому слѣдовало бы только предварительно удостовѣриться въ томъ, гдѣ именно на прибрежьѣ Понта находился Каркинитисъ, а потомъ уже отыскивать слѣды рѣки, изливавшейся въ его сосѣдствѣ. Если бы это удалось, то уже легко было бы опредѣлить, какимъ изъ нынѣшнихъ рѣкъ соотвѣтствовали притокъ Гипакириса, Герросъ, и протекавшая не въ дальнемъ отъ него разстояніи рѣка Пантикапесъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ представилась бы возможность согласить съ дѣйствительностью и прочія географическія показанія Геродота, избѣгая крайностей, т. е. безъ надобности предполагать съ иными, что въ характерѣ здѣшняго края случились измѣненія невозможныя, или — съ другими, что Геродотъ намъ передалъ только баснословныя извѣстія.

1 Skythien und die Skythen des Herodot, 1841, стр. 18.

2 Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями, въ Зап. Одесскаго Общества Ист. и Древн. I, стр. 52, 53.

3 Ost-Europa nach Herodot, Dorpat, 1844, § 74 и слѣд.

4 Das Land der Scythen bei Herodot und Hippokrates und der Feldzug des Darius, въ Archiv für Philologie und Pädagogik, XIII, 1, стр. 22.

Геродотъ вообще два только раза упоминаетъ о Каркинитисѣ. Сказавъ (IV, 55), что Гипакирисъ изливался въ море подъ этимъ городомъ, онъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 99) говоритъ о немъ слѣдующимъ образомъ: Непосредственно отъ Истроса къ югу лежитъ древняя Скиѳія и простирается до города, называемаго Каркинитисомъ. Лежащую отсюда по берегу того-же моря, гористую и вдавшуюся въ Понтъ страну населяетъ народъ Тавровъ даже до Херсониса (полуострова), называемаго горнымъ (Трахееюю).

Изъ этого указанія мѣстоположенія города должно заключить, что онъ лежалъ гдѣ-то на западномъ берегу Крыма. Уже по этой причинѣ мы вправѣ думать, что онъ совпадалъ не только по имени, но и по мѣстоположенію съ «Керкинитисомъ». Городъ этотъ, по измѣреніямъ Арріана[1] и безъименнаго автора перипла Понта Евксинскаго[2], по которому онъ также назывался Коронитисъ, лежалъ на морскомъ берегу между Херсономъ и Калосъ-лиминомъ, на разстояніи 600 стадій отъ перваго и — 700 отъ послѣдняго.

Мѣстоположеніе Херсона всѣмъ извѣстно, а касательно мѣстности, занимаемой Калосъ-лиминомъ, существуютъ различныя мнѣнія. Такъ напр. Гёль[3] и Нейманъ[4] ищутъ эту пристань на южной сторонѣ Каркинитскаго, или Перекопскаго залива, при Сарыбулатской косѣ, другіе же, напр. Тетбу[5] — около Перекопа. Иные, въ томъ числѣ Кёлеръ[6], увѣрены, что подъ «красивою пристанью» авторы перипловъ могли разумѣть одну только Акмечетскую бухту. Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ на южномъ берегу Каркинитскаго залива другого пристанища для судовъ вовсе нѣтъ[7], между тѣмъ какъ слѣды прежняго его значенія для моряковъ и рыбаковъ сохранились донынѣ[8]. При томъ Калосъ-лиминъ, находясь при самомъ началѣ Керкинитскаго залива[9], вмѣстѣ съ тѣмъ былъ отдѣленъ пространствомъ въ 300 стадій отъ пристани Тамираки, въ которой нельзя не

1 Geographi graeci minores, ed. Gail, III, § 19, стр. 76.

2 Ibidem, стр. 216, § 9 и 10.

3 Ibidem, стр. 125.

4 Die Hellenen im Skythenlande, стр. 375.

5 Atlas de la mer Noire, Odessa, 1850, № 17.

6 Mém. s. l. îles et la course d'Achille, въ Mém. de l'Acad. des Sc. de S. Pétersb., X, стр. 616.

7 Лоція Чернаго моря, Николаевъ, 1851, стр. 43.

8 Пирамидки изъ глины, найденныя при Акмечетской бухтѣ, въ Зап. Одесс. Общ., I, стр. 630 и слѣд.

9 Gail, l. c. стр. 216, § 10.

узнать Джарыльгачскую косу, отстоящую (если отбросить образовавшуюся въ теченіи вѣковъ оконечность ея) именно на 300 стадій отъ Акмечетской бухты, и представляющую, подобно ей, убѣжище судамъ отъ вѣтровъ. Къ востоку же отъ этой косы, Каркинитскій заливъ, по мелководію, для плаванія негоденъ[2]. Разумѣется, что упомянутый Птолемеемъ и Стефаномъ Византійскимъ городъ Тамираки находился не на самой косѣ, а насупротивъ ея, ниже Емануиловки, гдѣ слѣды этого города сохранились донынѣ.

Если съ Сарыбулатской косы Калосъ-лиминъ долженъ быть перемѣщенъ къ Акмечетской бухтѣ, то городъ Керкинитисъ, отстоявшій отъ сказанной гавани на 700 стадій, придется отодвинуть съ Донгузлавскаго озера, гдѣ, по примѣру Неймана, самъ я напрасно отыскивалъ слѣды его — въ ближайшія окрестности нынѣшней Евпаторіи, и именно къ тому мѣсту, гдѣ на итальянскихъ картахъ XIV и XV столѣтій отмѣчено имя cricbiniri, cregenicbi, cbiiti и cbirecbiniti (1351), явно тождественное съ именемъ Керкинитисъ, или — правильнѣе Каркинитисъ[3].

При такихъ соображеніяхъ я, кажется, не ошибусь, если помѣщу этотъ городъ въ урочищѣ Юртлукъ, которое находится въ трехъ верстахъ къ западу отъ Евпаторіи въ углу, образуемомъ морскимъ берегомъ и лиманомъ Ойрча; послѣдній названъ такъ Татарами потому, что отдѣленъ отъ моря низменною пересыпью, которая въ древности, вѣроятно, не существовала.

Что здѣсь нѣкогда находился городъ, можно заключить по самому названію урочища, значущаго по татарски *населенное мѣсто*; по выгодному его въ стратегическомъ отношеніи положенію; по изобилію прекрасной ключевой воды въ его сосѣдствѣ и въ особенности по цѣлымъ рядамъ остатковъ каменныхъ построекъ и черепицы, отчасти засыпанныхъ пескомъ, который выбрасывается моремъ, равно какъ и по множеству древнихъ монетъ, греческихъ и римскихъ, находимыхъ, по единогласному свидѣтельству Евпаторійцевъ, въ этой мѣстности. Самъ я мимоходомъ нашелъ тутъ амфорную ручку съ клеймомъ, по формѣ и по матеріялу совершенно похожую на ручку Ольвійскихъ сосудовъ.

Правда, эта мѣстность отстоитъ отъ Карантинной бухты не на 600 стадій, от-

1 Лоція Чернаго моря, стр. 49.

2 Hercher in Arriani Scriptt. minn., Lips. 1854, стр. 100; прив. у Бера (Baehr): Herodoti Hal. Musae, Lips., 1857, II стр. 416.

дѣлявшихъ городъ Херсонисъ отъ Керкинитиса, а на 400 стадій. Но такое несогласіе объясняется тѣмъ, что авторы периплов въ своихъ измѣреніяхъ слѣдовали берегу, и потому измѣряли также южную бухту и заливъ Каламитскій, или нынѣшній Севастопольскій рейдъ.

Но такъ какъ въ числѣ монетъ и другихъ предметовъ, находимыхъ въ Юртлукѣ, есть такіе, которые могутъ быть отнесены къ глубокой древности, а между тѣмъ ничего подобнаго никогда не было найдено ни въ Кинбурнѣ, ни въ Перекопѣ или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ донынѣ отыскивали Геродотовъ Каркинитисъ, то уже нѣтъ никакой надобности, подобно Нейману[1] и Фридлендеру[2] различать его отъ позднѣйшаго Керкинитиса, еслибы даже подлинность монетъ этого города была доказана, въ чемъ пока еще можно сомнѣваться.[3]

Нужно по этому допустить, что:

1) Геродотъ по ошибкѣ могъ назвать заливъ рѣкою, и что подъ Гипакирисомъ онъ разумѣлъ лежащій къ сѣверу отъ Евпаторіи заливъ Перекопскій или Каркинитскій, о которомъ потому-то и не упоминаетъ.

2) Если Геродотъ говоритъ, что городъ Истросъ, отстоявшій на 500 стадій отъ южнаго устья Дуная[4], находился при устьѣ Истроса (II, 33), то онъ точно также имѣлъ право сказать, что Каркинитисъ находился при устьѣ Гипакириса, хотя дѣйствительно городъ этотъ отстоялъ на 500 стадій отъ южной оконечности Каркинитскаго залива.

Что этотъ заливъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ Геродотову Гипакирису, становится еще болѣе яснымъ, когда припомнимъ, что эта мнимая рѣка, изливаясь въ Понтъ подъ городомъ Каркинитисомъ, оставляла вправо Гилею и Ахиллесово ристалище.

Касательно Дромоса Ахиллесова всѣ согласны, что подъ нимъ Геродотъ могъ разумѣть только полуостровъ Тендру, оканчивавшійся, по Страбону, мысомъ, названнымъ Священною рощею Ахиллеса, которая безъименнымъ авторомъ перипла

1 Die Hellenen im Skythenlande, стр. 443.

2 Annali dell' instituto di corrispondenza archeologica, Rom., 1845, XIV, стр. 232—234.

3 Спасскій, О мѣстоположеніи древняго города Каркинита и его монетахъ, въ Зап. Одесс. Общ., II, стр. 21—35.

4 Strabo, VII, 3, § 15. и 6 § 1.

(§ 11) обозначена рощею Гекаты, а Птолемеемъ (III, 5) просто наименована Священнымъ мысомъ.

Что же касается Гилеи (IV, 18 и 76), лѣсной стороны, которая представлялась взорамъ путешественниковъ при въѣздѣ съ моря въ Борисѳенесъ, то она должна соотвѣтствовать Днѣпровскимъ плавнямъ, которыя и нынѣ богаты растительностью и составляютъ поразительный контрастъ съ совершенно обнаженными степями.

Такъ какъ это мнѣніе уже прежде было высказано другими, а именно Надеждинымъ[1], то я не могу отказать себѣ въ удовольствіи представить здѣсь еще разъ изображеніе столь изящно имъ снятое съ природы Гилеи.

«Не смотря на пустынный, аравійскій характеръ окружающихъ степей, края «широкой долины, по которой Днѣпръ стремится къ морю, конечно въ-слѣдствіе «благотворнаго вліянія питательной и крѣпительной влажности, по-мѣстамъ «украшаются зеленью кустарниковъ, и даже сѣнью деревьевъ. Именно, на самой «Кинбурнской косѣ, вскрай лимана, вокругъ мѣстечка Прогнойска, при селеніяхъ «Бузовомъ и Рыбалчѣ, до сихъ поръ мелькаютъ небольшія дубовыя и березовыя «рощицы, храбро сражающіяся съ засыпающими ихъ песками. Нѣсколько выше, «вокругъ селенія Збурьевска, находится родъ лѣска, состоящаго изъ дуба, осипы, «ольхи и лозника. Наконецъ, еще выше, берегъ Днѣпра, на протяженіи около «двадцати пяти верстъ, вокругъ города Алешекъ, опушается также, не рѣдко, болѣе «или менѣе густыми купами древесной растительности, преимущественно ольхою и «березою. И это, въ сравненіи съ наготою степей, конечно могло дать берегу «Днѣпра названіе «лѣсной стороны», особенно въ древнія времена, когда масса «водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила «прозябенія вокругъ гораздо могущественнѣе.[2] Но надо только взглянуть на самую «долину Днѣпра, чтобы имѣть передъ глазами настоящую «лѣсную сторону», всю «покрытую густою, дремучею растительностью. Эта долина, раздвигающаяся «иногда верстъ до двадцати въ ширину, состоитъ изъ непрерывной сѣти т. н.

1 Геродотова Скиѳія и пр. стр. 48.

2 Подполковникъ Генеральнаго Штаба Шмидтъ (Матеріалы для Геогр. и Стат. Херсонской Губерніи, С. П., 1863, I, стр. 127) не сомнѣвается, что значительную часть основы долины нижняго Днѣпра составляетъ погребенный лѣсъ. Нѣкоторые остатки этихъ деревьевъ (замѣчаетъ онъ), попадающіеся въ руслѣ рѣки, свидѣтельствуютъ, что въ настоящее время, вѣроятно отъ частой вырубки, лѣсъ не достигаетъ того развитія, какое имѣлъ прежде.

«плавней, или островов, образуемыхъ безчисленными развѣтвленіями рѣчной «трубы, которыя всѣ сплошь зарощены не однимъ камышемъ, но и настоящими, «любящими влагу, деревьями. Въ безотрадной пустотѣ голыхъ степей, она отли-«ваетъ на горизонтѣ сизою полосою, при видѣ которой въ самомъ не-поэтическомъ «воображеніи невольно возбуждается идея мрачнаго «лѣса». Присоедините сюда «набережную опушку Днѣпра: и вы увидите въ натурѣ Гилею, совершенно со-«гласную съ тѣмъ описаніемъ, которое объ ней оставлено Геродотомъ».

Но если и теперь еще въ Днѣпровскихъ плавняхъ нельзя не узнать его Гилею, лѣсную сторону, то эти плавни должны были обращать на себя вниманіе и тѣхъ писателей, которые говорятъ о нашемъ краѣ въ послѣдующіе вѣка. Такъ напр. Мела (II, 1, 5) который, согласно съ Геродотомъ, помѣщаетъ Гилею между Борисѳенесомъ и Гипакирисомъ, присовокупляетъ: *silvae deinde sunt, quas maximas hae terrae ferunt.* Въ свою очередь Плиній (V, 26, § 12) не ошибается касательно характера и положенія Гилеи, замѣчая, что она находилась къ востоку отъ Ахиллесова ристалища, и изобиловала деревьями. Онъ еще присовокупляетъ, что по ея имени близкая къ ней часть моря называлась Hylaeum mare, и что ея обитатели носили имя Enoecadloae. По примѣру поэта Скимна, безъименный авторъ перипла (§ 3) также ищетъ Гилею при нижнемъ Днѣпрѣ и Валерій Флаккъ[1] восхваляетъ ее за изобиліе и высоту деревьевъ, въ ней растущихъ:

Densior haud usquam, nec celsior extulit ullas
Silva trabes: fessaeque prius rediere sagittae
Arboris ad summum quam pervenere cacumen.

Правда и то, что Страбонъ вовсе не упоминаетъ о Гилеѣ. Однако въ этомъ случаѣ его молчаніе, еслибы оно даже не объяснялось пропускомъ въ родѣ тѣхъ, которые нерѣдко встрѣчаются въ его прекрасномъ трудѣ, не можетъ служить доказательствомъ, что, въ его время, свѣдѣніе о Гилеѣ сохранилось развѣ въ одномъ только воображеніи поэтовъ, или что приведенные римскіе авторы довольствовались выписками изъ Геродота и не имѣли подъ рукою новѣйшихъ источниковъ для географіи края, тогда уже вошедшаго въ составъ Римской имперіи.

1 Argon. VI, 76.

Что въ то время Гилея еще не лишилась прежняго своего характера, видно изъ свидѣтельства посѣтившаго ее греческаго оратора Діона[1], который сравниваетъ высокія ея деревья съ корабельными мачтами. Еще болѣе Діона увлекается поэтически-ораторскимъ восторгомъ историкъ Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 8, 40), когда, не довольствуясь помѣщеніемъ города Борисѳенеса «*in marginibus nemorosis*» рѣки тогоже имени, присоединяетъ туда-же городъ Cephalonesus и жертвенники, посвященные Александру Великому и Кесарю Августу.

Подобно тому, какъ Днѣпровскія плавни по изобилію лѣса были названы Гилеею, въ-послѣдствіи по соснамъ или елямъ, въ нихъ растущимъ, онѣ могли получить названіе Ἀβική, подъ которымъ Гилея извѣстна Стефану Византійскому (подъ слов. Ὑλέα); таже самая причина могла побудить итальянскихъ моряковъ XIV и XV столѣтій наименовать ихъ pidea, еслибы только это слово не образовалось, какъ остроумно догадывается Ѳ. А. Струве, изъ греческаго ἡ πεδιάς (sc. γῆ). Названіе это весьма удобно примѣнялось бы къ луговой сторонѣ нижняго Днѣпра. Доводы мои по этому предмету я уже представилъ въ особенной статьѣ[2], но не зная, выдержатъ ли они критику, считаю лишнимъ приводить ихъ здѣсь еще разъ. Замѣчу только, что въ одно время съ позднѣйшими названіями Гилеи является въ ней греческій городъ Элиссосъ[3], превращенный итальянскими моряками въ elexe, elice, erexe, erese, и занимавшій, судя по ихъ картамъ, мѣсто нынѣшняго города Алешекъ, лежащаго насупротивъ Херсона. Уже Эдрисію былъ извѣстенъ въ этихъ мѣстахъ городъ Алеска, безъ сомнѣнія также тождественный съ городомъ Олѣшье нашихъ лѣтописцевъ, получившимъ это названіе, по догадкѣ Надеждина[4], отъ «*мѣста подлѣснаго или окололѣснаго*», въ которомъ находился, но едвали не вслѣдствіе измѣненія въ устахъ нашихъ предковъ эллинскаго его имени, которое неоднократно встрѣчается въ Греціи для означенія рѣки или города, не только въ древности, но и въ среднихъ вѣкахъ.[5] Происходя отъ глагола ἑλίσσειν, имя это какъ нельзя лучше шло бы къ городу, лежавшему возлѣ плавней Днѣпровскимъ.

1 Orat. XXXVI, II ed. Reiske p. 74.

2 L'ancienne Hylée etc., въ Bulletin de l'Académie des Sciences de S.-Pétersbourg, т. I, стр. 367—373.

3 Miklosicz, Acta patriarchatus Const. № 355 и 419.

4 Геродотова Скиѳія, стр. 51, прим. 64.

5 Anna Comnena, Alex. ed. Par. стр. 370.

Въ окрестностяхъ этого города, назадъ тому лѣтъ полтораста, безъ сомнѣнія, было болѣе деревьевъ, нежели теперь, и не удивительно, почему Турки могли сказать, что Запорожцы, которые, послѣ сраженія при Полтавѣ, искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ «*лѣсъ братьевъ*». Въ среднихъ вѣкахъ этотъ лѣсъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства, слѣдовательно могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ бургундскій рыцарь Гильберъ де Ланнуа, во время своего путешествія изъ Монкастро въ Каффу, въ 1421 г.

Такъ какъ плавни на правомъ берегу Днѣпра, т. е. на нагорной его сторонѣ простираются вверхъ по рѣкѣ до устья Подпольной, а на лѣвой даже почти до пороговъ[1], то нѣтъ причины утверждать съ Нейманомъ (l. l. стр. 80) и другими, что, по взгляду Геродота, Гилея не переходила за окрестности Берислава.

Съ другой стороны Нейманъ (l. c. прим.) уже слишкомъ далеко раздвигаетъ Гилею къ востоку, потому только, что Геродотъ (IV, 9) упоминаетъ о пещерѣ въ Гилеѣ, и что таковыя встрѣчаются при Молочной. Еслибы Гилея находилась по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, то сказанную пещеру, гдѣ Геркулесъ встрѣтился съ эхидною, слѣдовалобы искать не на луговой сторонѣ рѣки, а около Берислава.

Но такъ какъ въ вышеозначенныхъ предѣлахъ лѣса встрѣчаются въ долинѣ Днѣпровской и на правой и на лѣвой сторонѣ рѣки, то и должно думать съ Надеждинымъ, что наименованіемъ Гилеи Геродотъ дѣйствительно означалъ оба берега, а не одинъ только лѣвый, какъ обыкновенно думаютъ на основаніи извѣстнаго мѣста въ описаніи Скиѳіи (IV, 18): *какъ перейдешь Борисѳенесъ, такъ первая отъ моря Гилея.* Легко могло статься, что Геродотъ этимъ хотѣлъ только означить, что въѣзжающему съ моря въ Днѣпръ представлялась тотчасъ Гилея, особенно если, какъ замѣчаетъ Надеждинъ (l. l. 51, примѣч. 63), имѣть въ виду, что у древнихъ Эллиновъ глаголъ διαβαίνειν означалъ не только «*переходить*», но и просто «*идти*», проходитъ мимо.

Если же Геродотъ дѣйствительно хотѣлъ сказать, что «*перешедшему*» рѣку при устьѣ ея представлялась Гилея, то и въ такомъ случаѣ онъ былъ бы совершенно правъ, потому что нынѣ еще на луговой сторонѣ лѣски начинаются гораздо ниже

1 Шмидтъ, l. c. I, стр. 178.

Алешекъ, какъ явствуетъ изъ отрывка, который мы только-что привели изъ статьи Надеждина, тогда какъ на нагорной сторонѣ они являются уже за Херсономъ.

Предполагая же, что Гилея находилась по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра, нѣтъ надобности переставлять, съ Линднеромъ, знакъ препинанія въ текстѣ Геродота, чтобы выводить изъ его словъ заключеніе, что Гилея находилась и на правой сторонѣ Днѣпра.

Надеждинъ могъ (l. l. стр. 406) догадку Линднера считать остроумною, но во всякомъ случаѣ не долженъ былъ сказать, что эта перестановка запятой требовалась, вынуждалась высшею критикою текста: вмѣсто того, чтобы этимъ способомъ «*открыть ларчикъ*», Линднеръ развѣ только перевернулъ его на другую сторону, т. е. изъ одной крайности впалъ въ другую.

Вообще мнѣ кажется, что нѣмецкому автору, порицавшему съ такою самонадѣянностью заслуги прежнихъ толкователей Геродота отъ Целларія до Кёппена, нашъ остроумный и ученый соотечественникъ оказалъ уже слишкомъ много чести, сказавъ, что книга Линднера есть «одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной археологической критики (l. l. стр. 394)». Едвали это не комплиментъ, сдѣланный Надеждинымъ баварскому совѣтнику посольства за то, что ему было «пріятно видѣть», что описаніе Линднера проникнуто вездѣ чувствомъ глубокаго уваженія и искренняго сочувствія къ благодѣтельному вліянію Россіи на древнюю Скиѳію (ibid. стр. 419).

Впрочемъ, можно вполнѣ раздѣлять сочувствіе Надеждина къ чувствамъ Линднера, а тѣмъ не менѣе думать, что первый не имѣлъ права сказать о послѣднемъ отъ имени Одесскаго Общества исторіи и древностей, что оно умѣетъ отдать полную справедливость его труду и считаетъ себя въ возможности и въ правѣ произнесть объ немъ безпристрастное сужденіе.

По крайней мѣрѣ въ числѣ членовъ этого Общества, къ которому въ то время принадлежали, между прочимъ, А. С. Стурдза, П. В. Беккеръ и М. Д. Палеологъ, находились, сколько я помню, и такіе, которые считали себя не менѣе безпристрастными, чѣмъ Надеждинъ, а все-таки согласились бы скорѣе съ мнѣніемъ Неймана (l. l. стр. 204 прим.), оцѣнивающаго достоинство приведеннаго сочиненія Линднера и двухъ другихъ его трудовъ слѣдующимъ образомъ: Ich habe alle drei

Schriften gelesen, kann aber von ihnen keinen andern Gebrauch machen, als dass ich sie allen einer Erheiterung bedürftigen Philologen angelegentlichst empfehle.

Съ подобнымъ-же пренебреженіемъ отзываются о его трудахъ Ганзенъ (l. l. стр. 51) и Кольстеръ (l. l. 581), которые почти въ одно время съ Надеждинымъ старались объяснить извѣстія Геродота о Скиѳіи и Скиѳахъ. Впрочемъ попытка ихъ не совсѣмъ удалась. По крайней мѣрѣ вопросы топографическіе они только еще болѣе запутали, безъ сомнѣнія потому, что не имѣли случая посѣтить предварительно нашъ край и должны были составить себѣ понятіе о немъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя онъ производилъ на путешественниковъ, познакомившихся съ нимъ болѣе или менѣе поверхностно.

Къ сожалѣнію нѣмецкіе филологи, считая книгу своего соотечественника-дилетанта годною только для развлеченія, не чувствовали расположенія одобрить даже тѣ изъ новыхъ гипотезъ его, которыя случайно могли оказаться основательными. Въ противномъ случаѣ Кольстеръ (l. l. XIII, 22) не сказалъ бы, что Ганзенъ рѣшилъ вопросъ о Пантикапесѣ, отыскавъ его въ Конкѣ, а Нейманъ (l. l. 205) не удовольствовался бы заявленіемъ, что тотъ-же Пантикапесъ долженъ соотвѣтствовать какой-нибудь изъ степныхъ рѣчекъ, протекающихъ къ востоку отъ Днѣпра. Напротивъ того, они бы едвали ошиблись, еслибы рѣшились повѣрить Линднеру, который говоритъ, что Пантикапесу не могла соотвѣтствовать никакая другая рѣка, кромѣ Ингульца.

Рѣка эта вытекаетъ изъ разливовъ, скопившихся въ лѣсистомъ оврагѣ Александрійскаго уѣзда, въ небольшомъ разстояніи отъ херсонскихъ поселеній Михайловки и Федваря. Направляясь преимущественно отъ сѣвера къ югу, она по прямому протяженію имѣетъ 217 верстъ, а съ многочисленными извилинами своими, столь выгодными для прилегающихъ къ ней степей, даже 523 версты, такъ что собственно заслуживаетъ названіе Большаго, а не Малаго Ингула, далеко оставляя за собою настоящій Ингулъ, имѣющій по прямому направленію только 188 верстъ, а со всѣми изгибами — 324. Принимая на пути своемъ до двадцати рѣчекъ, Ингулецъ въ верхнемъ теченіи своемъ образуетъ болотистую долину, а въ нижнемъ принимаетъ видъ большой рѣки, не уступающей въ ширинѣ главному руслу Днѣпра, съ которымъ соединяется въ 18 верстахъ выше Херсона[1], представляя и

1 Шмидтъ, l. l. стр. 209.

нынѣ еще взорамъ проѣзжающаго, особенно на лѣвомъ берегу своемъ, немалыя пространства, покрытыя лѣсомъ.

Предоставляю геологамъ рѣшить вопросъ: можно ли лѣсистый оврагъ и болота верхняго Ингульца признать за слѣды озера, изъ котораго по Геродоту (IV, 54) вытекалъ Пантикапесъ?

Если отвѣтъ знатоковъ будетъ отрицателенъ, то я готовъ сказать съ Нейманомъ (l. l. стр. 207), что это озеро, подобно тѣмъ, изъ которыхъ, по словамъ Геродота, вытекали другія рѣки Скиѳіи, могло быть произведеніемъ фантазіи современниковъ греческаго историка, пытавшихся такимъ образомъ объяснить ученую систему.

Какъ бы то ни было, но все остальное, что Геродотъ говоритъ о Пантикапесѣ, гораздо удобнѣе можетъ быть примѣнено къ подробностямъ, приведеннымъ нами объ Ингульцѣ, нежели къ особенностямъ одного изъ прочихъ притоковъ Днѣпра, по обѣимъ его сторонамъ отъ самыхъ пороговъ до устья.

Такъ, по Геродоту, Пантикапесъ, подобно Борисѳенесу, течетъ съ сѣвера; между этими рѣками живутъ Скиѳы земледѣльцы (γεωργοί). За тѣмъ Пантикапесъ уже смѣшалъ свои воды съ Борисѳенесомъ, оросивши Гилею.

Извѣстно, что у Скимна и Безъименнаго (§ 4) страна эта названа Ивлою, какъ думаютъ, по ошибкѣ. Но въ этомъ случаѣ странно, что ошибочнымъ названіемъ этимъ означалась половецкая рѣка Ивла, подъ которой Карамзинъ[1] разумѣлъ Ингулъ, Арцыбышевъ же[2] — Бузувлукъ. Такъ какъ между этими рѣками течетъ Ингулецъ, то спрашивается, почему же онъ не могъ соотвѣтствовать половецкой рѣкѣ, особенно если принять во вниманіе, что ея имя напоминаетъ рѣку Ивулъ Константина Багрянороднаго[3], которую обыкновенно принимаютъ не за Ингулъ или Бузувлукъ, а за Ингулецъ. Слѣды прежняго его наименованія донынѣ сохранились въ рѣчкѣ Гивленкѣ, берущей свое начало близъ верховьевъ Ингульца.[4]

Правда, что Геродотъ, идущій при описаніи рѣкъ Скиѳіи отъ запада къ востоку, сначала говоритъ о Борисѳенесѣ, а за тѣмъ уже переходитъ къ Пантикапесу. Но

1 Ист. Госуд. Росс. изд. Эйнерлинга, III, прим. 74.

2 Повѣствованіе о Россіи, I, стр. 250.

3 De administrando imperio, гл. 42.

4 Исторія о Казакахъ Запорожскихъ (князя Мышецкаго), Одесса, 1852, стр. 75.

изъ этого можно только вывести заключенiе, что въѣзжающему въ Днѣпръ съ моря сперва представлялось устье Борисѳенеса, а за тѣмъ уже устье Пантикапеса. Дѣйствительно устье Днѣпровскаго лимана и даже самаго Днѣпра въ лиманъ находится къ западу отъ устья Ингульца.[1]

Иное дѣло съ Ингуломъ, въ которомъ Надеждинъ (l. l. 51), при всемъ уваженiи къ догадливости Линднера, видитъ Пантикапесъ, единственно потому, что по его мнѣнiю, Геродотъ, называя Борисѳенесомъ собственно Днѣпръ, въ тоже время разумѣлъ подъ этимъ именемъ и Бугъ, казавшiйся ему, «*почти до нынѣшняго Вознесенска, протокомъ Днѣпра*».

Излишнимъ было бы распространяться здѣсь объ ошибочности этого мнѣнiя, тѣмъ болѣе, что оно уже было опровергнуто, какъ нельзя лучше, г. Думшинымъ[2]. Замѣчу только, что Птолемей, на котораго въ особенности ссылается[3] Надеждинъ, подъ устьемъ Борисѳенеса разумѣлъ не мѣсто впаденiя Днѣпра въ лиманъ, а устье самаго лимана, почему и могъ, не ошибаясь, помѣстить устье Гипаниса къ востоку отъ устья Борисѳенеса. Западнымъ рукавомъ этой послѣдней рѣки онъ считалъ не

1 Безъ сомнѣнiя это обстоятельство еще не объясняетъ, почему Геродотъ, перейдя чрезъ Днѣпръ въ Гилею, возвращается оттуда на правый берегъ рѣки, чтобы перейти къ Пантикапесу, отдѣлявшему, по его словамъ, Скиѳовъ-земледѣльцевъ отъ кочующихъ. Чтобы устранить это недоумѣнiе, мнѣ остаются только два способа, а именно: 1) допустить, что въ текстѣ Геродота (IV, 18) первоначально не было словъ ἄνω или ἄνω ἰόντι, которыми комментаторы замѣнили слово ἄνθρωποι, явно по ошибкѣ только попавшее въ это мѣсто рукописей (ср. Baehr l. l. vol. II, c. XVIII, p. 325); или же 2) предположить съ г. профессоромъ Струве, что Геродотъ могъ смѣшать Борисѳенесъ съ Пантикапесомъ, разумѣется только въ нижнемъ ихъ теченiи. Опорами этого, по видимому, слишкомъ смѣлаго мнѣнiя, моглобы послужить, что и Птолемей, какъ ниже будетъ доказано, видѣлъ въ Ингульцѣ второй Борисѳенесъ, что нижнiй Днѣпръ болѣе Ингульца заслуживаетъ названiя Пантикапесъ, протекая весь въ садахъ, и что онъ также лучше защищалъ бы жилища Скиѳовъ-земледѣльцевъ отъ набѣговъ кочующихъ ихъ собратiй; наконецъ, что Святые пути пролегали по Геродоту (IV, 81) между Гипанисомъ и Борисѳенесомъ, между тѣмъ какъ эта мѣстность находилась явно между Бугомъ и Ингульцомъ.

2 О рѣкахъ Скиѳiи, по Геродоту, въ Трудахъ студентовъ Ришельевскаго Лицея, Одесса, 1852, стр. 35 и слѣд.

3 Зап. Одесс. Общ. I, стр. 44: «Одному Птолемею», говоритъ Надеждинъ, «удалось это соглашенiе (древнихъ текстовъ съ дѣйствительностью) естественнѣе и вѣрнѣе всѣхъ, оттого-что онъ крѣпче придержался преданiя о тождествѣ Буга съ Борисѳенесомъ. У него Бугъ есть самостоятельная рѣка, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ Борисѳенесъ, какъ вѣрно казался онъ и Геродоту.»

Бугъ, какъ полагалъ Надеждинъ (l. l. стр. 44), ни Березину, какъ думали Эйхвальдъ и другіе, а — Ингулецъ, и потому-то вовсе не упоминаетъ о Пантикапесѣ, хотя у него встрѣчаются имена другихъ рѣкъ Геродотовой Скиѳіи, за исключеніемъ впрочемъ Гипакириса, превратившагося у него отчасти въ рѣку Каркинитисъ, отчасти въ заливъ того-же имени.

Озеро Амадокасъ, изъ котораго вытекалъ западный рукавъ Борисѳенеса, могло быть то самое, которое, по Геродоту, дало свое начало Пантикапесу.

Что Птолемей подъ западнымъ рукавомъ Борисѳенеса дѣйствительно разумѣлъ Ингулецъ, явствуетъ еще изъ того, что городъ Митрополисъ, лежавшій, по его словамъ (III, 5), при сліяніи обоихъ рукавовъ Борисѳенеса, отмѣченъ у него подъ 56 гр. 30 м. долг. и 49 гр. 30 м. шир., стало быть точно въ такомъ же-разстояніи отъ Ольвіи (57 гр. д. и 49 гр. ш.), въ какомъ этотъ городъ помѣщенъ отъ устья Борисѳенеса (57 гр. 30 м. д. и 48 гр. 30 м. ш.).

Если же, по словамъ Страбона (VII, 3 § 17), рѣка эта была судоходна только на 600 стадій, т. е. около ста верстъ, то мы вправѣ видѣть здѣсь намекъ на то, что во времена великаго географа большія суда поднимались до того мѣста, гдѣ я ищу городъ Митрополисъ Птолемея. Быть можетъ и Мела (II, 1, 6) означалъ этотъ городъ именемъ самой рѣки, говоря, что около устья Борисѳенеса существовали два города: Ольвія и Борисѳенесъ. Положеніе этого города при устьѣ Ингульца объяснило бы также ошибку нѣкоторыхъ древнихъ географовъ, по которымъ, какъ еще замѣтилъ ученый Плиній (IV, 12, 26), Борисѳенесъ принималъ рѣку Пантикапесъ, подъ Ольвіею, названною имъ также Милетополисомъ, тогда какъ, прибавляетъ онъ, вмѣсто Пантикапесъ слѣдовало бы сказать Гипанисъ, diligentiores Hypanim.

Такъ какъ Аммíанъ Марцеллинъ вовсе не упоминаетъ о Гипанисѣ, то легко могло статься, что подъ городомъ Борисѳенесомъ, лежавшимъ въ *«плавняхъ Днѣпровскихъ»*, онъ также разумѣлъ не Ольвію, а Митрополисъ. По крайней мѣрѣ Іорнандъ[1], Анонимъ Равенскій[2] и географъ Гвидо[3] еще отличаютъ Ольвію отъ города Борисѳениды, почему и позволено думать, что подъ послѣднимъ городомъ

1 De reb. gest. Getarum s. Gothorum, c. V. Berol., 1860, стр. 173 и 370 (Poristenida).

2 Ravennatis Anonymi et Guidonis cosmographia.

3 Ibid. стр. 534 (Bomstenida).

они разумѣли Митрополисъ Птолемея и Стефана Византійскаго. Слѣды этого города, быть можетъ, еще сохранились на островѣ, находящемся въ Тягинскомъ лиманѣ, немного выше устья Ингульца. Въ этой мѣстности, называемой городкомъ[1], нынѣ еще видны развалины башни, построенной, по преданію, Татарами, а по г. Вертильяку, — Генуезцами. Достовѣрно то, что въ 1492 году Менгли-Гирей построилъ здѣсь крѣпость на развалинахъ «*древняго г родища*»[2]. Около ста лѣтъ тому назадъ въ этой мѣстности еще стоялъ треугольный замокъ съ круглыми башнями, окруженный водою и имѣвшій не менѣе версты въ длину и болѣе полуверсты въ ширину[3].

Обстоятельство, что александрійскій географъ, подобно Мелѣ (II, 1, 6), Плинію (IV, 26) и Страбону (VII, 3 § 17), указываетъ городу Ольвіи также мѣсто на Борисѳенесѣ, можетъ только служить доказательствомъ, что нижнюю часть Бугскаго лимана они считали частью Днѣпровскаго. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что Геродотъ, который, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, говоритъ какъ очевидецъ (IV, 71), былъ того-же мнѣнія. Напротивъ, онъ прямо говоритъ, что Борисѳенеиты жили при Гипанисѣ (IV, 53), насупротивъ святилища Димитры, стоявшаго на мысѣ Гипполаевомъ, который въ видѣ клина выдавался между Борисѳенесомъ и Гипанисомъ, изливавшимися въ одну и туже заводь, т. е. въ лиманъ.

Напрасно Надеждинъ (стр. 82; стр. 20, пр. 31 и стр. 44), чувствуя всю важность этого свидѣтельства, хочетъ насъ увѣрить, во первыхъ, что, подъ Борисѳенеитами Геродотъ имѣлъ здѣсь въ виду не тѣхъ, которые сами себя называли Ольвіополитами (IV, 18), а Скиѳовъ-земледѣльцевъ, которые жили выше Гилеи, и которыхъ первые называли Борисѳенеитами; во вторыхъ — что мысъ Гипполаевъ долженъ быть ничто иное, какъ тотъ мысъ, который между лиманами Днѣпровскимъ и Березанскимъ выдается особенно при нынѣшнемъ Очаковѣ. «Здѣсь», восклицаетъ онъ, «насупротивъ другаго мыса, освященнаго воспоминаніями Ахилла, при первой встрѣчѣ отъ моря съ материкомъ, всего приличнѣе было мѣсто святилищу Димитры, Матери-Земли».

1 Шмидтъ, l. l.

2 Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. С. П., 1846, I, стр. 122; ср. мою статью: Судьбы мѣстности, занимаемой Одессою. Од., 1865, стр. 23.

3 Ист. о Каз. Запорожскихъ, стр. 72.

Оба эти мнѣнія рѣшительно неосновательны. Что касается Борисѳенеитовъ, то авторъ не могъ не замѣтить, что подъ этимъ именемъ Геродотъ неоднократно (IV, 78, 79) разумѣлъ Ольвіополитянъ, между тѣмъ какъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ всегда называетъ Скиѳами. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что подъ Борисѳенеитами, обитавшими при Гиписѣ, Геродотъ также разумѣлъ Эллиновъ, а не Скиѳовъ. Но такъ какъ Надеждину нужны были «горожане Ольвіи», которые обитали бы при Борисѳенесѣ, Геродотъ же о таковыхъ вовсе не упоминаетъ, то онъ пытается обратить его молчаніе въ свою пользу, замѣчая, что «въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда напримѣръ жители нынѣшняго города Одессы, въ его портофранковой чертѣ, называютъ себя Одесситами. Всякому внимательному путешественнику скорѣе бросится въ глаза, и онъ охотнѣе замѣтитъ то, что жители Татарки, Усатовыхъ-Хуторовъ, и даже Дальника, величаются также именемъ Одесситовъ».

Что же касается Гипполаева мыса, то неужели Надеждинъ надѣялся, что онъ «здѣсь порѣшилъ со всѣми недоумѣніями», объявивъ, что храму Димитры приличнѣе всего было стоять насупротивъ Кинбурна, или Килибуруна, если бы даже этотъ мысъ, подобно городу Киліи на Дунаѣ, именемъ своимъ былъ обязанъ герою Иліады[1].

По крайней мѣрѣ я вполнѣ увѣренъ, что въ ученомъ мірѣ едва ли найдется компетентный судья, который не согласится съ мнѣніемъ, что Гипполаевъ мысъ могъ соотвѣтствовать одному только мысу Станиславскому, такъ какъ храмъ

1 Едвали Надеждинъ имѣлъ въ виду это обстоятельство, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 53, пр. 66), вѣроятно по примѣру барона Тотта (Mém. s. l. Turcs et les Tartares, Maestricht, 1785, II, стр. 57), производитъ наименованіе Кинбурна отъ турецкаго Кылъ-бурну, «мысъ волосъ». Скорѣе, мнѣ кажется, онъ съ Кёлеромъ и Бларамбергомъ сюда помѣщаетъ Священную рощу Ахиллеса, о которой говоритъ Страбонъ (VII, 3, 19), хотя послѣдній подъ этимъ мысомъ «безлѣснымъ» вѣроятно разумѣлъ оконечность острова Тендры, превращенную Безъименнымъ въ Священную рощу Гекаты; Птолемей же, который оконечность Тендры называетъ просто Священнымъ мысомъ, подъ рощею Гекаты могъ разумѣть оконечность Кинбурнской косы, или, пожалуй, Очаковъ. Не мѣшаетъ однако припомнить, что въ сосѣдствѣ этого города находится островъ Березань, который часто смѣшивали съ островомъ Ахиллеса, лежащимъ противъ Киліи, или Килліи (Зап. Од. Общ. I, 299), также иногда называемой Ахиллеею (Sulzer, Gesch. des transalpinischen Daciens, I, 1, стр. 458) и совпадавшей, быть можетъ, съ городомъ Аколятра (Воскр. лѣт. 1793, I, стр. 20).

Димитры, по Діону Хрисостому (l. c.), находился насупротивъ Ольвіи, а городъ этотъ лежалъ при Гипанисѣ, хотя и получилъ второе прозвище отъ Борисѳенеса.

Если же «все это», какъ говоритъ Надеждинъ (l. c. стр. 43), «и были только толки и догадки, порожденные желаніемъ согласить съ буквою древнихъ текстовъ измѣнившуюся или точнѣе дознанную дѣйствительность», то нельзя не видѣть въ догадкахъ Надеждина непониманіе яснаго въ этомъ случаѣ свидѣтельства Геродота. Со стороны человѣка, который взялся объяснить Геродотово описаніе Скиѳіи чрезъ сличеніе его съ мѣстностями, подобная погрѣшность становится гораздо предосудительнѣе, нежели напр. промахъ Кольстера (l. c. XII, стр. 616), который не имѣлъ случая видѣть своими глазами развалины Ольвіи и вывелъ изъ словъ Геродота заключеніе, будто-бы торжище Борисѳенеитовъ находилось не въ селѣ Порутинѣ, а на противуположной сторонѣ Буга, около Русской косы.

«Но» говоритъ Надеждинъ (l. l. стр. 31), «у Геродота не упоминается вовсе никакого города на Гипанисѣ: у него, и у Эллиновъ на Гипанисѣ, и у Эллиновъ на Борисѳенесѣ (?), царитъ одинъ городъ, который назывался Борисѳенесомъ, безъ сомнѣнія оттого-что стоялъ при Борисѳенесѣ».

Напротивъ того, какъ уже замѣтилъ Думшинъ (l. c. стр. 36), у Геродота ясно опредѣлено мѣстоположеніе древняго города, но отнюдь не на Борисѳенесѣ, потому что онъ говоритъ (IV, 17): начиная отъ торжища Борисѳенеитовъ, которое находится въ самой срединѣ приморскихъ земель всей Скиѳіи, первые живутъ Каллипиды, которые суть Эллины-Скиѳы; выше ихъ обитаетъ другой народъ, называемый Алазонами. Они и Каллипиды сѣютъ и ѣдятъ хлѣбъ, также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ живутъ Скиѳы-оратаи (или пахари, ἀροτῆρες), которые сѣютъ хлѣбъ не (только?) для снѣды, но и на продажу (ἐπὶ πρήσει). Выше ихъ живутъ Невры; отъ Невровъ къ сѣверу, сколько намъ извѣстно, лежитъ земля безплодная. Эти народы живутъ по рѣкѣ Гипанису, къ западу отъ Борисѳенеса.

Такимъ образомъ, перечисляя народы, жившіе къ сѣверу отъ торжища Борисѳенеитовъ, Геродотъ идетъ вверхъ по Гипанису, и тѣмъ опредѣлительно указываетъ, что это торжище находилось при южной части рѣки, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ лежала древняя Ольвія.

Убѣдившись въ тождествѣ Гипаниса съ Бугомъ, постараемся отыскать мѣста обитанія различныхъ народовъ, жившихъ по его теченію, приводя здѣсь пред-

варительно то, что Геродотъ самъ говоритъ объ этой рѣкѣ послѣ описанія Истроса и Тиреса, который, по его словамъ (IV, 51), стремится съ сѣвера, получивъ свое начало изъ большаго озера на границѣ между землею Скиѳскою и Неврикою. Сказавъ еще, что при устьѣ Тиреса жили Эллины, онъ продолжаетъ (IV, 52):

Третья рѣка, Гипанисъ, беретъ свое начало въ Скиѳіи, выходя изъ большаго озера, вокругъ котораго пасутся дикіе бѣлые кони. Это озеро по справедливости называется «*матерью Гипаниса*». Выйдя изъ него, Гипанисъ течетъ небольшимъ каналомъ, и на пять дней плаванія воды его сладки, но потомъ, къ морю, на четыре дня, весьма горьки. Причина та, что въ него впадаетъ «*Горькій ключъ*», который такъ горекъ, что портитъ весь Гипанисъ, ποταμὸς ἐν ὀλίγοισι μέγας, т. е. рѣку большую между малыми, какъ эти слова Геродота были поняты многими, въ томъ числѣ Надеждинымъ, или же, какъ правильнѣе переводятъ Летроннъ[1] и Ганзенъ (l. l. § 66), рѣку, которой по значительности своей равняются немногія. Нужно только допустить согласное съ дѣйствительностью предположеніе г. Струве, что эта замѣтка Геродота относится лишь къ четыремъ днямъ плаванія по нижнему теченію Буга, въ противуположность къ пяти днямъ пути, которыя рѣка протекала въ узкомъ руслѣ, или, другими словами, что Геродотъ говоритъ не о длинѣ теченія, а о ширинѣ и величественномъ видѣ этой рѣки.

Далѣе Геродотъ говоритъ: находится же этотъ ключъ на предѣлахъ страны Скиѳовъ-пахарей и Алазоновъ, а имя какъ самому ключу, такъ и мѣсту, откуда онъ вытекаетъ, по скиѳски Эксампеосъ, по эллински — Святые пути. У Алазоновъ Тиресъ и Гипанисъ сближаются другъ съ другомъ; но потомъ, расходясь, тотъ и другой оставляютъ между собою широкое пространство.

Въ настоящее время Бугъ судоходенъ только около Александровки, въ 15 верстахъ выше Вознесенска. Дальнѣйшему плаванію вверхъ по рѣкѣ препятствуютъ гранитные острова и подводные камни, составляющіе только верхнюю часть тѣхъ каменныхъ глыбъ, которыми завалено все ложе рѣки между Ольвіополемъ и Александровкою, и которые образуютъ на всемъ протяженіи 18 пороговъ, не считая заборъ.

Но такъ какъ на всемъ этомъ пространствѣ, берега рѣки сближаются къ са-

1 Journal des Savans, 1817, стр. 98: d'une grandeur peü commune.

мому ея теченію[1] и нигдѣ не образуютъ долины, возвышаясь надъ уровнемъ воды отъ 40 до 60 саженъ, то позволено думать, что въ древности, когда всѣ наши рѣки безъ сомнѣнія были значительнѣе, чѣмъ нынѣ, судоходство могло производиться и между Александровкою и Ольвіополемъ, по крайней мѣрѣ въ полую воду, особенно если принять во вниманіе, что весною и теперь еще у Ольвіополя горизонтъ Буга поднимается на двѣ сажени, и что разливы его затопляютъ не только камышевыя, но и луговыя плавни въ окрестностяхъ Вознесенска (ibid. 192), между тѣмъ какъ, по Скальковскому[2], многіе изъ камней, лежащихъ въ рѣкѣ, могли свалиться туда въ теченіе вѣковъ отъ прибрежныхъ скалъ.

Вѣроятно графъ Потоцкій[3] имѣлъ въ виду это объстоятельство, когда отыскивалъ Горькій ключъ Геродота въ Синюхѣ, изливающейся въ Бугъ при Ольвіополѣ. Но такъ какъ устье этого ключа отстояло только на четыре дня плаванья отъ моря, то мнѣнію графа я готовъ предпочесть мнѣніе, къ которому склоняется Нейманъ въ сочиненіи столь-же привлекательномъ, какъ и основательномъ, по крайней мѣрѣ въ географической части своей. Авторъ книги «Die Hellenen im Skythenlande» полагаетъ (см. прилож. къ его сочиненію карту), что *Святые пути* Геродота пролегали близъ Вознесенска; въ пользу этого мнѣнія онъ могъ бы присовокупить, что Синяя вода именемъ своимъ менѣе припоминаетъ горькій ключъ нежели Мертвоводъ, между тѣмъ какъ послѣдній столь-же мало (по крайней мѣрѣ) годится для питья, какъ и вода Синюхи. Хотя на видъ она хороша, но для питья вредна, порождая лихорадку[4], вѣроятно по причинѣ спокойнаго стоянія водъ его, не зыблемыхъ вѣтромъ, отъ котораго ихъ защищаютъ возвышенные берега. Но такъ какъ отъ сближенія этихъ береговъ въ полую воду быстрота теченія въ ней бываетъ очень велика, то легко могло статься, что, во времена Геродота, когда устье Мертвовода еще не засорилось окончательно (что случилось только въ 1856 году), онъ болѣе нынѣшняго сообщалъ вредныя свойства свои Бугу и дѣлалъ его воду негодною для питья (IV, 52), по крайней мѣрѣ по вкусу древнихъ Грековъ, которые лучше насъ умѣли отличать хорошую воду отъ дурной.

1 Шмидтъ, l. l. стр. 189.

2 Опытъ Стат. Опис. Новоросс. края, I, стр. 102.

3 Potocki, Voyage dans les steps, ed. Klaproth, II, стр. 158.

4 Шмидтъ, l. l. 214.

Разумѣется, что это вредное вліяніе Мертвовода могло быть ощутительно лишь на весьма небольшой части теченія Буга, почему и должно думать, что Геродотъ приписалъ Мертвоводу горечь, которая была слѣдствіемъ морской воды.

Такъ какъ вліяніе ея въ древности едва ли могло простираться до Синюхи, то мы имѣемъ новое доказательство, что устье горькаго ключа не могло находиться такъ высоко. Это подтверждается также приведенною выше замѣткою Геродота, что Гипанисъ уже послѣ соединенія съ горькимъ ключемъ принялъ видъ значительной рѣки. Таковою Бугъ становится дѣйствительно только ниже пороговъ.

Сказанная близость другъ къ другу береговъ Мертвовода объясняетъ еще, почему эта рѣка могла казаться Геродоту маленькимъ ключемъ. Хотя Мертвоводъ имѣетъ протяженія до 200 верстъ, но чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ источниковъ, тѣмъ болѣе врѣзывается въ берега, обнажаетъ гранитъ, представляющійся въ видѣ отвѣсно-стоящихъ скалъ, стѣсняющихъ его русло какъ бы въ трубу, въ одну сажень шириною. Подобные скалистые берега въ послѣдній разъ встрѣчаются на Мертвоводѣ въ 7 верстахъ выше Вознесенска, образуя узкое и до того извилистое ущелье, что по немъ съ трудомъ можетъ пройти челнокъ[1].

Безъ сомнѣнія, все это еще не доказываетъ тождества этой рѣки съ горькимъ ключемъ Геродота, но за то можно сказать утвердительно, что ключъ этотъ могъ находиться только на лѣвой сторонѣ Буга. Геродотъ, лично посѣтившій эту мѣстность, помѣщаетъ ее между Гипанисомъ и Борисѳенесомъ.

По этому-то Скиѳы-пахари, равно какъ и Алазоны, между жилищами которыхъ протекалъ горькій ключъ (IV, 52, ср. 81), должны были жить, по крайней мѣрѣ отчасти, на лѣвой сторонѣ Буга, по теченію котораго первые обитали выше послѣднихъ. Еще выше, уже внѣ Скиѳіи, жили Невры, по крайней мѣрѣ до Днѣстра, такъ какъ онъ вытекалъ изъ озера, отдѣлявшаго Скиѳію отъ Неврики, которую жители, за одно только поколѣніе до похода Дарія, принуждены были покинуть вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія змѣй (105), хотя за тѣмъ, какъ видно изъ описанія того-же похода, снова возвратились на прежнюю свою родину.

Если гдѣ-либо въ нашихъ степяхъ до такой степени могли расплодиться змѣи,

1 Шмидтъ, l. c.

то безъ сомнѣнія въ долинѣ Днѣстра ниже Дубоссаръ, вслѣдствіе разлитія рѣки, затопляющей сады, виноградники, огороды и луга, сливающейся съ Кучурганомъ и представляющей водное пространство отъ 6 до 10 верстъ шириною, которое сливается съ лиманомъ и образуетъ обширное сѣверное продолженіе его, верстъ на тридцать далѣе обыкновенныхъ его береговъ.[1]

Намекомъ на то, что въ этихъ мѣстахъ въ старину, еще болѣе нынѣшняго, могли водиться змѣи, могутъ служить имя греческаго города Офіусы, стоявшаго на мѣстѣ Аккермана, и стихи поэта:

Linquitur abruptus pelago Tyra, linquitur et mons
Ambenus et gelidis pollens Ophiusa venenis[2].

Сознаюсь впрочемъ, что я не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что̀ именно Геродотъ разумѣлъ подъ озеромъ, изъ котораго вытекалъ Тиресъ.

Подобнымъ образомъ не отрицаю, что озеро, названное «матерью Гипаниса», могло существовать въ одномъ только воображеніи Геродота или его понтійскихъ соотечественниковъ.

Если же, на оборотъ, это озеро, вокругъ котораго паслись бѣлые кони, находилось въ Скиѳіи, то я готовъ отыскивать слѣды его въ нынѣшней Кодыми, впадающей въ Бугъ нѣсколько верстъ выше устья Синюхи, но съ правой стороны, и рѣзко отличающейся отъ прочихъ степныхъ рѣкъ Новороссійскаго края обиліемъ водъ и песчанистымъ свойствомъ своей долины[3].

Рѣку эту, вытекающую изъ Ольгопольскаго уѣзда выше Балты, съ обѣихъ сторонъ облегаютъ высокія горы, которыя иногда раздвигаются и образуютъ долину до одной версты ширины, а во многихъ мѣстахъ и болѣе. Долина эта не похожа на долины рѣкъ лиманнаго образованія. Проходящія между Бугомъ и Днѣстромъ горы идутъ не параллельно между собою, но сближаются и удаляются, образуютъ скаты и разнаго рода паденія и весьма разнообразны. Въ началѣ впрочемъ, по границѣ Херсонской губерніи, Кодымь протекаетъ въ довольно сжатой долинѣ, ниже села Ясенова течетъ мелкимъ ручьемъ и вскорѣ совершенно те-

1 Шмидтъ, стр. 203.
2 Valer. Flacc., l. l.
3 Шмидтъ, l. l. стр. 161.

ряется въ «камышеватыхъ болотахъ» и луговинахъ, потомъ опять является маленькимъ ручейкомъ и снова исчезаетъ. Отъ села Криваго-озера до села Кумарова она течетъ въ довольно широкомъ ложѣ, у послѣдняго селенія опять совершенно исчезаетъ въ «болотистой» долинѣ, поросшей лѣсомъ, и отъ села Кодымки течетъ уже непрерывною рѣкою до Буга, въ который впадаетъ двумя устьями, образующими лѣсистый островъ. Въ обыкновенное время Кодымъ не имѣетъ вовсе теченія и испорченная вода ея не бываетъ годна для употребленія. Въ полую же воду Кодымь широко разливается и тогда переѣздъ чрезъ нее бываетъ затруднителенъ, не столько отъ высоты воды, сколько отъ грязи. Вся долина чрезвычайно живописна: начиная отъ Балты почти до самаго устья она усѣяна непрерывнымъ рядомъ обширныхъ деревень и мѣстечекъ, разбросанныхъ вдоль скатовъ волнообразныхъ и высокихъ горъ, что̀, вмѣстѣ съ небольшими садами и рощами, находящимися въ долинѣ, составляетъ живописный малороссійскій пейзажъ.

Долина Кодыми во многихъ мѣстахъ представляетъ довольно обширныя пространства песку, на которомъ растетъ лѣсъ, иногда большими рощами. Пространство этихъ песчаныхъ низменностей вдоль праваго берега Кодыми, въ Херсонской губерніи, составляетъ до семнадцати квадратныхъ верстъ[1].

Неудивительно было бы, если бы въ древности дикіе кони водились по берегамъ этой рѣки, такъ какъ еще не очень давно они встрѣчались въ другихъ частяхъ Херсонской губерніи, хотя уже не бѣлаго, но мышеватаго цвѣта.

Послѣ всего сказаннаго нами объ особенностяхъ долины Кодыми, нельзя также считать слишкомъ натянутымъ предположеніе, что въ древности, когда всѣ наши водохранилища были обильнѣе нынѣшняго, она соотвѣтствовала «матери Гипаниса», особенно если принять во вниманіе, что это положеніе подкрѣпляется наименованіями населенныхъ мѣстъ, лежащихъ въ долинѣ Кодыми. Таково мѣстечко Палеозеро, которое Тунманомъ[2] помѣщено насупротивъ Балты, но вѣроятно совпадало съ нынѣшнимъ селомъ Кривоозеромъ, лежащимъ выше по рѣкѣ[3]. Сюда

1 Шмидтъ, стр. 219.

2 Büsching, Gr. Erdbeschreib. Troppau, 1784, IV, стр. 387.

3 Lotter, Carte géogr. représentant le théatre de la guerre entre les Russes, les Turcs etc., Augsbourg (безъ означенія года).

наконецъ можно отнести имена слѣдующихъ селъ и урочищъ: Перелиты, Ясеново, Бобрикъ, Сырово и др.

Въ пользу мнѣнія, что долина рѣки, заключающаяся между Балтою и Палеозеромъ или Кривоозеромъ, соотвѣтствовала озеру, изъ котораго вытекалъ Гипанисъ, можетъ служить еще то, что разстояніе между послѣднимъ селеніемъ и Вознесенскомъ немногимъ только превышаетъ разстояніе, на которое городъ этотъ отстоитъ отъ устья Бугскаго лимана. Такимъ образомъ оказывается, что разстояніе, отдѣляющее Кривоозеро отъ Вознесенска, равнялось бы тѣмъ пяти днямъ плаванія, которое Геродотъ полагаетъ между Горькимъ ключемъ и истокомъ Гипаниса. Разумѣется, что, въ этомъ случаѣ, слѣдовало бы также допустить, что Бугъ собственно, выше впаденія въ него Кодыми, остался неизвѣстнымъ Геродоту; этому не противурѣчила бы его замѣтка, что все теченіе Гипаниса не превышало девяти дней плаванія.

Что Геродотъ дѣйствительно принялъ нижнюю часть Кодыми за верхнюю часть Гипаниса, можно также заключить изъ того, что рѣка эта съ Тирасомъ сначала близко сходилась, между тѣмъ какъ Балта отстоитъ отъ Днѣстра верстъ на сорокъ, и что, по преданію, съ нимъ была соединена въ старину водянымъ путемъ, — быть можетъ посредствомъ Ягорлыка, берущаго свое начало близь верховьевъ Кодыми, или посредствомъ Рыбницы, которая подходитъ къ ней еще ближе.

Достовѣрно только то, что Гипанисъ сходился съ Тиресомъ въ землѣ Алазоновъ, которые слѣдовательно жили не только на лѣвомъ берегу Буга, но и на правомъ, по крайней мѣрѣ до Днѣстра, при устьѣ котораго, какъ уже было замѣчено выше, жили эллинскіе Тириты. Вѣроятно имъ-то принадлежалъ древній городъ Офіуса, занимавшій, какъ видно изъ показанія Страбона (VII, 3 § 16), мѣсто нынѣшняго Аккермана и признанный тождественнымъ съ городомъ Тирасомъ другихъ авторовъ.

Между Тиритами и Ольвіополитами обитали Каллипиды; по этому-то Геродотъ и могъ сказать, что они были смѣсью Грековъ съ Скиѳами. По всей вѣроятности они были тождественны съ Карпидами, жившими, по словамъ Эфора, между Истросомъ и Борисѳенесомъ, какъ видно изъ свидѣтельства Скимна Хіосскаго (fr. 102), у котораго это извѣстіе заимствовалъ, въ свою очередь, безымен-

ный авторъ перипла Понта Евксинскаго (ed. Gail, стр. 208). Такимъ образомъ они занимали страну, которую Страбонъ (VIII, 3 § 14) назвалъ Пустынею Гетовъ, и въ составъ которой входилъ большой островъ Тирагетовъ, упомянутый Плиніемъ (IV, 26) и отыскиваемый г. Беккеромъ[1] въ плавняхъ Днѣстровскихъ между Паланкою и Маяками.

По моему же мнѣнію, изложенному въ особой статейкѣ[2], островъ этотъ соотвѣтствовалъ нынѣшнему полуострову, образуемому Кучурганомъ и Днѣстромъ, при которомъ тутъ, возлѣ села Коротнаго, лѣтъ двадцать тому назадъ, была найдена греко-латинская надпись, заслуживающая особенное вниманіе изслѣдователей римскаго права и вызывающая любителей археологіи къ раскопкѣ большаго кургана, стоящаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ была найдена надпись[3].

Во времена Геродота Геты еще не обитали на сѣверной сторонѣ Дуная. Поэтому кажется, что жилища Алазоновъ и Каллипидовъ простирались не только до Тираса, но находились также между этою рѣкою и Истросомъ, который пятью устьями изливался въ море въ недальнемъ разстояніи отъ города Истріянъ (II, 33). Слѣды этого города, названнаго также Истросомъ или Истраполемъ, до сихъ поръ не отысканы; должно однакоже думать, что онъ находился въ окрестностяхъ Кара-ирмана, потому что, находясь на разстояніи 500 стадій отъ южнаго устья Дуная, съ другой стороны отстоялъ на 250—300 стадій[4] отъ города Томи, а послѣдній, прославленный ссылкою Овидія, несомнѣнно лежалъ при бухтѣ Анадолкійской, въ недальнемъ разстояніи отъ нынѣшняго города Кюстенджи[5].

Протекая отъ запада къ востоку (IV, 48), Истросъ принималъ въ Скиѳіи пять рѣкъ, изъ которыхъ первую, самую восточную, Геродотъ называетъ Пиретосъ,

1 Берегъ Понта Евксинскаго и пр. въ Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древн. III, стр. 187—190.

2 L'île des Tyragètes, въ Journ. d'Odessa, 1852, № 26 и 27.

3 Беккеръ, Тирасъ и Тириты, въ Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древн. II, 416—469 и моя статья: О мѣстоположеніи Тираса, въ тѣхъ-же Зап. III, стр. 47—66; сравн. также статью Мерклина въ Archäol. Zeitung, издав. Гергардомъ, 1853, стр. 161 и слѣд. и у Генцена: Coll. Inscript. Lat. стр. 274 и 508.

4 Strabo, VII, 6, § 1; Arr. per. § 24 и Anon. per. § 17.

5 Papadopoulo Vreto, La Bulgarie anc. et mod., Par., 1856, стр. 142; cf. Allard, La Bulgarie orientale, Par., 1864, стр. 61—78 и 282—295.

хотя и прибавляетъ, что Скиѳы рѣку эту называли Пората; другая, именуемая Тіарантосъ, протекала болѣе къ западу и уступала ей въ величинѣ. Остальныя, называемыя Араросъ, Напарисъ и Ордиссосъ, протекая между ними, подобно имъ, изливались въ Истросъ.

Касательно Пиретоса, или Пораты, всѣ почти толкователи Геродота согласны въ томъ, что онъ подъ нею не могъ разумѣть никакой другой рѣки, кромѣ Прута. Но за то ученые болѣе или менѣе расходятся въ мнѣніяхъ при опредѣленіи прочихъ притоковъ Истроса, смотря потому, на сколько они хотѣли раздвинуть западную границу Скиѳіи, чтобы объяснить одно изъ самыхъ затѣйливыхъ мѣстъ въ четвертой книгѣ Геродота, а именно, что Скиѳія образовывала родъ четыреугольника, стороны котораго имѣли одинаковое протяженіе.

Предоставляя себѣ возстановить ниже этотъ четыреугольникъ въ видѣ по возможности правильномъ и стараясь здѣсь только сличить съ дѣйствительностью то, что Геродотъ говоритъ о Тіарантосѣ, я не могу не согласиться съ тѣми учеными, которые приняли эту рѣку за Алуту[1].

Въ самомъ дѣлѣ Алута течетъ на западъ отъ Прута, и сначала даже направляется къ западу, чего впрочемъ Геродотъ не имѣлъ въ виду, хотя и говоритъ, что Тіарантосъ протекалъ πρὸς ἑσπέρης τε μᾶλλον[2]. Такъ какъ Истросъ, по его словамъ, входя въ Скиѳію, направлялъ свое теченіе къ востоку, то онъ не могъ тамъ-же принимать рѣку, которая стремилась бы преимущественно отъ востока къ западу. Затѣмъ Алута, подобно Тіарантосу, меньше Прута; наконецъ между ними протекаютъ три рѣки, мало уступающія имъ въ величинѣ, а именно: Серетъ, Яломица и Арджисъ.

Такимъ образомъ остается только рѣшить вопросъ: какой изъ этихъ трехъ рѣкъ соотвѣтствовала каждая изъ тѣхъ, которыя Геродотъ припоминаетъ между Тіарантосомъ и Поратою?

На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣчать съ г. Думшинымъ[3], что Геродотъ

1 Байеръ, Кратк. опис. Коммент. Академіи наукъ, 148, 149; d'Anville, Mém. de l'Acad. des Inscriptions XXVIII, стр. 161; Niebuhr, Kl. hist. Schriften, I, стр. 356; Baehr, l. l. стр. 397 и слѣд.

2 Ср. мнѣніе Швейггейзера, въ прив. трудѣ Бера стр. 398.

3 О рѣкахъ Скиѳіи, по Геродоту, стр. 17.

необходимо долженъ былъ помѣстить ихъ отъ востока къ западу, сообразно съ общимъ положеніемъ всѣхъ рѣкъ, текущихъ въ Истръ, а не на оборотъ, какъ полагалъ Маннертъ[1]. Въ послѣднемъ случаѣ ему нечего было дѣлать такіе скачки: сначала отъ востока къ западу (Пората, Тіарантосъ); потомъ отъ запада къ востоку (Араросъ, Напарисъ, Ордиссосъ); наконецъ снова на западъ (Марисъ, Атласъ и другія), когда онъ могъ гораздо проще держаться одного и того-же направленія.

И такъ Араросъ совпадалъ съ Серетомъ, Напарисъ съ Яломицою и Ордиссосъ съ Арджисомъ; въ имени послѣдняго даже слышится древнее названіе его, между тѣмъ какъ Араросъ могъ быть превращенъ Птолемеемъ (III, 10) въ Іерасосъ, который скорѣе соотвѣтствовалъ Серету, нежели Пруту, такъ какъ при его устьѣ Дунай круто поворачиваетъ къ востоку. Такимъ образомъ городъ Диногетію, лежавшій, по Птолемею, при впаденіи Іерасоса въ Дунай, пришлось бы искать не при Рени на Прутѣ, а нѣсколько къ западу отъ Галаца, на восточномъ берегу Серета, гдѣ сохранились развалины[2].

Протекавшая къ западу отъ Тіарантоса рѣка Марисъ, подъ которой Геродотъ явно разумѣлъ Марошъ и Тиссу, отъ принятія ею перваго, находилась уже внѣ Скиѳіи въ землѣ Агаѳирсовъ, жилища которыхъ граничили къ С. В. съ Неврикою.

Одинъ только Линднеръ (l. l. стр. 138) предполагалъ тождество Мариса съ Алутою, а Надеждинъ это объявилъ предположеніе фактомъ, не подлежащимъ уже никакому сомнѣнію, единственно на томъ основаніи, что Геродотъ (IV, 104) называетъ Агаѳирсовъ народомъ «чрезвычайно золотоноснымъ» и что по этому-то протекавшій по ихъ странѣ Марисъ долженствовалъ быть ничто иное, какъ нынѣшняя «золотоносная Ольтъ или Алута», берущая свое начало въ ущельяхъ Карпатскихъ горъ, не вдалекѣ отъ источниковъ Мароша.

Такъ какъ эта послѣдняя рѣка еще болѣе Алуты заслуживаетъ эпитетъ «золотоносной рѣки», то и нѣтъ надобности удалять Агаѳирсовъ изъ Трансильваніи, или Эрдиліи, еслибы даже между именемъ ихъ, напоминающимъ Мюлленгофу[3]

1 Geogr. der Griechen und Römer, IV, стр. 105.

2 Ukert, Geogr. d. Griechen und Römer, III, 2, стр. 622.

3 Ueber die Sarmaten des Ptolemäus, въ Mon.-Berichte der Berl. Akad. der Wiss. Januar, 1866, стр. 11

позднѣйшихъ Акациpовъ, и турецкимъ словомъ агачеры, т. е. лѣсные жители, не было ничего общаго, кромѣ случайнаго созвугія.

Имя Агаѳирсовъ было передано Геродоту безъ сомнѣнія Скиѳами: послѣдніе же могли называть своихъ сосѣдей Агачерами въ такомъ развѣ случаѣ, когда сами были тюркскаго племени. Но это весьма сомнительно, не смотря на новые доводы, которые недавно въ пользу этого мнѣнія, высказаннаго уже другими, были представлены г. Хвольсономъ[1] на основаніи турецкихъ именъ на еврейскихъ эпитафіяхъ, открытыхъ въ Чуфутъ-Кале и въ другихъ пунктахъ Крыма и относимыхъ имъ къ первымъ столѣтіямъ нашей эры.

Предполагая, что Скиѳы обитали тогда еще въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ ихъ засталъ Геродотъ, г. Хвольсонъ увѣренъ, что приведенныя имена были заимствованы крымскими Евреями у нихъ, или же у Тавровъ. Но дѣло въ томъ, что еще въ IV или по крайней мѣрѣ въ III вѣкѣ до Р. Х., вмѣсто Скиѳовъ, въ Новороссійскомъ краѣ господствовали Сарматы; иранское происхожденіе послѣднихъ, еслибы оно даже не было признано всѣми изслѣдователями, явствуетъ уже изъ именъ на памятникахъ, найденныхъ въ Ольвіи, равно какъ и въ разныхъ мѣстахъ Таврическаго полуострова и принадлежащихъ, по крайней мѣрѣ отчасти, къ той самой эпохѣ, къ которой г. Хвольсонъ относитъ объясненныя имъ надгробныя надписи.

По этому турецкія имена, которыя на нихъ встрѣчаются, заставляютъ насъ только усомниться въ правильномъ опредѣленіи времени, на нихъ отмѣченномъ, но отнюдь ничего не доказываютъ въ пользу турецкаго происхожденія Геродотовыхъ Скиѳовъ.

Вообще вопросъ о народности сихъ послѣднихъ сопряженъ съ бо́льшими трудностями, чѣмъ объясненіе хорографическихъ и топографическихъ извѣстій, переданныхъ намъ древними авторами о ихъ отечествѣ.

На этомъ поприщѣ мы можемъ постоянно сличать ихъ воззрѣнія съ дѣйствительностью, такъ какъ характеръ здѣшняго края, въ главныхъ чертахъ своихъ, не измѣнился. Напротивъ того мы въ немъ уже не встрѣчаемъ потомковъ древнихъ Скиѳовъ, и не только не знаемъ, куда они дѣвались, но и не можемъ даже

1 Achtzehn hebr. Grabschr., въ Mém. de l'Acad. de St. Pét. Série VII-e, т. IX, № 7.

сказать утвердительно, какіе именно изъ памятниковъ, донынѣ открытыхъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи, въ нѣдрахъ земли и надъ нею, должны быть отнесены къ нимъ, а не къ сосѣдямъ ихъ или другимъ народамъ, поочередно гостившимъ въ нашихъ степяхъ послѣ нихъ, или даже ихъ опередившимъ. Такъ напр. невѣроятно, чтобы въ нихъ совершенно исчезли памятники, воздвигнутые или оставленные внутри земли Киммеріянами, которые прежде Скиѳовъ владѣли сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, гдѣ слѣды ихъ пребыванія были еще замѣтны во времена Геродота и даже — Страбона.

По примѣру знаменитаго Тьерри, профессоръ оксфордскаго университета Раулинсонъ, въ особомъ прибавленіи къ своему переводу Геродота (III, стр. 150 — 156), старался доказать тождество этого народа не только съ позднѣйшими Кимбрами, громившими римскія владѣнія, но и съ Кельтскими Кимрами (Cymry), нынѣшними обитателями Уэльса.

Правда, г. Георгіевскій (Галлы въ эпоху К. Ю. Цез. 1865, стр. 46) увѣряетъ, что ему удалось не только поколебать, но и совершенно сокрушить этнографическое зданіе Тьерри, доказывая: 1) что Кимбры или Кимвры принадлежали не къ кельтскому, а къ германскому племени, и 2) что Киммеріяне также были не Галлы, а народъ Ѳракійскаго племени, потому что, по Страбону (I, 3, 21 и XIV, 1, 40), къ нимъ принадлежали Триры, послѣдніе же, по словамъ Ѳукидида (II. 96), были народомъ Ѳракіи.

Впрочемъ г. Георгіевскій (стр. 47) самъ даетъ намъ поводъ думать, что зданіе, воздвигнутое приведенными учеными, не рушилось совершенно, допуская, что, кромѣ нѣмецкихъ Кимбровъ, въ близкомъ ихъ сосѣдствѣ, были и Кельтскіе, и соглашаясь на ихъ счетъ съ слѣдующимъ мнѣніемъ Дункера (Orig. Germ. I, стр. 95 – 99): «еще за долго до подвиговъ Кимбровъ и Тевтоновъ, надѣлавшихъ столько шума въ римскомъ и греческомъ мірѣ, греческіе писатели (Клитархъ въ IV и грамматикъ Филемонъ въ III вѣкѣ) упоминаютъ о Кимбрахъ на берегу Океана, всадники которыхъ едва успѣли спастись отъ наводненія (по разсказу 1-го, ср. Strab. VII, 2, 1) и которые (по свидѣтельству 2-го) называли Балтійское море «Morimarusa» (Мертвое море) до мыса Rubeas, и Cronium (Запруженное) далѣе его (Plin. H. N. IV, 13), а эти слова скорѣе всего могутъ принадлежать именно Кимрскому языку (см. Diefenbach, Orig. Eur. p. 387 – 389). Точно такого-же мнѣнія дер-

жится Нильсонъ (Die Ureinw. d. Scand. Nord. нѣм. пер. стр. 114); онъ еще производитъ названіе мыса Рубеасъ отъ уэльскаго «Rhyhyz», знакъ, и также говоритъ о наводненіи, которое началось у восточнаго берега Балтійскаго моря и изгнало обитавшихъ при немъ кельтскихъ Кимбровъ. Хотя въ геологической части своего труда, мнѣ недоступной, г. Нильсонъ и доказываетъ, что сказанная катастрофа случилась около 200 лѣтъ послѣ мореплавателя Пиѳея, тѣмъ не менѣе я не сомнѣваюсь, что это было то самое событіе, о которомъ извѣстія дошли до Клитарха.

Такъ какъ въ его время кельтскіе Кимбры обозначали Бальтійское море именемъ Мертваго или «Ледовитаго» (Nilsson, 1. с.), то вѣроятно они добрались до него не съ сѣвера, а съ юга, и именно съ тѣхъ мѣстъ, откуда Киммеріяне были изгнаны Скиѳами.

Ничто не помѣшало бы намъ вѣрить Плутарху (Mar. XII) и другимъ древнимъ авторамъ, что эти Кимбры были даже потомками самихъ Киммеріянъ, если бы только мы могли устранить приведенное свидѣтельство Страбона о тождествѣ послѣднихъ съ Ѳракійскими Трирами. Разъясненіе этого вопроса повело бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только, что Раулинсонъ (I, 298), кажется справедливо, доказываетъ, что Киммеріяне не были Ѳракіяне, хотя неоднократно вмѣстѣ съ сосѣдственными имъ Трирами нападали на Малую-Азію. По этому насъ не удивляетъ, какимъ образомъ Страбонъ (XI, 2 § 4) могъ назвать «кимбрскимъ» мѣстечко, которое у другихъ называется киммерійскимъ. Отъ него мы узнаемъ также, что это мѣстечко было построено однимъ изъ царей воспорскихъ и находилось въ недальнемъ разстояніи отъ рѣки Корокондаме и жилищъ Аспургіяновъ, народность коихъ еще не разгадана. Впрочемъ на картѣ Пейтингерской мы встрѣчаемъ возлѣ ихъ имени приписку Tanais Galatie; въ этихъ-же мѣстахъ могли обитать и Кимбры (Галаты) Діодора (V, 32; ср. Diefenbach, Celt. II, стр. 301).

Если же допустить, что Киммеріяне донынѣ могли удержаться въ горахъ у Эльса, то нельзя не признать правдоподобнымъ мнѣніе Гаттерера и другихъ изслѣдователей, что Тавры, которыхъ Геродотъ рѣзко отличаетъ отъ Скиѳовъ, были именно Киммеріяне, удержавшіеся въ горной части Крыма по изгнаніи Скиѳами ихъ братьевъ изъ прочихъ частей нашего края. Правда, подобное заключеніе нельзя выводить прямо изъ словъ Геродота, но за то онъ свидѣтельствуетъ что въ его время слѣды господства Киммеріянъ сохранялись осо-

бенно въ окрестностяхъ «Таврики». Въ этой мѣстности имъ представлялось больше возможности противустоять напору Скиѳовъ, чѣмъ ихъ сотечественникамъ, которымъ менѣе благопріятствовали мѣстныя особенности ихъ жилищъ.

По крайней мѣрѣ въ исторіи мы рѣдко встрѣтимъ примѣръ, чтобы народъ, вытѣсненный непріятелемъ изъ низменныхъ частей своего отечества, не удержался въ его верхнихъ частяхъ, т. е. въ горахъ.

Наконецъ самое даже имя Тавровъ слышится въ именахъ «Teuristae» и «Taurisci», которыхъ Посидоній (Fr. 75) называетъ Галлами, равно какъ и — въ имени города «Tauroeis», или «Tauroentium», города кельтскаго по Стефану Византійскому. Въ имени Таврики отзывается также, не по одному только подобозвучію, кельтское слово «Tauern», которымъ и теперь еще онѣмеченные жители древняго Норикума обозначаютъ гористый край.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса о тождествѣ Кимровъ и Киммеріянъ не мѣшало бы сличить такъ называемые «Celtic monuments» съ могильными памятниками, встрѣчающимися въ большомъ числѣ на южномъ берегу Крыма, равно какъ самые черепа и разнаго рода древности, уже найденныя, или которыя еще могутъ быть открыты, съ подобными предметами, хранящимися въ музеяхъ Соединенныхъ-Королевствъ.

По крайней мѣрѣ тогда объяснилась бы причина поразительнаго сходства между кельтскими «дольменами», или каменными столами и нашими крымскими «гробницами», которыя покойный Фабръ ошибочно назвалъ жертвенниками, какъ показалъ г. Чекалевъ (Зап. Одесс. Общ. VI, 516). Замѣчу кстати, что г. Кондараки, сообщая Одесскому Обществу Исторіи и Древностей извѣстія объ этихъ-же памятникахъ, говоритъ между прочимъ, что возлѣ деревни Скели, недалеко отъ прохода чрезъ Яйлу, извѣстнаго у Татаръ подъ именемъ Шайтанъ-мердевенъ (Чортова лѣстница), онъ замѣтилъ два громадныхъ камня, поставленныхъ стоймя и издали имѣющихъ подобіе истукановъ.

Описывая два подобныхъ камня, видѣнныхъ имъ въ Швеціи на разстояніи 6 футовъ одинъ отъ другаго, и имѣющій каждый около 15 футовъ высоты, г. Нильсонъ (l. c. Nachtrag, p. 96) думаетъ, по разнымъ признакамъ, что они нѣкогда были связаны плитою, надъ ними лежавшею.

Если бы тоже самое можно было сказать о столбахъ, видѣнныхъ г. Конда-

раки, то ихъ можно бы было сравнивать съ т. н. pierres levées, или каменными воротами изъ двухъ столбовъ съ такой-же перекладиной, часто встрѣчающимися въ Бретани (Георгіевскій, l. c. стр. 198), нынѣ еще населенной Кимрами.

Если допустить сродство народовъ, оставившихъ послѣ себя приведенные памятники, то я указалъ бы на нѣкоторые пункты Тавриды, имена которыхъ могли быть кельтскія, напр. на Ѳеодосію, которая, по Безъименному, на языкѣ Тавровъ или Алановъ, называлась «Ардабда» или «Ardavda», и на мысъ Кріуметопонъ, который, по Псевдо-Плутарху (De fluv. p. 28, ed. Huds.) названъ такъ Греками, переводившими туземное его названіе «Бриксаба» (ср. Diefenbach, Or. Eur. стр. 92: «ein vorskythisches Wort»).

Доказывая, что имя Ардабда происхожденія иранскаго, г. Мюлленгофъ (Ueber d. Herkunft u. Sprache d. pont. Scythen u. Sarm. въ Mon.-Ber. d. Ac. zu Berlin, VIII, 1866) видитъ въ немъ «скиѳское» названіе города, на томъ основаніи, что, по словамъ авторовъ периплов, Ѳеодосія не лежала въ области Тавровъ, и что во времена Геродота царскіе Скиѳы владѣли восточною частью Полуострова. Но изъ того, что онъ говоритъ о южной границѣ Скиѳіи, явствуетъ также, что Тавры тогда еще жили на всемъ южномъ берегу до рва, слѣды котораго, подобно развалинамъ города Киммерикона, нынѣ еще замѣтны у подошвы горы Опукъ, къ востоку отъ Ѳеодосіи. Притомъ, безъименный авторъ перипла едва ли разумѣлъ древнихъ Скиѳовъ подъ своими Таврами, или Аланами, предками, какъ полагаютъ (ibid. 552) нынѣшнихъ Осетинцевъ, которые, какъ извѣстно, самихъ себя называютъ Иронъ и принадлежатъ безъ всякаго сомнѣнія, къ арійскому или индо-германскому племени, тогда какъ вопросъ о происхожденіи Скиѳовъ еще не рѣшенъ.

Не сомнѣваясь, подобно академику берлинскому, что они Иранцы, г. Бергманъ (Les Scythes, etc. 2-е изд. стр. IX) хочетъ насъ увѣрить, что слово «vriskava» есть скиѳскій переводъ киммерійскаго слова. Между тѣмъ ничто не мѣшало ему приписать его прямо Киммеріянамъ, такъ какъ въ нихъ онъ также признаетъ Индо-Германцевъ; мысъ же Кріуметопонъ находился не въ Скиѳіи, а въ странѣ, гдѣ не могли не удержаться Киммеріяне, даже послѣ временъ Геродота, и которая нынѣ еще называется, быть можетъ (см. выше), кельтскимъ именемъ своимъ.

По-этому я спросилъ бы знатоковъ этого языка, нельзя ли при помощи его объяснить и значеніе другихъ именъ, присвоенныхъ древними разнымъ мѣстно-

стямъ Тавриды, какъ то Плиніевой: Taurorum civitas Placia; его-же civitas Parasinum in Taurorum peninsula и тамошняго холма Librosus, или упомянутыхъ Птолемеемъ мыса Corax, городовъ Boeon, Argoda, Lagyra и рѣки Istrianus (ср. Diefenbach, Celt. II, стр. 302).

Что же касается Скиѳовъ, то упомянутая выше неопредѣленность вещественныхъ памятниковъ, имъ приписанныхъ, не помѣшала бы намъ выйти изъ недоумѣнія касательно ихъ народности, если бы только намъ хорошо былъ извѣстенъ языкъ, которымъ они говорили. Къ сожалѣнію Геродотъ и другіе авторы передали намъ лишь небольшое число скиѳскихъ словъ, и то въ столь искаженномъ видѣ, что они могли служить средствомъ для защищенія мнѣній, діаметрально противуположныхъ другъ другу.

Такъ напр. Карлъ Фридрихъ Нейманъ, въ увѣнчанномъ парижскою академіею сочиненіи (Die Voelker d. südl. Russl. 2 изд. стр. 12) приводитъ разныя изъ этихъ словъ для подтвержденія своего мнѣнія, что Сколоты (Скиѳы) говорили по турецки.

Въ свою очередь Карлъ Нейманъ въ извѣстномъ трудѣ своемъ (Die Hellenen im Skythenlande, стр. 194 и др.), при помощи тѣхъ-же словъ, пытается подкрѣпить высказанное Нибуромъ и принятое Шафарикомъ, Ганзеномъ и другими мнѣніе, что Геродотовы Скиѳы были Монголы. Но по совершенному незнакомству автора съ языкомъ монгольскимъ попытка эта должна была остаться безъ результата, какъ это показалъ г. Шифнеръ (Sprachl. Bedenken g. d. Mongolenthum d. Sk., въ Bull. de l'Ac. d. St.-Pét. XIII, стр. 205), который, по видимому, склоняется къ мнѣнію, что наши Скиѳы едва ли не были Иранцы, какъ это полагали уже графъ Потоцкій и Клапротъ. Мнѣніе это, принятое за тѣмъ многими знаменитыми учеными, а именно Гриммомъ и Цейсомъ, въ послѣднее время нашло новыхъ защитниковъ, которые всѣ, независимо одинъ отъ другаго, старались объяснить географическія и личныя имена, относимыя Геродотомъ къ Скиѳамъ, изъ санскрита, или же изъ языка древнихъ Бактріянъ.

Задачу эту взялись рѣшить, въ приведенныхъ выше сочиненіяхъ, страсбургскій профессоръ Бергманъ, оксфордскій Раулинсонъ (III, 157—167) и академикъ Мюлленгофъ.

Къ сожалѣнію всѣ они, хотя и совершенно согласны касательно главнаго пункта, почти всегда расходятся въ результатахъ при отысканіи корней различ-

ныхъ скиѳскихъ словъ въ древне-иранскихъ нарѣчіяхъ и этимъ, разумѣется, вредятъ дѣлу, которое они взялись защищать.

По крайней мѣрѣ непосвященные въ таинства сравнительной лингвистики остаются въ недоумѣніи, кто изъ нихъ правъ, и могутъ роптать на берлинскаго академика за то, что онъ счелъ лишнимъ указать на причины, по которымъ, въ этихъ частностяхъ, призналъ неосновательнымъ взглядъ своихъ предшественниковъ.

Если слѣдовательно кажется, что г. Мюлленгофъ, съ помощью «глоттики», не достигъ вполнѣ своей цѣли, т. е. окончательно не рѣшилъ вопроса объ иранскомъ происхожденіи Скиѳовъ, то нужно ему отдать справедливость, что онъ вопросъ этотъ значительно подвинулъ впередъ разными другими соображеніями. Впрочемъ онъ заходитъ уже слишкомъ далеко, когда основываясь на томъ, что Аргиппеи (которыхъ Геродотъ различаетъ отъ Скиѳовъ) явно были Монголы, не только заключаетъ, что Скиѳы должны были принадлежать къ какому либо другому племени, но и утверждаетъ, что они непремѣнно были Иранцы, въ томъ предположеніи, что Будины (которыхъ Геродотъ дѣйствительно также различаетъ отъ Скиѳовъ), подобно «волжскимъ» ихъ сосѣдямъ, были Финны, потому что отличались красноватою кожею тѣла и голубыми глазами.

По крайней мѣрѣ послѣднее обстоятельство не помѣшало бы ему сказать на оборотъ, что Будины (жилища коихъ далеко не доходили до Волги) были Иранцы, и что Скиѳы, которые, по Гиппократу, также были рыжи, принадлежали къ финскому или уральскому племени, къ которому ихъ и относитъ отчасти Вивіенъ-де-Сенъ Мартенъ (Mém. sur la geogr. anc. du Caucase, p. 77), придерживаясь весьма правдоподобнаго мнѣнія г. Куника, что имя ихъ имѣло въ извѣстномъ періодѣ значеніе географическое, а не этнографическое, т. е. что оно рано отъ народа иранскаго въ Трансоксанѣ перешло къ разнымъ другимъ народамъ, обитавшимъ къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ нихъ.

За то нельзя не согласиться съ г. Мюлленгофомъ въ томъ, что кочевая жизнь, которую вели отчасти наши Скиѳы, ничего не доказываетъ противъ иранскаго ихъ происхожденія, такъ какъ и другіе народы того-же племени не имѣли постоянныхъ жилищъ, да притомъ человѣкъ вообще, къ какому бы

племени онъ ни принадлежалъ, зависитъ отъ мѣстныхъ особенностей края, въ которомъ избралъ свое жилище.

Особенно важный аргументъ въ пользу иранскаго происхожденія Скиѳовъ г. Мюлленгофъ находитъ въ томъ, что, по словамъ Геродота, Сарматы говорили испорченнымъ скиѳскимъ языкомъ, тогда какъ Шафарикъ изъ этихъ-же словъ древняго автора вывелъ ошибочное заключеніе, что «монгольскіе» Скиѳы заимствовали многія слова изъ языка мидо-персидскихъ, т. е. иранскихъ Сарматовъ.

Наконецъ г. Мюлленгофъ, въ пользу своего мнѣнія, могъ бы сослаться на замѣтку Геродота (IV, 10), что родоначальники Скиѳовъ и Гелоновъ были младшими братьями родоначальника Агаѳирсовъ, между тѣмъ какъ послѣдніе принадлежали къ народу Гетовъ, иранское происхожденіе которыхъ весьма правдоподобно, хотя бы они и не были Славянами, что̀, вопреки мнѣнію Шафарика, я считаю возможнымъ.

Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что Несторъ, говоря о дунайскихъ Славянахъ, которые, будучи тѣснимы Влохами, должны были перебраться къ берегамъ Днѣпра, скорѣе имѣлъ въ виду несчастную борьбу Гетовъ или Даковъ съ Италійцами временъ Траяна, чѣмъ воинственныя движенія Галловъ, съ начала IV столѣтія до Р. Х., какъ утверждаетъ г. Георгіевскій (l. c. стр. 361), увлекшійся авторитетомъ Шафарика.

Не говоря о томъ, что въ то время набѣги Галловъ уже едва ли касались Трансильваніи, замѣтимъ только, что со взглядомъ Шафарика никакъ нельзя согласовать слѣдующіе факты:

1) что Нѣмцы въ настоящее время называютъ Итальянцевъ Вельшами, потому что предки ихъ подъ именемъ Walha разумѣли обитателей покоренныхъ ими римскихъ провинцій, и не одной только Галліи;

2) что англосаксонскіе монахи, по этой именно причинѣ, называли жителей Франціи «Gal-walas, antiquo vocabulo, quasi Gallos-Romanos» (Thierry, Conq. de l'Ang. I, стр. 153);

3) что Славяне, познакомившіеся съ Римлянами при посредничествѣ Германцевъ и нынѣ еще называющіе Итальяцевъ Волохами или Влохами, впослѣдствіе приняли это имя отъ Нѣмцевъ также для означенія народа, который самъ себя называетъ Румынскимъ, т. е. Римскимъ, и говоритъ языкомъ, гораздо болѣе походящимъ на итальянскій, чѣмъ на древне-кельтскій.

Притомъ авторъ «Славянскихъ древностей», хотя и признаетъ Кельтовъ въ Несторовыхъ Влохахъ, тѣмъ не менѣе допускаетъ, что подъ послѣднимъ именемъ Славяне разумѣли *и Римлянъ, переселившихся въ Дакію,* а по сему самому приходитъ къ заключенію, что лѣтописецъ нашъ, безъ сомнѣнія, смѣшалъ различныя преданія, сохранившіяся у Дунайскихъ Славянъ (I, 229—237), и такимъ образомъ сваливаетъ на Нестора свою собственную вину.

Впрочемъ я не отрицаю, что упомянутыя движенія Галловъ могли заставить Гетовъ или Даковъ переселиться отчасти въ Трансильванію, и что по этому-то Агаѳирсы должны были оттуда двинуться далѣе къ сѣверу.

Дѣйствительно во времена Александра и Лизимаха мы уже встрѣчаемъ Гетовъ на сѣверной сторонѣ нижняго Дуная; въ этихъ мѣстахъ они удержались до временъ Траяна, не смотря на частыя войны ихъ съ Галлами, которые простерли свое оружіе до окрестностей Ольвіи, какъ видно изъ извѣстной надписи въ честь Протогена, хранящейся въ Черниговской губерніи, въ имѣніи Стольномъ.

Къ сожалѣнію ученые донынѣ не могли согласиться касательно времени, къ которому относится эта надпись. По Кёлеру (Zwei Aufschr. der St. Olbia, S. P. 1822) она была составлена въ царствованіе Августа; по Рауль Рошетту (Ant Gr. du Bosph. Cimm.)—во времена войнъ съ Митридатомъ; Бёкъ (C. I. Gr. II, стр. 23) относитъ ее ко второму или первому вѣку до Р. Х.; Шафарикъ (Slav. Alt. I, 397), по примѣру Нибура (Kl. Schrift. I, 387), ко времени второй пунической войны, а Рёсслеръ (Die Geten etc. въ Sitz.-Ber. d. Wien. Ac. 1863, стр. 175), по примѣру Шмита (Das olb. Pseph. въ Rhein. Mus. 1836, стр. 273 и слѣд.), даже — къ первой половинѣ третьяго столѣтія.

«Но», говоритъ осторожный Укертъ (Scyth., стр. 47) «ничто не позволяетъ думать, что Галаты уже тогда простерли свое оружіе къ сѣверо-востоку», и вѣроятно не ошибается, когда въ Галатахъ, упомянутыхъ въ надписи, признаетъ Бастарновъ, которые, около половины втораго вѣка, господствовали между Карпатами и устьями Дуная и въ которыхъ Цейсъ (Die Deutsch. etc. стр. 61), безъ основанія, видитъ Германцевъ, тогда какъ Дифенбахъ (Celt. II, стр. 285) уже рѣшительно ошибается, когда въ приведенныхъ Галатахъ подозрѣваетъ Киммеріянъ, дотолѣ удержавшихся въ окрестностяхъ Ольвіи!

Савдараты, упомянутые въ одномъ лишь псефизмѣ, вмѣстѣ съ Ѳисаматами и

и Скиѳами, попали туда, быть можетъ по ошибкѣ, вмѣсто Савроматовъ, или Сарматовъ.

Имя послѣднихъ за тѣмъ долго еще сохранилось, хотя въ смыслѣ чисто географическомъ, будучи примѣняемо къ различнымъ народамъ (Schafarik I, 372), обитавшимъ къ сѣверо-востоку отъ Германіи, и въ томъ числѣ къ Литовцамъ, которые, подобно Славянамъ и Германцамъ, принадлежатъ къ иранскому племени. Къ нимъ часто причисляютъ Ятвяговъ (ibid. стр. 349, п. 2), потомковъ, можетъ быть, сарматскихъ Язиговъ, или Яциговъ, единоплеменниковъ Алановъ, жившихъ, по словамъ Птолемея, при рѣкѣ Рубонъ или, правильнѣе, Рудонъ (Marc. Heracl.), Rhudon, т. е. Западной Двинѣ (Schaf. I, 496; ср. Peschel, G. d. Erdk. 4), именемъ своимъ обязанной, безъ сомнѣнія, народу, который къ рѣкамъ Скиѳіи примѣнилъ имена: Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ и Дунай, и по которому Англосаксонецъ Альфредъ называетъ Балтійское море: Sermondisc.

Что между тѣмъ Агаѳирсы изъ прежнихъ своихъ жилищъ при Марисѣ переселились въ ихъ сосѣдство, явствуетъ не только изъ Птолемея, но и изъ Маркіана, который помѣщаетъ жилища ихъ при рѣкѣ Хезиносъ, текущей въ Балтійское море.

Такимъ образомъ мы имѣли бы нѣкоторое право видѣть въ нихъ предковъ лѣсныхъ жителей, хотя и не турецкихъ, но славянскихъ, т. е. Древлянъ, даже въ такомъ случаѣ, если бы прежніе ихъ сосѣди, т. е. Невры, Андрофаги и Меланхлены, оказались не Финнами, а также Славянами, какъ думаетъ г. Мюлленгофъ (стр. 576), который къ финскому племени, кромѣ Будиновъ, относитъ еще Ѳисагетовъ и Иврковъ.

Различные отъ Будиновъ Гелоны, въ свою очередь, подобно Агаѳирсамъ, принадлежали бы къ иранскому племени, если бы даже говорили по гречески, будучи потомками эллинскихъ выходцевъ, какъ замѣчаетъ Геродотъ.

Возвращаясь наконецъ къ потомкамъ младшаго сына Геркулеса, т. е. къ Скиѳамъ, сродственнымъ Агаѳирсамъ и Гелонамъ, замѣтимъ только, что г. Бергманъ можетъ быть и не ошибается, выдавая ихъ за праотцевъ Германцевъ, хотя доказательства, собранныя имъ для подкрѣпленія этого мнѣнія, невольно припоминаютъ французскую пословицу: qui prouve trop, ne prouve rien.

Мнѣнію его, впрочемъ, даетъ нѣкоторую опору замѣтка Плинія (IV, 28), что

прежніе Скиѳы стали называться не только Сарматами, но и Германцами: Scythorum nomen usquequaque transit in Sarmatas atque Germanos.

Хотя Страбонъ (XII, 3, § 21), который вовсе не упоминаетъ объ Агаѳирсахъ, считаетъ недостовѣрнымъ то, что Геродотъ и другіе авторы говорятъ о Каллипидахъ, тѣмъ не менѣе Мела (II, 1, 7; cf. Sol. c. 20) снова говоритъ о нихъ, помѣщая жилища ихъ между Гипанисомъ и Аксіацесомъ, въ которомъ нельзя не признать Тилигула, принятаго Надеждинымъ (l. c. стр. 36 и слѣд.) за Геродотовъ Гипанисъ. Не говоря о томъ, что Тилигулъ, все теченіе котораго отъ истоковъ до Чернаго моря составляетъ менѣе двухъ сотъ верстъ[1], въ древности едва-ли былъ судоходенъ на девять дней плаванія (если даже на каждый день положить съ Надеждинымъ отъ 20 до 30 верстъ), несообразность его гипотезы уже явствуетъ изъ того, что Тилигулъ, нынѣ отдѣленный отъ моря широкою полосою, въ старину хотя и могъ прилегать къ нему непосредственно, но только на разстояніи двадцати пяти верстъ отъ устья Днѣпровскаго лимана. Гипанисъ же впадалъ въ верхнюю часть того-же лимана, изливаясь въ одно и тоже болото, или въ одну и туже заводь (ἕλος) съ Борисѳенесомъ.

Таковою Геродотъ уже никакъ не могъ назвать ту часть Чернаго моря, которая заключается между Очаковымъ и Одесскимъ заливомъ.

Плиній (IV, 26) вѣроятно также имѣлъ въ виду Каллипидовъ, говоря о Кробизахъ, жившихъ къ востоку отъ Аксіацеса. Ошибка римскаго автора вѣроятно произошла оттого, что Ѳракійскіе Кробизы, именемъ своимъ припоминающіе Несторовыхъ Кривичей, обитали въ недальнемъ разстояніи отъ Одиссоса, и что городъ того-же имени, Плиніемъ впрочемъ названный Ordesus, находился около устья Аксіацеса, какъ явствуетъ не столько изъ слѣдовъ древняго поселенія, открытыхъ въ селѣ Троицкомъ, или Коблевкѣ[2], сколько изъ измѣреній Арріана (ed. Gail, стр. 77) и Безъименнаго (ibid. стр. 219), по единогласному свидѣтельству коихъ пристанище для судовъ, именуемое Одиссосъ, находилось на разстояніи 80 стадій отъ небольшаго острова, лежавшаго предъ устьемъ Борисѳенеса, т. е. отъ нынѣшняго острова Березани.

Птолемей (III, 5), называющій этотъ городъ Ордиссосомъ, помѣщаетъ въ его

1 Шмидтъ, l. l. I, стр. 222.

2 Зап. Одесс. Общества, стр. V, 589.

сосѣдствѣ Гарпіевъ, которые, такимъ образомъ, подобно Карпидамъ Эфора и Кробизамъ Плинія, обитали въ-тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ до нихъ жили Каллипиды Геродота.

Кромѣ этого народа, сосѣдями Эллиновъ, обитавшихъ при Гипанисѣ, были еще Скиѳы-земледѣльцы, жилища которыхъ простирались къ востоку (отъ Ольвіи, или же отъ храма Димитры) на три дня ходьбы до Пантикапеса, т. е. до Ингульца, а за тѣмъ еще на одиннадцать дней вверхъ по Днѣпру, т. е. какъ обыкновенно думаютъ, до окрестностей Никополя, такъ какъ плаваніе вверхъ по рѣкѣ и нынѣ еще потребовало бы столько времени. Что Геродотъ въ этомъ случаѣ (IV, 18) говоритъ о плаваніи противъ теченія, становится правдоподобнымъ и по другому мѣсту (IV, 53), гдѣ онъ для жилищъ этихъ-же Скиѳовъ внизъ по рѣкѣ считаетъ только десять дней плаванія, вмѣсто прежде упомянутыхъ имъ четырнадцати дней (11 и 3).

Впрочемъ плавни Днѣпровскія, не только на лѣвомъ, но и на правомъ берегу рѣки, въ которыхъ и нынѣ не занимаются хлѣбопашествомъ[1], не могли входить въ составъ области, занимаемой Скиѳами-земледѣльцами.

Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ показаніе Геродота совершенно согласно съ характеромъ мѣстности. Такъ онъ говоритъ (IV, 19): на востокъ отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, если перейти Пантикапесъ рѣку, живутъ Скиѳы-кочующіе (νομάδες), которые ни сѣютъ, ни орутъ. За тѣмъ, какъ бы желая нарочно доказать, что имъ уже принадлежали плавни рѣки, тутъ-же присовокупляетъ: вся эта страна «кромѣ Гилеи» совершенно безлѣсна. Наконецъ еще замѣчаетъ: эти кочующіе Скиѳы къ востоку занимаютъ страну, простирающуюся на четырнадцать дней сухопутной ходьбы, до рѣки Герроса.

Такъ какъ при описаніи рѣкъ Скиѳіи, Геродотъ (IV, 55) не только помѣщаетъ Гипакирисъ между Пантикапесомъ и Герросомъ, но еще говоритъ, что онъ, т. е. Гипакирисъ, протекалъ чрезъ средину земли кочующихъ Скиѳовъ, то намъ представляется новое доказательство въ пользу мнѣнія, что подъ Гипакирисомъ онъ не могъ разумѣть ничто иное, какъ Каркинитскій или Перекопскій заливъ, при устьѣ котораго лежалъ городъ Каркинитисъ, Керкинитисъ или Carcine другихъ

1 Шмидтъ, l. l. I, стр. 168.

авторовъ, и который изливается въ море, оставляя вправо Гилею и такъ называемый Ахиллесовъ-бѣгъ. Этого нельзя сказать ни объ одной изъ рѣкъ, въ которыхъ до сихъ поръ хотѣли видѣть Геродотовъ Гипакирисъ.

Исключеніе составляетъ одинъ только Каланчакъ, или Канилчакъ, такъ какъ это единственная рѣка между Кинбурномъ и Перекопомъ.

Рѣка эта образуется изъ двухъ небольшихъ разливовъ, въ степи, между селеніями Малый Чокракъ (гдѣ нынѣ новые переселенцы) и Чаплинкою (гдѣ почтовая станція): приблизительно въ 6 верстахъ отъ перваго и въ 8 отъ послѣдняго. За тѣмъ Каланчакъ протекаетъ мимо соименнаго рѣкѣ казеннаго селенія, которое, по словамъ обывателей, названіе свое получило отъ находящагося въ 7 верстахъ отъ него старинннаго укрѣпленія, названнаго Татарами Кале-кучукъ. Но едва ли не скорѣе настоящее имя рѣки и селенія произошло отъ татарскаго-же «Каклычикъ», находившагося въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Перекопа[1] и съ которымъ совпадалъ разграбленный Адашевымъ, въ 1559 году, улусъ на «Коглникѣ», отстоявшій отъ Перекопа на 15 верстъ[2].

Нельзя также не узнать въ имени «cotoluce» (cotuluza, coltaluçe), отмѣченномъ въ этихъ мѣстахъ на каталанской и итальянскихъ картахъ (XIV и XV столѣтій), испорченное моряками туземное названіе рѣки. Если же эта рѣка могла обратить на себя вниманіе итальянскихъ картографовъ и нашихъ лѣтописцевъ, то кажется, что она въ древности не была такъ незначительна, какою является теперь лѣтомъ. Но дѣло въ томъ, что и въ настоящее время въ полую воду эта рѣчка принимаетъ видъ значительной рѣки; тѣмъ болѣе она могла быть таковою въ дни Геродота. Притомъ и теперь еще при Каланчакѣ, не далеко отъ Чаплинки, замѣтны остатки каменнаго моста, безъ сомнѣнія того самаго, который у Запорожцевъ былъ извѣстенъ подъ наименованіемъ «Даріева моста», еще въ XVI столѣтіи[3].

Уже въ прошломъ вѣкѣ французскій консулъ Пейсонель[4] полагалъ, что въ

1 Зап. Одесс. Общ. I, стр. 331 и 389.

2 Арцыбышевъ, l. l. IV, прим. 1703.

3 Конискій, Ист. Малороссіи, изд. Моск. 1846, стр. 25; сравн. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, 2 изд., III, стр. 111, прим.

4 Observations hist. et géogr. s. l. peuples barbares, Paris, 1765, стр. 6. Мнѣніе Пейсонеля раздѣляетъ также знаменитый его соотечественникъ Данвиль (l. l. стр. 580), который также узналъ Гипакирисъ въ «рѣкѣ» Карцинитисъ Птолемея.

этой рѣкѣ скрывается Геродотовъ Гипакирисъ; мнѣніе это за тѣмъ было принято нѣкоторыми изъ новѣйшихъ толкователей Геродота, а именно Эйхвальдомъ[1], Спасскимъ[2], Думшинымъ[3] и Мальденомъ[4]. На этомъ основаніи всѣ они ищутъ древнѣйшій городъ Каркинитисъ около впаденія Каланчака въ Перекопскій заливъ. Но такъ какъ съ этимъ взглядомъ трудно согласовать прочія замѣтки Геродота о томъ-же городѣ, да, кромѣ того, при устьѣ Каланчака не сохранилось никакихъ слѣдовъ древнихъ жилищъ, то я, не отрицая, что эта рѣка соотвѣтствовала верхней части Гипакириса, не вижу необходимости отказаться отъ мнѣнія, что подъ нижней частью этой рѣки Геродотъ разумѣлъ Каркинитскій заливъ.

Въ настоящее время этотъ заливъ отдѣленъ отъ Сиваша, или Гнилаго озера, перешейкомъ, который въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣетъ около семи верстъ ширины. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ древности водяной путь не могъ соединять озера съ заливомъ. Напротивъ того, мы должны думать, что нѣкогда между ними существовала подобная связь. Такъ напр. Плиній (IV, 26) прямо говоритъ, что Таврика, лежавшая къ востоку отъ Каркинитскаго залива, нѣкогда была окружена моремъ, даже тамъ, гдѣ, въ его время, уже были равнины, т. е. на сѣверѣ. Это замѣчаніе можетъ также послужить къ объясненію слѣдующаго темнаго мѣста въ его сочиненіи. Упомянувъ о рѣкѣ Pacyris въ сосѣдствѣ Каркинитскаго залива и перейдя къ рѣкамъ, находившимся болѣе къ востоку, авторъ Hist. natur. продолжаетъ: Buges, Gerrhus, Hypanis, ex diverso venientes tractu. Nam Gerrhus Basilidas et Nomadas separat; «Hypanis» per Hylaeos et Nomadas fluit manu facto alveo in Bugen (Сивашъ), naturali in Coretum (с. з. часть Азовскаго моря). Нужно только допустить, что, по небрежности писцовъ, Пакирисъ, равно какъ и Гипанисъ, занимаетъ здѣсь мѣсто Гипакириса, подъ которымъ Плиній разумѣлъ верхнюю часть Геродотовой рѣки того-же имени, т. е. Птолемееву рѣку Каркинитисъ, или Каланчакъ.

Дѣйствительно, рѣка эта такъ близко подходитъ къ лиману Чокракскому, изливающемуся въ Сивашъ, что въ старину легко могла быть соединена съ нимъ

1 Alte Geographie d. Kaspischen Meeres, стр. 305.

2 L. l. II, стр. 26 и Арх.-Нумизмат. Сборникъ, стр. 166.

3 L. l. стр. 55—61.

4 Journal of the Royal Society XV, стр. 354, прив. у Бера, l. l., стр. 416.

каналомъ. Могло даже статься, что во времена Геродота лиманъ этотъ сливался съ Каланчакомъ въ полую воду: по увѣренію туземцевъ, это и теперь еще иногда случается при сильномъ и продолжительномъ вѣтрѣ, дующемъ съ востока.

Кажется, что извѣстіе о водяномъ сообщеніи между Каркинитскимъ заливомъ и Меотидою сохранилось до временъ Константина Багрянороднаго. Такъ я себѣ объясняю, по крайней мѣрѣ, слѣдующее загадочное мѣсто, извлеченное изъ его сочиненія объ управленіи имперіи (ed. Bonn. 180): къ сѣверу отъ Меотійскаго озера протекаетъ Днѣпръ, изъ котораго Руссы отправляются въ Болгарію, Хазарію и Сирію[1]. Этотъ заливъ Меотиды простирается до Некропилъ, которыя отстоятъ отъ Днѣпра около четырехъ миль и соединяются съ нимъ (т. е. съ заливомъ) тамъ, гдѣ древніе переправлялись посредствомъ канала, проведеннаго поперекъ Херсона, Областей и Воспора; но засыпанный дѣйствіемъ времени, онъ превращенъ въ густой лѣсъ и представляетъ двѣ только дороги, чрезъ которыя Печенѣги отправляются въ Херсонъ, Воспоръ и Области.

Такимъ образомъ, въ случаѣ надобности, мы могли бы указать на Сивашъ, какъ на озеро, изъ котораго, по Геродоту (IV, 55), вытекалъ Гипакирисъ.

Если, какъ я надѣюсь, изложенное здѣсь мнѣніе объ этой рѣкѣ будетъ признано основательнымъ, то таинственную рѣку Герросъ, которая, по Геродоту (IV, 56), отдѣлившись, или пожалуй, будучи отдѣлена[2] отъ Борисѳенеса въ томъ краю, гдѣ онъ былъ извѣстенъ, и устремляя свое теченіе къ морю, изливалась въ Гипакирисъ, предлагаю искать:

1) въ Конкѣ, которая, по Мышецкому (l. c. стр. 60), вѣроятно не читавшему Геродота и еще менѣе мечтавшему о Герросѣ, — хотя и соединяется съ Днѣпромъ въ 20 верстахъ ниже устья Московки, но тутъ-же снова отдѣляется отъ него и течетъ подлѣ Днѣпра особымъ русломъ даже до самаго города Кинбурна, и

2) въ Черной долинѣ, которая, соединяясь съ Каланчакомъ при селеніи Веселомъ посредствомъ такъ называемаго Большаго Вертутива яра, идущаго прямо отъ сѣвера къ югу[3], съ другой стороны находится въ связи съ Конкою посред-

1 Можетъ быть Зихію. См. мою статью: Островъ св. Еѳерія, въ Новороссійскомъ Календарѣ за 1854 годъ.

2 Cf. Baehr, l. l. стр. 417.

3 См. Военно-топограф. трехъ-верстную карту, рядъ XXX и XXXI, листъ 12.

ствомъ впадины, пролегающей мимо деревень Чернявки и Балки, лежащей при Конкѣ возлѣ Каховки (противъ Берислава).

Черная долина и теперь еще отличается отъ окрестныхъ степей относительнымъ обиліемъ воды. Что и въ старину она славилась этою-же особенностью, въ томъ убѣждаетъ насъ царскій посланникъ Зотовъ, донося, что весною 1682 года на пути своемъ изъ Перекопа въ Кизикерманъ (Бериславъ) онъ ночевалъ въ степи, въ урочищѣ, при водахъ «Черной долины», явно тождественной съ отмѣченнымъ на картѣ Риччи Занони притокомъ Днѣпра Кара-дереси[1].

Подобнымъ образомъ Русское войско, возвращаясь въ 1736 году изъ Крыма тѣмъ-же путемъ и отдыхая въ Августѣ нѣсколько дней «въ Черной долинѣ», нашло въ изобиліи траву и «воды», какъ для людей, такъ и для скота[2].

По этому должно думать, что въ древности здѣсь существовало водяное сообщеніе между бассейномъ Днѣпра и Перекопскимъ заливомъ, подобно тому, какъ Каспійское море соединяется съ Азовскимъ посредствомъ двухъ Манычей, верховья коихъ сливаются въ полую воду.[3] Если же мнѣ будетъ доказано, что Конка никогда не могла соединяться съ Каланчакомъ посредствомъ Черной долины, то я возвращусь къ мнѣнію, прежде мною изложенному, что эта связь производилась чрезъ Чаплинку и Бѣлозерскій лиманъ, мимо Ангальтъ-Кётена, Агаимана, Большихъ и Малыхъ Сѣрагозъ. Такимъ образомъ оказалось бы и болѣе простору для кочевьевъ Скиѳовъ-номадовъ.

Что подобное явленіе могло имѣть мѣсто и въ сѣверной части Таврической губерніи, составляющей огромную равнину, въ томъ убѣждаютъ насъ замѣтки въ вышеприведенной книгѣ князя Мышецкаго, въ родѣ слѣдующей (стр. 60): рѣка Конка вышла изъ степи, изъ рѣки Берды, и т. п.

Высказанное здѣсь мнѣніе не покажется слишкомъ смѣлымъ, если имѣть въ виду, что на генуезской картѣ 1447 года Днѣпръ однимъ рукавомъ еще изливается въ Черное море, а другимъ въ Азовское[4].

1 Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древн. томъ II, стр. 645.

2 Tagebuch des Generalfeldmarschalls Münnich etc. 2te Beilage, въ Beiträge zur Gesch. d. russ. Reichs, von Herrmann, Leipzig 1843, стр. 237.

3 Bergsträsser, Die Ponto-Caspische Niederung etc. въ Allg. Zeitung, 1861, № 264; Ausserordentl. Beilage.

4 Lelewel, Géogr. du Moyen-âge. Epilogue къ стр. 167.

Можетъ быть, подобныя-же понятія побудили Нестора сказать, что Днѣпръ изливался тремя устьями въ Русское море[1], подъ которымъ онъ разумѣлъ не только Черное, но и Азовское море, вовсе имъ не упомянутое отдѣльно.

До сказанныхъ трехъ устьевъ вѣроятно доходили извѣстные по лѣтописямъ водяные пути: греческій, соляной и залозный[2].

Никто не сомнѣвается въ томъ, что «греческій путь», подробно описанный еще Несторомъ, велъ изъ Кіева внизъ по Днѣпру до устья этой рѣки, а потомъ далѣе Чернымъ моремъ въ Константинополь.

Но за то ученые наши различнымъ образомъ стараются объяснить значеніе словъ «соляной и залозный», или солоны и залозы, какъ читается въ иныхъ спискахъ.

По мнѣнію Карамзина (l. c. II, пр. 419) Солоны и Залозы были мѣста при Днѣпрѣ на югъ отъ Кіева. Арцыбышевъ (l. c. II, пр. 1146), напротивъ того, полагаетъ, что залозами ошибочно названы суда, приплывшія изъ-за Олешья, что солоны значатъ барки съ солью, приходившія изъ крымскихъ солончаковъ, куда, по приведенному имъ свидѣтельству Рубруквиса, отовсюду изъ Россіи ѣздили за солью. «Пріѣзжаютъ», говоритъ посланникъ Св. Людовика, «не только сухимъ путемъ, но и на судахъ»[3]. Но пока намъ не докажутъ, что у Русскихъ тогда были особаго рода барки, которыя назывались солонами, мнѣ кажется проще держаться мнѣнія, что путь этотъ названъ солянымъ, потому что велъ къ солончакамъ, откуда Русскіе брали соль, и къ которымъ могли принадлежать не только Перекопскія или такъ-называемыя внѣшнія соляныя озера, но и лежащія внѣ Таврическаго полуострова озера Геническія и Бердянскія. Нельзя отрицать, что кратчайшій путь, которымъ лодки съ солью могли отправляться изъ этихъ озеръ въ Русь, пролегалъ чрезъ Молочную, а оттуда волокомъ въ Конку, или въ Московку, другой притокъ Днѣпра, вышедшій, по словамъ Мышецкаго (l. c. 60), изъ степи близь Молочныхъ водъ. Но такъ какъ этимъ путемъ Русскіе все-таки не миновали бы пороговъ, то мнѣ кажется, что соляной путь велъ изъ

1 Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 3.

2 Ibid. II, стр. 97 и др.

3 Itinerarium W. de Rubruk., въ Recueil d. Voyages etc. de la Société de Géogr. Paris, 1839, IV, стр. 219.

упомянутыхъ озеръ въ Кальміусъ, а оттуда. чрезъ его притокъ Солоную, въ другую рѣчку того-же имени, изливающуюся въ Волчью-воду[1].

Во всякомъ случаѣ для Русскихъ не могло быть труднѣе перебираться изъ этой рѣчки въ Кальміусъ, нежели въ Міусъ, по которому Запорожцы, возвращаясь въ войсковую скарбницу изъ отважныхъ своихъ походовъ по Черному морю, поднимались, по свидѣтельству Боплана[2], до волока, а за тѣмъ плыли внизъ по Волчьей и Самарѣ до Днѣпра.

Если лѣтописцы говорятъ не о Геническихъ, а о Перекопскихъ соляныхъ озерахъ, то соляный путь могъ пролегать изъ Сиваша въ Каланчакъ, и за тѣмъ — совпадать съ путемъ залознымъ, который часто упоминается вмѣстѣ съ первымъ.

По мнѣнію, высказанному въ-первыя г. Забѣлинымъ[3], а потомъ и г. Ламанскимъ[4], путь залозный велъ на Кавказъ, между тѣмъ какъ г. Соловьевъ[5] отвергаетъ вышеприведенное мнѣніе Арцыбышева, и, подобно Карамзину, ищетъ залозы при нижнемъ Днѣпрѣ. По его мнѣнію, слово залозы означало покрытый тростникомъ или лозами берегъ этой рѣки, гдѣ Русскіе ловили рыбу и потомъ въ извѣстное время поднимались съ нею вверхъ по Днѣпру; «иначе» говоритъ онъ «трудно было отыскать еще какой нибудь третій путь по Днѣпру, кромѣ торговаго греческаго и потомъ солянаго изъ Крыму».

Но почему же этотъ путь непремѣнно долженъ былъ пролегать весь по Днѣпру, и не могъ вести изъ него чрезъ Черную-долину въ Каланчакъ и Каркинитскій заливъ?

Почему же въ XII столѣтіи Русскіе не могли заниматься рыбною ловлею въ этомъ заливѣ, когда еще на итальянскихъ картахъ XIV вѣка, на южномъ его берегу отмѣчены имена varangolimena и rosso-far, или скорѣе tar, такъ какъ на картѣ Бенинказы (1480) вмѣсто ихъ читаемъ tar magno и tar parvo, которыя на этой и на другихъ картахъ также показаны на восточномъ берегу Азовскаго моря. Вѣроятно

1 Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древн. III, стр. 291 и IV, стр. 360.

2 Descript. de l'Ukraine, Rouen, 1660, стр. 55 и 57; сравн. мою статью: Слѣды др. рѣчнаго пути и пр. въ Зап. Одесс. Общ. V, стр. 104—156.

3 О металлическомъ производствѣ въ Россіи. Въ V-мъ т. Зап. Арх. Общ. стр. 3.

4 О Славянахъ въ Малой Азіи и пр., стр. 68, прим. 1.

5 Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, II, втор. изд., прим. 312.

эти имена означали мысы Большаго и Малаго Ромбита, которые, уже во времена Страбона (XI, 2, § 4), славились богатою ловлею рыбы, назначенной для соленія. Что въ то время этотъ промыслъ также производился въ окрестностяхъ «прекрасной» или позднѣйшей «варяжской» гавани, при Каркинитскихъ ƚar magno и ƚar parvo, явствуетъ между прочимъ изъ глиняныхъ пирамидокъ, числомъ до сорока, найденныхъ при Акмечетской бухтѣ[1] и служившихъ безъ сомнѣнія вмѣсто нынѣшнихъ свинцовыхъ грузилъ, привѣшиваемыхъ на нижнюю часть сѣтей. Впрочемъ, такъ какъ въ числѣ этихъ пирамидокъ есть и такія, которыя могли не относиться къ древности, то мы имѣемъ полное право думать, что и въ средніе вѣка здѣсь занимались ловлею кефали и скумбріи, которыя и нынѣ еще проходятъ близь бухты (съ Іюля до Ноября) въ неимовѣрно великомъ числѣ. Что путь этотъ былъ извѣстенъ Варяго-Руссамъ, тому служатъ доказательствомъ слова «ysola Rossia» (Карабай), отмѣченныя на компасовыхъ картахъ предъ устьемъ Каланчака.

Но мнѣ скажутъ, можетъ быть, что по Геродоту (IV, 19) страна, занятая Скиѳами-кочующими и доходившая къ востоку до рѣки Герроса, простиралась на четырнадцать дней пути, тогда какъ Конка съ Черною долиною находятся отъ нижняго Днѣпра въ гораздо меньшемъ разстояніи.

На это возраженіе я могъ бы отвѣчать, что Геродотъ опредѣлительно не говоритъ, въ какомъ направленіи онъ измѣряетъ то протяженіе четырнадцати дней. По этому онъ не мѣшаетъ намъ думать, что въ измѣреніи своемъ также, какъ при опредѣленіи жилищъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, считаетъ протяженіе не отъ запада къ востоку, а отъ юга къ сѣверу, т. е. отъ окрестностей Евпаторіи до Черной долины и до Конки, да за тѣмъ, плавнями вверхъ по ней, до того мѣста, гдѣ рѣка эта, соединившись съ Днѣпромъ ниже Александровска, впервые отдѣляется отъ него, т. е. до окрестностей Малой Знаменки, или Каменки. Разстояніе между этимъ селомъ и Евпаторіею составляетъ около 350 верстъ и равняется приблизительно четырнадцати днямъ ходьбы, или 2,800 стадіямъ Геродота.

Онъ дѣйствительно вовсе и не хотѣлъ сказать, что разстояніе между Пантикапесомъ и Герросомъ было такъ велико, потому что въ противномъ случаѣ это разстояніе вышло бы четырьмя днями длиннѣе того, которое, по его-же словамъ

1 Зап. Одесс. Общ. I, стр. 630.

(IV, 101), отдѣляло Борисѳенесъ отъ Меотиды. Такимъ образомъ пришлось бы помѣстить рѣку Герросъ довольно далеко за проливомъ Геническимъ, между тѣмъ какъ она непремѣнно должна была находиться въ окрестностяхъ Перекопскаго перешейка. Рѣка Герросъ, какъ уже было замѣчено, отдѣляла страну Скиѳовъ-кочующихъ отъ страны царскихъ Скиѳовъ, которымъ явно принадлежала сѣверо-восточная часть Крыма, потому что сосѣдями ихъ съ южной стороны были обитатели горъ Тавриды, а къ востоку жилища ихъ простирались отъ рва, вырытаго «дѣтьми слѣпыхъ рабовъ», до торжища Кримны при Меотійскомъ озерѣ (IV, 20), которое отдѣляло ихъ отъ Савроматовъ (IV, 57). За тѣмъ страна ихъ прилегала еще къ рѣкѣ Танаису (IV, 20); тутъ уже кончалась Скиѳія и начиналась область Савроматовъ (IV, 21). Къ сѣверу отъ Скиѳовъ-царскихъ жили Меланхлены, или Смурые Кафтаны, и предполагалась безлюдная пустыня съ озерами (IV, 20). Между Меланхленами и Неврами обитали Андрофаги, или Людоѣды; жилища ихъ доходили къ югу до большой пустыни, за которою жили, еще болѣе къ югу, вышеупомянутые Скиѳы-земледѣльцы (IV, 18).

Подъ рвомъ, который простирался отъ горъ Таврическихъ до Меотиды (IV, 3), Геродотъ явно разумѣлъ ничто иное, какъ ровъ, которымъ полуостровъ Керченскій, при своемъ началѣ, прорѣзывался нѣкогда поперекъ, отъ моря до моря, и который впослѣдствіи, укрѣпленный Асандромъ, служилъ оплотомъ и границею царству Воспорскому. Ровъ этотъ точно начинался у горъ Таврическихъ, простирающихся до окрестностей Ѳеодосіи и оканчивался при Азовскомъ морѣ, не вдалекѣ отъ Арабата. Нынѣшняя почтовая дорога изъ Ѳеодосіи въ Керчь пересѣкаетъ его слѣдъ между станціями Аргиномъ и Султановкою.

Гораздо труднѣе, повидимому, объяснить себѣ, какимъ образомъ Геродотъ могъ сказать, что Скиѳія отдѣлялась отъ Савроматовъ Меотійскимъ озеромъ, и что, тѣмъ не менѣе, между жилищами обоихъ народовъ протекалъ Танаисъ, который, выходя изъ большаго озера, изливался однимъ рукавомъ въ тоже Меотійское озеро (IV, 57), а другимъ — въ Воспоръ Киммерійскій[1] (IV, 45).

[1] Иначе нельзя здѣсь понимать слова Геродота: καὶ πορθμήια τὰ κιμμέρια; ср. Baehr, l. l. стр. 390 и Miot, Hist. d'Hérodote, Par., 1858, I, стр. 537, прим. 22. Что въ этихъ мѣстахъ обитали Скиѳы, это видно изъ замѣтки Геродота (IV, 28), въ которой говорится, что они часто на повозкахъ переѣзжали чрезъ

Между тѣмъ и тутъ Геродотъ нисколько не противурѣчитъ себѣ или дѣйствительности, если только слова его будутъ поняты въ настоящемъ смыслѣ.

Во-первыхъ должно думать, что подъ Скиѳами, отдѣленными Меотидою отъ Савроматовъ, онъ разумѣлъ не тѣхъ, жилища которыхъ прилегали къ Танаису, а ихъ собратьевъ, обитавшихъ за вышеприведеннымъ рвомъ, т. е. въ странѣ, омываемой къ сѣверу юго-западною частью Меотійскаго озера (IV,100) и заключавшей въ себѣ города Киммеріонъ и Порѳміонъ, или пожалуй — укрѣпленія киммерійскія и перевозы киммерійскіе, если таковъ именно смыслъ слѣдующихъ словъ Геродота (IV, 12): Καὶ νῦν ἔστι μεν ἐν τῇ Σκυθικῇ Κιμμέρια τείχεα, ἔστι δὲ πορθμήϊα Κιμμέρια.

Тѣмъ не менѣе, эти укрѣпленія Киммерійскія находились вѣроятно возлѣ порта Киммерійскаго, упоминаемаго безъименнымъ авторомъ перипла Понта Евксинскаго (§ 6), т. е., какъ уже полагалъ Палласъ, на восточной сторонѣ горы Опукъ; Бларамбергъ хотѣлъ перемѣстить его отсюда на западную сторону и увлекъ туда за собою строгихъ своихъ критиковъ Кёлера и Грефе [1]. Въ свою очередь я готовъ помѣстить въ сосѣдствѣ этого порта городъ Киммериконъ, при которомъ, по Страбону (XI, 2 § 5 ср. VII, 4, § 3, 5, 6), находились ровъ и стѣна, служившія для охраненія полуострова, т. е. Керченскаго, какъ уже думалъ Ларше [2], тогда какъ другіе изслѣдователи этотъ городъ и полуостровъ перенесли въ Азію. Само собою разумѣется, что ровъ, о которомъ здѣсь говоритъ Страбонъ, былъ тотъ самый, надъ которымъ трудились дѣти рабовъ киммерійскихъ.

Подобнымъ-же образомъ для перевоза киммерійскаго я не нахожу мѣста болѣе удобнаго, какъ самую узкую частъ пролива Еникальскаго; здѣсь, по Страбону (VII, 4 § 5), находилось мѣстечко Парѳеніонъ, которое, по Безъименному (§ 5), называлось Порѳмитисъ, а по Стефану Византійскому (см. Πορθμία) просто Порѳмія или Порѳміонъ.

замерзшій Воспоръ къ обитавшимъ на азіатской его сторонѣ Синдамъ. Подъ Скиѳами Геродотъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду Скиѳовъ-царскихъ (βασιλήϊοι), которыхъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 110) онъ называетъ свободными (ἐλεύθεροι) вѣроятно потому, что прочіе обитатели Скиѳіи имъ были подчинены (IV, 20; ср. Völker, Mythol. Geographie I, стр. 177, прив. у Бера, l. l. стр. 513).

1 Отзывъ акад. Кёлера и Грефе о сочиненіи Бларамберга: Observations etc. напечатанъ въ Зап. Одесс. Общ. V, стр. 958.

2 Baehr, l. l. стр. 312.

Далѣе, слѣдовало бы допустить, что Кримны находились не въ окрестностяхъ Бердянска, гдѣ обыкновенно ищутъ это торжище, а между проливомъ Геническимъ и лиманомъ Уклюкскимъ, въ которомъ нельзя не узнать вышеупомянутаго залива «Coretus», отдѣленнаго, по словамъ Плинія, скалистою грядою (Арабатскою стрѣлкою) отъ Бугеса, или Сиваша. Можетъ быть, упомянутый заливъ древнимъ своимъ наименованіемъ (отъ κόρη, дѣва) обязанъ преданію, по которому Амазонки когда-то бурею были прибиты къ берегу возлѣ Кримнъ, гдѣ, по тому-же преданію (IV, 110—113), отъ смѣшенія ихъ съ юными Скиѳами образовался народъ Савроматовъ.

Еслиже Савроматы, перейдя чрезъ Танаисъ (IV, 116), покинули берегъ Меотиды и обратились къ сѣверу, то позволено будетъ заключить:

1) что рѣка, которую они перешли, была Молочная, имѣвшая въ тѣ времена широкое устье, нынѣ отдѣленное отъ моря низменною пересыпью;

2) что Амазонки на своемъ языкѣ, непонятномъ для Скиѳовъ (IV, 114) и тѣмъ болѣе для Геродота, означали эту рѣку нарицательнымъ именемъ донъ, которое вообще значитъ текущая вода, рѣка, и

3) что, при такихъ обстоятельствахъ, Геродотъ могъ смѣшать эту рѣку съ Танаисомъ позднѣйшихъ авторовъ, т. е. съ Дономъ собственно, о верхнемъ теченіи котораго онъ не могъ имѣть точныхъ свѣдѣній, какъ это между прочимъ показалъ Надеждинъ. Такъ напр. онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 25): «Что касается до второй, менѣе величественной (чѣмъ Дунай), но не менѣе важной рѣки: я разумѣю Танаисъ, рѣку завѣтную, признаваемую издревле границей между двумя главными частями свѣта, Европой и Азіей; то объ ней Геродотъ, очевидно, не имѣлъ не только наглядно пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, но и достаточныхъ извѣстій изъ вторыхъ рукъ. Все, что сказано имъ о Танаисѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ общихъ, неопредѣленныхъ словъ; изъ всѣхъ многочисленныхъ его притоковъ именованъ только одинъ какой-то (Иргисъ); даже ни одной выразительной чертой не обозначается физіономія его устья.» «Эта краткость и неопредѣленность,» говоритъ Надеждинъ еще въ другомъ мѣстѣ (стр. 56), дала поводъ къ тому, что между изслѣдователями возникли толки и разногласія.»

Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ въ свою очередь г. Думшинъ (стр. 69), нѣкоторые ученые предполагали, что подъ Танаисомъ Геродотъ разумѣлъ нынѣшнюю Волгу, или по крайней мѣрѣ верхнее ея теченіе; другіе находили Танаисъ въ

Сѣверномъ Донцѣ; иные наконецъ приписывали Геродоту различныя ошибки и заставляли означать Танаисомъ нижнее теченіе Дуная. Словомъ, каждый считалъ себя въ правѣ распоряжаться съ Танаисомъ по собственному произволу и пріурочивать его, по мѣрѣ надобности, къ чему бы то ни было.

Одинъ только Надеждинъ, обыкновенно столь смѣлый въ своихъ выводахъ, сознается въ невозможности изъ словъ самаго Геродота разрѣшить вопросъ: что̀ послѣдній разумѣлъ подъ своимъ Танаисомъ: настоящій-ли Донъ, или не скорѣе-ли Сѣверный Донецъ (стр. 56)?

Между тѣмъ, вотъ какъ Надеждинъ отзывается о Геродотовомъ Гипанисѣ: «Было уже неоднократно замѣчено, что точка созерцаній и наблюденій Геродота постоянно находилась на Борисѳенесѣ, и притомъ не на нынѣшнемъ руслѣ Днѣпра, но на нынѣшнемъ руслѣ Буга. Слѣдовательно, взоръ его, обращаясь на Сѣверъ, естественно долженъ былъ направляться вверхъ по Бугу, какъ по главной, основной чертѣ, какъ по истинному меридіану раскидывавшагося передъ нимъ горизонта (стр. 65).»

Съ намѣреніемъ я привелъ здѣсь мнѣніе Надеждина касательно различной степени достовѣрности извѣстій, которыя Геродотъ намъ передалъ о Гипанисѣ и о Танаисѣ: мнѣ хочется предупредить упрекъ, что я самъ, пріурочивая послѣднюю рѣку къ Молочнымъ водамъ, оказываюсь виновнымъ не менѣе Надеждина, уничтожившаго самостоятельность Буга для того, чтобы превратить Гипанисъ въ Тилигулъ, который впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, далеко уступаетъ Молочной, если не въ длинѣ теченія, то въ обиліи воды. По крайней мѣрѣ Тилигулъ, берущій свое начало въ окрестностяхъ Ананьева, по выходѣ изъ этого города, до самаго лимана представляетъ совершенно высохшее ложе, одѣтое дерномъ [1]. Молочная же, напротивъ того, вытекающая изъ овраговъ сѣверной части Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ и направляющаяся прямо отъ сѣвера къ югу, отъ самаго начала своего до устья орошаетъ цѣлый рядъ извѣстныхъ меннонитскихъ и другихъ не менѣе богатыхъ нѣмецкихъ колоній, расположенныхъ по ея берегамъ.

Притомъ замѣчаніе Геродота (IV, 45), что Танаисъ изливался въ Киммерійскій

1 Шмидтъ, l. l. I, стр. 235.

Воспоръ, относится не къ одному только Дону, но и къ другимъ рѣкамъ Азовскаго бассейна, въ томъ числѣ и къ Молочной, которая могла казаться рѣкою болѣе значительною, чѣмъ она теперь оказывается на самомъ дѣлѣ.

Въ пользу моего мнѣнія о тождествѣ ея съ Танаисомъ Геродота я могу привести еще то обстоятельство, что по взгляду Геродота, послѣдняя рѣка, какъ уже замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ географіи Скиѳіи[1], изливалась въ «сѣверозападный» уголъ Меотиды. Подобное мнѣніе не было совершенно оставлено даже въ такое время, когда прибрежье этого озера стало болѣе извѣстнымъ, т. е. въ римскомъ періодѣ.

Такъ напр. Страбонъ (II, 3 § 5; ср. VII, 4. § 5) знаетъ, что Танаисъ изливался въ сѣверо-восточный уголъ Меотиды, а все-таки не рѣшается протестовать противъ мнѣнія «знакомыхъ съ мѣстностью», по которымъ рѣка эта изливалась прямо съ сѣвера такимъ образомъ, что устье рѣки и самой Меотиды, равно какъ и извѣстная часть теченія первой, лежали всѣ подъ однимъ и тѣмъ-же меридіаномъ. Это, безъ сомнѣнія, можно было сказать скорѣе о Молочной, чѣмъ о Донѣ или о Донцѣ.

Если въ первой изъ этихъ трехъ рѣкъ дѣйствительно скрывается Геродотовъ Танаисъ, то оказалось бы, что озеро, изъ котораго онъ вытекалъ и подъ которымъ нѣкоторые[2] разумѣли крошечное Иванъ-озеро (имѣющее въ длину до ста шестидесяти сажень, а въ ширину едва до шестидесяти), могло соотвѣтствовать значительной низменности между Орѣховымъ и колоніею Гальбштадтъ, лежащею при соединеніи Токмака съ Молочною. Во всякомъ случаѣ, эта низменность, которую нынѣ еще объѣзжаютъ во время разлитія упомянутыхъ рѣкъ, могла составлять въ древности непрерывное скопище водъ, или одно большое озеро.

Графъ Потоцкій, по которому Молочная непремѣнно была Геродотовъ Герросъ, полагалъ также, что область того-же имени, гдѣ находились гробницы Скиѳскихъ царей (IV, 71), простиралась отъ Днѣпровскихъ пороговъ на юго-востокъ до сказанной рѣки Токмакъ.

1 Ukert, l. l. III, 2, стр. 78: und in den «nordwestlichen» Winkel (der Maeotis) fällt der Tanais.

2 Байеръ, Краткое описаніе комм. Акад. наукъ I, стр. 154; Tzschukke ad. Pomp. Mel. nott exegg. стр. 640 sqq.; Potocki, Voyage dans les steps d'Astrakhan etc. I (II), стр. 191.

«Возбращаясь», говоритъ онъ[1], «осенью 1798 года изъ Крыма, я отправился къ Токмаку, чтобы посѣтить Ногайскаго князя Баязета, обитавшаго возлѣ рѣки. Оттуда я намѣревался отыскать область Герросъ и гробницы Скиѳскихъ царей. Мнѣ кажется, что я вполнѣ достигъ своей цѣли. Какъ только я удалился отъ истоковъ Токмака и приблизился къ Днѣпру, такъ попалъ въ страну, покрытую «тысячами» холмовъ въ родѣ тѣхъ, которые Скиѳы имѣли обыкновенiе насыпать надъ гробницами знатныхъ лицъ, и убѣдился въ томъ, что эта мѣстность, даже послѣ истребленiя Скиѳовъ, служила постоянно кладбищемъ для кочующихъ народовъ. Рядомъ съ древними могилами, которыя весьма уменьшились отъ времени и вслѣдствiе уступчивости почвы, я узналъ гробницы Комановъ, на которыхъ встрѣчаются безобразныя статуи, равно какъ и гробницы преемниковъ Чингисхана, покрытыя маленькими могилами, устроенными изъ кирпича. По этому я полагаю, что положенiе области Герросъ болѣе не можетъ подлежать сомнѣнiю».

Пок. Терещенко вѣроятно имѣлъ въ виду эту-же мѣтность, говоря[2], что на дорогѣ изъ Орѣхова въ колонистскую степь встрѣтилъ на 11-й верстѣ отъ города мелкiя насыпи, разсыпанныя до деревни Блюменталь, на протяженiи пяти верстъ къ Днѣпру, а въ окружности на 30 верстъ. «Многiя (прибавляетъ онъ) сравнялись съ землею. Вокругъ ихъ, какъ бы съ намѣренiемъ разставлены большiя могилы, служившiя искусственною оградою. Безъ сомнѣнiя здѣсь было кладбище, но чье? Не Запорожцевъ-ли? Если допустить, что это слѣды глубокой древности, то сему противурѣчатъ могилы, ибо въ древности онѣ были большiя и высокiя и пр.».

Объѣзжая лѣтомъ 1864 года различныя части Новороссiйскаго края, я, въ свою очередь, убѣдился въ томъ, что на всемъ пути отъ Александровска почти до Бердянска въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются цѣлыми кучами небольшiя земляныя насыпи отъ 1 до 2 футовъ высоты. Къ нимъ принадлежали вѣроятно тѣ мелкiя насыпи, которыя ученый графъ замѣтилъ тысячами въ степи, и которыя количествомъ своимъ поразили также г. Терещенко.

Если же оба они дѣйствительно имѣли въ виду тѣ бугры, о которыхъ я здѣсь

1 Potocki, Hist. prim. des peuples de la Russie etc., стр. 172.

2 Очерки Новороссiйск. края, въ Журналѣ Мин. Нар. Прос. 1853, Iюль, стр. 24 и слѣд.

говорю, то имъ не слѣдовало искать въ нихъ ни скиѳскихъ гробницъ, ни кладбища Запорожцевъ.

Встрѣтившись въ Керчи съ многоуважаемымъ моимъ дерптскимъ сотоварищемъ, г. академикомъ фонъ Гельмерсеномъ, я узналъ отъ него, что по всей вѣроятности эти бугры накиданы извѣстнаго рода сурками, или байбаками (Murmelthier), которыхъ ему неоднократно приводилось заставать надъ подобною работою, во время своего путешествія въ Киргизскую степь. Наконецъ, возвратившись въ Одессу, я усмотрѣлъ изъ статьи Кёппена[1], что подобное-же мнѣніе касательно этихъ насыпей было уже высказано покойнымъ академикомъ еще въ 1843 году.

Хотя такимъ образомъ возвышенія эти не могутъ имѣть ничего общаго съ гробницами Скиѳскихъ царей, тѣмъ не менѣе я счелъ здѣсь нелишнимъ упомянуть о нихъ за тѣмъ, чтобы мнѣніе, высказанное въ этомъ отношеніи польскимъ магнатомъ съ такою увѣренностью и казавшееся неоспоримымъ другимъ ученымъ, которые не имѣли случая видѣть эти насыпи, какъ наприм. Нейману (стр. 212) и Дюбуа[2], не повлекло и другихъ къ ложнымъ выводамъ о значеніи упомянутыхъ насыпей.

Что же касается настоящихъ кургановъ, которые графъ Потоцкій замѣтилъ среди безчисленнаго множества малыхъ и которые онъ приписываетъ исключительно Команамъ, то въ величинѣ ихъ я не вижу препятствія отнести ихъ къ благороднѣйшему изъ Скиѳскихъ племенъ (IV, 20), раздѣляя мнѣніе графа, что область Герросъ, въ которой находилась и сама царевщина, должна была лежать въ описанной имъ мѣстности, а именно между Токмакомъ, Днѣпромъ и Конкою.

Что область Герросъ находилась на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ томъ согласны всѣ нѣмецкіе толкователи Геродота, за исключеніемъ Линднера, который, за невозможностію перетолковать по-своему ясныя въ этомъ случаѣ слова Геродота, предполагаетъ здѣсь описку въ текстѣ, и говоритъ, что, по его мнѣнію (стр. 49),

1 Kurze Uebersicht der in den Jahren 1842—44 an der Nordseite des Asovschen Meeres geöffneten tumuli, въ Bull. historico-philologique de l'Acad. d. Sc. de S.-Pétersb. II, № 13.

2 Dubois de Montpéreux, Des tumulus, des ports et des remparts de la Russie occidentale, въ Annuaire des voyages et de la géogr. (изд. Lacroix) Paris, 1846, p. 41.

вмѣсто словъ «рѣка Герросъ впадаетъ въ Гипакирисъ», должно читать: рѣка Герросъ впадаетъ въ Гипанисъ.

Даже Надеждинъ оставляетъ тутъ своего остроумнаго путеводителя, и соглашается, что страна Герросъ, которая, по его мнѣнію, подобно соименной ей рѣкѣ (Бузулуку, или Базувлуку), не могла уже не находиться на правомъ берегу Днѣпра, находилась тѣмъ не менѣе между мѣстечкомъ Никополемъ и Александровскомъ. «Здѣсь дѣйствительно», говоритъ онъ, «по обѣ стороны Днѣпра, столплены въ наибольшемъ количествѣ таинственные курганы, которые весьма часто оказываются ничѣмъ инымъ, какъ могилами» (стр. 84).

Мнѣніе Надеждина, что гробницы скиѳскихъ царей могли находиться на правомъ берегу Днѣпра призналъ весьма правдоподобнымъ составитель Отчета объ археологическихъ розысканіяхъ, произведенныхъ въ 1853 году.

«Всѣ изслѣдованія», говорится въ этомъ отчетѣ[1], «о мѣстности ихъ (Екатеринославскихъ кургановъ) приводятъ къ тому заключенію, что несудоходнымъ мѣстомъ Геродотъ называлъ Днѣпровскіе пороги, отъ которыхъ ошибочно считалъ сорокъ дней плаванія до моря. Слѣдовательно, Герры обитали по Днѣпровскому побережью, а гробницы Скиѳскихъ царей должны были находиться на сѣверъ отъ пороговъ».

На этомъ основаніи осмотрѣна была, на правомъ берегу Днѣпра, мѣстность между Сурою и Базувлукомъ, и начата Терещенкомъ раскопка Александропольскаго кургана въ 70 верстахъ отъ Днѣпра и въ 30 отъ Базувлука[2].

Тогда какъ по вещамъ, найденнымъ въ Сурскихъ курганахъ, оказалось, что послѣдніе явно были могилами двухъ эпохъ, результаты раскопки Александропольскаго кургана подтвердили мнѣніе, что онъ «несомнѣнно принадлежалъ къ разряду могильныхъ кургановъ царей Сколотовъ (Скиѳовъ), роскошное погребеніе коихъ подробно описалъ Геродотъ».

Въ Отчетѣ за 1859 годъ[3] Археологическая Коммиссія представляетъ еще слѣ-

1 Извлеченіе изъ всеподд. отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году. С. П., 1853, стр. 47—65.

2 На картѣ, приложенной къ отчету 1853 года, курганъ Александропольскій, по ошибкѣ, отмѣченъ на лѣвомъ берегу Днѣпра; разстояніе же кургана отъ этой рѣки составляетъ, по отчету 1859 года, не 70 верстъ, а только 50.

3 Отчетъ за 1859 годъ. С. Петербургъ, 1862, стр. IV.

дующія дополнительныя замѣчанія касательно раскопки этого кургана: «подъ его циклопическимъ основаніемъ, состоявшимъ изъ такихъ камней, что нѣкоторые съ трудомъ могли быть сдвинуты 15-ю человѣками, скрывались пространныя подземелья, которыя должны были заключать въ себѣ смертныя останки царя и всѣхъ, схороненныхъ съ нимъ. Здѣсь вѣроятно находились также его кони, колесницы и нѣкоторыя принадлежности, положенныя въ могилу въ томъ предположеніи, что и послѣ смерти онъ будетъ имѣть тѣ-же потребности, какія имѣлъ при жизни. Къ сожалѣнію, подземелья найдены были уже обысканными и раззоренными въ незапамятныя времена. Отъ погребенныхъ въ нихъ лицъ только два остова остались нетронутыми на своихъ мѣстахъ. Изъ вещей же, сверхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ, уцѣлѣло еще значительное число золотыхъ и серебряныхъ, но большею частью мелкихъ, незамѣченныхъ или растерянныхъ обыскателями»... Однѣ изъ этихъ вещей признаны греческими, а между другими вещами, издѣлія не греческаго, нѣкоторыя, какъ видно изъ Отчета, весьма сходны съ такъ называемыми чудскими древностями, открываемыми по преимуществу въ юго-западной Сибири.

Вообще съ 1859 года раскопка кургановъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, прерванная въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, снова стала производиться съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ, въ особенности въ 1860—1863 годахъ. Самому тщательному изслѣдованію была подвергнута, въ первый изъ этихъ годовъ, такъ называемая, Толстая могила, на дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь, у станціи Краснокутской, верстахъ въ двадцати отъ упомянутаго Александропольскаго кургана, или Луговой могилы, съ которою она имѣла большое сходство въ отношеніи устройства. Еще болѣе сходства оказалось между вещами, найденными въ обоихъ курганахъ. Большая часть вещей, найденныхъ въ Толстой могилѣ, не только по формѣ или по характеру, но даже по работѣ, ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ, которыя были открыты въ Луговой.

Въ числѣ найденныхъ вещей особенно отмѣчены въ Отчетѣ сложенныя въ этой могилѣ въ двухъ кучкахъ разные перегнутые остатки колесницы и до семидесяти желѣзныхъ удилъ. «Быть можетъ», сказано по сему случаю въ Отчетѣ, «это та самая колесница, въ которой, по свидѣтельству Геродота, возили останки сколотскаго царя по всѣмъ подвластнымъ ему народамъ, прежде чѣмъ привозили въ страну Герровъ, гдѣ находилось ихъ царское кладбище. Точно также семьдесятъ

удилъ указываютъ, быть можетъ, число коней, сопровождавшихъ погребальное шествіе. Чрезвычайно сильно перегнутые и поломанные колесные ободья колесницы, втулки и другія его крѣпи, сдѣланныя изъ толстаго желѣза, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что она разломана была не случайно, а нарочно и сложена здѣсь въ двухъ кучахъ въ то время, когда совершалось погребеніе».

Вмѣстѣ съ остатками колесницы найдено множество разныхъ мѣдныхъ вещей, особенно бляхъ, которыя были нашиты на какую-то тканую матерію, небольшіе колокольчики, разныя привѣски отъ конскихъ уборовъ и четыре большихъ литыхъ изображеній драконовъ, у которыхъ снизу находятся трубки для насаживанія на древки, четыре точно такихъ-же изображеній грифона и два – парящей птицы [1].

Еще блистательнѣе были результаты, которые доставило изслѣдованіе Толстой Чертомлыцкой могилы, находящейся въ имѣніи г-жи Зейфартъ, верстахъ въ двадцати къ с. з. отъ Никополя. Раскопка этого огромнаго кургана, начатая въ 1862 году, на слѣдующій годъ была окончена, и въ этомъ-то году въ немъ добыты были весьма драгоцѣнныя во всѣхъ отношеніяхъ вещи, не смотря на то, что главная гробница оказалась уже разграбленною до-чиста. Кромѣ чрезвычайнаго множества золотыхъ узорчатыхъ украшеній, въ грабительскомъ подземельѣ найдены между прочимъ двѣ большія пластины изъ чеканеннаго золота съ изображеніемъ сценъ изъ греческой миѳологіи и относимыя, по стилю своему, къ періоду высшаго процвѣтанія греческаго искусства. Затѣмъ, въ боковыхъ подземельяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія сложенныхъ въ нихъ сокровищъ, открыты, въ числѣ многихъ другихъ вещей, серебряныя большое блюдо, ложка и ваза съ позолоченными рельефными фигурами признанныхъ Скиѳами людей, занятыхъ уходомъ за своими конями, грифоновъ, терзающихъ оленей, птицъ и цвѣтовъ. По стилю и отдѣлкѣ своей этотъ превосходный сосудъ отнесенъ къ лучшимъ произведеніямъ греческаго искусства IV вѣка до Р. Х. [2], между тѣмъ какъ золотыя вещи представляютъ разительное сходство съ такого-же рода древностями, найденными въ Керчи.

1 Отчетъ за 1860 годъ. С. Петербургъ, 1862, стр. VIII.

2 Отчетъ за 1863 годъ. С. П., 1864, стр. III—VIII; сравн. ст. Забѣлина: Скиѳскія могилы, въ Трудахъ Московск. Арх. Общ.: Древности, I, стр. 71 — 90.

Но если даже предметы, открытые въ Чертомлыцкомъ курганѣ, или часть ихъ, подобно вещамъ, прежде найденнымъ въ другихъ курганахъ Екатеринославскаго уѣзда, принадлежали нѣкогда соотечественникамъ Геродотовыхъ Скиѳовъ, то я все-таки не считалъ бы себя обязаннымъ перемѣстить сюда область, въ которой они «въ его время» хоронили своихъ царей. Такъ какъ Сколоты вскорѣ, вѣроятно, были изгнаны изъ своихъ прежнихъ жилищъ, будучи тѣснимы съ запада Гетами, а съ востока Сарматами, то имъ удобнѣе всего было перебраться чрезъ Днѣпръ между Никополемъ и Александровскомъ, послѣ чего еще цѣлыя столѣтія могли оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились разрытые курганы.

Въ этихъ новыхъ жилищахъ своихъ Скиѳы могли уже познакомиться съ серебромъ, которое у нихъ вовсе не было въ употребленіи во времена Геродота (IV, 71).

Даже въ такомъ случаѣ, если бы найденныя въ Екатеринославскомъ уѣздѣ вещи оказались не только похожими на скиѳскія, но также и «современными» Геродоту, я все-таки не могъ бы, если бы и хотѣлъ, помѣстить туда область Герросъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, тутъ именно должны были обитать Меланхлены. Жилища этого народа граничили на югѣ (IV, 20) съ владѣніями царскихъ Скиѳовъ, которыя простирались къ сѣверу до области Герросъ включительно, — предполагаемой мною на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже Александровска.

Впрочемъ, Меланхлены, которые имѣли одинаковые нравы съ Скиѳами (IV, 107) и, подобно имъ, были управляемы царями, также могли имѣть обыкновеніе хоронить послѣднихъ вмѣстѣ съ ихъ конями и колесницами.

Такъ какъ сосѣдственные Меланхленамъ Андрофаги обитали къ сѣверу отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, то оказывается, что и на правой сторонѣ Днѣпра кочевья третьяго скиѳскаго племени, т. е. номадовъ, не доходили до сѣверной границы самой Скиѳіи. Оно и не могло быть иначе. Ибо на этой, нагорной сторонѣ рѣки Скиѳамъ-кочующимъ принадлежали однѣ только плавни, которыя, какъ уже было замѣчено, не переходили за устье Подпольной, соединяющейся съ Днѣпромъ гораздо ниже Никополя, до окрестностей котораго доходили за тѣмъ вверхъ по рѣкѣ жилища Скиѳовъ-земледѣльцевъ.

Если же Геродотъ говоритъ (IV, 53), что выше отъ ихъ жилищъ Борисѳенесъ протекалъ чрезъ пустыню, то подъ этой пустынею онъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ ту самую, которая находилась къ «сѣверу» отъ ихъ страны (IV, 18), между нею

и землею Андрофаговъ. Въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы сказать, что теченіе Борисѳенеса было направлено отъ сѣвера къ югу.

Но какимъ образомъ, спроситъ меня читатель, Меланхлены могли обитать на правомъ берегу Днѣпра выше Никополя? Вѣдь они не были обитателями сказанной пустыни.

На это возраженіе я позволю себѣ отвѣтить, что хотя Геродотъ и полагалъ, что Борисѳенесъ протекалъ вообще отъ сѣвера къ югу, но, какъ онъ самъ сознается (IV, 53), не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о теченіи этой рѣки выше области Герросъ. Поэтому ему, безъ сомнѣнія, не было извѣстно, что уже отъ окрестностей Кіева до Екатеринослава Днѣпръ болѣе и болѣе обращается къ востоку, а затѣмъ, протекая прямо къ югу до Бѣленькой (ниже Александровска), круто поворачиваетъ отъ востока къ западу, и наконецъ уже, отъ устья Базувлука, ниже Никополя, направляется болѣе къ югу.

Въ этомъ-то четыреугольникѣ, образуемомъ Днѣпромъ и Базувлукомъ и соотвѣтствующемъ нынѣшнему Екатеринославскому уѣзду, обитали, по моему мнѣнію, Меланхлены. Вотъ почему, если не ошибаюсь, они хотѣли оставаться нейтральными въ войнѣ между Скиѳами и Персами (IV, 99), подобно Андрофагамъ, Неврамъ и Агаѳирсамъ, которые всѣ обитали между Дунаемъ и Днѣпромъ, равно какъ и Таврамъ, которыхъ защищали горы. Если бы жилища Меланхленовъ находились на лѣвой сторонѣ Днѣпра, то они, вѣроятно, устрашились бы Скиѳовъ болѣе, нежели Персовъ, и не послѣдовали бы примѣру упомянутыхъ народовъ, а присоединились бы къ Скиѳамъ, подобно Сарматамъ, Гелонамъ и Будинамъ, которые всѣ явно обитали за Днѣпромъ. Было бы, однако, невѣроятнымъ, чтобы памятники, сооруженные Меланхленами, могли сохраниться до нашихъ временъ, а отъ народа, гораздо сильнѣйшаго, не осталось ничего подобнаго въ той области, въ которой находилось его святилище.

Къ счастію, различные памятники и преданія даютъ нѣкоторую опору мнѣнію, что это святилище находилось именно въ предположенной мною мѣстности, къ которой по крайней мѣрѣ столь-же удобно, какъ къ Екатеринославскому уѣзду, можетъ быть примѣнена слѣдующая замѣтка Надеждина (стр. 84): «Вообще должно замѣтить, что эта сторона до самыхъ позднѣйшихъ временъ играла важную роль на всемъ пространствѣ степей Южно-Россійскихъ, что она была какъ-бы ключемъ всего

нижняго По-Днѣпровья, что здѣсь именно, на островѣ Хортицѣ, лежащемъ почти подъ самыми Порогами, находилась, какъ было замѣчено, послѣдняя столица послѣднихъ преемниковъ Скиѳовъ, Козаковъ-Запорожцевъ, царевавшихъ отсюда по всему сѣверному Черноморью».

Но, какъ съ островомъ Св. Григорья, хорошо извѣстнымъ основателямъ Русскаго государства, такъ и съ окрестностями этого прекраснаго острова, принадлежащаго нынѣ миролюбивымъ Новокрещенцамъ, сопряжены воспоминанія о временахъ, отдаленныхъ отъ насъ болѣе, нежели періодъ, въ которомъ славянскіе «викинги» старались подражать примѣру норманскихъ «искателей добычи и славы».

Такъ, во-первыхъ, князь Мышецкій (l. c. p. 60), сказавъ, что Конка отдѣляется отъ Днѣпра, продолжаетъ: «На оной рѣкѣ Конки, у самаго Днѣпра имѣлся издревле городъ называемый Самысъ, гдѣ была прежнихъ татарскихъ князей столица и въ этомъ городѣ имѣлось 700 мечетей».

Эта мѣстность принадлежала, безъ сомнѣнія, къ той области, о которой Новороссійскій губернаторъ Чертковъ писалъ Кошу Запорожскому, 30 ноября 1772 года, слѣдующее: «Близъ Александровской и Никитинской крѣпости на пространствѣ 30 верстъ между рѣками Кучукумомъ и Конскою (слѣдовательно на т. н. Великомъ Лугу) по направленію къ великимъ пескамъ (Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи) найдены солдатами, на работахъ бывшими, скрытыя въ землѣ кирпичъ и известь, тесаный и плитный камень и въ одномъ курганѣ найдены жилые, мраморомъ выложенные покои, оставленные тамъ прежде бывшими Татарами и другими народами; но дабы скорѣе окончить постройку Днѣпровскихъ крѣпостей, прошу не только воспрещать найденные уже матеріалы, столь драгоцѣнные въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, выбирать, но еще поощрять отыскать другихъ такихъ ямъ, за что предлагаю въ награду пять рублей за кирпичный и по десять за известковый запасъ».

Чрезвычайно важно для археолога также село Малая Знаменка, или Каменка, лежащее насупротивъ Никополя, отъ котораго отдѣляется сначала Днѣпромъ, а потомъ Конкою, и прилегающее или даже принадлежавшее къ той области, о которой говоритъ губернаторъ.

Окрестности этого села, какъ справедливо замѣчаетъ Терещенко (l. l. p. 31), покрыты песчаными буграми, но едва замѣтными, а если и есть большія, то отъ

наноса песку. Между ними видны слѣды искусственныхъ каналовъ, водоемовъ и окоповъ; на пескѣ въ чрезвычайномъ множествѣ валяются битая глиняная посуда, состоящая изъ донышекъ, горлышекъ, ручекъ и т. д., кости человѣческія, лошадиныя, рогатаго скота и овечьи. Упомянувъ о разныхъ монетахъ и другихъ предметахъ, здѣсь открытыхъ и относящихся, по мнѣнію Терещенки, къ среднимъ вѣкамъ и даже позднѣйшему времени, онъ однако не скрываетъ, что въ 1845 году дѣтьми найдены разныя золотыя вещи, именно пуговицы, кольца, птички, полумѣсяцы и выпуклыя изображенія головъ на золотыхъ пластинкахъ. Изъ этихъ вещей Терещенкѣ самому достались пуговичка, кружечикъ ракообразный, какъ бы съ изображеніемъ глаза внизу, кружечикъ съ изображеніемъ медузиной головы, пластинка съ изображеніемъ головы, покрытой остроконечной шапкою, какъ бы короною и половинка трубочки. «Все это», говоритъ онъ «украшало одежду, можетъ быть коронованной особы, и было отнюдь не скиѳская, но греческая работа». Отвергая наконецъ мнѣніе, будто бы тамъ погребенъ былъ скиѳскій царь, Терещенко приходитъ къ тому заключенію, что на этомъ именно мѣстѣ стоялъ городъ Самысъ, упомянутый Мышецкимъ.

Въ свою очередь графъ Уваровъ, изслѣдовавшій окрестности Каменки нѣсколько раньше Терещенки, убѣдился, что прежде Татаръ тутъ обитали Греки, и даже говоритъ опредѣлительно, что поселеніе, найденное имъ въ окрестностяхъ Никополя, занимаетъ мѣсто города Серимума, упомянутаго однимъ только Птолемеемъ (III, 5) и отмѣченнаго у него подъ 75 гр. долготы и 50 гр. широты, третьимъ вверхъ по Борисѳенесу.

На мнѣніе графа касательно мѣстоположенія этого города мнѣ можно бы было сослаться въ пользу того, что я сказалъ о городѣ Митрополисѣ, который Птолемеемъ помѣщенъ между Ольвіею и Серимумомъ и казался графу загадочнымъ[1].

Но такъ какъ александрійскій географъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ гораздо менѣе довѣрія при опредѣленіи градусовъ долготы и широты различныхъ мѣстностей, чѣмъ при передачѣ этимъ путемъ извѣстія объ относительномъ взаимномъ разстояніи между ними, то я скорѣе готовъ искать городъ Серимумъ около Берислава. Четвертый же городъ вверхъ по Днѣпру, т. е. Сарумъ, отмѣченный впро-

1 Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. С. П., 1851, стр. 29.

чемъ не подъ 54 градусомъ широты, а подъ 51 гр. 15 мин., столь-же мало могъ находиться около Новомосковска, гдѣ его предполагалъ Маннертъ, какъ около Кіева или Кременчуга, куда его хотѣлъ перемѣстить графъ Уваровъ.

Охотнѣе всего я сталъ бы искать этотъ городъ Сарумъ въ Каменкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ бы, что имя его передѣлано Птолемеемъ (у котораго встрѣчается уже много турецкихъ именъ) изъ татарскаго слова Сарай. Причина, по которой, по мнѣнію моему, городъ этотъ никакъ не могъ находиться около Новомосковска или еще выше по Днѣпру, заключается въ томъ, что въ такомъ случаѣ городъ Амадоку, лежавшій, по Птолемею-же, недалеко, но къ сѣверу отъ Сарума, пришлось бы помѣстить выше пороговъ. Между тѣмъ они-то именно образуются тѣмъ горнымъ кряжемъ, который, пересѣкая всю юго-западную Россію до Азовскаго моря, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовалъ горамъ Амадокскимъ, находившимся, по словамъ Птолемея, къ сѣверу отъ соименнаго имъ города. По этому послѣдній не могъ находиться выше Александровска, ибо лишь здѣсь прекращаются пороги.

Но не только на пространствѣ, заключенномъ между этимъ городомъ и Каменкою, сохранились памятники минувшихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи не менѣе достойны вниманія окрестности села Большой Знаменки, лежащаго въ девяти верстахъ ниже Каменки, внизъ по Конкѣ. Я разумѣю такъ называемый Бѣлозерскій городокъ, находящійся въ двухъ верстахъ отъ села. Этотъ городокъ омываютъ рѣка Конка, гирло и Бѣлозерскій лиманъ, которые весною въ полую воду сливаются вмѣстѣ. Съ сухопутной стороны отъ Конки до Бѣлозерскаго лимана онъ огражденъ землянымъ валомъ и канавами, изъ которыхъ, по сказанію стариковъ-обывателей, лѣтъ сорокъ назадъ, первый былъ такъ высокъ, а послѣдніе такъ глубоки, что не было возможности безъ затрудненія сойти до глубины рва. Еще и теперь валъ вышиною отъ 2 или $2\frac{1}{2}$ сажень надъ горизонтомъ земли, каналы же глубиною мѣстами въ $1\frac{1}{4}$, а мѣстами немногимъ болѣе аршина. Въ валѣ замѣтны проходы и внутри городка площадь, усѣянная незначительными курганчиками. Внутри этой площади насыпанъ другой земляной валъ со рвомъ; изъ нихъ первый вышиною, а послѣдній глубиною одинаковъ съ первымъ. Въ этомъ валѣ замѣтенъ одинъ только проходъ; каналъ же, по свидѣтельству жителей, былъ выложенъ тесанымъ камнемъ, который вырытъ и употребленъ на постройку цер-

кви въ Большой Знаменкѣ. Рядомъ стоятъ четыре кургана значительной высоты; вершины ихъ были разрыты поселянами для добыванія тесанаго камня и жженаго кирпича, который, судя по оставшимся обломкамъ, былъ превосходнаго качества.

Планъ этого городка съ подробнымъ описаніемъ помѣщенъ г. Вертильякомъ въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (IV, 144). По этому я замѣчу здѣсь только, что внутреннюю часть городка жители называли въ 1847 году Кремлемъ и что г. Вертильяку удалось пріобрѣсти найденныя въ этомъ городкѣ золотыя украшенія[1], конскую сбрую и большой глиняный кувшинъ.

«Внизъ по рѣкѣ Конкѣ, отъ вала за селомъ Большой Знаменки», говоритъ еще г. Вертильякъ «находится мѣсто, по которому на горѣ проходитъ рядъ кургановъ и которое называется Мамурзаки».

«Я твердо убѣжденъ», оканчиваетъ г. Вертильякъ свою статью, «что это именно мѣсто есть тотъ городъ, гдѣ хоронили Скиѳскихъ царей и что постоянныя разысканія по всей этой мѣстности доставили бы много полезныхъ открытій, въ историческомъ отношеніи нашихъ предковъ» (ibid. стр. 145).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о нашемъ родствѣ съ Геродотовыми Скиѳами, я также того мнѣнія, что тщательное изслѣдованіе этой мѣстности могло бы значительно двинуть впередъ вопросъ о мѣстоположеніи области Герросъ. Я не отказался бы отъ этого мнѣнія даже въ такомъ случаѣ, еслибы здѣшніе курганы оказались расхищенными и если бы раскопка ихъ не доставила столь блистательныхъ результатовъ, какъ раскопка нѣкоторыхъ кургановъ Екатеринославскаго уѣзда. Въ этомъ случаѣ я могъ бы примѣнить къ Бѣлозерскимъ курганамъ замѣчаніе, къ которому раскопка различныхъ кургановъ одного и того-же разряда уже привела Археологическую Коммиссію, а именно: «опустошеніе могилъ совершалось ближайшими потомками погребенныхъ, между которыми свѣжи еще были преданія и память о томъ, въ какую именно могилу положены искомыя богатства[2].

Разумѣется, что для рѣшенія вопроса о времени и виновникахъ постройки

1 Украшенія эти, хранящіяся теперь въ Музеѣ Одесск. Общ. Ист. и Древн., представляютъ лежащаго льва, женское лицо прямо, раковину, треугольникъ, весь составленный изъ точекъ, узелки и выпуклыя большія и маленькія пуговицы.

2 Отчетъ за 1861 годъ. С. П., 1863, стр. XII.

Бѣлозерскихъ кургановъ, если бы послѣдніе дѣйствительно оказались расхищенными, слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на ихъ форму, на расположеніе могущихъ въ нихъ встрѣтиться гробницъ и другихъ принадлежностей, какъ напр. «каменныхъ бабъ», которыя въ нашихъ степяхъ нигдѣ не встрѣчаются въ такомъ количествѣ, какъ по обѣимъ сторонамъ Молочныхъ водъ, между Днѣпромъ и Бердою, и которыя безспорно принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ памятникамъ старины въ нашемъ краю[1].

Сколько можно судить по свѣдѣніямъ, до сихъ поръ собраннымъ объ этихъ статуяхъ, которыя названіемъ своимъ и неизящнымъ видомъ напоминаютъ изображенія, изсѣченныя на т. н. pierre aux demoiselles близъ Женевы[2], то большая часть изъ нихъ представляетъ чисто монгольскій типъ, выражающійся особенно въ формѣ глазъ. Впрочемъ встрѣчаются нерѣдко и такія, въ которыхъ нѣтъ ничего монгольскаго; да кромѣ того онѣ различествуютъ однѣ отъ другихъ чертами лица, одеждою и другими принадлежностями. Къ этому разряду принадлежали вѣроятно тѣ статуи, которыя Рубруквисъ[3] приписалъ Команамъ, т. е. народу тюркскому. И такъ, эти загадочныя статуи, кажется, не могутъ быть отнесены къ одному только народу или племени, а представляютъ намъ, такъ сказать, портретную галлерею различныхъ націй, которыя. въ теченіе вѣковъ, являлись въ нашихъ степяхъ, проходили по нимъ и исчезали.

Какъ происхожденіе этихъ памятниковъ, такъ и цѣль ихъ сооруженія донынѣ не объяснена. По мнѣнію Кеппена (l. l. 3), эти истуканы служили идолами для поклоненія; мнѣніе это онъ частью основываетъ на томъ, что въ нѣкоторыхъ большихъ курганахъ, разрытыхъ въ 1842 году меннонитомъ Корнисомъ

1 Одесское Общество Исторіи и Древностей успѣло собрать довольно значительную коллекцію этихъ грубо-изсѣченныхъ статуй, доставленныхъ по большей части съ западнаго прибрежья Азовскаго моря. Почти всѣ онѣ имѣютъ обликъ монгольскій и держатъ въ рукахъ прижатое къ чреву что-то въ родѣ чаши, подобно статуямъ Команскимъ, о которыхъ говоритъ Рубруквисъ. Эта чаша, по мнѣнію Спасскаго (З. О. О. I, 590) и Фундуклея (Обзоръ могилъ и пр. Кіевской губерніи. Кіевъ, 1848) была аттрибутомъ идоловъ монгольскихъ; по мнѣнію же Флоренсова эти мнимыя чашки, имѣющія часто углубленіе вверху и внизу, суть ничто иное, какъ полотенца, или ручники, вложенныя въ руки умершему.

2 Фабръ, О памятникахъ нѣкоторыхъ народовъ, древле-обитавшихъ въ Новоросс. краѣ, въ Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др., II, стр. 43.

3 Itinerarium, въ Recueil de voy., IV, p. 235.

около устья Молочной, вовсе не было найдено труповъ, между тѣмъ какъ въ одной изъ могилъ находились куски каменной бабы.

По мнѣнію другихъ, именно г. Флоренсова[1], эти истуканы, напротивъ того, были ничто иное, какъ портреты, ставившіеся на могилы усопшихъ, что скорѣе подтверждается, нежели опровергается результатами изслѣдованій Екатеринославскихъ кургановъ.

Такъ напр. при раскопкѣ большаго кургана у селенія Бѣленькаго, въ четырехъ верстахъ отъ Днѣпра, кромѣ обломковъ такой бабы, стоявшей вѣроятно еще въ оградѣ, подлѣ гробницы, найденъ огромный камень въ родѣ бабы изъ красноватаго песчаника[2].

Кажется впрочемъ, что не всѣ курганы, по крайней мѣрѣ у насъ, были непремѣнно гробницами, хотя, правда, большая часть наименованій, которыми различные народы ихъ означали, имѣютъ связь съ этимъ назначеніемъ[3].

По Дюбуа[4] кромѣ могилъ собственно (tumulus funéraires), въ юго-западной Россіи встрѣчаются еще: курганы пограничные (t. limites); курганы, служившіе для культа древняго друидійскаго или пелазгическаго грома (t. pyrés); курганы-телеграфы (t. télégraphes) и курганы, воздвигнутые для ознаменованія подвиговъ (t. trophées). Всѣ эти различнаго рода курганы, по мнѣнію Дюбуа, ничѣмъ не отличаются отъ могильныхъ кургановъ.

Такимъ образомъ, для рѣшенія вопроса къ какому именно разряду принадлежалъ разрытый курганъ, слѣдуетъ только опредѣлить: что такое значили вещи, которыя бы въ немъ оказались.

Опредѣлить это однако не всегда легко, судя по противуположнымъ мнѣніямъ, которыя вызваны были нѣкоторыми мѣдными вещами, найденными нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ невысокомъ курганѣ у села Козорѣзова, въ Бобринецкомъ уѣздѣ[5].

1 О каменныхъ бабахъ, въ Зап. Одесс. Общ., II, p. 822.

2 Отчетъ Арх. Комм. за 1860 годъ, стр. X.

3 Броніовій, говоря (Schwandtner, Script rer. hungar., I, 819), что tumuli, или могилы, Татарами называемы были «Cosles», быть можетъ, по недоумѣнію примѣнилъ къ нимъ татарское-же слово «Кишла», становище.

4 Des tumulus etc. въ Ann. d. voyages, 2 année, 1843, p. 183.

5 Записки Од. Общ., III, p. 567.

Въ Одесскомъ Музеѣ можно видѣть эти вещи, за исключеніемъ двухъ экземпляровъ, отправленныхъ Одесскимъ Обществомъ въ С.-Петербургъ, въ тамошнее Археологическое Общество и въ Императорскій Эрмитажъ. Тогда какъ въ Эрмитажѣ они были приняты за серпы, а въ Археологическомъ Обществѣ за скребницы, г. секретарь Одесскаго Общества Исторіи и Древностей призналъ въ найденныхъ орудіяхъ ножи въ родѣ тѣхъ, которые были въ употребленіи у древнихъ Скиѳовъ для приношенія богамъ человѣческихъ жертвъ, выбиравшихся преимущественно изъ военноплѣнныхъ или чужестранцевъ.

Не мнѣ рѣшить какому изъ этихъ трехъ мнѣній слѣдуетъ отдать преимущество. Позволю себѣ только замѣтить, что мнѣніе г. секретаря нѣсколько подтверждается мѣстомъ находки этихъ орудій. Если они дѣйствительно служили Скиѳамъ при жертвоприношеніяхъ, то легко могли быть ими оставлены или зарыты въ мѣстности, чрезъ которую пролегали Святые пути, когда Скиѳамъ самимъ пришлось удалиться изъ своей родины. Не могу однакоже скрыть что за тѣмъ въ Музей Общества были доставлены еще подобныя орудія, найденныя въ 1856 году близь Березани; кромѣ того я имѣлъ случай видѣть мѣдную вещицу, найденную въ имѣніи графа Канкрина на Конкѣ: она похожа на два другія орудія, доставленныя Обществу вмѣстѣ съ приведенными ножами и признанныя г. секретаремъ за сѣкиры, которыми умерщвлялись, ударомъ въ лобъ, люди и животныя, обреченные на жертву. По Геродоту (IV, 103) впрочемъ не Скиѳы, а Тавры, поступали такъ съ Эллинами, брошенными судьбою на берегъ моря, названнаго нѣкогда не безъ причины негостепріимнымъ. Богиню, которой приносимы были эти жертвы, сами Тавры выдавали за дочь Агамемнона, Ифигенію. Храмъ ея, построенный на крутомъ мѣстѣ[1], столь-же хорошо могъ находиться на мысѣ Аія-бурунѣ близь Балаклавы, какъ въ деревни Партенитъ у подошвы Аюдага, куда его хотѣлъ перемѣстить Бларамбергъ, по мнѣнію котораго упомянутый Страбономъ храмъ «божественной дѣвы», находясь на разстояніи 100 только стадій отъ города Херсониса, долженъ былъ стоять на низменномъ мысѣ того-же имени.

Къ сожалѣнію Страбонъ, столь отчетливо описавшій Таврическій полуостровъ, не говоритъ, почему именно сѣверная часть его называлась «Малою Скиѳіею»

1 Eurip. Iphig. in Taur. v. 1375 etc.

(VII, 4. § 5), а мимоходомъ только упоминаетъ о «царскихъ» Скиѳахъ (VII, 3, § 17). Это впрочемъ не мѣшаетъ намъ помѣстить принадлежавшую имъ область Герросъ ниже пороговъ Днѣпровскихъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки.

Труднѣе согласить съ этимъ мнѣніемъ слѣдующую замѣтку Геродота о Борисѳенесѣ. Сказавъ (IV, 53), что рѣка эта величиною своею уступала только Истросу и Нилу, и что обиліемъ водъ своихъ она доставляла прибрежнымъ жителямъ много выгодъ, онъ продолжаетъ: «до области Герросъ, до которой сорокъ дней плаванія, Борисѳенесъ знаемо течетъ съ сѣвера; выше же, чрезъ какихъ людей страны протекаетъ, никто не умѣетъ сказать; извѣстно только, что онъ течетъ по пустынѣ въ землю Скиѳовъ-земледѣльцевъ, которые живутъ по немъ на десять дней плаванія. Только одной этой рѣки да еще Нила я не въ состояніи указать источниковъ; да и никто, думаю, изъ Эллиновъ, не укажетъ ихъ». За тѣмъ Геродотъ переходитъ къ описанію нижней части рѣки, извѣстной ему гораздо лучше.

Всѣ почти толкователи Геродота, кромѣ тѣхъ, которые искали область Герросъ выше пороговъ, около Екатеринослава[1], Кіева[2], и даже Чернигова[3], принуждены были допустить, что разстояніе между нею и устьемъ Борисѳенеса не могло составить сорокъ дней водянаго пути. По этому большая часть изъ нихъ, для соглашенія показанія Геродота съ дѣйствительностью, сходилась въ мнѣніи, что число 40 попало въ текстъ по ошибкѣ вмѣсто 14.

Весьма немногіе, въ томъ числѣ графъ Потоцкій[4], думаютъ, что сорока днями плаванія Геродотъ хотѣлъ опредѣлить не разстояніе между устьемъ Борисѳенеса и Герросомъ, но часть рѣки, протекающей до этого мѣста съ сѣвера.

Не имѣя другаго средства устранить здѣсь недоумѣніе, я принужденъ сознаться, что мнѣніе графа мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) такъ какъ Геродотъ уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 18), что Скиѳы-земледѣльцы обитали вверхъ по Борисѳенесу на 14 дней, то ему не было надобности говорить еще разъ объ этихъ 14 дняхъ уже и потому, что тутъ-же (IV, 53)

1 Думшинъ, l. l. p. 38; Kolster, l. l. p. 19.
2 Mannert, l. l. p. 80; Eichwald, l. l. p. 304.
3 Hansen, l. l. p. 42 seqq.
4 Voyage dans les steps etc., II, p. 173.

прибавляетъ, что нижняя часть рѣки, внизъ по ея теченію, составляла десять дней плаванія;

2) такъ какъ Скимнъ Хіосскій[1] и Мела[2], которые также говорятъ о сорокадневномъ плаваніи по Борисѳенесу, явно заимствовали это извѣстіе у Геродота, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ, по какой бы то ни было причинѣ, дѣйствительно говоритъ о сорока дняхъ;

3) изъ словъ Геродота не слѣдуетъ, что онъ этимъ числомъ непрѣменно хотѣлъ опредѣлить протяженіе нижней части Борисѳенеса, а не верхней, заключенной между Герросомъ и тѣмъ пунктомъ, гдѣ рѣка начинаетъ стремиться съ сѣвера къ югу. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ право присовокупить, что никому не было извѣстно, какіе люди жили выше по рѣкѣ, т. е. выше Герроса: ибо, въ другомъ мѣстѣ (IV, 71), онъ упоминаетъ, что Борисѳенесъ далѣе этого края не былъ судоходенъ, безъ сомнѣнія по причинѣ пороговъ, при которыхъ конечно и тогда, какъ теперь, прекращалось всякое судоходство вверхъ по рѣкѣ. Впрочемъ въ словахъ Геродота я не вижу намека на это пряпятствіе. Напротивъ того, я думаю, что онъ ничего не зналъ о порогахъ: иначе, какъ уже замѣтили другіе и между прочимъ Нейманъ (l. l. p. 211), онъ не преминулъ бы упомянуть о нихъ при сравненіи Борисѳенеса съ Ниломъ.

Молчаніе Геродота въ этомъ случаѣ служитъ сильнымъ доводомъ противъ вышеупомянутаго мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые хотятъ помѣстить область Герросъ выше пороговъ и думаютъ этимъ увѣрить насъ, что Геродотъ умалчиваетъ о нихъ, хотя они и находились въ странѣ, ему хорошо извѣстной. Притомъ не понятно, какимъ образомъ устье Днѣпра разстояніемъ въ 40 дней плаванія могло быть отдѣлено отъ области Герросъ, тогда какъ отъ земли Меланхленовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ области, можно было дойти до моря пѣшкомъ въ 20 дней[3].

Познакомившись съ мѣстами пребыванія различныхъ обитателей Геродотовой Скиѳіи, посмотримъ теперь, не могутъ-ли предѣлы этой страны, мною предполо-

1 Frag. 70; Peripl. P. Euxini § 12.

2 Мела, II, 1, Солинъ, 15, и Амміанъ, XXII, 8, по примѣру Плинія, ищутъ источники Борисѳенеса у Невровъ, обитавшихъ скорѣе при верховьяхъ Ингульца, чѣмъ около Смоленска.

3 Непонятно, какимъ образомъ Беръ (l. l. p. 497) послѣ приведеннаго указанія Геродота, счелъ необходимымъ перемѣстить Меланхленовъ изъ Полтавы, гдѣ ихъ искалъ Кольстеръ (l. l. p. p. 607), въ окрестности Москвы!

женные, послужить къ объясненію вопроса, какимъ образомъ ему могла придти мысль сказать, что Скиѳія была родъ четыреугольника, который съ двухъ сторонъ примыкалъ къ морю и имѣлъ ровное протяженіе, какъ въ средиземьѣ, такъ и вдоль моря. Чтобы показать, что онъ говоритъ это не на угадъ, онъ затѣмъ прибавляетъ (IV, 101): «Отъ Истроса до Борисѳенеса десять дней сухопутья; а отъ Борисѳенеса до озера Меотиды другихъ десять. Средиземьемъ отъ моря до Меланхленовъ, которые живутъ надъ Скиѳами, сухопутья двадцать дней. Я считаю на день сухопутной ходьбы двѣсти стадій. Стало быть въ поперечныхъ бокахъ выйдетъ въ каждомъ по четыре тысячи стадій, и въ продольныхъ по направленію въ средиземье, въ каждомъ, опять по стольку-же. Вотъ и вся величина области».

Нельзя не согласиться, что подъ первою изъ сторонъ своего четыреугольника Геродотъ могъ разумѣть только сѣверный берегъ Чернаго моря, заключающійся между устьями Дуная и Днѣпра; за тѣмъ продолженіе этого берега до окрестностей Евпаторіи и наконецъ линію, мысленно проведенную имъ оттуда поперекъ Крыма, къ сѣверу отъ горной части полуострова до Керченскаго пролива.

Безъ сомнѣнія вся эта сторона, пролегающая между Истросомъ и Меотидою, далеко не составляетъ прямой линіи: если же она могла казаться такою Геродоту, то это показываетъ только, что Каркинитскій заливъ былъ ему извѣстенъ стольже мало, какъ Перекопскій перешеекъ и Сивашъ.[1].

Но если таковъ былъ взглядъ Геродота на ту сторону, которую онъ долженъ былъ знать лучше прочихъ, то и нельзя требовать отъ него болѣе точности при опредѣленіи прочихъ сторонъ Скиѳіи, доступныхъ ему гораздо менѣе.

Послѣ сказаннаго мною о мѣстѣ пребыванія царскихъ Скиѳовъ, я въ правѣ думать, что подъ «второю стороною», которая простиралась отъ моря до жилищъ Меланхленовъ, Геродотъ не могъ не разумѣть сѣверное прибрежье Керченскаго полуострова, Арабатскую стрѣлку и рѣки Молочную и Конскую, до впаденія послѣдней въ Днѣпръ. Правда, что такимъ образомъ эта сторона вышла бы на столько короче 4000 стадій, положенныхъ Геродотомъ на каждую изъ сторонъ его четыреугольника, на сколько правая сторона въ дѣйствительности превосходитъ ихъ длиною своею.

1 Ukert, l. l. III, p. 458.

За то по крайней мѣрѣ вторая сторона, какъ можно усмотрѣть изъ карты южной Россіи, гораздо болѣе первой походитъ на прямую линію.

Остальныя двѣ стороны, параллельныя двумъ первымъ, по взгляду Геродота, соотвѣтствовали линіи, которая, по моему-же мнѣнію, должна быть проведена отъ южнаго устья Дуная вверхъ по теченію этой рѣки до устья Алуты и даже немного выше. За тѣмъ линію эту надобно провести не прямо, а съ соблюденіемъ по возможности указанной Геродотомъ параллельности съ двумя первыми сторонами — поперекъ Придунайскихъ Княжествъ и Бессарабіи, по южной части Подоліи и сѣверо-восточной части Херсонской губерніи до устья Базувлука и оттуда вверхъ по Днѣпру до устья Конской, ниже Александровска.

Геродотъ не говоритъ прямо, гдѣ находился уголъ, образуемый этими двумя сторонами; но такъ какъ, по его словамъ, онѣ имѣли одинаковое протяженіе, то мы должны помѣстить точку, ихъ раздѣлявшую, въ серединѣ всей проведенной нами линіи между Дунаемъ и Днѣпромъ, т. е. около Бѣльцъ или Могилева на Днѣстрѣ. Такимъ образомъ будутъ опредѣлены остальныя двѣ стороны четыреугольника и окажется не только, что на каждую приходится около 4000 стадій, но что Геродоту могло показаться, будто бы одна изъ нихъ параллельна описанной имъ поперечной сторонѣ, а другая — береговой.

Во всякомъ случаѣ попытка моя и въ этомъ отношеніи согласовать показаніе Геродота съ дѣйствительностью не нуждается въ уловкахъ и натяжкахъ въ родѣ тѣхъ, къ которымъ до сихъ поръ принуждены были прибѣгать всѣ старавшіеся возстановить Скиѳскій четыреугольникъ, такъ какъ они предубѣждены были въ томъ, что одна изъ сторонъ этого четыреугольника непремѣнно должна была примыкать къ Дону.

Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется новое доказательство въ пользу моего мнѣнія, что подъ Танаисомъ Геродотъ скорѣе могъ разумѣть Молочную, нежели Донъ, или же устье этой рѣки съ Донцомъ.

Но вотъ, кстати, въ случаѣ надобности, еще другое доказательство справедливости этого мнѣнія.

По свидѣтельству Платона[1], воинственныя женщины, названныя Савромати-

1 De legg. ed. Bipont., VIII. 355, 377.

дами, обитали при Понтѣ, тогда какъ, по Гиппократу[1], скиѳскій народъ Савроматы обитали при Меотидѣ. Скилаксъ (p. 30, ed. Huds.) помѣщаетъ Сарматовъ къ сѣверу отъ Меотиды, надъ Таврикою, откуда Укертъ[2] съ Нибуромъ[3] напрасно хотѣли ихъ удалить, объявивъ, что слова ὑπὲρ τῆς Ταυρικῆς по ошибкѣ только попали на мѣсто, занимаемое ими въ периплѣ.

Тимосѳенъ[4], современникъ Птолемея Филадельфа, опредѣляя жилища народовъ по странамъ свѣта, говоритъ: противъ Ѳракіаса, къ сѣверу отъ Ѳракійцевъ, обитаютъ Скиѳы; противъ Буреаса находятся Понтъ, Меотида, Савроматы. Словомъ, вскорѣ послѣ Геродота, Савроматы или Сарматы[5] уже являются на западномъ берегу Азовскаго моря, между тѣмъ какъ ни у одного древняго автора нѣтъ намека на то, что они переселились туда изъ-за Дона. Даже у позднѣйшихъ писателей мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Страбонъ, говоря (VII, 3 § 13) о движеніяхъ народовъ при Истросѣ, замѣчаетъ, что Скиѳы, Бастарны и Сарматы переправились чрезъ рѣку и переселились частью на южный берегъ этой рѣки. Хотя Плиній (VI, 7) и говоритъ о какихъ-то измѣненіяхъ при Танаисѣ, но никто не припоминаетъ о походахъ и завоеваніяхъ Сарматовъ.

Правда, что по словамъ Нибура (l. l. 395), Сарматы медленно распространялись до Дуная и до Вислы, истребляя Скиѳовъ и тѣсня Гетовъ (die Geten einschraubend); но онъ самъ принужденъ сознаться, что историки молчатъ объ этомъ передвиженіи Сарматовъ (ibid. 388): оно только должно было имѣть мѣсто, sie (die Ausbreitung) lässt sich nur wahrnehmen und folgern.

При всемъ уваженіи къ дару комбинаціи великаго критика, я въ этомъ случаѣ считаю себя въ-правѣ вывести совершенно иное заключеніе изъ упорнаго молчанія древнихъ авторовъ относительно постепеннаго передвиженія Сарматовъ изъ предкавказскаго края до Карпатовъ. Мнѣ кажется, что этотъ народъ, по крайней мѣрѣ во времена Геродота, долженъ былъ обитать на западной сторонѣ Азовскаго моря. По

1 De aëre etc. § 89, 91; cp. Potocki, l. c. I, p. 90, § 18.

2 Geogr. d. Gr. u. R., p. 322, пр. 62 (III, 2).

3 Kleine hist. Schriften, I, стр. 382.

4 Agathemer., I, 2.

5 О тождествѣ Савроматовъ и Сарматовъ см. между прочимъ: Baehr, l. l. II, p. 331 и Vivien de Saint-Martin, Recherches s. l. populations primitives etc. du Caucase, Par. 1847, p. 161, note 2.

этому-то и Танаисъ, который, подобно сему морю, отдѣлялъ ихъ отъ царскихъ Скиѳовъ, гораздо удобнѣе могъ означать Молочную, нежели Донъ съ Донцомъ.

Такъ какъ страна, занимаемая Сарматами, простиралась, по Геродоту, къ востоку за Танаисъ на три дня ходьбы по берегу Азовскаго моря (IV, 96), а къ сѣверу на пятьнадцать дней (21), то и оказывается, что жилища ихъ находились между Молочною и Кальміусомъ, и доходили къ сѣверу, вверхъ по лѣвому берегу Волчьей и нижней Самары, до Днѣпра, который между Екатеринославомъ и Александровскомъ отдѣлялъ ихъ отъ Меланхленовъ. Пространство это составляетъ большею частью унылую, безводную степь, и соотвѣтствуетъ замѣчанію Геродота (IV, 21), что обширная страна, въ которой обитали Сарматы, была совершенно гола и безлѣсна.

Напрасно Нейманъ (l. l. p. 83) изъ приведеннаго имъ французскаго перевода извѣстія Рубруквиса выводитъ заключеніе, будто-бы въ XIII вѣкѣ нашей эры лѣса еще существовали на гранитной формаціи между Молочною и Бердою. По крайней мѣрѣ, если держаться латинскаго текста, то всѣ рукописи согласны въ томъ, что степь эта тогда уже не представляла взорамъ путешественника ни лѣсовъ, ни горъ, ни камней: solitudo, in qua nulla silva, nullus mons, nullus lapis, herba optima[1]. Таковъ безъ сомнѣнія и смыслъ французскаго перевода этого мѣста дневника: où on ne trouve que des forests des montagnes, avec des pierres.[2]

Слабые слѣды долгаго пребыванія Сарматовъ въ предѣлахъ, мною предположенныхъ для ихъ жилищъ, сохранились, быть можетъ, въ именахъ, если не Берды и Самары, напоминающихъ хотя созвучіемъ имена славныхъ нѣкогда городовъ въ Арранѣ и Согдіанѣ, то, по крайней мѣрѣ, Днѣпра, или Danapris. Еще въ древности (Перип. Безъим. § 11) Борисѳенесъ былъ извѣстенъ подъ этимъ наименованіемъ, въ окончательномъ слогѣ котораго, какъ справедливо замѣчаетъ Надеждинъ (l. l. p. 32), слышится какъ будто первая половина названія Борисѳенесъ, тогда какъ начало всего слова Дана составлено изъ какого-то таинственнаго звука «д-н», являюща-

1 Itinerarium въ Recueil des Voyages, t. IV, p. 246.

2 Rubruquis, Voyage en Tartarie, ed. Bergeron, 1735, p. 26; cp. Rogeard (Les propos de Labienus, 8me edit., p. 7): et je n'ai *que* faire de l'avis du paysan du Danube.

гося въ нынѣшнихъ названіяхъ и другихъ сопредѣльныхъ Днѣпру рѣкъ, какъ-то Днѣстра, Дуная и Дона.

Впрочемъ Надеждину, вѣроятно, не было безъизвѣстно, что это таинственное «д-нъ» слышится также въ нарицательномъ имени донъ, что значитъ текущая вода, рѣка. на языкѣ Осетинцевъ, которые еще нынѣ[1] сами себя называютъ Иронъ и въ которыхъ неоднократно признавали потомковъ Сарматовъ, выведенныхъ, по Діодору (II, 44), Скиѳами изъ Мидіи на Кавказъ[2].

За Сарматами, къ востоку разумѣется[3], вторую область занимали Будины (IV, 21), у которыхъ земля была покрыта всякаго рода лѣсомъ. Это былъ народъ великій, многочисленный, съ голубыми глазами и русыми волосами (γλαυκὸν καὶ πυῤῥόν). У нихъ былъ большой деревянный городъ, именуемый Гелоносъ (IV, 108); жители его были потомками Эллиновъ, поселившихся у Будиновъ, отъ которыхъ различались языкомъ своимъ, полускиѳскимъ и полуэллинскимъ. равно какъ и образомъ жизни. Повторивъ еще разъ, что земля Будиновъ вся была зарощена лѣсомъ, Геродотъ (IV. 109) продолжаетъ: «Въ самой глубокой пущѣ находится большое и многоводное озеро, а вокругъ него болото, поросшее тростникомъ. Въ этомъ озерѣ ловились выдры и бобры и другіе звѣри съ четыреугольною мордою, шкуры которыхъ употреблялись на обшивку платья, тогда какъ ядра весьма почитались пригодными въ маточныхъ болѣзняхъ».

Такъ какъ при описаніи народовъ, обитавшихъ за Скиѳіею, Геродотъ придерживается того-же порядка отъ запада къ востоку, то жилища Будиновъ, по моей гипотезѣ, должны были находиться за Бердою, съ одной стороны между Кальміусомъ и Волчьею-водою, а съ другой между Міусомъ и Самарою до соединенія съ нею Волчьей.

Къ счастію, мѣстныя особенности этой полосы, соотвѣтствующей Міусскому округу Земли Донскаго войска (кромѣ приморскаго края, въ которомъ обитали Меоты, какъ увидимъ ниже) и частямъ уѣздовъ Павлоградскаго и Бахмутскаго,

1 Sjögren, Ossetische Sprachlehre, S. P., 1844, p. 383.

2 Vivien de S. Martin, l. c.

3 Bobrik, Geogr. d. Herodot, Koenigsberg, 1838, p. 117

позволяютъ мнѣ безъ натяжки примѣнить къ ней то, что Геродоту показалось достойнымъ вниманія въ землѣ Будиновъ.

Что касается лѣсовъ, которыми она изобиловала въ его время, то нельзя не убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, если припомнить, какъ значительны были здѣсь лѣса лѣтъ двѣсти тому назадъ. Такъ напр. Бопланъ[1] не могъ надивиться богатству строеваго лѣса, находившагося въ окрестностяхъ Самары. Не смотря на безпощадное истребленіе ихъ Татарами и казаками, на берегахъ этой рѣки, названной послѣдними Священною, находились еще, около ста лѣтъ спустя, сосновый боръ, дубовый и другой черный лѣсъ. Болѣе или менѣе густыя купы деревьевъ встрѣчались тогда-же по берегамъ Волчьихъ водъ, Кальміуса и Міуса[2]. Поэтому неудивительно, что несчастная для Мамая встрѣча съ Тохтамышемъ, въ 1380 году, могла произойти въ «Калкскихъ лѣсѣхъ»[3], или что Рубруквисъ могъ говорить о проѣздѣ своемъ чрезъ «большой лѣсъ» на западной сторонѣ Дона[4].

Но не только въ столь отдаленныя отъ насъ времена, даже донынѣ сохранились слѣды существованія значительныхъ лѣсовъ въ этой части Новороссійскаго края. Такъ напр. ученый агрономъ Бауманъ, хорошо знакомый съ этою мѣстностью, выражается слѣдующимъ образомъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: «Многіе ученые отвергаютъ возможность существованія первобытныхъ лѣсовъ въ южно-степномъ краѣ въ отдаленныя отъ насъ времена; я самъ принадлежалъ къ приверженцамъ сего мнѣнія; но послѣднее путешествіе по землѣ Донскаго войска совершенно меня убѣдило въ справедливости противуположнаго мнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, ни одна страна южной Россіи не способна такъ убѣдить наблюдателя въ этомъ мнѣніи, какъ та, въ которой, можно сказать, на нашихъ глазахъ, постоянно образуются степи.... Донской кряжъ (о Задонской степи здѣсь не говорится) имѣетъ мѣстность возвышенную, волнообразную; если этотъ край, именно на возвышенностяхъ, былъ бы лѣсистый, то онъ защищалъ бы всю южную Россію отъ вреднаго для сельскаго хозяйства вліянія палящаго юговосточнаго и восточнаго вѣтровъ, дующихъ съ разгоряченныхъ пустынь Азіи. Съ другой стороны нигдѣ въ

1 Beschreib. d. Ukraine, übers. v. Moeller, Breslau, 1780, p. 24.

2 Чернявскій; у Мышецкаго, l. l. p. 83.

3 Карамзинъ, l. l. V, пр. 88.

4 Itinerarium, въ вышеприведенномъ Recueil., p. 250.

южной Россіи, за исключеніемъ, быть можетъ, сѣверной части Бессарабіи (замѣчаетъ г. Бауманъ въ другомъ мѣстѣ), нѣтъ такихъ остатковъ величественныхъ лѣсовъ, какъ въ землѣ Войска Донскаго[1]».

Подобные остатки сохранились впрочемъ донынѣ также въ упомянутыхъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи. Такъ напр. кустарники и лѣса, которые и нынѣ еще встрѣчаются во множествѣ около береговъ Орели[2], занимаютъ еще большія пространства на берегахъ Самары въ Новомосковскомъ уѣздѣ; встрѣчается не малое число прямыхъ деревъ, въ три и даже четыре сажени вышины, хотя и сучковатыхъ. Почва не представляетъ здѣсь препятствія къ произрастанію, хотя, въ настоящее время, большею частью лѣса здѣсь растутъ лишь вблизи рѣкъ, на низменныхъ и ровныхъ плоскостяхъ. Въ Павлоградскомъ уѣздѣ лѣса мѣстами довольно густы, хотя пространства, ими занимаемыя, не слишкомъ велики. Почва весьма хороша и способствуетъ произрастанію всѣхъ родовъ лѣса. Если же въ настоящее время деревья твердыхъ породъ большею частью кривы и неравномѣрны, то это происходитъ оттого, что они растутъ отъ корней и пней прежде срубленныхъ деревьевъ, а не отъ самосѣва: доказательствомъ сказаннаго служитъ находящаяся не въ дальнемъ отъ этихъ лѣсовъ разстояніи, сбереженная дача помѣщика Родзянки, въ которой имѣются дубы значительной толщины и вышины, при весьма прямомъ ростѣ[3].

Стараясь доказать, что въ этой именно части южной Россіи находились жилища Будиновъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ отыскать здѣсь слѣды озера, находящагося среди лѣсовъ: это озеро такъ обстоятельно описано Геродотомъ, что его уже нельзя выдавать за произведеніе фантазіи тогдашнихъ теоретиковъ.

Обязанный указать этому озеру приличное мѣсто, я готовъ предпочесть всѣмъ прочимъ мѣстностямъ — окрестности города Павлограда, между рѣкою Самарою и притокомъ ея съ лѣвой стороны, Волчьей, которыя представляютъ низменность, и теперь еще во многихъ мѣстахъ покрытую болотами[4]. Все это обширное пространство заливается часто весенними водами, такъ что иногда цѣлые обозы

1 Журн. Мин. Госуд. Имущ., 1856; Мартъ и Іюль.

2 Павловичъ, Матеріалы для Геогр. и Статистики Екатеринославской губ. С. П., 1862, стр. 43.

3 Ibid. стр. 154.

4 Ibid. стр. 19.

задерживаются здѣсь недѣли по двѣ, по трудности переправы чрезъ обѣ рѣки[1]. Къ этому пространству примыкаютъ также весьма топкія болота (между Волчьей и маленькою рѣкою Кочергою, текущею въ Самару) по обѣимъ сторонамъ дороги изъ Павлограда въ село Вязовки. Эти болота покрыты кустарникомъ и проходимы только лѣтомъ въ сухое время. Самая же дорога, пролегающая между ними, грязна, а весною и осенью весьма затруднительна для переѣзда[2]. Всякій согласится, что по причинамъ, часто приводимымъ въ настоящей статьѣ, эти топкія мѣста, представляющія рѣзкій контрастъ съ обыкновеннымъ характеромъ прочихъ степей, могли быть въ древности порядочнымъ озеромъ.

Кажется даже, что части этого озера существуютъ еще доселѣ, если имѣть въ виду отмѣченные въ этихъ мѣстахъ на картѣ Шуберта[3] «водяной оврагъ» и довольно значительное озеро, названное «Лиманъ Солоной», — хотя вода въ немъ прѣсная[4]. Въ настоящее время это озеро, имѣющее 3½ версты въ длину и 2 версты въ ширину, лѣтомъ почти высыхаетъ; но по увѣренію старожиловъ, глубина его въ прежнія времена была весьма значительна[5].

Находящіяся въ его сосѣдствѣ деревни Лѣсная и Дубравая и оврагъ Лозоватый припоминаютъ пущу и тростникъ, окружавшіе нѣкогда озеро Будиновъ.

Неудивительно было бы, если бы въ то время въ этомъ тростникѣ водились выдры, потому что онѣ и нынѣ еще попадаются въ рѣкахъ Екатеринославской губерніи. Во времена Геродота эти рѣки могли даже изобиловать бобрами, такъ какъ они недавно еще водились на берегахъ Дона[6]. Въ средніе вѣка они встрѣчались во всѣхъ нашихъ рѣкахъ; Арабы получали бобровые мѣха не только отъ Турокъ, но и отъ Славянъ, зная и употребляя славянское названіе этого животнаго, а по словамъ Эдриси, лѣса къ сѣверу отъ земли Комановъ были мѣстопребываніемъ бобровъ.

Вѣроятно мѣха ихъ вывозились изъ портовъ Азовскаго моря еще въ Генуэзскомъ періодѣ; можетъ быть, по этой причинѣ одинъ изъ прибрежныхъ пунктовъ,

1 Ibid. стр. 41.
2 Ibid. стр. 47.
3 Специальная карта зап. Россіи, листъ 47.
4 Павловичъ, l. l. p. 45.
5 Ibid. l. c.
6 V. d. Brincken, Bewaldung d. Steppen etc., p. 68.

отмѣченный на ихъ картахъ около нынѣшняго Молочанскаго лимана, названъ lena de castori (gastori, gospori etc.), т. е. бобровое озеро[1], подобно тому, какъ притокъ Самары, при которомъ лежитъ вышеупомянутое село Вязовокъ, нынѣ еще называется Бобровкой.

Напрасно Эйхвальдъ[2] думаетъ, что подъ третьимъ животнымъ, ядра котораго употреблялись противъ женскихъ болѣзней, Геродотъ разумѣлъ куницу, хотя бы разные виды этого животнаго и встрѣчались въ Пинскихъ лѣсахъ и болотахъ во времена Геродота. Мнѣ кажется, что скорѣе отъ взоровъ наблюдателя, столь мастерски уловившаго особенности нашихъ степей, не могъ укрыться выхухоль (Mygale moschata), который и нынѣ еще водится почти исключительно при рѣкахъ южной Россіи[3]. Нѣмцами это животное названо Rüsselmaus, по причинѣ формы его морды, которую въ строгомъ смыслѣ можно назвать четыреугольною. Притомъ шкуры выхохуля служатъ для обшивки платья, между тѣмъ какъ изъ подъ его хвоста отдѣляется жидкость съ сильнымъ запахомъ мускуса или, правильнѣе, цибета.

Пусть врачи и естествоиспытатели рѣшатъ, справедливо ли изложенное здѣсь мнѣніе. Послѣдніе опредѣлятъ также лучше меня, что такое растеніе понтиконъ: по словамъ Геродота (IV, 23) оно въ изобиліи росло у подошвы высокихъ горъ, между которыми и страною Скиѳовъ, отдѣлившихся отъ царскихъ (IV, 22), лежала обширная область каменистая и гористая. Растеніе понтійское равнялось величиною смоковницѣ и имѣло фрукты въ бобъ величиною, но съ зерномъ. Туземцы, монгольскаго племени, выжимали изъ этихъ фруктовъ черный сокъ, названный ἄσχυ, и употребляли его для питья, смѣшавъ его съ молокомъ.

По мнѣнію Кольстера (l. l. XIII, p. 43), Ганзенъ успѣлъ опредѣлить это растеніе указаніемъ на Эрмана, по словамъ котораго Козаки, Башкиры и Калмыки нынѣ еще готовятъ себѣ пищу изъ фруктовъ Prunus Padus L., или черемухи, а Казанскіе Татары называютъ кислоту Atschi[4].

Хотя мнѣніе о тождествѣ понтикона съ черемухою, высказанное впрочемъ уже

1 Ducange, Gloss. Graec. v. λεινα: lacus aquam continentes.

2 Alte Geogr. d. Caspischen Meeres, p. 276.

3 Graefe, Handbuch d. Naturgesch. Leipz., 1836, I, p. 178.

4 Erman, Reise um die Erde, I, p. 427.

прежде Ганзена другими [1], было принято также Дункеромъ [2] и Беромъ [3], тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ, отъ котораго нѣкоторымъ образомъ зависитъ также вопросъ о жилищахъ Аргиппеевъ, я позволяю себѣ считать нерѣшеннымъ. Мнѣ кажется, что растеніе понтійское столь-же удобно, какъ черемуху, могло доставлять туземцамъ и вишню. Вотъ причины, которыя побуждаютъ меня отклониться и въ этомъ отношеніи отъ обыкновеннаго мнѣнія.

Будучи переведено изъ Керазуса въ Италію знаменитѣйшимъ гастрономомъ послѣднихъ временъ римской республики, вишневое дерево (Cerasus acida) [4], которое и теперь еще весьма рѣдко встрѣчается въ Греціи [5], уже послѣ временъ Геродота могло быть привезено въ Малую Азію съ Кавказа, гдѣ оно и въ настоящее время чрезвычайно распространено и цѣнимо. Между прочимъ это явствуетъ изъ слѣдующаго осетинскаго преданія, сообщеннаго мнѣ молодымъ Тагаурцемъ Асланъ-Бекомъ Кундуховымъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ Одессѣ.

Какой-то царь предпочелъ выдать дочь не за сватавшаго ее могущественнаго князя, а за человѣка, богатство котораго заключалось въ одномъ только вишневомъ деревцѣ. Когда, по опредѣленію судьи, деревцо это, подобно разнымъ другимъ растеніямъ, принадлежавшимъ богатому жениху, для опыта посажено было вечеромъ въ пеплъ, то оно такъ быстро расцвѣло, что къ утру вѣтьвями своими покрыло большія пространства и что не доставало рукъ, для собиранія его плодовъ. При томъ огромномъ значеніи, какимъ вишневое дерево пользовалось у Осетинцевъ, понятно, почему они называютъ его «балбаласъ». Слово это можно перевести дерево деревьевъ, т. е. дерево par preférence, такъ какъ дерево вообще по осетински называется баласъ [6]. Молоко же, смѣшиваемое этими горцами съ вишнями, именемъ своимъ «ахсиръ» припоминаемъ сокъ ἄσχυ, который обитавшіе у подошвы горъ Аргиппеи, или Аргимпеи (ср. Müllenhoff, l. l. 554) смѣшивали съ молокомъ. Изъ вишенъ, высушенныхъ на солнцѣ, Осетинцы готовятъ также родъ

1 Heeren, Ideen etc. 1, 2, p. 283. Едва ли графъ Потоцкій (l. l. II, p. 149) имѣлъ въ виду черемуху, говоря, что Волжскіе Калмыки имѣли обыкновеніе смѣшивать кумысъ съ сокомъ «небольшаго» растенія, называемаго zergene.

2 Gesch. d. Staaten d. Alterthums, 1855, I, p. 462.

3 Herodoti Musae, II, p. 341.

4 Graefe, Handbuch d. Naturgeschichte, II, p. 324.

5 Ruprecht, Flora Ingrica, II, p. 54.

6 Sjögren, l. l. p. 484.

пастилы, подобно тому, какъ Аргиппеи (по Геродоту, IV, 23) дѣлали это съ густою частью фруктовъ, выжавъ изъ нихъ сокъ.

Если же казанскіе Татары кислоту называютъ атчи, то изъ этого не слѣдуетъ, что Геродотово асхи изготовлялось не изъ кислыхъ вишенъ, а изъ горьковатой черемухи.

Замѣчу еще къ-стати, что Бопланъ[1] встрѣтилъ при нижнемъ Днѣпрѣ дикорастущія вишневыя деревья, имѣвшія не болѣе двухъ съ половиною футовъ вышины. Фрукты этихъ деревьевъ, величиною въ сливу, показались ему чрезвычайно вкусными; поспѣвали же они не раньше Августа мѣсяца.

До страны, занятой Аргиппеями, говоритъ Геродотъ, (IV, 24) можно было получить достовѣрныя свѣдѣнія отъ Скиѳовъ, посѣщавшихъ эту страну, и даже отъ Грековъ, которые отправлялись туда изъ торжища Борисѳенеитовъ, равно какъ и изъ другихъ Черноморскихъ портовъ.

Дѣйствительно, скалистую страну, чрезъ которую путешественники добирались до Аргиппеевъ съ помощью семи переводчиковъ (IV, 24), нельзя не узнать въ Общемъ Сыртѣ, этомъ пограничномъ валѣ между европейскою и арало-каспійскою низменностью. Холмы его достигаютъ до 500 футовъ и, прерванные Волгою, сопровождаютъ ее подъ именемъ нагорнаго берега до долины Маныча; за тѣмъ этотъ «скалистый» оплотъ, покрытый черноземомъ, рѣшительно поворачиваетъ къ западу и теряется въ степяхъ. Протекающія здѣсь рѣки врѣзываются глубоко въ почву и имѣютъ крутые берега[2].

Но въ этомъ случаѣ должно согласиться съ тѣми изслѣдователями, по которымъ жилища Аргиппеевъ находились при южной оконечности Уральскаго хребта, до котораго насъ ведетъ Общій Сыртъ; въ нѣдрахъ его скрываются неистощимыя залежи минеральныхъ породъ, которыя въ древности должны были привлекать сюда Скиѳовъ и Грековъ.

Сознавая невозможность сказать что-нибудь положительное о народахъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Аргиппеевъ и отдѣленныхъ отъ нихъ высокими горами, Геродотъ (IV, 25) считалъ еще хорошо извѣстнымъ край, лежащій на востокъ и

1 Beschreibung d. Ukraine, p. 21.

2 Даніель, Учебная книга, географіи перев. Корсакъ, Москва, 1863 р. 363,

населенный Иссидонами, отдѣленными, какъ онъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ (I, 201), отъ Массагетовъ теченіемъ Аракса. Если онъ прибавляетъ, что истоки этой рѣки находились недалеко отъ Гинда, притока Тигра (I, 189), что она текла на востокъ и наконецъ изливалась однимъ рукавомъ въ Каспійское море (I, 202), то ясно, что онъ здѣсь имѣлъ въ виду притокъ Кура, который тогда, какъ показалъ г. Беръ[1], дѣйствительно однимъ рукавомъ впадалъ въ Каспійское море. Съ другой стороны также ясно, что при этомъ Араксѣ не могли обитать ни Иссидоны, ни Массагеты. По-этому должно думать, что Геродотъ смѣшалъ съ нимъ или Оксъ, который въ его время также изливался въ Каспійское море, или Уралъ, или даже, можетъ быть, Волгу.

Въ послѣднемъ случаѣ, въ пользу котораго Нейманъ (l. l. p. 122) привелъ убѣдительные доводы, объяснилось бы также, почему Геродотъ не говоритъ болѣе о Волгѣ, хотя она не могла не обратить на себя вниманіе Грековъ, передавшихъ ему то, что имъ показалось достойнымъ вниманія на пути къ Иссидонамъ. Нужно только допустить, что послѣдніе обитали не только къ востоку, но и къ югу отъ Аргиппеевъ, и что жилища Массагетовъ доходили до лѣваго берега нижней Волги.

Но пора возвратиться къ Будинамъ и къ деревянному городу Гелоносъ, который находился въ ихъ странѣ. Такъ какъ этотъ городъ былъ построенъ греческими выходцами гораздо ранѣе Геродотовыхъ временъ, то мы имѣемъ новый доводъ, что страна Будиновъ находилась на правой сторонѣ Дона. По крайней мѣрѣ невѣроятно, чтобы въ столь отдаленныя времена Греки могли водвориться въ задонской степи. Подобнымъ образомъ, Невры не переселились бы такъ далеко, когда были вытѣснены змѣями (см. выше) изъ прежнихъ своихъ жилищъ и искали убѣжища у Будиновъ. Еслиже Невры, какъ обыкновенно думаютъ, были Славяне, то подтвердилось бы мнѣніе тѣхъ писателей, которые признавали таковыхъ и въ Будинахъ: въ противномъ случаѣ Неврамъ едва-ли могло придти на мысль переселиться именно къ нимъ.

Если бы Будины обитали за Дономъ, то и Стефанъ Византійскій не помѣ-

1 Baer, Der alte Lauf des Armenischen Araxes, въ Bulletin de la classe historique. etc. de l'Académie Impér. des Sciences de St. Pétersbourg, t. XIV, p. 306—351.

стилъ бы городъ Гелоновъ въ «Европейской» Сарматіи; таранды же или лоси, которые, по Аристотелю[1], встрѣчались въ окрестностяхъ этого города, не могли не водиться въ древности въ болотахъ Павлоградскихъ, потому что митрополитъ Пименъ, въ своемъ хожденіи въ Царьградъ, видѣлъ ихъ во множествѣ на Донскомъ побережьѣ, въ сообществѣ съ выдрами и бобрами[2].

Въ пользу мнѣнія, что Будины, которыхъ позднѣйшіе писатели подразумѣваютъ подъ именемъ Гелоновъ[3], уже при Геродотѣ обитали въ предположенныхъ мною мѣстахъ, служитъ еще и то обстоятельство, что жилища ихъ, по свидѣтельству Скилакса (32), Скимна (fr. v. 124), Плинія (IV, 26), Птолемея (III, 5) и другихъ писателей древности[4], находились на западной сторонѣ Дона, между тѣмъ какъ никто изъ нихъ не говоритъ ни слова о переходѣ Будиновъ или Гелоновъ чрезъ Танаисъ.

Допуская мнѣніе Неймана (l. l. 96), что во времена Птолемея Будины могли обитать въ окрестностяхъ Кіева, въ Черниговской губерніи, нельзя также не согласиться съ нимъ, что Кольстеръ (l. l. XIII. p. 37) явно погрѣшилъ, превративъ Будиновъ въ Птолемеевыхъ Болиновъ-далматскихъ, и перемѣстилъ послѣднихъ съ береговъ Адріатическаго моря къ Дунаю съ тѣмъ только, чтобы выставить ихъ какъ свидѣтелей въ пользу страннаго мнѣнія, будто-бы Геродотъ смѣшалъ Танаисъ съ Истросомъ.

Но такъ какъ Будины жили къ востоку отъ Сарматовъ, то намъ представляется еще новое доказательство, что тотъ Танаисъ, который отдѣлялъ послѣднихъ отъ царскихъ Скиѳовъ, скорѣе долженъ былъ соотвѣтствовать Молочной, нежели Дону.

Выше Будиновъ, къ сѣверу, была, по Геродоту (IV, 22), пустыня, на семь дней сухопутья; потомъ, за пустынею, по направленію къ востоку, обитали Ѳиссагеты, народъ многочисленный, занимавшійся звѣроловствомъ.

Отъ нихъ вытекали четыре большія рѣки, которыя, пройдя чрезъ страну Меотовъ, впадали въ озеро, названное Меотидою, а именно: Ликосъ, Оаросъ, Танаисъ, Сиргисъ. Сожителями Ѳиссагетовъ были Иврки (Ἰύρκαι), также звѣроловы, въ которыхъ

1 De mirabilibus, c. XXIX.
2 Никон. лѣтопись, IV, стр. 159.
3 Ukert, l. l. III, 2, p. 539.
4 Ibidem.

часто признавали Турокъ и которые, по крайней мѣрѣ подобозвучіемъ именъ, припоминаютъ Туркменовъ Малой-Азіи, или т. н. Юрюкъ, являющихся въ XIV столѣтіи еще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда охотились Иврки [1].

Имѣя въ виду, что пустыня, простиравшаяся на семь дней пути, прилегала не къ восточной, а къ сѣверной границѣ земли Будиновъ, мы должны искать ее въ странѣ, заключающейся между среднимъ теченіемъ Орели и Донцомъ, равно какъ въ находящейся за этою рѣкою южной части Харьковской губерніи, въ странѣ дѣйствительно голой и безлѣсной [2].

Находясь къ востоку отъ этой пустыни, страна Ѳиссагетовъ и Иврковъ должна была соотвѣтствовать полосѣ, орошаемой нижнимъ теченіемъ Донца, равно какъ лежащей между этою рѣкою и Дономъ. Полоса эта, въ которую входятъ уѣздъ Славяносербскій и округи Донской и Устъ-Мѣдвѣдицкій, нынѣ еще изобилуетъ лѣсомъ, и потому приходилась бы очень по вкусу людей, единственное занятіе которыхъ состояло въ звѣриной ловлѣ.

Такъ какъ жившіе въ сосѣдствѣ Ѳиссагетовъ царскіе Скиѳы, удалившіеся туда вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, должны были обитать въ этихъ-же мѣстахъ, то легко могло статься, что они раньше или позже добрались до окрестностей Новочеркаска внизъ или вверхъ по Дону. Потому-то золотыя украшенія и другія вещи, найденныя въ этомъ городѣ лѣтомъ 1864 года, могли принадлежать имъ, еслибы, по сравненіи ихъ съ другими предметами подобнаго рода оказалось, что они вообще были принадлежностями Скиѳовъ временъ Геродота.

Что страна Ѳиссагетовъ должна была находиться на западной сторонѣ Дона, явствуетъ еще изъ замѣчанія Геродота (IV, 123), что рѣки, которыя получили въ ней свое начало, изливались потомъ въ Азовское море, въ странѣ Меотовъ.

Послѣдніе — если имѣть въ виду одно только имя — безъ сомнѣнія, стольже удобно могли обитать и на восточной сторонѣ Азовскаго моря, какъ на западной. Но за то никакъ нельзя допустить, чтобы Геродотъ могъ передать наименованія небывалыхъ или ничтожныхъ рѣчекъ между Кубанью и Дономъ и въ тоже время умолчать о тѣхъ, которыя дѣйствительно протекали между Дономъ и Днѣпромъ.

1 Hammer, Gesch. d. Gold. Horde, p. 362, прим. 2, cp. Vivien de S. Martin, L'Asie Mineure, II.

2 Записки Одесскаго Общ. Истор. и Древн., т. I, стр. 88.

Правда, что Геродотъ не передаетъ намъ никакихъ подробностей объ этихъ рѣкахъ; но потому-то мы и вправѣ думать, что первая изъ этихъ рѣкъ, т. е. Ликосъ была тождественна съ рѣкою того-же имени, которая, по словамъ Птолемея (III, 10), изливалась въ Азовское море съ западной его стороны. Если же, какъ обыкновенно думаютъ, эта рѣка соотвѣтствовала Кальміусу, берущему свое начало недалеко отъ истоковъ Волчьей, то слѣдовало бы заключить, что вторая рѣка, Оаросъ, совпадала съ Агаросомъ Птолемея, въ которомъ нельзя не узнать Берды уже по той причинѣ, что мысъ Агарійскій, помѣщенный Птолемеемъ къ западу отъ этой рѣки, вѣроятнѣе всего долженъ былъ соотвѣтствовать далеко выдающейся Бердянской или Федотовской косѣ.

Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что Геродотъ исчисляетъ рѣки Өиссагетскія отъ востока къ западу; этимъ подтвердилось бы вышеизложенное мнѣніе, что слѣдующая у него послѣ Оароса рѣка Танаисъ долженствовала быть скорѣе Молочная, нежели Донъ или Донецъ.

Чтоже касается четвертой рѣки, т. е. Сиргиса, то я сначала согласился-было съ мнѣніемъ тѣхъ изслѣдователей, которые увѣрены въ его тождествѣ съ Иргисомъ, притокомъ Танаиса, упомянутымъ у Геродота въ другомъ мѣстѣ (IV, 57). Но такъ какъ этотъ Иргисъ, будучи побочною рѣкою Танаиса, не могъ изливаться въ море, то правильнѣе держаться мнѣнія Укерта (l. l. III, 2. 199), что между Иргисомъ и Сиргисомъ не было ничего общаго, кромѣ случайнаго созвучія наименованій, какъ это часто бываетъ съ рѣками южной Россіи, гдѣ и нынѣ еще существуетъ рѣка Иргисъ, которая впрочемъ впадаетъ не въ Азовское, а въ Каспійское море. Вмѣстѣ съ тѣмъ Геродотовъ Иргисъ пришлось-бы принять за Тащенакъ, главный притокъ Молочныхъ водъ, тогда какъ Сиргису соотвѣтствовалъ бы Азизъ-Уклюкъ, который другими называется Большою Утлюкою и чрезъ соименный ему лиманъ впадаетъ въ Азовское море, къ западу отъ устья Молочныхъ водъ.

Впрочемъ я готовъ предпочесть мнѣніе, что подъ Танаисомъ, орошавшимъ страны Өиссагетовъ и Меотовъ, Геродотъ вовсе не разумѣлъ рѣки того-же имени, которая, вытекая изъ озера, приняла въ себя рѣку Иргисъ и составляла границу между владѣніями Скиөовъ и Сарматовъ.

Оставляя такимъ образомъ этотъ второй Танаисъ въ долинѣ Молочанской, я согласенъ, что тотъ Танаисъ, который бралъ свое начало далеко отъ Скиөіи, въ

области Өиссагетовъ, могъ соотвѣтствовать Донцу (протекающему по странѣ, предположенной мною для нихъ), равно какъ и нижнему теченію Дона.

Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы также допустить, что при исчисленіи приведенныхъ четырехъ рѣкъ Геродотъ идетъ не отъ востока къ западу, а на оборотъ, какъ онъ это дѣлаетъ при исчисленіи рѣкъ Скиөіи.

Тѣмъ не менѣе однако пришлось бы согласиться, что Ликосъ Геродота могъ соотвѣтствовать одному только Кальміусу. Мы узнаемъ отъ Птолемея, что между Ликосомъ и Танаисомъ протекала еще рѣка Поритосъ, тогда какъ между Кальміусомъ и Дономъ нѣтъ другой рѣки, кромѣ Міуса. Если же предположить, что послѣдняя совпадала съ Ликосомъ, то уже не оставалось бы мѣста для Поритоса. Въ этой-же рѣкѣ, а не въ Бердѣ, слѣдовало бы также искать Геродотовъ Оаросъ, такъ какъ онъ протекалъ между Ликосомъ и Танаисомъ.

Притомъ Міусъ, съ главнымъ рукавомъ своимъ Крынкою, подобно Кальміусу и Донцу, вытекаетъ изъ донскаго кряжа, а потому скорѣе, чѣмъ Берда, могъ совпадать съ Оарасомъ, вытекающимъ изъ земли Өиссагетовъ.

Наконецъ, слѣдующій за Танаисомъ Сиргисъ пришлось-бы перенести съ Большой Утлюки къ верхнему теченію Дона, или къ Манычу, между тѣмъ какъ Иргисъ оставался бы притокомъ Молочной.

Опредѣливъ жилища разныхъ отраслей Скиөскихъ и сосѣдственныхъ съ ними народовъ, я считаю нужнымъ показать, что выводы, добытые мною изъ показаній Геродота, по сравненіи ихъ съ дѣйствительностью, могутъ быть соглашены съ подробностями, которыя онъ намъ передалъ о походѣ Дарія Гистаспа, гдѣ онъ касался именно тѣхъ географическихъ вопросовъ, рѣшеніе коихъ я старался по возможности двинуть впередъ. Нельзя не согласиться, что трудъ мой не будетъ совершенно безполезенъ, если окажется, что при моемъ взглядѣ на объемъ и на предѣлы Скиөіи и смежныхъ съ нею областей можно повѣрить тому, что Геродотъ говоритъ о «поприщѣ и продолжительности» этого похода, и не представится надобности заставлять несчастныхъ Персовъ маршировать до Москвы, до Саратова или до Березины.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этой провѣркѣ моихъ мнѣній, необходимо представить краткій обзоръ маршрута и военныхъ дѣйствій Персовъ. Такъ какъ подобный обзоръ уже сдѣланъ былъ, между прочимъ, Надеждинымъ, то я при-

веду здѣсь его слова, какъ вслѣдствіе таланта, съ какимъ онъ успѣлъ придать особый интересъ сухому по-видимому изложенію переходовъ Персидскаго войска, такъ и потому, чтобы читатели не могли думать, что изъ повѣствованія Геродота я, хотя и безъ намѣренія, пропустилъ то или другое обстоятельство, которое моглобы послужить если не для опроверженія, то для поколебанія моей системы.

«Дарій, распространившій великую монархію, основанную Киромъ, на юго-востокъ до предѣловъ Индіи, вздумалъ на сѣверо-западѣ отъискивать Скиѳовъ во глубинѣ ихъ безпредѣльныхъ пустынь, съ тѣмъ-чтобы наказать и смирить въ нихъ опасныхъ сосѣдей, искони враждебныхъ Ирану (IV, 1). Съ этою цѣлію онъ собралъ войско, состоящее изъ семи-сотъ-тысячъ пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, и, сопровождаемый флотомъ въ шесть-сотъ кораблей, проникъ изъ Азіи въ Европу чрезъ Константинопольскій проливъ по нарочно устроенному мосту (IV, 87). За тѣмъ, держась западнаго берега Чернаго моря, прошелъ нынѣшнія Румелію и Булгарію, тогда носившія общее имя Ѳракіи, до Истроса, т. е. до Дуная (IV, 89—93). Здѣсь, въ разстояніи двухъ дней плаванія отъ моря въ-верхъ по Дунаю, тамъ гдѣ рѣка начинаетъ развѣтвлять свое устье, приготовленъ былъ заблаговременно также мостъ, по которому вся громада, влекшаяся въ-слѣдъ Дарія, ввалилась наконецъ въ Скиѳію (IV, 97). По окончаніи переправы, царь приказалъ-было раззорить мостъ; но, послушавшись благоразумнаго совѣта, внушеннаго предусмотрительною осторожностью, отмѣнилъ свое повелѣніе, поручивъ вмѣсто-того Іонійскимъ Элли-намъ остаться для охраненія моста, но не далѣе, какъ на шестьдесять дней, въ продолженіе которыхъ надѣялся совершенно окончить предпринимаемую экспедицію (IV, 97—98). Между-тѣмъ Скиѳы, слыша про грозящую бѣду, отправили пословъ ко всѣмъ сосѣднимъ народамъ, требуя совѣта и помощи (IV, 102). Цари ихъ выслушали пословъ въ общемъ собраніи, и потомъ раздѣлились въ мнѣніяхъ: только Гелонскій, Будинскій и Савроматскій объявили себя готовыми помогать Скиѳамъ; напротивъ остальные, т. е. цари Агаѳирсовъ, Невровъ, Людоѣдовъ, Смурыхъ-Кафтановъ и Тавровъ сказали, что они будутъ защищать самихъ себя, когда окажется нужда, а до-тѣхъ-поръ будутъ неутральными (IV, 118. 119). Тогда Скиѳы, чувствуя себя не въ силахъ выдержать и отразить натискъ Персовъ, рѣшились принять противъ нихъ систему отступательную: они раздѣлились на три отряда, изъ которыхъ одинъ, въ соединеніи съ Савроматами, долженъ былъ остаться

назади, въ аріергардѣ; два же другіе, соединенные съ Гелонами и Будинами, двинулись на встрѣчу непріятелю, съ-тѣмъ однако, чтобы, постоянно отступая передъ нимъ, заманивать дальше и дальше въ глубину степей, которыхъ естественная дикость была нарочно увеличена всѣми возможными опустошеніями (IV, 120 — 21). Дарій попался на уду: встрѣтясь съ Скиѳами въ трехъ дняхъ разстоянія отъ Дуная, онъ пустился въ слѣдъ ихъ и заведенъ былъ ими не только до Танаиса, но и за Танаисъ, въ страны Савроматовъ и Будиновъ (IV, 122). Здѣсь онъ имѣлъ удовольствіе спалить деревянный городъ Гелоновъ, совершенно оставленный жителями; наконецъ, дошедши до пустыни, отдѣляющей Будиновъ отъ Ѳиссагетовъ, расположился отдохнуть на берегахъ рѣки Оароса, гдѣ велѣлъ выстроить линію изъ осьми крѣпостей, разстояніемъ одна-отъ-другой на шестьдесятъ стадій, т. е. верстъ на десять (IV, 123 — 124). Но между-тѣмъ Скиѳы обошли кругомъ и воротились назадъ въ свои степи (IV, 124). Дарій, бросивъ тотчасъ свою позицію, пустился опять за ними въ погоню: тогда Скиѳы, съ намѣреніемъ, повели его въ страны тѣхъ народовъ, которые отказались имъ помогать, а именно сначала къ Смурымъ-Кафтанамъ, потомъ къ Людоѣдамъ, далѣе къ Неврамъ, наконецъ и къ Агаѳирсамъ; послѣдніе не пустили однако ихъ въ свою землю; почему они, а въ-слѣдъ за ними и Дарій, должны были отъ Невровъ убираться назадъ въ Скиѳію (IV, 125). Не видя конца безплоднымъ скитаніямъ, царь рѣшился вступить въ сношенія съ неуловимыми врагами, требуя отъ нихъ или сраженія, или покорности; но это не имѣло никакого успѣха (IV, 126 — 127). Гордость падишаха, осмѣлившагося предложить рабство сынамъ вольныхъ степей, раздражила ихъ до-того, что они сдѣлались гораздо смѣлѣе: стали сами нападать на Персовъ внезапными, ночными вылазками, разумѣется обращавшимися предпочтительно въ ихъ пользу (IV. 128 — 130). Между-тѣмъ, тотъ отрядъ Скиѳовъ, который находился въ аріергардѣ, чтобы сдѣлать неизбѣжною погибель врага, попавшаго такъ неосторожно въ разставленныя сѣти, отправился на Дунай, въ намѣреніи уговорить Іонійцевъ разломать мостъ, ввѣренный ихъ стражѣ, и тѣмъ лишить Персовъ всякаго средства къ спасенію (IV, 133). Съ своей стороны Скиѳы, бывшіе передъ Персами, убѣдясь въ крайности ихъ положенія, приняли такой рѣшительный и самоувѣренный видъ, что Дарій, при всей своей надменности, открылъ наконецъ глаза и вдругъ, неожиданно, подъ кровомъ ночи, пустился со всею возможною поспѣшностью назадъ изъ ро-

ковыхъ степей, по направленію къ Дунаю (IV, 131 – 135). Скиѳы, совершенно знакомые съ мѣстностями, успѣли опередить его, и оба отряда, соединясь вмѣстѣ, потребовали отъ Іонійцевъ, чтобы они разломали мостъ, тѣмъ-болѣе, что и срокъ, назначенный имъ Даріемъ, наконецъ уже истекъ ((V, 136). Хитрые Еллины, которыхъ личный интересъ, вопреки идеямъ общаго народнаго блага, требовалъ сохраненія Персовъ, обманули Скиѳовъ ложными обѣщаніями; и въ то время, какъ эти послѣдніе вернулись назадъ въ степи, чтобы перехватить бѣглеца, отворили ему спасительный мостъ, такъ-что Дарій успѣлъ благополучно перебраться чрезъ Дунай и возвратиться, по-крайней-мѣрѣ самъ-цѣлъ, изъ знаменитаго похода, который тѣмъ и кончился (IV, 137 — 144)[1]».

Примѣняя это извлеченіе изъ текста Геродота къ вопросу, который меня здѣсь занимаетъ, я прежде всего желалъ бы опредѣлить: на какомъ именно пунктѣ Дуная былъ приготовленъ мостъ, по которому персидское войско перешло въ Скиѳію.

Изъ словъ самого Геродота съ точностью нельзя узнать это: онъ говоритъ только, что мостъ былъ наведенъ на разстояніи двухъ дней плаванія отъ моря; между тѣмъ всѣ старанія измѣрить это разстояніе не могутъ привести насъ къ положительному результату, пока геологи не рѣшатъ, какія именно измѣненія съ тѣхъ поръ произошли въ дельтѣ Дуная.

За то намъ, повидимому, представляется возможность достигнуть цѣли съ помощью замѣтки Страбона (VII, 3 § 15), что мостъ былъ построенъ при островѣ Певки, который находился въ 120 стадіяхъ вверхъ по самому южному рукаву Дуная, названному Священнымъ.

Хотя я, въ небольшой статьѣ[2], уже старался доказать, что подъ островомъ Певки Страбонъ долженъ былъ разумѣть сѣверо-восточную часть полуострова, заключеннаго между Бабадагомъ, Исакчею, Тульчею и мысомъ Бештепе, тѣмъ не менѣе я готовъ представить здѣсь еще разъ мои доводы, если только это могло бы послужить мнѣ къ открытію мѣста, гдѣ Персы перешли чрезъ Дунай.

1 Зап. Одесск. Общества Истор. и Древн., т. I, стр. 105—107.

2 Островъ Певки, въ Одесск. Вѣстн., 1854, № 90 и 91.

Къ сожалѣнію въ этомъ именно отношеніи ученые различнымъ образомъ понимали слова Страбона.

Такъ напр. Укертъ (l. l. III, 1, 64) заставляетъ его говорить, что Персы построили мостъ при западной оконечности острова, и что они не могли бы сдѣлать это у восточной его стороны.

Въ свою очередь Госселенъ [1] и Гель [2] переводятъ это мѣсто такъ: ce fut à la partie inférieure de cette île que Darius fit construire un pont, ce qu'on pourrait pratiquer aussi à la partie supérieure. Затѣмъ первый изъ приведенныхъ ученыхъ прибавляетъ отъ себя, что, по его мнѣнію, Дарій дѣйствительно могъ гораздо удобнѣе соорудить мостъ, на которомъ перешелъ чрезъ Дунай, у западной оконечности Певки, до развѣтвленія рѣки на разные рукава, хотя и сознается, что видъ и число устьевъ Дуная могли измѣниться со временъ Дарія.

Наконецъ нѣмецкій переводчикъ Страбона, Гроскурдъ [3], думаетъ, что первый въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду не островъ, а рѣку, заставляя его слѣдующимъ образомъ отозваться объ устьяхъ Дуная: Die gröszte ist die heilige Mündung, durch welche die Hinauffahrt nach Peuke 120 Stadien beträgt und an deren untern Theile Dareios die Brücke baute, sie könnte aber auch am obern Theile angebracht werden.

Сравнивая эти различные переводы съ текстомъ Страбона (изд. Meineke, II, 419), нельзя не сознаться, что французскіе переводчики передали намъ точнѣе нѣмецкихъ буквальный смыслъ словъ Страбона. По этому-то мы пока должны держаться мнѣнія Маннерта, что мостъ былъ приготовленъ скорѣе въ окрестностяхъ Тульчи, чѣмъ около Исакчи, какъ доказывалъ Крузе [4], хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ послѣднемъ пунктѣ переправа представляла болѣе удобствъ, нежели въ Тульчѣ, если даже предположить, что мостъ могъ быть наведенъ немного выше этого города, а не прямо насупротивъ Измаила, отдѣленнаго отъ Тульчи двумя рукавами. Правда впрочемъ и то, что въ послѣднемъ случаѣ Іонійцы, разломавши мостъ, наведенный надъ однимъ изъ этихъ рукавовъ, легче могли обма-

1 Géographie de Strabon, III, p. 50.

2 Le Philologue, XVI, Paris, 1824, p. 10, § 12.

3 Strabons Erdbeschreibung; Berlin u. Stettin, I, p. 537.

4 De Istri ostiis, Wratislaviae, 1820, p. 68 seqq.

нуть Скиѳовъ и лучше могли слышать голосъ Египтянина, призвавшаго на помощь Гистіея (IV, 141).

Какъ бы то ни было, Персы, встрѣтившись съ своими врагами въ первый разъ на разстояніи трехдневнаго пути отъ Дуная, преслѣдовали ихъ до Танаиса, до котораго, если его принять за Молочную, отстоящую отъ Тульчи менѣе чѣмъ на 600 верстъ, могли добраться въ 20 — 25 дней. Нужно только допустить, что Персы, преслѣдуя Скиѳовъ, которые, по словамъ Геродота (IV, 122), отступили къ востоку, держались пути вдоль морскаго берега и что, круглымъ числомъ, они могли пройти столько, сколько въ наше время обыкновенно приходится на войско въ переходѣ, т. е. около 25 верстъ въ сутки. Притомъ можно еще принять во вниманіе, что при переходѣ самаго Дарія чрезъ Дунай большая часть его арміи уже двинулась вѣроятно въ Скиѳію и легко могла быть имъ догнана, хотя бы и находилась на разстояніи нѣсколькихъ дней перехода отъ рѣки.

Проходя чрезъ область Савроматовъ и Будиновъ, Персы остановились при рѣкѣ Оаросѣ, совпадавшей, какъ я старался доказать, или съ Бердою, или же, что̀ мнѣ кажется вѣроятнѣе, съ Крынкою, главнымъ притокомъ Міуса.

Изъ словъ Геродота впрочемъ не слѣдуетъ, что царь повлекъ туда за собою всѣ свои полчища. Часть ихъ онъ могъ оставить въ разныхъ мѣстахъ Скиѳіи, при Тирасѣ, Гипанисѣ, Борисѳенесѣ и Танаисѣ, подобно тому, какъ Іонійцы оставлены при Дунаѣ изъ предосторожности, или же по другимъ причинамъ: трудности продовольствія, по болѣзнямъ и т. п.

Правда, Геродотъ ничего не говоритъ о переправѣ персидскаго войска чрезъ эти рѣки, и молчаніе его часто приводятъ какъ доказательство противъ подлинности похода, имъ описаннаго, считая притомъ невозможнымъ, чтобы персидскія полчища могли переправляться чрезъ эти рѣки и существовать два или три мѣсяца сряду въ странѣ, опустошенной самими жителями.

Но это послѣднее препятствіе, по видимому почти непреодолимое, не покажется намъ болѣе такимъ, когда мы припомнимъ, что войско персидское состояло изъ Азіатцевъ, въ числѣ которыхъ многіе уже привыкли проходить караванами чрезъ обширныя пустыни и брать съ собою припасы на нѣсколько мѣсяцевъ, не будучи слишкомъ разборчивы касательно количества и качества ежедневной пищи своей. «Изучившимъ исторію востока», говоритъ Раулинсонъ (l. c. III, 96), «знаю-

щимъ, съ какимъ огромными арміями Чингисханъ и Тамерланъ проходили чрезъ пустынныя степи Туркестана и Татаріи, не покажется страннымъ, что Персы могли совершить двухъ или трехъ-мѣсячный походъ, для котораго они заблаговременно приготовились, зная, что страна, куда хотѣли вторгнуться, представитъ имъ весьма мало средствъ для продовольствія». «Тимуръ», говоритъ Гиббонъ, «предпринялъ свой походъ въ Кипчакъ съ столь огромною ратью, что разстояніе между обоими крылами ея составляло тринадцать миль. При пяти-мѣсячномъ переходѣ своемъ Монголы не встрѣчали ни одной души и часто для пропитанія своего должны были довольствоваться добычею болѣе или менѣе счастливою, которую имъ доставляла охота» (облава).

Что же касается трудности переправы чрезъ большія скиѳскія рѣки, то она, какъ справедливо замѣчаетъ Раулинсонъ, не должна была казаться чрезмѣрною для воиновъ, которымъ съ давнихъ поръ приходилось перебираться чрезъ разныя другія рѣки, не уступающія скиѳскимъ въ ширинѣ и глубинѣ своего русла, какъ то Тигръ, Евфратъ, верхній и нижній Забъ, Діала, Керха и пр. Для плаванія по этимъ рѣкамъ служили тогда (Геродотъ, I, 194), какъ и нынѣ (Березинъ, Нашествіе Батыя, въ Ж. М. Н. Просв. 1855, V, 95 пр. 46), различной величины круглые кожаные мѣшки (турсуки), наполненные воздухомъ, безъ сомнѣнія въ родѣ тѣхъ, которые изображены на памятникахъ Немрудскихъ (Layard, Plates, 15, 16, 33), или же — тѣхъ, при помощи которыхъ Монголы, подвязывая ихъ къ плоту изъ весьма тонкихъ жердей, переправлялись чрезъ широкія рѣки, по свидѣтельству Плано-Карпини, Барбаро, Контарини и другихъ путешественниковъ.

Почему же Персы не могли взять съ собою въ Скиѳію достаточное количество подобныхъ мѣшковъ, которые имъ не только были необходимы для переправы чрезъ ея рѣки, но еще могли служить для транспорта воды отъ одной изъ этихъ рѣкъ къ другой?

Притомъ для переправы чрезъ рѣки Скиѳіи, Персы могли употреблять то самое средство, къ которому прибѣгнулъ Александръ Македонскій, чтобы переправить свою фалангу чрезъ Дунай, т. е. къ кожамъ (служившимъ вмѣсто палатокъ), которыя были набиты сѣномъ и крѣпко связаны.

Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что для переправы своего багажа Персы могли пользоваться греческими судами и паромами: по крайней мѣрѣ должно ду-

мать, что подобныя суда плавали по всѣмъ скиѳскимъ рѣкамъ, такъ какъ, по словамъ Геродота, они поднимались вверхъ по Днѣпру до области Герросъ.

Если же тѣмъ не менѣе «одинъ Днѣпръ», какъ говоритъ Надеждинъ[1], «при малѣйшемъ противодѣйствіи со стороны Скиѳовъ могъ бы положить непреодолимую преграду и не для восьмисотъ-тысячной арміи» — то эта замѣтка не можетъ быть примѣнена къ походу Дарія, такъ какъ Скиѳы нарочно не хотѣли остановить непріятеля, а рѣшились заманить его во внутренность своего отечества, и потому должны были скорѣе благопріятствовать, чѣмъ препятствовать его переправѣ чрезъ Днѣпръ.

При такихъ обстоятельствахъ молчаніе Геродота касательно переправы Персовъ чрезъ эту рѣку, равно какъ и чрезъ Бугъ и Днѣстръ, еще не доказываетъ, что переправа эта вовсе не состоялась, и не оправдываетъ подозрѣнія Надеждина[2], что «вся экспедиція Дарія ограничивалась только западною границею четвероугольника Скиѳскаго и заключалась въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи».

По крайней мѣрѣ я не думаю, что нашъ критикъ поступилъ «осторожно», относя распространіе похода за предѣлы Буджака къ «поэтизированной амалгамѣ преданія», на томъ только основаніи, что у Геродота не сказано, какъ и гдѣ Персы переправились чрезъ Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ.

Осторожность требовала скорѣе допустить, что Геродотъ могъ считать неумѣстнымъ упоминать объ этихъ подробностяхъ, по малому ихъ интересу для его слушателей, или же — по какой либо другой причинѣ. Подобнымъ-же образомъ онъ ничего не говоритъ о роли, какую играли понтійскіе Греки въ этомъ походѣ; между тѣмъ послѣдній касался бы ихъ даже въ такомъ случаѣ, если бы крайнимъ его предѣломъ была рѣка, при которой обитали Тириты. Могло еще статься, что въ позднѣйшихъ копіяхъ Геродотова труда, относящихся къ періоду, когда Эллины вступили въ тѣснѣйшую связь съ понтійскими соотечественниками своими, была пропущена та именно часть, гдѣ онъ распространяется о дѣйствіяхъ сихъ послѣднихъ въ пользу персидскаго деспота.

Такъ или иначе, но по словамъ Геродота (IV, 125), Дарій добрался не только до Тираса, но и до Ѳароса, а оттуда съ находившимся при немъ войскомъ

1 Loc. l. стр. 109. 2 Loc. l. стр. 110.

ускоренными переходами (IV, 125) возвратился въ Скиѳію: за тѣмъ чрезъ земли Меланхленовъ, Андрофаговъ и Невровъ снова двинулся въ западную часть Скиѳіи и подъ конецъ уже прежнимъ путемъ (IV, 140) вернулся поспѣшно къ Дунаю.

По моему мнѣнію, изъ этого маршрута слѣдуетъ, что съ береговъ Крынки Персы отправились прямо къ Александровску, а за тѣмъ, оставивъ въ сторонѣ скиѳскій Кремль, до котораго добраться уже не позволили обстоятельства, переправились чрезъ Днѣпръ и возвратились къ Дунаю чрезъ южную часть Екатеринославскаго уѣзда, Херсонскую губернію и Буджакъ.

Такимъ образомъ войску пришлось пройти отъ Молочной до Крынки и оттуда обратно къ Дунаю всего не болѣе 800 — 850 верстъ. Для совершенія этого пути Персамъ достаточно было пяти недѣль, такъ что, со включеніемъ еще одной недѣли, употребленной ими примѣрно для постройки укрѣпленій при Оаросѣ, они могли явиться у моста если и не къ условленному сроку, то по крайней мѣрѣ не слишкомъ долго по его истеченіи. Послѣднее даже болѣе согласовалось бы съ показаніемъ Геродота, такъ какъ Скиѳы во второй разъ пришли къ мосту уже по истеченіи назначенныхъ царемъ шестидесяти дней, между тѣмъ какъ Іонійцы тогда еще ничего не знали о Персахъ, съ которыми Скиѳы даже не встрѣтились, когда возвращались въ свои степи въ увѣренности, что мостъ былъ разломанъ Греками. По этому весьма естественно думать, что царь, который, безъ сомнѣнія, находился впереди своей арміи, могъ прибыть къ мосту цѣлою недѣлею позже, чѣмъ предполагалъ, и даже еще болѣе.

Чтобы показать, что походъ его могъ быть совершенъ въ предѣлахъ, мною указанныхъ, въ два съ половиною мѣсяца даже по мнѣнію людей, посвященныхъ въ тайны военнаго искусства, я приведу здѣсь, въ переводѣ съ нѣмецкаго, отрывокъ, сообщенный мнѣ г. академикомъ Куникомъ изъ письма, полученнаго имъ отъ бывшаго почт-директора при арміи Кутузува, фонъ Смита, автора исторіи Суворова и другихъ уважаемыхъ сочиненій.

«Геродотъ говоритъ: ....ремень съ 60-ю узлами. Слѣдовательно походъ Дарія простирался на 30 дней перехода отъ Дуная (30 туда и 30 назадъ). При столь многочисленномъ, безпорядочномъ войскѣ, нельзя считать на день перехода, если включить дневки, болѣе 3 миль или 20 верстъ на каждый день, хотя Геродотъ на день ходьбы считаетъ 200 стадій или 30 верстъ: и такъ берите тридцать разъ

двадцать или, коли хотите, тридцать верстъ, то получите 600 или 900 верстъ. Кладите циркуль ближе къ устью Дуная, гдѣ вѣроятно войско Персидское перешло чрезъ рѣку, примѣрно около Тульчи или Исакчи, и проведите радіусомъ кругъ въ 600 или, если угодно, въ 900 верстъ, то этотъ кругъ нигдѣ не перейдетъ далѣе какъ къ востоку до Днѣпра, а къ сѣверу, куда походъ вѣроятно былъ направленъ, до Кременца, Острога, Житомира, Бѣлой-Церкви, т. е. до Подоліи, Волыни, Украйны, и едва ли Дарій съ своею неповоротливою массою зашелъ такъ далеко».

Въ статьѣ, обнародованной затѣмъ предъ самою смертью автора приведенныхъ строкъ[1], онъ для оправданія этого сомнѣнія приводитъ свидѣтельство Страбона и Ктезія. Извѣстно, что по послѣднему (Pers. 16), Дарій проникъ внутрь Скиѳіи только на 15 дней разстоянія отъ Истроса, а по Страбону (VII, 3 § 14) рисковалъ умереть отъ жажды, со всѣмъ своимъ войскомъ, въ пустынѣ Гетовъ, если бы не воротился во-время.

Но лейбмедикъ Дарія Оха, который воообще по достовѣрности извѣстій имъ сообщенныхъ, не въ состояніи идти въ сравненіе съ Геродотомъ[2], въ этомъ случаѣ едва-ли можетъ поколебать свидѣтельство сего послѣдняго, такъ какъ никогда не былъ въ Скиѳіи, а свѣдѣнія свои о несчастномъ походѣ Дарія I въ эту страну получилъ отъ персидскихъ царедворцевъ, которые, изъ ложнаго патріотизма, должны были стараться всячески уменьшить важность этого предпріятія, подобно тому, какъ у составителей французскихъ бюллетеней 1812 года бѣгство «великой арміи», напомнившей покойному Смиту ополченцевъ иранскихъ, называлось боковымъ маршомъ на С. Петербургъ.

Что же касается извѣстія, сообщеннаго Страбономъ мимоходомъ при описаніи пустыни Гетовъ, то оно нисколько не противурѣчитъ повѣствованію Геродота, потому что, по словамъ послѣдняго, бѣдствія Персовъ, если не начались, то, покрайней мѣрѣ, значительно увеличились (IV, 125—128) уже по возвращеніи ихъ

1 Ueber den Feldzug des Darius g. d. Scythen in d. J. 513; въ Bulletin de l'Acad. des Sc. de St. Pétersbourg, VIII, p. 316—339.

2 Blum, Herodot und Ktesias, Heidelberg, 1836, pag. 123 и др.

изъ Неврики въ западную часть Скиѳіи[1], которая именно совпадала съ Страбоновою пустынею Гетовъ. Поэтому Смитъ напрасно выводитъ изъ словъ его заключеніе, будто бы Персы вовсе не переходили чрезъ Тирасъ.

Впрочемъ самъ авторъ разсматриваемаго здѣсь историко-стратегическаго изслѣдованія не раздѣляетъ приписаннаго имъ Страбону мнѣнія о поприщѣ похода 513 года. По крайней мѣрѣ въ другомъ мѣстѣ своей брошюры онъ говоритъ (p. 495), что «по всей вѣроятности» походъ этотъ былъ направленъ съ береговъ Дуная къ Днѣстру, за тѣмъ вверхъ по этой рѣкѣ до Збруча, а оттуда также вверхъ до окрестностей Острога на Горыни.

Безъ сомнѣнія авторъ тутъ не заслуживаетъ упрека, сдѣланнаго имъ (p. 485) Маннерту, Реннелю, Рейхарту и вообще «географамъ старой школы и обыкновеннымъ филологамъ» за то, что они, желая не отклониться отъ своего текста, заставляли Персовъ странствовать вдоль и поперекъ всей Европейской Россіи.

За то можно обвинить Смита въ томъ, что щадя ноги Персовъ, онъ немилосердно обходился съ Геродотомъ, единственно для подкрѣпленія своего мнѣнія касательно направленія Даріева похода къ сѣверу.

Такъ напр., возобновляя мнимыя доказательства Эйхвальда[2], онъ хочетъ увѣрить читателей, что Геродотъ смѣшалъ Танаисъ съ Тирасомъ, Ѳиссагетовъ съ позднѣйшими Тирагетами (p. 486) и Меотійское озеро съ Пинскими болотами (ibid.). Послѣ всего этого ему уже не трудно было открыть, что рѣка Ликосъ, изливавшаяся, по Геродоту и другимъ авторамъ, въ Меотиду, должна была совпадать со Стыремъ, единственно на томъ основаніи, что эта волынская рѣка «могла» въ старину называться Лукъ или Луцкъ. Не менѣе удачно признаетъ онъ въ Оаросѣ — Горынь и превращаетъ Сиргисъ сначала въ Силгисъ, за тѣмъ въ Слигисъ и

1 Struve, Der Feldzug des Darius gegen die Scythen, въ Abhandlngen und Reden; Koenigsberg, 1822, p. 18. Подобно фонъ Смиту, извѣстный директоръ Кенигсбергской гимназіи, бывшій въ 1812 году еще учителемъ въ Дерптѣ, пораженъ сходствомъ похода Дарія съ нашествіемъ Наполеона на Россію. Разница между обоими изслѣдователями состоитъ только въ томъ, что Струве въ Сентябрѣ 1812 года предвѣщалъ этому исполинскому предпріятію тотъ жалкійи сходъ, о необходимости котораго Смитъ разсуждаетъ какъ «ретроспективный пророкъ».

2 Dorpater Jahrbücher, 1834, Juli, p. 7.

наконецъ — въ Случь, а всѣ эти измѣненія приписываетъ Эллинамъ, durch Buchstabenversetzung und Hellenisation. Не находя на Волыни рѣки, которая столь-же удобно могла заимствовать свое наименованіе отъ Танаиса, нашъ авторъ предоставляетъ читателю принять эту рѣку за Бугъ или за Тетеревъ, хотя ни та, ни другая не изливаются въ Пинскія болота (p. 487). Въ болотахъ этихъ, кромѣ Меотійскаго озера, помѣщается еще озеро Будиновъ (p. 480), преимущественно по той причинѣ, что въ лѣсистыхъ окрестностяхъ Пинска встрѣчаются нынѣ еще, если не Геродотовы, то по крайней мѣрѣ Эйхвальдовы животныя съ четыреугольною мордою.

Къ «востоку» отъ Будиновъ покойный Смитъ находитъ Сарматовъ (p. 418), ссылаясь въ этомъ случаѣ на Геродота (IV, 110 — 115), по словамъ котораго однако они обитали на западъ отъ Будиновъ. Но это можетъ быть описка, которая не заслуживаетъ опроверженія, такъ какъ Смитъ болѣе не заботится о Сарматахъ, признанныхъ имъ Монголами: wahrscheinlich ein mongolischer Stamm, der uns übrigens hier nicht weiter angeht.

Предоставляя читателю оцѣнить подобное безцеремонное обращеніе съ ближайшими сосѣдями и надежнѣйшими союзниками Скиѳовъ, я сознаюсь, что доводы, представленные авторомъ въ пользу своего мнѣнія, будто-бы походъ Дарія былъ направленъ къ сѣверу, еще болѣе прежняго убѣждаютъ меня въ томъ, что походъ этотъ могъ только быть направленъ къ востоку.

Дѣйствительно, не говоря о томъ, что отступленіе Скиѳовъ, отправившихъ предварительно женъ и дѣтей къ сѣверу (IV, 121), было направлено къ востоку, нельзя допустить, что Дарій, безъ всякой надобности, нарушилъ бы нейтралитетъ тѣхъ именно народовъ, которые не хотѣли принять стороны враговъ его, и жилища коихъ находились къ сѣверу отъ Скиѳіи. Кромѣ того Персы, при своемъ вторженіи въ эту страну, по разнымъ причинамъ должны были желать, чтобы не были прерваны ихъ сообщенія съ Ольвіею, Каркинитисомъ и другими іонійскими поселеніями, лежавшими на морскомъ берегу. Едва ли собственныя выгоды могли побудить Дарія проникнуть въ лѣса и болота волынскія, хотя неоспоримо, что направленіе похода зависитъ, какъ выражается Смитъ (p. 494), отъ наступающаго полководца, тогда какъ разбитые (чѣмъ впрочемъ Скиѳы не были) должны слѣдовать пути, имъ указанному.

CXIII

Наконецъ мы усматриваемъ изъ греческой надписи, недавно изданной[1], что въ народѣ сохранилось преданіе, хотя и запутанное, о направленіи Даріева похода къ Воспору Киммерійскому, до котораго Персы безъ сомнѣнія никогда не добрались бы путемъ, ведущимъ къ мнимому Меотійскому озеру.

Если же Смитъ считалъ не только возможнымъ, но даже весьма вѣроят-

1 Annali del Instit. archeol. Romae, 1853; pag. 88: Δαρεῖος ἐπὶ Σκύθας διέβη ζεύξας τὸν Κιμμέριον Βόσπορον. По мнѣнію Генцена (ibid. p. 103) и Франца (Boeckh, Corp. Inscr. Gr. IV, p. 19) Воспоръ Ѳракійскій превращенъ здѣсь въ Киммерійскій. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, я однако не могу себѣ представить, чтобы составитель надписи впалъ въ столь грубую ошибку, если бы до его времени не сохранилось преданіе о томъ, что походъ Персовъ, послѣ ихъ перехода чрезъ Дунай, былъ направленъ къ востоку, т. е. къ Азовскому морю. Во всякомъ случаѣ Персидскій царь поступилъ бы согласно съ правилами военнаго искуства, если бы, при своемъ вторженіи въ Скиѳію, отрядилъ часть флота, состоявшаго изъ 600 судовъ (IV, 87) въ тылъ непріятельской арміи. По Ктезію (l. c.) сатрапъ Каппадокіи, Аріарамнъ, еще прежде Даріемъ былъ отправленъ съ флотомъ въ Скиѳію, откуда вывелъ большое число плѣнныхъ и въ томъ числѣ брата царя Скиѳарха. Безъ сомнѣнія, эта экспедиція была направлена скорѣе къ Керченскому проливу, чѣмъ въ Бессарабію или на Волынь.

Замѣчу кстати, что приведенную надпись можно сравнивать съ различными мѣстами въ сочиненіи Льва Діакона (ed. Bonn, 103, 129) гдѣ говорится о Воспорѣ Киммерійскомъ, а именно съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ приводитъ слова Іоанна Цимисхія (106) о томъ, что Игорь, послѣ неудачнаго нападенія на Константинополь, долженъ былъ возвратиться туда. Здѣсь впрочемъ, быть можетъ, рѣчь идетъ, въ буквальномъ смыслѣ, о Керченскомъ проливѣ, такъ какъ тогдашнимъ Руссамъ этотъ путь не только былъ извѣстенъ, но и представлялъ возможность миновать Днѣпровскіе пороги, при возвращеніи въ Кіевъ, хотя бы имъ тогда еще не принадлежалъ Русскій городъ Эдрисія (см. мою статью въ V т. Зап. Одесск. Общ. стр. 109, 599), т. е. раззоренный княземъ Бравалинымъ или бранливымъ городъ Керчь (Kunik, D. Berufung etc. II, p. 495).

Что по мнѣнію Льва Діакона, Руссы въ его время обитали около этого города, явствуетъ изъ того, что онъ (p. 150) считаетъ ихъ потомками Тавроскиѳовъ, а жилища послѣднихъ ищетъ въ Мирмикіонѣ, лежавшемъ при Меотидѣ и упомянутомъ также Анонимомъ Равенскимъ (ed. Pinder et Parthey, p. 173), которому кромѣ того еще извѣстенъ въ его сосѣдствѣ городъ Малоросса.

Этимъ путемъ вѣроятно отправлялась въ Кіевъ и царица Анна, когда она, «отъ Корсуня въ Керчь идущи, разболѣся на пути... на Черной водѣ», т. е. въ Мангупѣ, или въ Карасу-базарѣ (ср. Mauro-castrum, p. 499 въ прив. изд. Льва Діакона).

Будучи разбитъ на Черномъ морѣ, Игорь, въ свою очередь, удобнѣе всего могъ искать спасенія въ Азовскомъ или Русскомъ морѣ, откуда онъ легко могъ доѣхать до своей столицы, поднимаясь вверхъ по Русской рѣкѣ, или Міусу, и плывя за тѣмъ внизъ по Волчьей и Самарѣ. Еще въ XVII столѣтіи Запорожцы возвращались этимъ путемъ въ Войсковую Скарбницу изъ отважныхъ походовъ своихъ по Черному морю (Beauplan, Descript. de l'Ukranie, 1660, p. 55 и 57).

нымъ, что Персы въ двухъ-мѣсячный походъ могли дойти до Новгорода Волынскаго, или же до Украины и обратно, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ мнѣ право думать, что крайнимъ предѣломъ ихъ похода могла быть рѣка Крынка, отъ которой до устья Дуная не будетъ далѣе, чѣмъ отъ этой рѣки до Горыни. Здѣсь уже никакъ не могли быть построены Персами укрѣпленія, которыя отчасти еще видны были (IV, 124) во время Геродота, при Оаросѣ, изливавшемся въ Азовское море.

Если же слѣды этихъ укрѣпленій не исчезли совершенно съ лица земли, то можно питать надежду, что при усердіи и знаніи дѣла, съ какимъ въ послѣдніе годы начали изслѣдовать скиѳскія древности, мѣстность, до которой проникъ Персидскій царь, какъ и другіе пункты, которыхъ я коснулся въ настоящей статьѣ, выйдутъ изъ того полумрака, изъ котораго мнѣ не по силамъ было извлечь ихъ.

Дополненія.

I. О попыткахъ объяснить Геродотовы извѣстія относительно похода Дарія Гистаспа противъ Скиѳовъ.

Не входя въ подробный разборъ всѣхъ перечитанныхъ мною сочиненій о Геродотовой Скиѳіи, полагаю нелишнимъ представить здѣсь, въ видѣ особаго прибавленія, краткій обзоръ результатовъ, добытыхъ наиболѣе извѣстными авторами при разъясненіи видимаго противурѣчія въ показаніяхъ Геродота между поприщемъ похода Персовъ въ Скиѳію и сосѣдственныя ей земли и — временемъ, въ которое этотъ походъ былъ совершенъ ими.

Безъ сомнѣнія, въ обоихъ отношеніяхъ многія частности останутся для насъ загадочными, при недостаткѣ другихъ источниковъ, съ помощью которыхъ мы могли бы пополнить историческія и географическія извѣстія, переданныя намъ Геродотомъ. Тутъ намъ придется довольствоваться отрицательнымъ результатомъ, т. е. убѣжденіемъ, что различныя подробности касательно маршрута и военныхъ дѣйствій персидской арміи никогда не будутъ объяснены.

Это однако не даетъ намъ права переиначивать имена или перетолковывать по своему произволу слова Геродота, въ такихъ случаяхъ, когда, *по нашему взгляду*, они не могутъ быть соглашены съ дѣйствительностью. Не слѣдуетъ также, въ подобныхъ случаяхъ, довольствоваться объявленіемъ, что повѣствованіе Геродота, будучи основано на преданіи, имѣетъ болѣе характеръ миѳическій, чѣмъ историческій, и потому-то часто не представляетъ возможности отличать у него истину отъ вымысла.

Вѣдь касательно свидѣтельства его о чудесахъ Египта и Вавилона господствовало точно такое-же мнѣніе до тѣхъ поръ, пока ближайшее знакомство Европейцевъ съ долиною Нила и съ Месопотаміею не повело къ открытіямъ, которыя уже не позволяютъ сомнѣваться въ точности и достовѣрности данныхъ, заключающихся въ первыхъ двухъ книгахъ его Исторіи.

Почему же намъ не питать надежды, что, при тщательномъ изслѣдованіи Скиѳскихъ древностей, недавно лишь начавшемся, не далеко отъ насъ время, когда всѣми будетъ признано, что «отецъ исторіи и географіи» поступилъ столь-же добросовѣстно при описаніи современнаго ему состоянія южной Россіи и происходившей въ ней борьбы. О послѣдней онъ вѣроятно справлялся у лицъ, въ памяти которыхъ это всемірно-историческое событіе еще должно было сохраниться въ то время, когда онъ собиралъ матеріалы для своего неоцѣнимаго труда.

Если, такимъ образомъ, нѣтъ достаточнаго повода отрицать подлинность тѣхъ извѣстій, которыя онъ намъ сообщаетъ о направленіи, предѣлѣ и продолжительности этой войны, то нельзя не согласиться съ академикомъ Куникомъ, что отчетливое, хотя и краткое свидѣтельство Геродота относительно времени, протекшаго отъ передвиженія Персовъ съ береговъ Дуная до Оароса и оттуда обратно къ Дунаю *должно служить повѣркою при обсужденіи различныхъ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія географическихъ воззрѣній Геродота на Скиѳію:* Jede geographische Untersuchung über das Herodot'sche Scythien muss die Probe aushalten an seinem Bericht über den Zug des Darius... (въ письмѣ г. академика, отъ 12 ноября 1865 года).

Дѣйствительно, при всякомъ другомъ способѣ объясненія, изслѣдователь по неволѣ подвергается опасности свалить на Геродота свою собственную вину, т. е. приписать ему неточности и погрѣшности потому только, что самъ не понялъ настоящаго смысла его словъ.

Разбирая съ этой точки зрѣнія вопросъ, какъ ученые до сихъ поръ пытались согласить между собою и съ дѣйствительностью различныя извѣстія Геродота о Скиѳіи, я нахожу, что это соглашеніе никѣмъ не было достигнуто.

По крайней мѣрѣ, нѣкоторые комментаторы Геродота, довѣряя его правдивости и вмѣстѣ съ тѣмъ не сомнѣваясь, что они хорошо его поняли, принуждены были предположить, что въ теченіе времени въ мѣстныхъ особенностяхъ здѣшняго края произошли небывалыя и невозможныя измѣненія, или что въ наше время войска передвигаются съ мѣста на мѣсто съ меньшею быстротою, чѣмъ иранскіе ополченцы.

Другіе ученые, не рѣшаясь допустить столь существенныя перемѣны въ природѣ края или въ физическихъ силахъ человѣка, предпочли сдѣлать разныя поправки въ текстѣ Геродота и этимъ средствомъ обратить его свидѣтельство въ пользу своего собственнаго мнѣнія о *мѣстности*, до которой дошелъ Дарій, и *времени*, проведенномъ имъ въ Скиѳіи.

Остальные комментаторы Геродота, не считая себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію ни съ текстомъ его, ни съ природою, сочли нужнымъ утверждать, что въ его описаніи похода 513 года событіе, дѣйствительно случившееся, является въ другомъ видѣ, искаженномъ и преувеличенномъ преданіемъ.

Чтобы убѣдить читателей въ справедливости моихъ словъ, я считаю достаточнымъ упомянуть только о томъ, какимъ образомъ извѣстнѣйшіе авторы, трудившіеся надъ Геродотовыми «Scythica», старались возстановить мысленно его загадочный скиѳскій четыреугольникъ и къ какому убѣжденію каждый изъ нихъ пришелъ относительно его описанія войны, происходившей, около 2400 лѣтъ тому назадъ, въ нашихъ степяхъ по обѣимъ сторонамъ «Танаиса».

До конца XVII столѣтія нельзя было и думать о сличеніи Геродотова описанія Скиѳіи съ дѣйствительностью, такъ какъ европейскіе ученые гораздо менѣе его были знакомы съ мѣстными особенностями Новороссійскаго края. По примѣру Целларія (род. 1638, ум. 1707 г.; Notitia orbis antiqui; Leipzig, 1701), большая часть географовъ долго еще довольствовалась передачею на своихъ картахъ номенклатуры Геродота, мало заботясь о правильномъ распредѣленіи различныхъ именъ рѣкъ, городовъ и областей. Только со временъ Петра Великаго страна между устьями Дона и Дуная, благодаря русскому оружію и просвѣщенному стремленію Царя къ сближенію своихъ подданныхъ съ Западомъ, болѣе прежняго стала обращать на себя

вниманіе ученыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не появиться попытки сравнить тогдашнее состояніе Черноморскаго прибрежья съ тѣмъ, въ какомъ оно находилось во времена Геродота.

Въ числѣ ученыхъ, которые взялись за разсмотрѣніе этого вопроса, однимъ изъ первыхъ былъ знаменитый академикъ Байеръ (De origine et priscis sedibus Scytharum и De situ Scythiae sub aetatem Herodoti, въ Comm. Acad. Sc. Petropol. I, 1728, p. 387 — 424). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе отчасти ошибочнаго мнѣнія о величинѣ стадій у Геродота (т. е. 500, вмѣсто 600 на градусъ), онъ пришелъ къ тому заключенію, что Скиѳія находилась между 45 и 57 гр. долготы, и 47 и 55 гр. широты (p. 408). Такимъ образомъ ему пришлось искать Меланхленовъ около Москвы, Андрофаговъ — въ Витебской губерніи, а Будиновъ и Гелоновъ — въ Полѣсьѣ. По-этому нечего жалѣть о томъ, что онъ вовсе не говоритъ о походѣ Дарія, хотя, вѣроятно, онъ и не согласился бы съ мнѣніемъ французскаго академика Дегинья (De Guignes, Mémoire, dans lequel on entreprend de fixer la situation de quelques peuples Scythes, dont il est parlé dans Hérodote etc. въ Mém. de l'Ac. des Inscr. etc. XXXV, p. 539 — 572), который, на оборотъ, преимущественно старается дать себѣ отчетъ въ переходахъ Персовъ, и этимъ средствомъ пытается отыскать жилища Скиѳовъ и ихъ сосѣдей.

Желая въ этомъ отношеніи обратить свидѣтельство Геродота въ пользу своихъ мнѣній, Дегинь прежде всего считаетъ фактами, не подлежащими никакому сомнѣнію: 1) что Геродотъ сократилъ время похода и 2) что Дарій совершилъ этотъ походъ ускореннымъ маршемъ (p. 545: Dar. y emploуа beaucoup de célérité). Затѣмъ, находя, что, по Геродоту, Будины обитали *къ югу* отъ Сарматовъ, за Танаисомъ, и полагая, что эта рѣка непремѣнно совпадала съ Дономъ, онъ отождествляетъ Будиновъ съ Черкесами, озеро, въ ихъ землѣ находившееся — съ Волгою, рѣку Оаросъ — съ Кубанью, а крѣпости, построенныя Даріемъ при Оаросѣ — съ Дербендскою стѣною. Но все это ничего не значитъ въ сравненіи съ геніальнымъ открытіемъ жилищъ Аргиппеевъ въ Поднебесномъ царствѣ и тождества растенія «понтійскаго» съ деревомъ «li-tchi», въ изобиліи растущимъ въ китайскихъ провинціяхъ: Fo-kien, Kuang-tung и Kuang-si (p. 554) и доставляющимъ плоды, которые вкуснѣе всѣхъ другихъ фруктовъ въ свѣтѣ.

Порицая знаменитаго синолога, своего сочлена по Академіи Надписей, за то, что онъ вовлекъ Персовъ въ такую даль, Данвиль (Examen critique d'Hérodote, sur ce qu'il rapporte de la Scythie, въ томъ-же журн., стр. 573—591) впалъ въ другую крайность: основываясь на томъ, что въ 2-хъ-мѣсячный походъ Персы не могли пробраться за Донъ и находя, подобно Байеру и Дегинью, что Геродотъ (говоря о переходѣ Персовъ за Танаисъ, отдѣлявшій Скиѳовъ отъ Сарматовъ) непремѣнно имѣлъ въ виду Донъ да Донецъ, онъ думаетъ, что поприщемъ похода была лишь степь между Дунаемъ и Днѣстромъ. Въ пользу этого мнѣнія онъ ссылается на извѣстіе Страбона, что Персы рисковали умереть отъ жажды въ пустынѣ Гетовъ. Но Данвиль не довольствуется однимъ только ограниченіемъ круга дѣйствій воюющихъ; кромѣ того, онъ считаетъ нужнымъ представить себѣ Скиѳію въ уменьшенномъ видѣ, держась ошибочнаго мнѣнія, что Геродотъ измѣряетъ разстоянія стадіями, изъ которыхъ уже не 600, а 750 приходились на градусъ.

Тѣмъ не менѣе, судя по его картѣ, ему удалось изобразить довольно вѣрно топографію Геродотовой Скиѳіи, и я вполнѣ согласенъ съ Линднеромъ (см. ниже), что Данвиль, при вѣрности своего географическаго взгляда, угадалъ бы всю истину, если бы имѣлъ подъ руками нынѣшнія географическія средства.

Но, вопреки Линднеру, я не думаю, что въ этомъ случаѣ область Герросъ съ рѣкою того-же имени и Гипакирисомъ Данвиль перемѣстилъ бы съ лѣвой стороны Днѣпра на правую.

Извѣстный французскій переводчикъ Геродота, Ларше (Histoire d'Hérodote etc. 1786, 2 изд., 1802, IX), снабдилъ свой трудъ не только многими дѣльными примѣчаніями, но прибавилъ къ нему еще особый томъ (VIII во 2-мъ изд.), посвященный объясненію географическихъ именъ, встрѣчающихся у Геродота. Въ одномъ изъ примѣчаній, Ларше (III, 511) касается вопроса о скиѳскомъ четыреугольникѣ и соглашается съ мнѣніемъ англійскаго маіора Реннеля, автора прославленнаго сочиненія о географической системѣ Геродота (The geographical System of Herodotus, 1800), что Меотійское озеро составляло одну изъ сторонъ этого четыреугольника. За то онъ отвергаетъ рѣшительно (VIII, 375) мнѣніе Реннеля о тождествѣ Оароса съ Волгою и старается доказать, что, по взгляду Геродота, первая изъ этихъ рѣкъ находилась къ западу отъ Дона. Если же, тѣмъ не менѣе, онъ думаетъ, что походъ Дарія долженъ былъ продолжаться около 5 мѣсяцевъ (III, 509), то это объясняется тѣмъ, что по его мнѣнію Танаисъ, чрезъ который переправились Персы до прибытія къ берегамъ Оароса, совпадалъ съ ѳиссагетскою рѣкою того-же имени, т. е. съ Дономъ.

Графъ Янъ Потоцкій, въ сочиненіи, вышедшемъ еще въ 1802 году, и за тѣмъ снова изданномъ Клапротомъ (Histoire primitive des peuples de la Russie, Par. 1829), опредѣляетъ объемъ Скиѳіи слѣдующимъ образомъ: 1-я сторона шла отъ устья Дуная, берегомъ, до устья Дона; 2-я отъ устья этой рѣки до ея истока; 3-я отъ Ивановскаго озера до истоковъ Вислы и 4-я оттуда до устья Дуная (р. 191). Жилища «чудскихъ» Будиновъ онъ помѣщаетъ выше Воронежа и полагаетъ, что Персы могли пройти туда и обратно къ Дунаю въ теченіе шести мѣсяцевъ. Поэтому онъ увѣренъ, что Геродотъ слишкомъ сократилъ срокъ похода, не подозрѣвая, что жилища Будиновъ могли находиться на срединѣ пути между Воронежомъ и устьями Дуная.

Между тѣмъ великій историкъ Нибуръ подалъ нѣмецкимъ ученымъ поводъ заниматься изученіемъ Геродотовой Скиѳіи, безъ пріурочиванія Геродотовыхъ извѣстій къ дѣйствительности.

Въ двухъ небольшихъ статьяхъ (Ueber die Geographie Herodots, 1812, въ Kl. hist. und phil. Schriften, I, 132—158 и Untersuchungen über die Gesch. der Skythen etc., тамъ-же, 352—398) Нибуръ проводитъ мысль, что весь вопросъ о видѣ Геродотовой Скиѳіи заключается лишь въ разъясненіи обстоятельства, почему Геродотъ воображалъ, что страна эта составляла правильный четыреугольникъ, и что сличеніе ошибочныхъ въ этомъ отношеніи воззрѣній Геродота съ дѣйствительнымъ видомъ края было бы дѣломъ совершенно лишнимъ. Съ большимъ остроуміемъ онъ успѣлъ возстановить этотъ *искусственный* четыреугольникъ, заставляя Геродота думать, что большая часть теченія Дуная была направлена отъ с. къ ю., и что западный берегъ Азовскаго моря пролегалъ параллельно Дунаю, также отъ с. къ ю. Подъ третьею стороною своего четыреугольника Геродотъ долженъ былъ разумѣть линію, идущую параллельно четвертой, т. е. параллельно морскому берегу и примыкающую къ двумъ первымъ сторонамъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ ихъ протяженіе равнялось длинѣ берега, заключеннаго между ними. Въ этомъ-то четыреугольникѣ помѣщались кое-какъ всѣ скиѳскія рѣки отъ Танаиса до Истроса, за исключеніемъ пяти притоковъ послѣдняго, для которыхъ уже не оставалось мѣста между Тирасомъ или Днѣстромъ, и текущимъ параллельно съ нимъ Дунаемъ. Уже по этому обстоятельству должно заключить, что о теченіи этой рѣки Геродотъ не имѣлъ такого ошибочнаго понятія, какъ воображаетъ Нибуръ, и что четыреугольникъ, выдуманный послѣднимъ, не былъ похожъ на Геродотовъ.

Сокрушитель древней исторіи Рима считаетъ повѣствованіе о походѣ Дарія баснословнымъ преимущественно потому, что огромныя силы Персовъ никакъ не могли бы проникнуть въ глубину степей, на 700 верстъ за Дономъ. Но такъ какъ изъ словъ Геродота вовсе не слѣдуетъ, что рѣка Оаросъ, до которой дошли Персы, непремѣнно находилась за Дономъ, то покрайней мѣрѣ ничто не помѣшало бы Нибуру искать ее въ числѣ рѣкъ, изливающихся въ Азовское море на западной его сторонѣ, до которой онъ вѣроятно не отказался бы допустить Дарія, не соглашаясь съ мнѣніемъ позднѣйшихъ писателей (р. 372), что крайнимъ предѣломъ похода, предпринятаго подъ личнымъ начальствомъ Дарія, могла быть рѣка Тирасъ.

Въ полной увѣренности, что Нибуромъ раскрыто ошибочное мнѣніе Геродота о видѣ Скиѳіи и что Реннель справедливо отождествляетъ Оаросъ съ Волгою, Дальманъ, въ своей біографіи Геродота (Herodot etc. въ Forschungen auf dem Gebiete d. Gesch. II, 1, 1823), приходитъ къ тому результату (стр. 161), что всѣ подробности о походѣ Дарія недостовѣрны, и что Геродотъ потому только не сомнѣвался въ ихъ точности, что представлялъ себѣ скиѳскій четыреугольникъ въ гораздо меньшемъ видѣ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Но если бы на дѣлѣ оказалось, что тутъ ошибся не Геродотъ, а самъ Дальманъ, т. е. что онъ значительно увеличилъ объемъ Скиѳіи, въ сравненіи съ дѣйствительной ея величиной, придерживаясь обыкновеннаго мнѣнія, что, по взгляду Геродота, страна эта простиралась до устья Дона, то и Дальману пришлось бы согласиться, что крѣпости при рѣкѣ Оаросѣ, напоминающія ему Аварскіе «ringos», могли быть построены Персами (онъ самъ увѣренъ, что царь ихъ дѣйствительно былъ въ Скиѳіи) и что, по странному стеченію обстоятельствъ, Дарій своимъ спасеніемъ обязанъ былъ сторожившимъ мостъ Эллинамъ, или, какъ выражается Дальманъ, тиранамъ, предпочитавшимъ рабство и власть — свободной жизни среди свободныхъ согражданъ.

Вслѣдъ за тѣмъ другіе ученые, увлеченные, подобно Дальману, авторитетомъ Нибура, выступили съ новыми гипотезами для точнѣйшаго опредѣленія воззрѣній Геродота на скиѳскій четыреугольникъ. Вопросомъ этимъ занимались между прочимъ: Лелевель (нѣмецкій переводъ, подъ заглавіемъ: Beschreibung d. Her. Sc. въ Kleinere Schriften, 1836), Брандштеттеръ (Scythica, 1837) и Бобрикъ (Geogr. d. Her. 1838). Соглашаясь съ мнѣніемъ Нибура, что сѣверный берегъ Чернаго моря и западный берегъ Азовскаго соотвѣтствовали двумъ сторонамъ Геродотова четыреугольника, они расходятся въ мнѣніяхъ какъ съ нимъ, такъ и между собою, при опредѣленіи двухъ остальныхъ сторонъ.

Между тѣмъ какъ приведенные ученые спорили о болѣе или менѣе правильномъ видѣ скиѳскаго четыреугольника, извѣстный географъ Маннертъ (Geogr. d. Griechen und Römer, 1820) счелъ подобныя упражненія совершенно лишними для своей науки, стараясь преимущественно опредѣлить дѣйствительный объемъ и предѣлы Скиѳіи во времена Геродота. По его мнѣнію, она граничила къ з. съ Трансильваніею, къ с. з. линіею, проведенною отъ истоковъ Днѣстра и Буга до Днѣпра, около Екатеринослава; наконецъ къ в. Меотійскимъ озеромъ и линіею, проведенною оттуда къ с., такъ что съ восточной стороны жилища Скиѳовъ простирались далѣе къ сѣверу, чѣмъ владѣнія ихъ при Борисѳенѣ. Въ Танаисѣ Геродота — Маннертъ видѣлъ не только Донъ, но и часть теченія Волги (р. 110), а Будины, полагалъ онъ, могли частью обитать при Каспійскомъ морѣ, тогда какъ главная масса этого народа жила въ Польшѣ (р. 138). Къ нимъ-то, по

его мнѣнію, былъ направленъ походъ Дарія, но Геродотъ смѣшалъ ихъ съ каспійскими Будинами. иначе война не кончилась бы въ одно лѣто.

У меня не было подъ рукою статьи прославленнаго въ свое время географа Рейхарда объ этомъ походѣ (D. Feldzug im Lande d. Skythen, въ журналѣ Hertha, Stuttgart, 1828), но, судя по нижеслѣдующимъ двумъ отрывкамъ, перепечатаннымъ въ другихъ сочиненіяхъ, я не думаю, что ему удалось устранить видимое противурѣчіе между внѣшними условіями похода, т. е. между пространствомъ и временемъ, которыя въ этомъ случаѣ, какъ будто нарочно, опредѣлены Геродотомъ какъ нельзя болѣе положительно.

«Такъ какъ», говоритъ Рейхардъ въ одномъ мѣстѣ (A. Brandstätter, l. c., Addenda) «Геродотъ долженъ былъ знать, что Скиѳія не была равносторонній четыреугольникъ, то и слѣдуетъ думать, что подъ квадратомъ онъ разумѣлъ не видъ страны, а меньшія ея части вмѣстѣ взятыя и сложенныя въ родъ квадрата, und das Ganze etwa quadratisch genommen». Въ другомъ мѣстѣ (Schafarik, Slavische Alterthümer, I, 274) Рейхардъ водитъ Персовъ вдоль и поперекъ всей Россіи, а именно: отъ нижняго Дуная до устья Дона, вверхъ по этой рѣкѣ и по Волгѣ до устья Самары, за тѣмъ къ сѣверу, чрезъ Оку, у Касимова (сюда помѣщаетъ castella Darii) до озера Ильменя, оттуда къ ю.-з., мимо верхней Виліи и Пинска до истоковъ Буга и наконецъ мимо нижняго Днѣстра до Дуная.

Издѣваясь надъ подобнымъ взглядомъ ученаго Нѣмца, авторъ Славянскихъ древностей (нѣм. изд. 1843, I, 274) въ свою очередь не сомнѣвается, что, по Геродоту, «государство» Скиѳское доходило къ в. до устья Дона и до пункта, гдѣ эта рѣка близко подходитъ къ Волгѣ; къ с. до мѣста впаденія Псела въ Днѣпръ и оттуда до истоковъ Буга и Днѣстра. Шафарикъ (р. 187) вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что «славянскіе» Будины жили въ Бѣлоруссіи и на Волыни, куда Персы могли пробраться въ двухъ-мѣсячный походъ и откуда, по его мнѣнію, Геродотъ ошибочно перемѣстилъ ихъ за Донъ, потому что 60 лѣтъ послѣ похода уже не могъ собрать достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Свѣдѣнія эти однакоже оказались бы совершенно точными, еслибы Шафарикъ могъ допустить, что Будины (пожалуй, славянскіе) обитали не при истокахъ обоихъ Буговъ, а между обоими Танаисами Геродота, т. е. между Молочной и Дономъ съ Донцомъ.

Въ этихъ мѣстахъ ихъ уже искалъ Линднеръ (Skythien etc. 1841), о которомъ мною выше приведены совершенно различные отзывы нашего отечественнаго критика и нѣмецкихъ филологовъ.

Но какъ Линднеръ, кажется, правъ въ отождествленіи рѣки Пантикапеса съ Ингульцемъ, такъ ему удалось также угадать, что по взгляду Геродота, восточная сторона скиѳскаго четыреугольника не могла совпадать съ западнымъ берегомъ Азовскаго моря. Такимъ образомъ ему дана была возможность искать землю Будиновъ и рѣку Оаросъ на западъ отъ Дона. Къ сожалѣнію рѣку эту, т. е. Оаросъ, которая, по Геродоту, изливалась прямо въ Меотиду, Линднеръ предпочелъ принять за Айдаръ, притокъ Донца, признаваемаго имъ за Геродотовъ Танаисъ. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно высказывается въ пользу мнѣнія, что всѣ подробности Геродотова разсказа о походѣ Дарія имѣютъ историческое основаніе.

Замѣчательно, что Надеждинъ (Геродотова Скиѳія, въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. I, 3—114; и рецензія соч. Линднера, тамъ-же, 393—431), который раздѣляетъ, вообще говоря, мнѣніе Линднера касательно вида и объема Скиѳіи, не вѣритъ тому, что Геродотъ говоритъ о походѣ, и подозрѣваетъ, что вся экспедиція Дарія заключалась въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи (р. 110). Правда, онъ тутъ-же прибавляетъ, что нѣтъ основательныхъ причинъ сжимать въ столь узкіе предѣлы событіе, оставившее по

себѣ столь величественныя воспоминанія. Поэтому Надеждинъ готовъ допустить, что изъ Буджака Персы двинулись далѣе, но отнюдь не къ востоку, какъ явствуетъ изъ словъ Геродота, или къ сѣверо-востоку, какъ полагаетъ Линднеръ, а къ сѣверу, т. е. на Волынь, куда его, подобно Смиту, вовлекъ Эйхвальдъ (Alte Geographie des Kasp. Meeres, 1838, и Dorp. Jahrbücher, 1834, III, 1). Послѣдняго онъ ставитъ чуть ли не выше Линднера за его «счастливую мысль» вести Дарія въ западную Украину, за перенесеніе озера Будиновъ въ Пинскія болота и за удачное пріуроченіе ѳиссагетскихъ рѣкъ къ притокамъ Припети, а именно: Ликоса къ Случу, Оароса къ Горыни, Танаиса къ Лану и Гиргиса къ Стыри.

Подобными геніальными открытіями не отличается трудъ Ганзена (Ost-Europa nach Herodot etc. 1844), вышедшій въ томъ-же самомъ году, когда издана была статья Надеждина, такъ что послѣдній едва-ли могъ уже пользоваться имъ: иначе онъ вѣроятно убѣдился бы въ неосновательности смѣлыхъ гипотезъ Линднера и Эйхвальда. Впрочемъ въ этомъ отношеніи погрѣшилъ и Ганзенъ. Считая себя обязаннымъ держаться мнѣнія, что подъ ѳиссагетскимъ Танаисомъ Геродотъ непремѣнно долженъ былъ разумѣть тотъ Танаисъ, который отдѣлялъ Скиѳовъ отъ Сарматовъ, и пріурочивая рѣку эту не только къ Дону, но и къ Волгѣ, онъ приведенъ былъ къ заключенію, что скиѳскій четыреугольникъ заключалъ въ себѣ, кромѣ всего Новороссійскаго края и Бессарабіи, еще губерніи Харьковскую, Полтавскую, всю почти Кіевскую, Воронежскую, Курскую и Черниговскую, за тѣмъ,—«da im Osten der Tanais die Gränze macht»,—Землю Донскаго войска, и на западѣ отчасти Подолію.

Не сомнѣваясь въ томъ, что земля Будиновъ должна была находиться гдѣ-то около покатостей южнаго или средняго Урала, Ганзенъ съ одной стороны понималъ, что Персы не могли проникнуть такъ далеко, а съ другой не рѣшился считать миѳическимъ повѣствованіе Геродота о событіи, случившемся не за-долго до его времени.

Чтобы выпутаться изъ этого затрудненія, ему слѣдовало бы допустить, что скиѳскій четыреугольникъ не былъ такъ великъ и что земля Будиновъ не находилась на столь большомъ разстояніи отъ Дуная, какъ онъ полагалъ потому только, что боялся отличать Танаисъ ѳиссагетскій отъ скиѳскаго.

Кольстеръ (Das Land der Skythen, въ Archiv für Phil. und Paed. XII, 568—632; XIII, 5—77) полагаетъ (XIII, 25), что Геродотъ говоритъ о *двухъ* Танаисахъ, изливающихся въ Меотиду, но тѣмъ не менѣе выводитъ изъ словъ Геродота, что его четыреугольникъ заключался между окрестностями Полтавы на сѣверѣ и устьями Дуная и Дона на югѣ, хотя, подобно Ганзену, убѣжденъ въ томъ, что походъ Дарія, вообще говоря, состоялся въ такомъ видѣ, какъ онъ изложенъ у Геродота. Но такъ какъ въ этомъ случаѣ Будины не могли обитать за Полтавою, или за Дономъ, то Кольстеръ заключаетъ, что Геродотъ смѣшалъ эту рѣку, т. е. ѳиссагетскій *Танаисъ*, съ Истросомъ, или *Данубіемъ*, вмѣсто того, чтобы подозрѣвать, что подъ своимъ *Танаисомъ* онъ могъ тутъ разумѣть не ѳиссагетскую рѣку этого имени, а скиѳскую. Такимъ образомъ Кольстеру удалось отождествить Агаѳирсовъ съ Ѳиссагетами и утвердить при рѣкѣ Дравѣ крѣпости, построенныя Даріемъ при рѣкѣ Оаросѣ, орошавшей землю Будиновъ. Но если, въ чемъ я согласенъ съ Кольстеромъ, Геродотъ говоритъ о двухъ Танаисахъ, то не было надобности обвинять его въ ошибочномъ примѣненіи этого имени къ Дунаю, чтобы доказать, что Персы могли дойти до земли Будиновъ. Стоило только допустить, что подъ скиѳскимъ Танаисомъ Геродотъ разумѣлъ Молочную, и нетрудно было убѣдиться

въ томъ, что, Персы скорѣе могли дойти до окрестностей Павлограда, чѣмъ до Эссека, или далѣе вверхъ по Дравѣ, «oder etwas weiter stromaufwärts».

За тѣмъ, правда, Кольстеръ, въ своей рецензіи книги К. Неймана о Скиѳіи (Neue Jahrbücher für Phil. und Pädag. XXVIII, т. 27, стр. 332), сознается, что онъ уже слишкомъ увлекся, стараясь доказать, что Геродотъ смѣшалъ Данубій съ Танаисомъ и что Дарій дошелъ чуть-ли не до Балатонскаго озера. Забывая однакоже вмѣстѣ съ тѣмъ, что самъ онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Геродотъ говоритъ о двухъ Танаисахъ, онъ отождествляетъ обѣ рѣки съ Дономъ. Но такъ какъ Персы въ двухъ-мѣсячный походъ едвали могли проникнуть въ задонскую степь, то г. Кольстеръ скорѣе готовъ обвинить Геродота въ неточности, чѣмъ допустить, что Геродотъ не только умѣлъ различать Дунай отъ ѳиссагетскаго Танаиса, но и не могъ не знать, что рѣка эта, кромѣ имени, не имѣла ничего общаго съ скиѳскимъ Танаисомъ, т. е. съ Молочною.

Сказавъ въ одномъ мѣстѣ (р. 537), что, по взгляду Геродота, рѣка *Танаисъ* протекала чрезъ землю Будиновъ, а въ другомъ (р. 541), что жилища ихъ находились къ сѣверу отъ Сарматіи, *за Танаисомъ* (стало быть другимъ), осторожный и основательный Укертъ (Skythien, 1846) сознается, что до сихъ поръ никто не успѣлъ опредѣлить съ точностью мѣстоположеніе области Будиновъ, хотя о нихъ писали болѣе, чѣмъ о какомъ другомъ народѣ сѣвера. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ клонится къ мнѣнію, что Персы едва ли могли проникнуть такъ далеко, какъ говоритъ Геродотъ, хотя послѣдній и былъ увѣренъ въ возможности подобнаго предпріятія. Кромѣ другихъ доводовъ противъ этой возможности, которые я уже старался поколебать въ моей статьѣ, какъ-то: обширности и нынѣшняго характера края, величины рѣкъ, трудности продовольствія 700,000-ной арміи и т. д., Укертъ (р. 26) приводитъ замѣтку Реннеля, что войску, даже гораздо меньшему, понадобилось бы 150 дней, чтобы пробраться отъ Дуная до Волги, и, по крайней мѣрѣ, 100 дней, чтобы дойти до Дона. Но, не говоря о томъ, что, по Геродоту, Персамъ, быть можетъ, вовсе не пришлось забираться столь далеко, я думаю, что, въ случаѣ надобности, наши ополченцы могли бы прибыть изъ Таганрога въ Измаилъ гораздо раньше, чѣмъ полагаетъ англійскій маіоръ.

Какъ въ изданіи Геродота (Her. Hal. Musae, vol. sec. 1857), такъ и въ своемъ переводѣ его Исторіи (Die Musen d. Her. v. Hal. 1859), Бэръ (Baehr) придерживается мнѣнія Нибура, что, по понятіямъ Геродота, теченіе Дуная было направлено отъ сѣвера къ югу и составляло одну изъ сторонъ скиѳскаго четыреугольника, хотя неосновательность этого мнѣнія была уже доказана Кольстеромъ, имъ-же приведеннымъ (Musae, II, 496). Далѣе Бэръ думаетъ, что подъ восточною стороною четыреугольника Геродотъ разумѣлъ западный берегъ Меотиды, полагая, что и берегъ этотъ пролегалъ прямо отъ сѣвера къ югу. Жилища Будиновъ нѣмецкій переводчикъ не рѣшается указать въ точности, готовъ однакоже помѣстить ихъ около Воронежа или Саратова (I. I. р. 333 и въ переводѣ IV книги, 35). Но такъ какъ въ двухъ-мѣсячный походъ Персы не могли дойти до этихъ мѣстъ, то онъ предпочитаетъ свидѣтельству Геродота извѣстіе Ктезія, что Дарій вообще не проникъ въ Скиѳію далѣе 15-ти дневнаго пути.

Въ примѣчаніяхъ къ новѣйшему французскому переводу Геродота (Miot, Hist. d'Herodote, 2 изд. 1858), которому Летроннъ (Journ. d. Savants, Mars 1823) во многихъ отношеніяхъ отдаетъ преимущество предъ переводомъ Ларше, не заключается ничего особеннаго касательно мнѣнія Геродота о видѣ и объемѣ Скиѳіи и вовсе не говорится о походѣ Дарія въ эту страну.

Новѣйшій же англійскій переводчикъ исторіи Геродота (George Rawlinson, History of Herodotus, IV, 1862)

помѣстилъ подъ своимъ трудомъ не только много дѣльныхъ примѣчаній, но и прибавилъ къ нимъ еще особый «Essay» о географіи Скиѳіи (III, 168—174). Въ немъ Раулинсонъ разбираетъ «теорію» Нибура о видѣ Геродотовой Скиѳіи и доказываетъ всю слабость этой теоріи, незыблемой въ глазахъ Дальмана, котораго Шафарикъ, въ свою очередь, считалъ самымъ благоразумнымъ толкователемъ Геродота.

Показавъ, что Геродотъ вовсе не былъ такъ далекъ отъ истины, какъ воображалъ Дальманъ (I. c. 88), Раулинсонъ доказываетъ точность извѣстій Геродотовыхъ о рѣкахъ Скиѳіи, примѣняетъ къ нимъ результаты изслѣдованій Палласа, Мурчисона и другихъ естествоиспытателей, и находитъ, что русла этихъ рѣкъ со временъ Геродота претерпѣвали весьма значительныя перемѣны.

Такимъ образомъ онъ, на своей картѣ, правильно пріурочилъ рѣку Пантикапесъ къ Ингульцу и тѣмъ не менѣе, согласно съ словами Геродота, помѣстилъ ее къ *востоку* отъ Борисѳенеса. Предположенное измѣненіе нынѣшняго русла этой рѣки послужило ему, кромѣ того, для оправданія сбивчивыхъ, по видимому, извѣстій Геродота о Герросѣ и Гипакирисѣ. Съ помощью подобныхъ «supposed ancient course» нетрудно было наконецъ въ Донѣ признать не одинъ только Танаисъ, но и Ликосъ, и, для удобнѣйшаго помѣщенія Оароса, заставлять Волгу изливаться, хотя однимъ рукавомъ, въ Азовское море. Мѣстоположеніе земли Будиновъ, орошаемой этой рѣкою, Раулинсонъ не берется опредѣлить съ точностью, но думаетъ, что они жили около Тамбова (p. 79 и 174). Скиѳскій же четыреугольникъ, по его мнѣнію (p. 171), заключалъ въ себѣ нынѣшнія губерніи Херсонскую, Екатеринославскую, Полтавскую, Харьковскую, Курскую, Землю Донскаго Войска, губерніи Воронежскую, Рязанскую, Орловскую, Тульскую, Черниговскую, Могилевскую, Минскую, часть Волынской, Кіевскую и Подольскую съ Бессарабіею, Молдавіею и Валахіею, такъ что въ составъ этого четыреугольника входили два большихъ бассейна Дона и Днѣпра и два меньшіе: Днѣстра и Буга, и сѣверная половина бассейна нижняго Дуная отъ Орсовы до моря.

Не смотря на то, что по такому взгляду Геродотова Скиѳія обнимала бы половину Европейской Россіи Раулинсонъ не считалъ себя въ правѣ усомниться въ подлинности Геродотовыхъ извѣстій о походѣ Дарія, и приводитъ весьма уважительныя доказательства въ пользу мнѣнія, что Персы дѣйствительно могли совершить свой переходъ до рѣки Оароса и оттуда обратно къ Дунаю въ указанное Геродотомъ время, т. е. не въ два, а въ три мѣсяца, или въ срокъ, который болѣе соотвѣтсвовалъ бы показанію Геродота.

Доводы эти, безъ сомнѣнія, нисколько не потеряли бы своей силы, если бы Раулинсону угодно было согласиться со мною въ томъ, что онъ уже слишкомъ раздвинулъ сѣверную и восточную стороны скиѳскаго четыреугольника, и что Будины обитали не въ Тамбовской, а въ Екатеринославской губерніи или въ Міусскомъ округѣ.

Замѣтку эту я охотно представилъ бы на судъ г. Дункера, хотя онъ и не раздѣляетъ увѣренности Раулинсона, что походъ Дарія состоялся въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ его представляетъ Геродотъ.

Излагая, въ извѣстной своей Исторіи древняго міра (Gesch. d. Alterthums, II, изд. 3, p. 851—859), подробности объ этомъ походѣ, *по Геродоту*, г. Дункеръ заставляетъ его говорить, что Сарматы, Гелоны и Будины обитали къ востоку за *Дономъ*, и что Персы, перейдя чрезъ рѣку (p. 857), остановились только при *Волгѣ*, гдѣ и были построены укрѣпленія, существовавшія отчасти въ его время. За тѣмъ г. Дункеръ, основываясь на томъ, что Персы въ какіе-нибудь 80—90 переходовъ (p. 863) не могли дойти до Волги и оттуда обратно къ Дунаю, заключаетъ, что Геродотъ слишкомъ поспѣшно (p. 865) повѣрилъ

тому, что́ понтійскіе Скиѳы ему разсказывали объ этомъ походѣ, равно какъ и преданіямъ, которыя походъ породилъ у его соотечественниковъ въ Ордиссосѣ (?) и въ Ольвіи.

Но пока г. Дункеръ не убѣдитъ насъ въ томъ, что, по *взгляду Геродота*, приведенные народы обитали дѣйствительно между Дономъ и Волгою и что подъ Оаросомъ Геродотъ непремѣнно разумѣлъ послѣднюю изъ этихъ рѣкъ, я считаю себя въ правѣ думать, что, быть можетъ, Дункеръ отчасти потому только не вѣритъ въ подлинность извѣстій Геродота, что слишкомъ довѣряетъ своей собственной непогрѣшимости при сличеніи географическихъ воззрѣній своихъ на Скиѳію съ дѣйствительностью.

Напрасно также г. Дункеръ (р. 868) изъ словъ Геродота выводитъ заключеніе, что походъ Персовъ былъ направленъ къ сѣверу и что крайнимъ предѣломъ его были озера въ окрестностяхъ Лемберга или, еще вѣрнѣе, болота близь источниковъ Буга, отстоящія, въ прямой линіи, отъ Рени при Дунаѣ на 65 нѣмецкихъ миль. По крайней мѣрѣ Геродотъ, сказавъ предварительно, что одному изъ отрядовъ Скиѳовъ и Сарматовъ (IV, 120) поручено было отступить въ прямомъ направленіи къ Танаису и Меотійскому озеру, говоритъ (IV, 122), что Персы дѣйствительно преслѣдовали ихъ въ *восточномъ направленіи* до Танаиса и даже за Танаисъ.

Такимъ образомъ походъ ихъ дѣйствительно былъ направленъ къ устьямъ Днѣстра, Тилигула, Буга и Днѣпра, т. е. въ ту сторону, гдѣ, какъ говоритъ г. Дункеръ (р. 861), «линейные» корабли Персовъ могли бы подкрѣплять дѣйствія сухопутнаго войска и снабжать его необходимыми припасами. Но такъ какъ г. Дункеръ (р. 872) не сомнѣвается, что Дарій, по возвращеніи своемъ къ Дунаю, засталъ тамъ еще болѣе 400 изъ этихъ кораблей, которыми могъ располагать по своему усмотрѣнію (neben der Brücke waren mindestens vierhundert Schiffe disponibel), то г. профессору пришлось бы только отказаться отъ ошибочнаго мнѣнія своего касательно вторженія Персовъ въ Галицію или Подолію, и убѣдиться въ томъ, что во время похода флотъ могъ приставать къ различнымъ береговымъ пунктамъ и въ томъ числѣ къ Ордиссосу, если только городъ этотъ совпадалъ съ пристанью Одиссосъ Арріана и Безъименнаго, лежавшею при запруженномъ нынѣ устьѣ Тилигульскаго лимана, и существовалъ уже во времена Геродота. Въ такомъ случаѣ я готовъ отождествить этотъ городъ Ordessus (по Птолемею) или Ordesus (по Плинію) съ скиѳскимъ городомъ Kardesus, о которомъ говоритъ одинъ только Гекатей.

Показавъ, что корифеи науки до сихъ поръ не могли рѣшить, въ какой степени повѣствованіе Геродота о походѣ Дарія заслуживаетъ довѣрія, я отнюдь не хотѣлъ сказать, что они напрасно трудились надъ этимъ спорнымъ и запутаннымъ вопросомъ. Напротивъ того, я понимаю, что удачнымъ рѣшеніемъ многихъ частныхъ вопросовъ, относящихся до географіи и исторіи Скиѳіи, всѣ они болѣе или менѣе проложили будущимъ изслѣдователямъ путь къ окончательному разъясненію темныхъ мѣстъ въ IV книгѣ Геродота.

Если же моя попытка содѣйствовать достиженію этой цѣли окажется не совершенно лишнею, то я удачу свою приписалъ бы единственно тому обстоятельству, что, сличая постоянно различныя гипотезы моихъ предшественниковъ, усвоилъ себѣ тѣ изъ нихъ, которыя, болѣе другихъ, представляли мнѣ возможность вѣрить Геродоту на слово, не заставляя лгать природу.

II. ПРИМѢЧАНІЕ къ стр. XXXIII.

Замѣчательно, что рѣка Кубань, въ имени которой и нынѣ еще отзывается древнее ея названіе, у императора Константина является подъ названіемъ варварскимъ, тогда какъ въ имени Кубу, которымъ у него означенъ Бугъ, явно оказывается искаженіе имени Гипанисъ.

Могло также статься, что Птолемей смѣшалъ рѣку Пантикапесъ съ Гипанисомъ (какъ это часто случалось, по словамъ Плинія), потому что, помѣщая устье Гипаниса на полградуса къ востоку отъ устья Борисѳенеса, онъ заставляетъ его совпадать съ тою точкою, въ которой Днѣпръ принимаетъ въ себя Ингулецъ, признанный нами за Геродотовъ Пантикапесъ. Если наша догадка справедлива, то западному рукаву Борисѳенеса соотвѣтствовалъ бы не Ингулецъ, а Бугъ, *Амадокское* же озеро совпадало бы съ *Кодымой*, «матерью Гипаниса». Въ пользу предположенія, что подъ именемъ втораго Борисѳенеса Птолемей дѣйствительно могъ разумѣть не Ингулецъ, а Бугъ, говоритъ еще то обстоятельство, что онъ называетъ нѣсколько городовъ, лежавшихъ на берегу этой рѣки, какъ то: Ніоссонъ, Сарбаконъ или Барсаконъ и Лейнонъ. Города эти врядъ-ли могли помѣститься при степной рѣчкѣ, при которой и въ настоящее время нѣтъ большаго города. При Бугѣ, напротивъ того, Ніоссонъ весьма удобно могъ занимать мѣсто Николаева, а Сарбаконъ — мѣсто Вознесенска; Лейнонъ же лежалъ, должно быть, нѣсколько ниже Кривоозера, потому что, по словамъ Птолемея, онъ находился около самаго озера Амадоки и, можетъ быть, даже именемъ своимъ былъ обязанъ этому сосѣдству (Ducange, Gl. Gr, v. λήνοι).

Кажется впрочемъ, что еще въ древности Бугъ означался и турецкимъ своимъ именемъ «Аксу» и что поэтому самому Птолемей подъ Аксіацесомъ, *вытекавшимъ изъ Карпатовъ*, разумѣлъ верхнее теченіе Буга, выше устья Кодыми, хотя, по его взгляду, устье Аксіацеса совпадало съ лиманомъ Тилигульскимъ, или, даже вѣрнѣе, съ Березанскимъ, который явно тождественъ съ рѣкою Аспросъ Константина Багрянороднаго и съ Бѣлобережьемъ Нестора и нынѣ еще представляетъ весьма рѣзкіе слѣды непосредственнаго сообщенія съ Бугомъ (ст. Надеждина, въ I томѣ Зап. Одесскаго Общ. стр. 33, прим. 25).

III. ПРИМѢЧАНІЕ къ стр. XLVIII.

Аспургіане напоминаютъ нынѣшнюю деревню Асбургъ, которая лежитъ на лѣвомъ берегу Рейна, близъ Везеля, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности находился городъ Асцибургіумъ, основанный Улиссомъ, какъ говоритъ преданіе, сообщаемое Тацитомъ (H. IV, 3 и G. 3). Во времена Птолемея, имя этого города, лежавшаго въ Бельгійской Галліи, перешло на часть Геркинійскаго лѣса; около этого Ἀσκιβούργιον (т. е. ὄρος) жили Κορκοντοί точно такъ, какъ Аспургіане жили по близости отъ Корокондамы. Во всякомъ случаѣ Гримму (Gesch. der deutschen Sprache, 2-е изд., ч. I, стр. 534) не слѣдовало отождествлять ихъ съ Азами, упоминаемыми въ Эддѣ. Графъ Потоцкій также ошибся, отыскивая слѣды «ихъ города» въ Куркѣ, лежащей на Таманскомъ полуостровѣ, среди болота, въ которомъ лошади понесли его, закусивъ удила, потому что подъ ноги ихъ забился огромный карпъ (Voyage dans les steps etc. II, 240). Уже это приключеніе позволяетъ догадываться, что тамошніе жители преимущественно занимаются рыбною ловлею, которая, какъ намъ положительно извѣстно, въ этихъ мѣстахъ всегда производилась въ огромныхъ размѣрахъ.

Между различными родами водившихся тутъ рыбъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ камбалы и осетры или антакеи, какъ Геродотъ называетъ Борисоенскихъ осетровъ. Безъ сомнѣнія, въ его время они водились также въ Бугѣ, въ которомъ они и теперь еще встрѣчаются въ большомъ количествѣ и который своимъ древнимъ названіемъ вѣроятно обязанъ былъ Кубани или Гипанису, точно такъ какъ Пантикапесъ получилъ свое имя отъ переселенцевъ, прибывшихъ изъ Пантикапеи, метрополіи милетскихъ колоній въ Воспорѣ (Amm. Marc. XXII, 8), орошаемыхъ рукавомъ этого Гипаниса. Въ устьѣ этой рѣки, гдѣ, по словамъ Ѳеофана, производилась ловля ксиста (эту рыбу, кажется, слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «berzeticon»), вывозившагося оттуда въ Константинополь, еще теперь ловятъ множество разнаго рода рыбъ, но преимущественно осетровъ (Nouv. Journ Asiat. I, 298).Поэтому неудивительно, что въ древности эта рѣка получила названіе Антикитеса, подъ которымъ ее упоминаетъ Страбонъ (XI, 2, § 9). Можетъ быть подобному-же обстоятельству обязана своимъ именемъ и Корокондама, сообщившая свое названіе большому озеру, въ которое впадалъ Антикитесъ. Въ такомъ случаѣ я готовъ признать за именемъ ея кельтійское происхожденіе и произвести его или отъ слова «corroco» (иначе corrocho, carrhoco), которое встрѣчается только у Авзонія (Epist. V, 60) и принимается за древнее галльское имя осетра, называемаго Бордосцами и теперь еще «creac», или отъ слова «corrujo», означающаго на языкѣ испанскихъ Галиційцевъ камбалу (Diefenbach, Or. Eur. 302).

Что касается до послѣднихъ слоговъ имени Корокондамы, напоминающихъ намъ Темзу и древній городъ Дамасію въ Норикѣ, то они могли сохраниться въ названіи Тамани, которая, по словамъ Дюбуа (Voyage, V, p. 82—90), лежитъ на мѣстѣ древней Корокондамы, переиначенной Русскими въ Тмутороканъ, Византійцами въ Таматарху, арабскими географами въ Матраху, а на картахъ XIV вѣка въ Матригу.

Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ жили Аспургіяне, могли также находиться Птолемеевы Астурикане (V, 8), жившіе близь Тирамбы, которую Дюбуа (Voyage, V, p. 30) ищетъ въ Темрюкѣ и имя которой столько-же отзывается галльскимъ происхожденіемъ (ср. Diefenbach, I. l. p. 432, 226 и слѣд.), сколько и рѣка Варданъ, протекавшая мимо нея и совпадавшая съ рѣкою Укрухъ, при которой, по Константину Багрянородному, лежалъ соименный ей городъ, явно тождественный съ городомъ Джакракъ Абульфеды.

Какъ Птолемеева рѣка Аксіацесъ могла отчасти совпадать съ «Бѣлою рѣкою» Турокъ, такъ названіе, подъ которымъ у него является Кубань, т. е. Вардалъ, напоминаетъ намъ рѣку Варшанъ, въ письмѣ хазарскаго царя къ министру Абдеръ-Рахмана III. По крайней мѣрѣ я не понимаю, на какомъ основаніи г. Хвольсонъ (Журн. Мин. Нар. Прос. Декабрь 1868, стр. 688) счелъ себя въ правѣ сказать утвердительно, что подъ этою рѣкою «Царь могъ разумѣть *только* рѣки Донъ или Уралъ». Почему же не могъ онъ говоритъ о Кумѣ, о Терекѣ или даже о Кубани? Отождествляя *царскихъ* Скиѳовъ Геродота съ позднѣйшими Барзиліями, г Хвольсонъ едва-ли не допуститъ сродства именъ Варданъ и Варшанъ.

IV. ПРИМѢЧАНІЕ къ стр. LI.

Такъ какъ Киммеріяне изгнаны были изъ Тавриды Скиѳами, которыхъ *Исседоны* (IV, 13) или *Эсседоны* (Mela, Plinius и др.) въ свою очередь вытѣснили изъ древней ихъ родины, то мнѣніе о киммерійскомъ происхожденіи Галловъ могло бы быть соглашено съ тѣмъ обстоятельствомъ, что у послѣднихъ особый родъ повозокъ назывался esseda или essedum (Diefenbach l. I. p. 338).

Одесса, 1869 г.

ПОПРАВКИ.

На стр. 56, въ 4-ой строкѣ снизу, вмѣсто отъ з. къ ю. слѣдуетъ читать отъ с. къ ю.

Въ числѣ вещей, случайно открытыхъ въ 1862 году въ насыпи Острой Томаковской могилы (см. стр. 62—63), находились также: золотая тисненная бляшка въ видѣ пятизубчатаго полосатаго листка (табл. XXVI, рис. 6), двѣ воронкообразныя трубочки, вѣроятно отъ кистей; изъ нихъ одна меньшая серебряная (ibid. № 11), другая бóльшая золотая (ibid. № 12).

На стр. 71, въ 9-ой строкѣ сверху, вмѣсто 7 саж. слѣдуетъ читать 7 аршинъ.

На стр. 93, въ 22-ой строкѣ сверху, въ концѣ слѣдуетъ прибавить: (см. табл. XXXVI, рис. 1).

Румянцев кого
Музея

Гравир. и печат. въ Лит. Худ. И. Медвѣдева.

Научный
Читальный
зал

2014149525

ДРЕВНОСТИ

ГЕРОДОТОВОЙ СКИѲІИ,

СБОРНИКЪ

ОПИСАНІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ РАСКОПОКЪ И НАХОДОКЪ ВЪ ЧЕРНОМОРСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

АТЛАСЪ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

ВЫПУСКЪ IIй.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9-я л., № 12.)
1872.

Рисовалъ съ натуры и на камн. **И. Медвѣдевъ.**

Печат. краск. литогр. **А. Траншель**, въ С. Петербургѣ.

II.

Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.

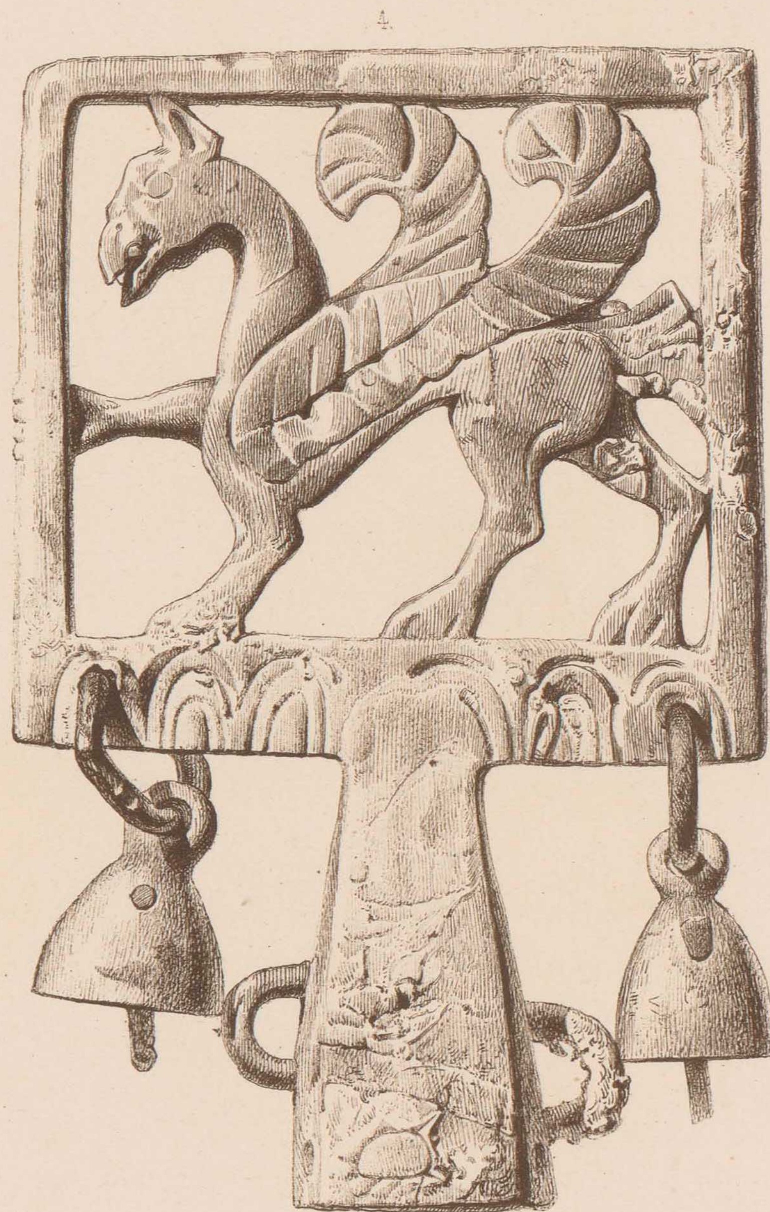
III.

1.

2.

3.

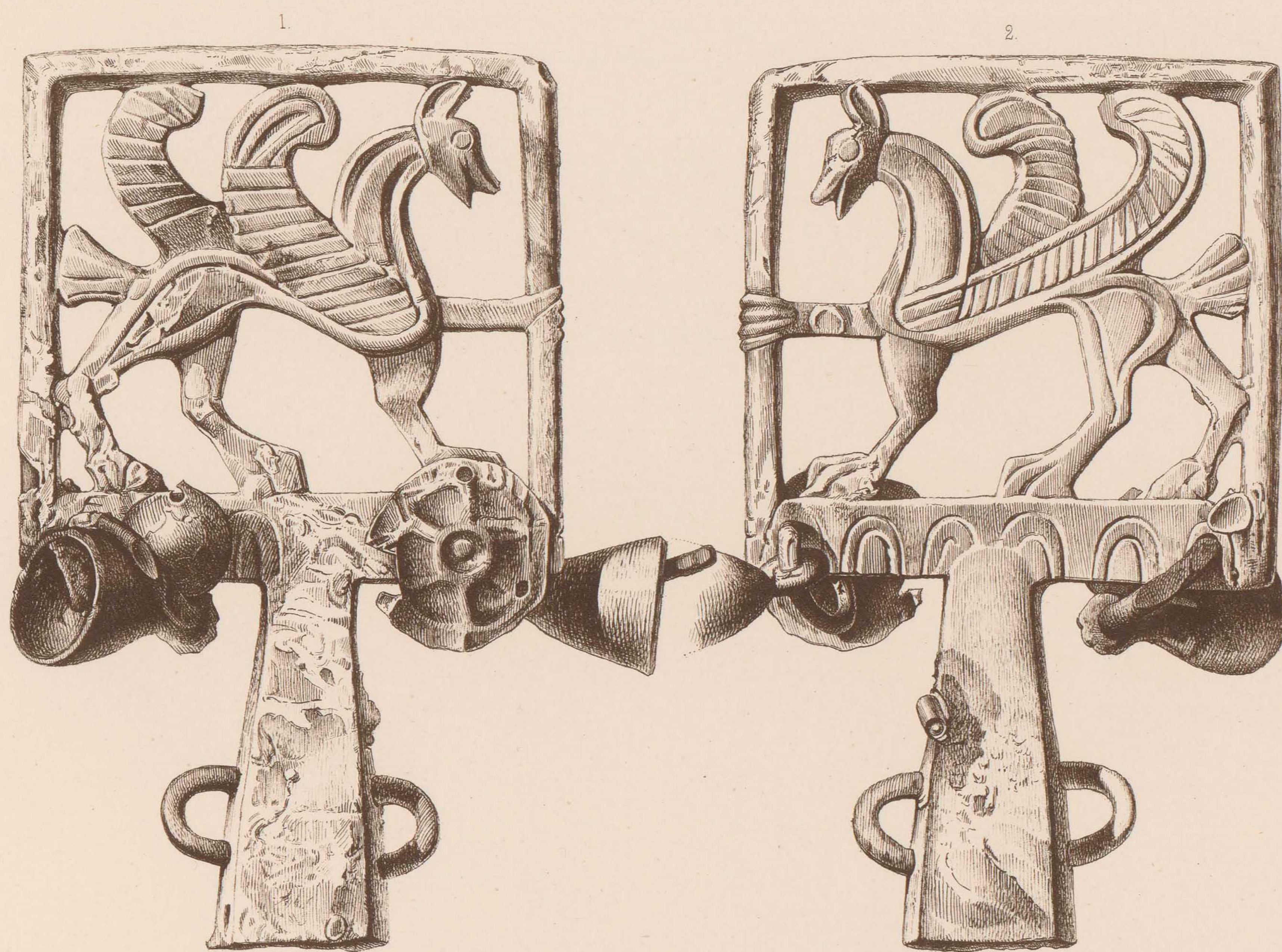
4.

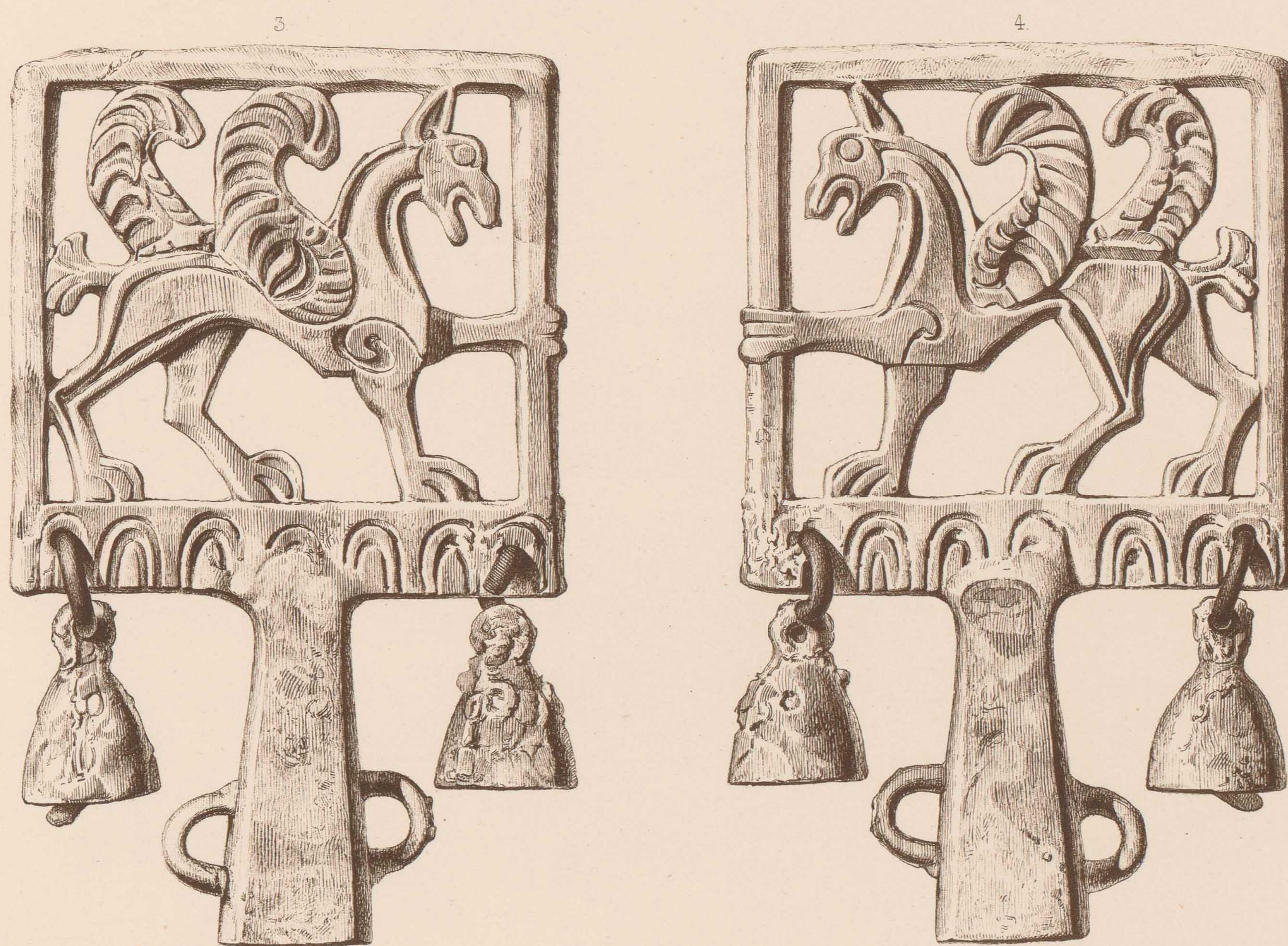


Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. крас. литогр. А. Траншель въ С. Петербургѣ.

IV.





Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.

1. 2. 3.

4. 5.

6.

7. 8.

10.

11.

9.

Рисовалъ съ натуры и на камн. **И. Медвѣдевъ.**

Печат. краск. литогр. **А. Траншель** въ С. Петербургѣ.

Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.

VII.

1. 2. 3.

5.

4. 6.

7.

8. 11.

9. 10.

12.

Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель въ С. Петербургѣ.

Всероссийская Публичная Библиотека

Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.

IX.

Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ. Печат. краск. литогр. А. Траншель въ С. Петербургѣ

X.

Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.

XI.

Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ

Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель въ С. Петербургѣ.

Рисовалъ съ натуры и на кам̆н. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.

XIV

1.

2.

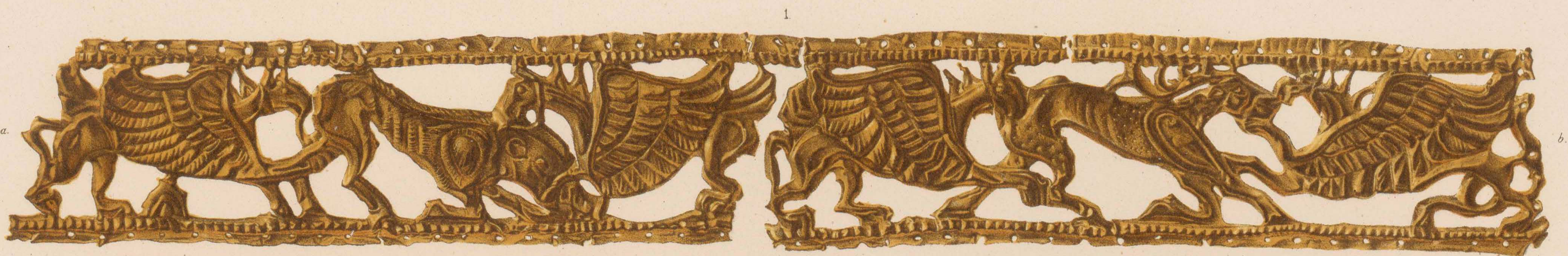
3.

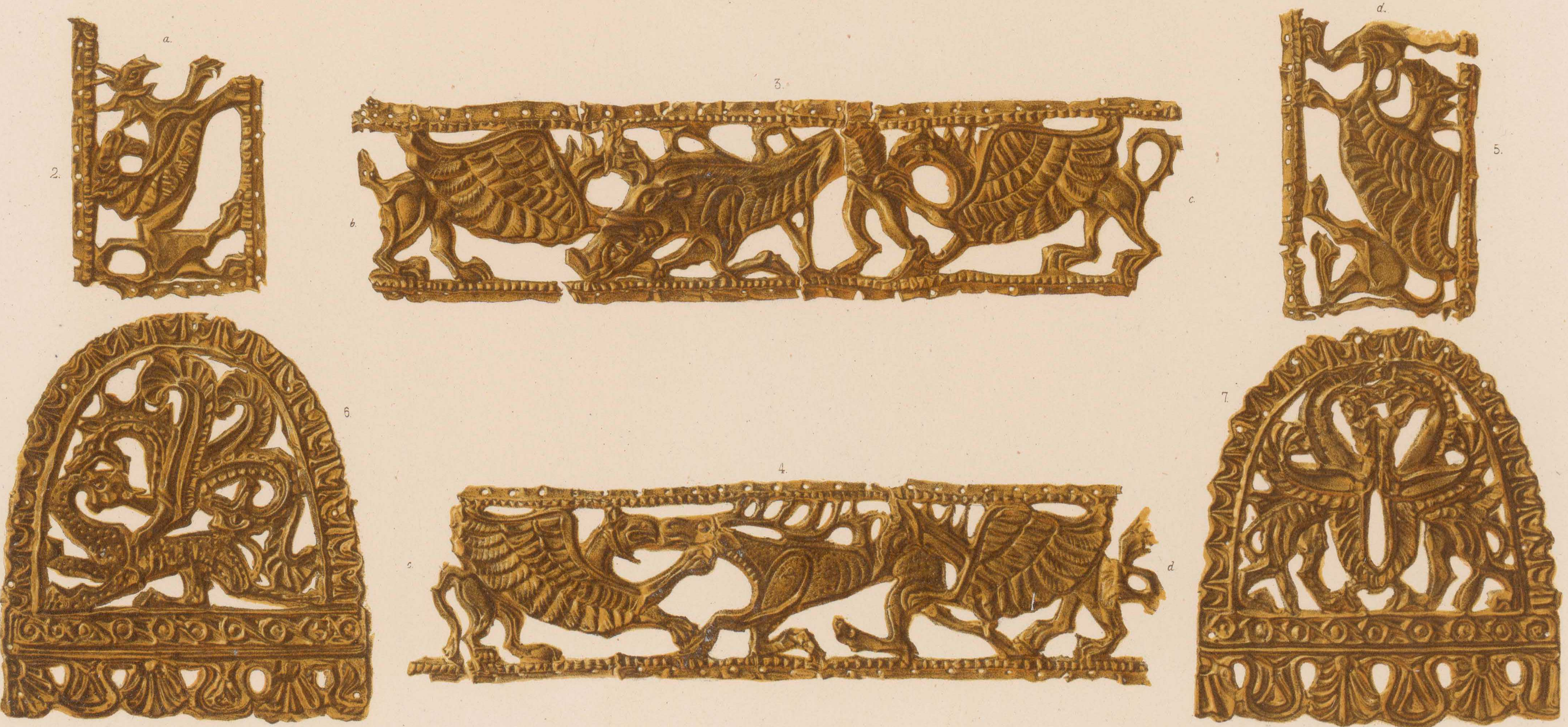
5.

4.

Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.





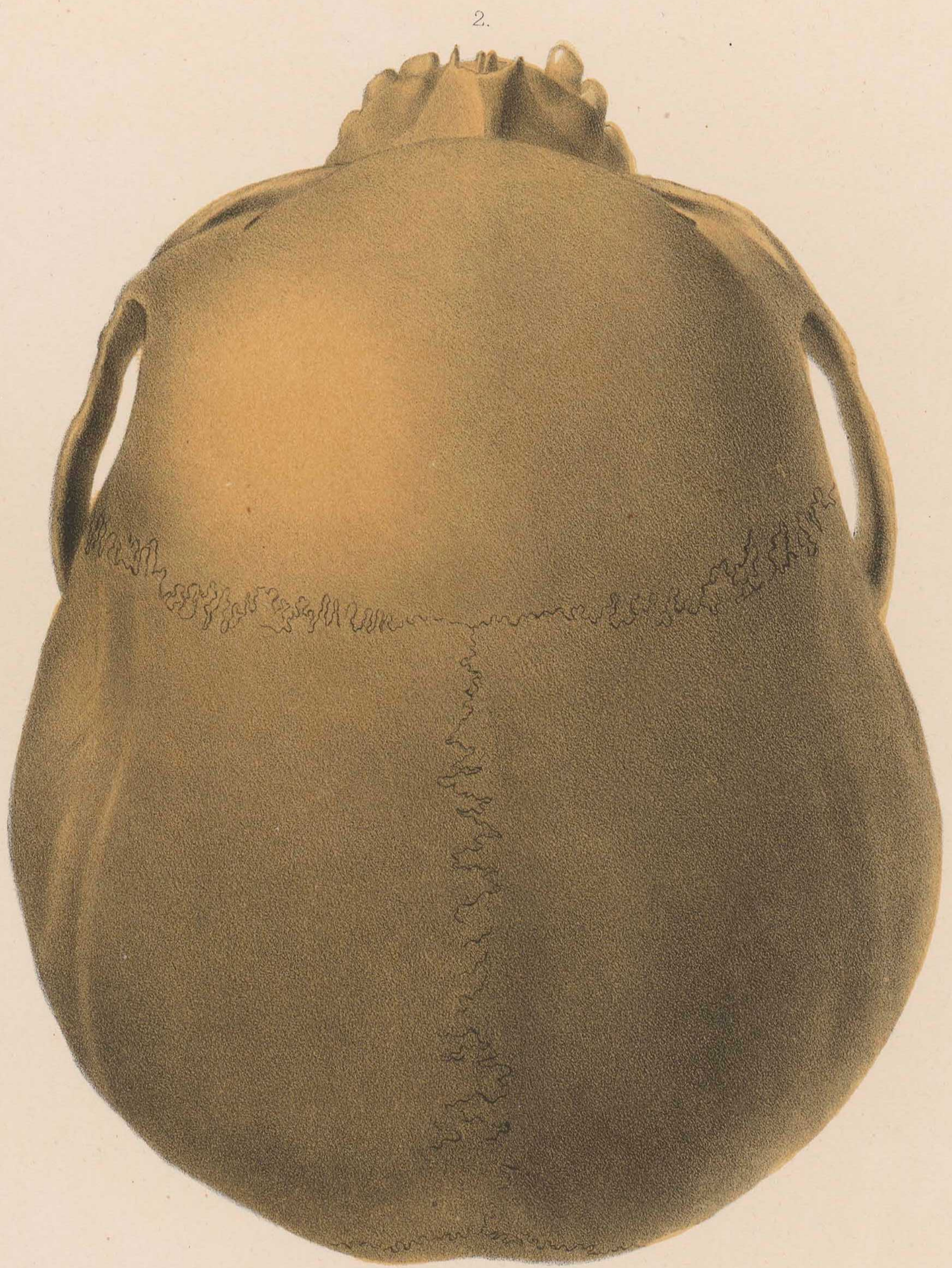
Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель въ С. Петербургѣ.

XVI.

1

2.

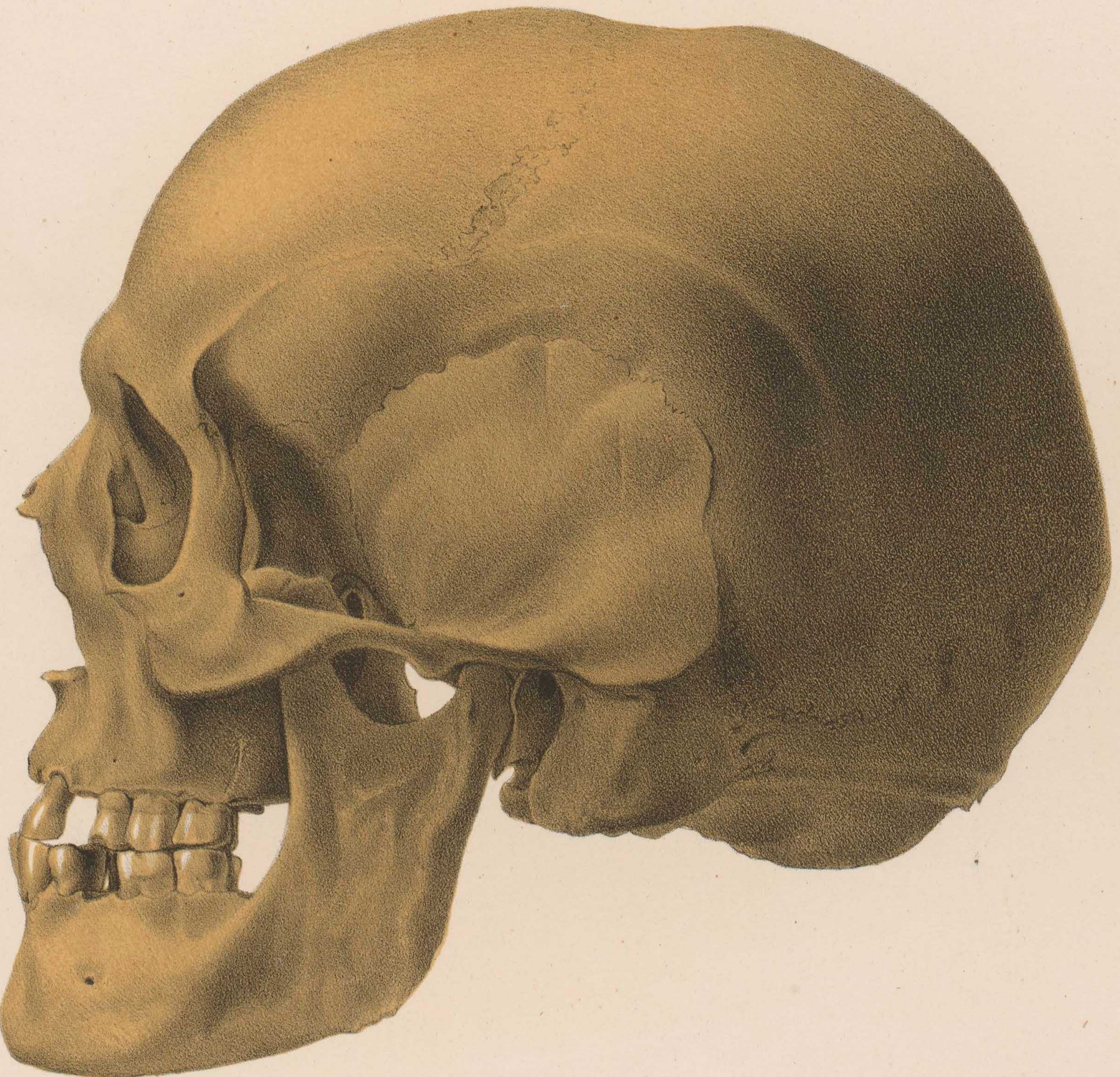


Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель въ С. Петербургѣ.

XVII

1



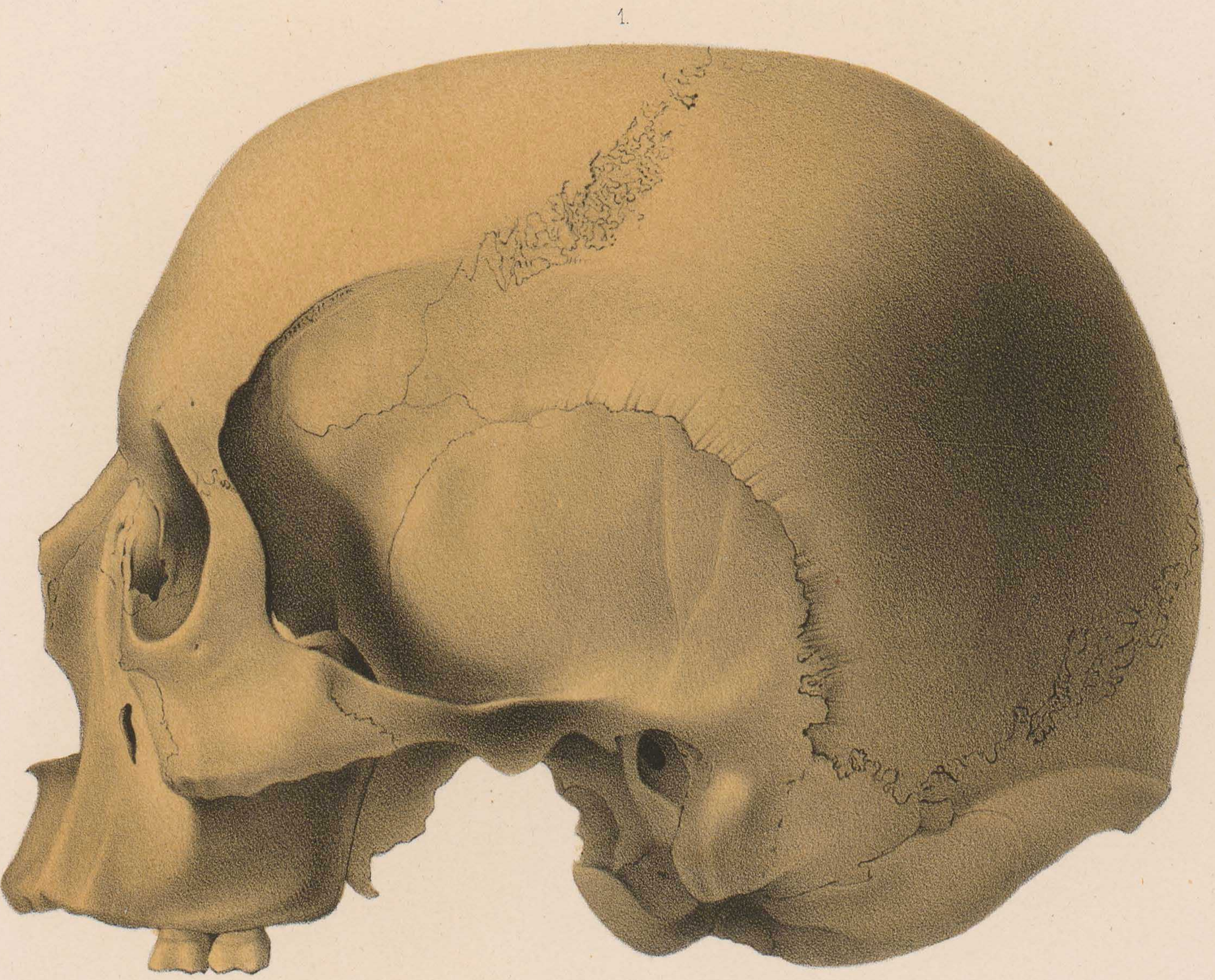
2

Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель въ С. Петербургѣ.

XVIII

1.



2.

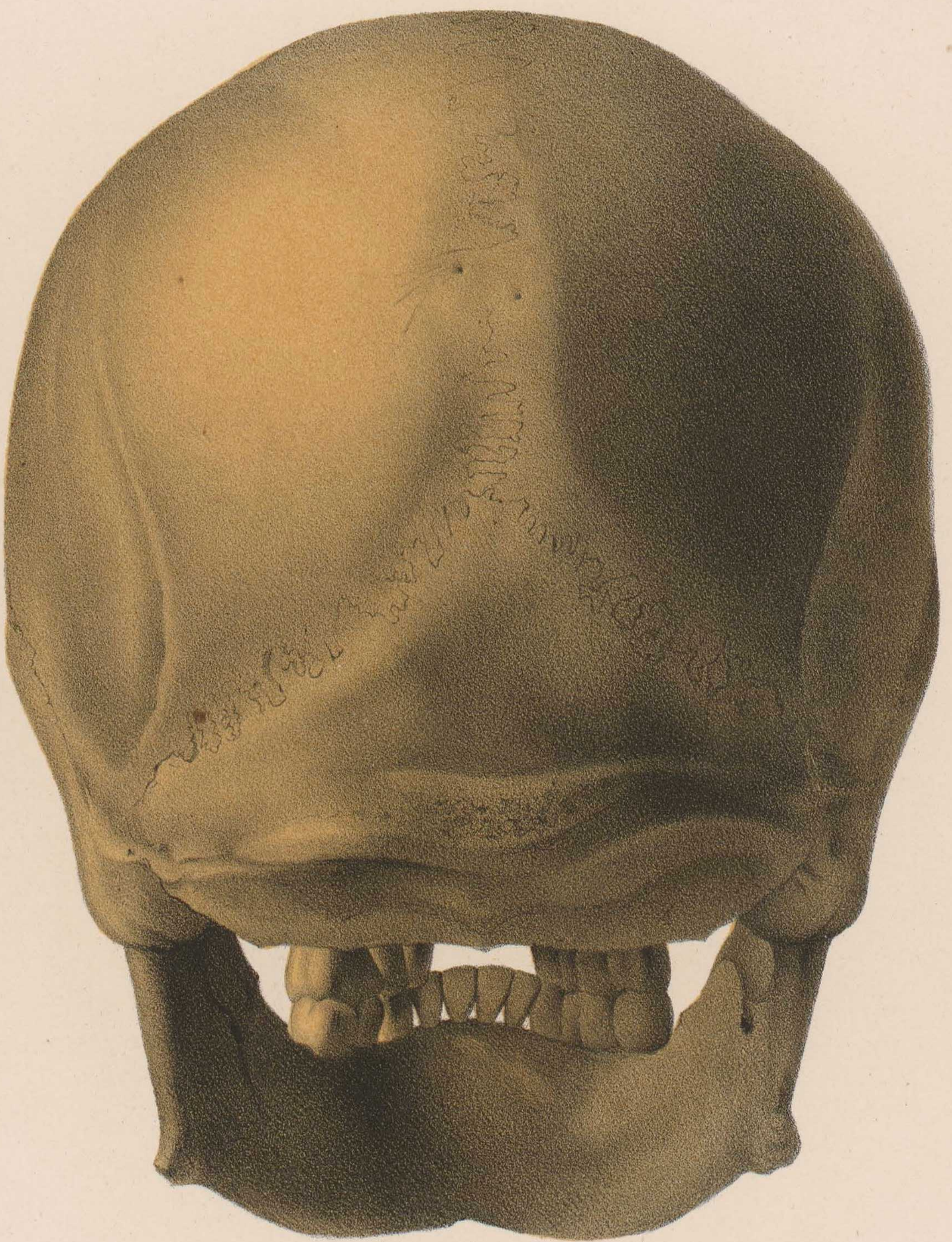
Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель въ С. Петербургѣ.

XIX

1.

2.



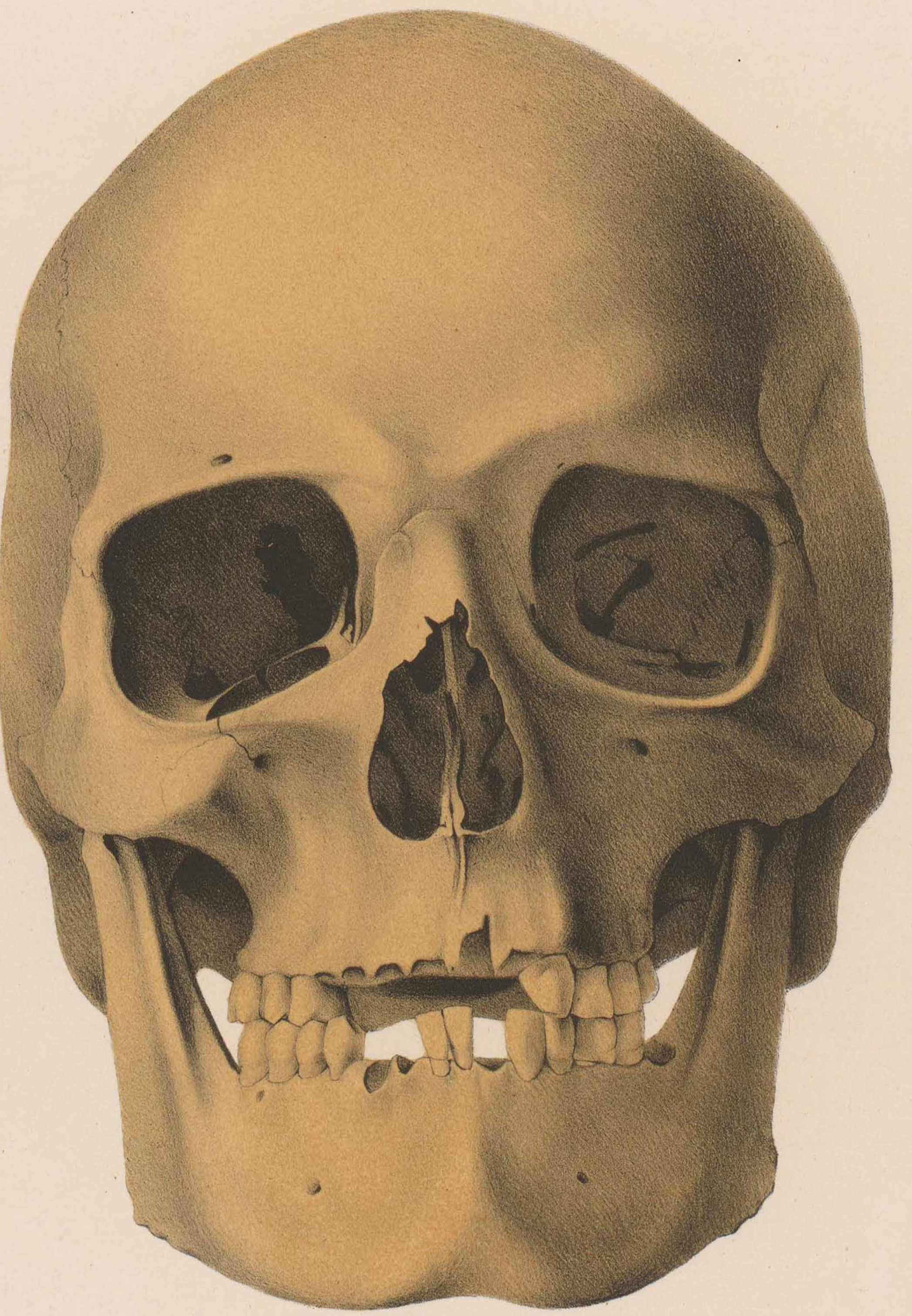
Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншеля, въ С. Петербургѣ.

XX.

1

2



Рисовалъ съ натуры и на камн. **Н. Медвѣдевъ.**

Печат. краск. литогр. **А. Траншель** въ С. Петербургѣ

XXI.

1

2

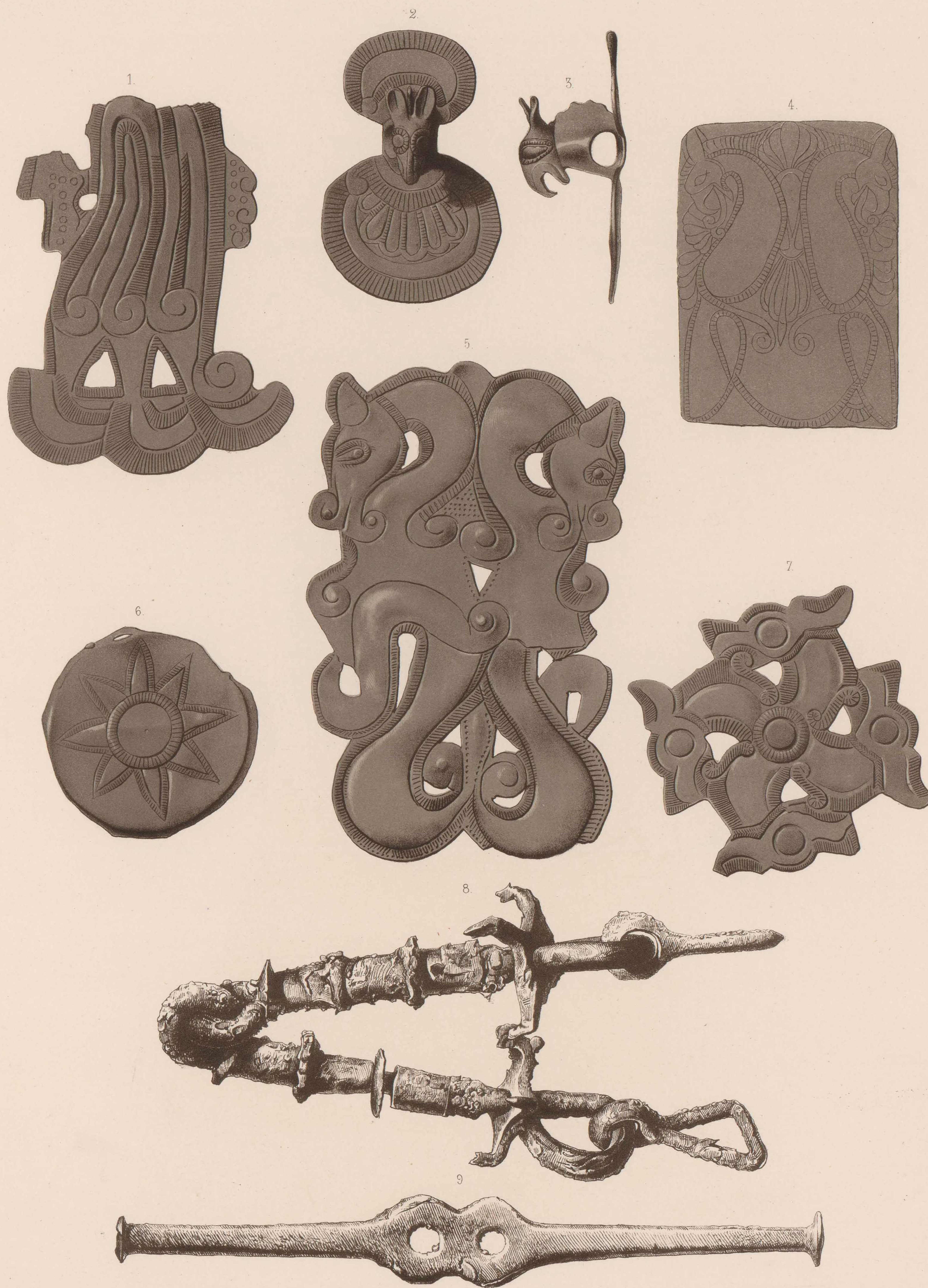
3

Рисовалъ съ натуры и на камн. **Н. Медвѣдевъ.**

Печат. краск. литогр. **А. Траншель** въ С. Петербургѣ.

Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

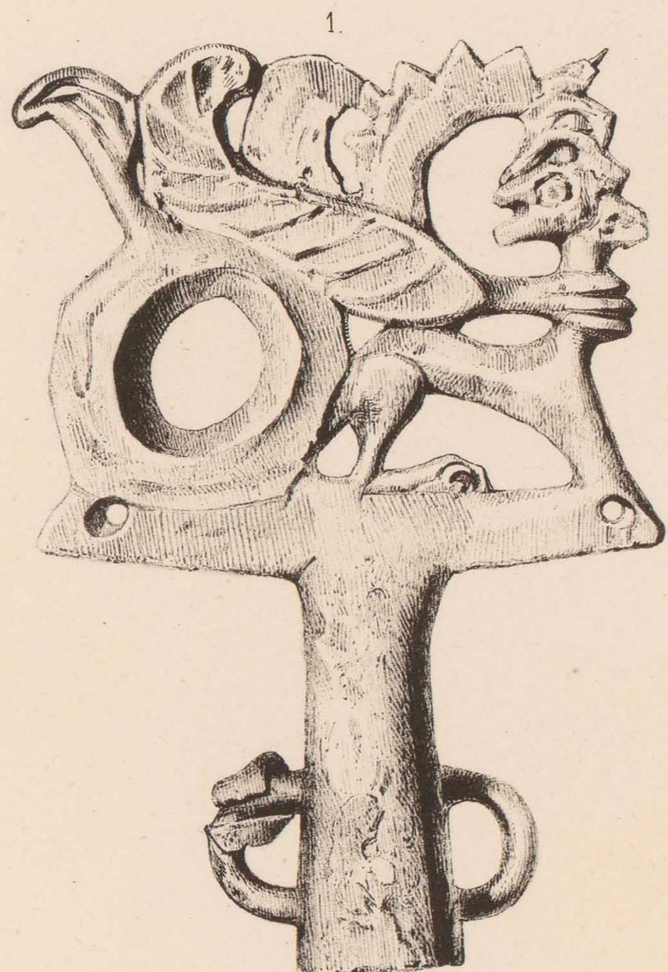
Печат. краск. литогр. А. Траншеля, въ С. Петербургѣ.



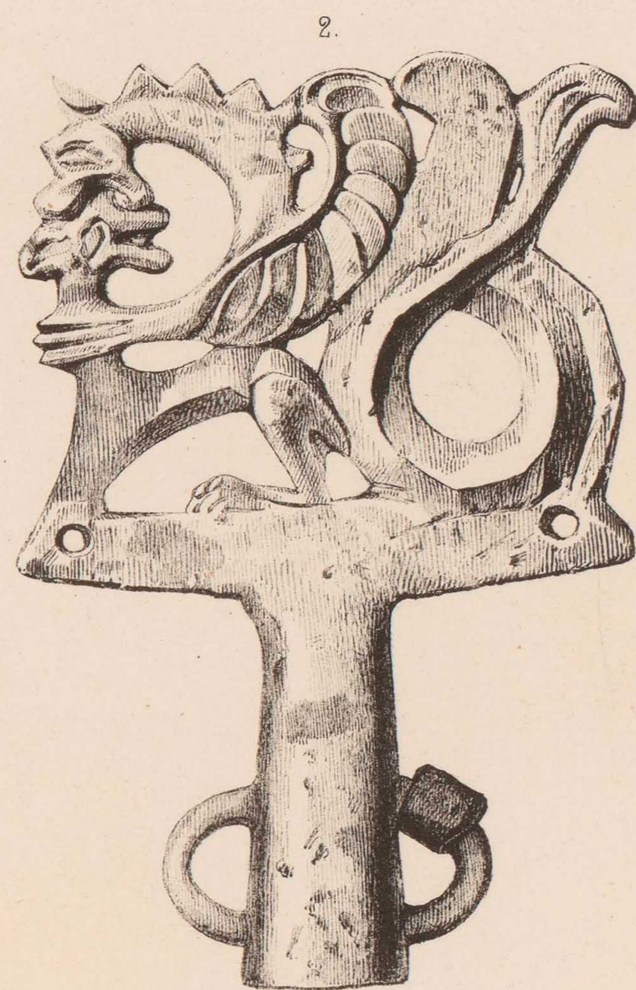
Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. крас. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.

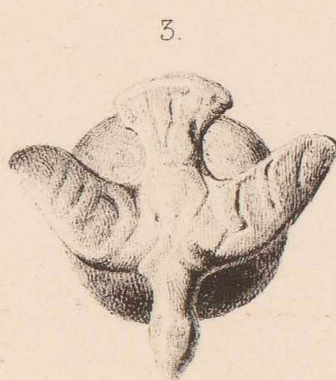
1.



2.

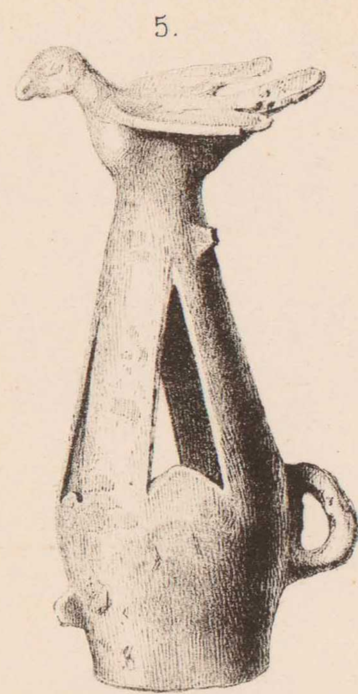


3.



4.

5.

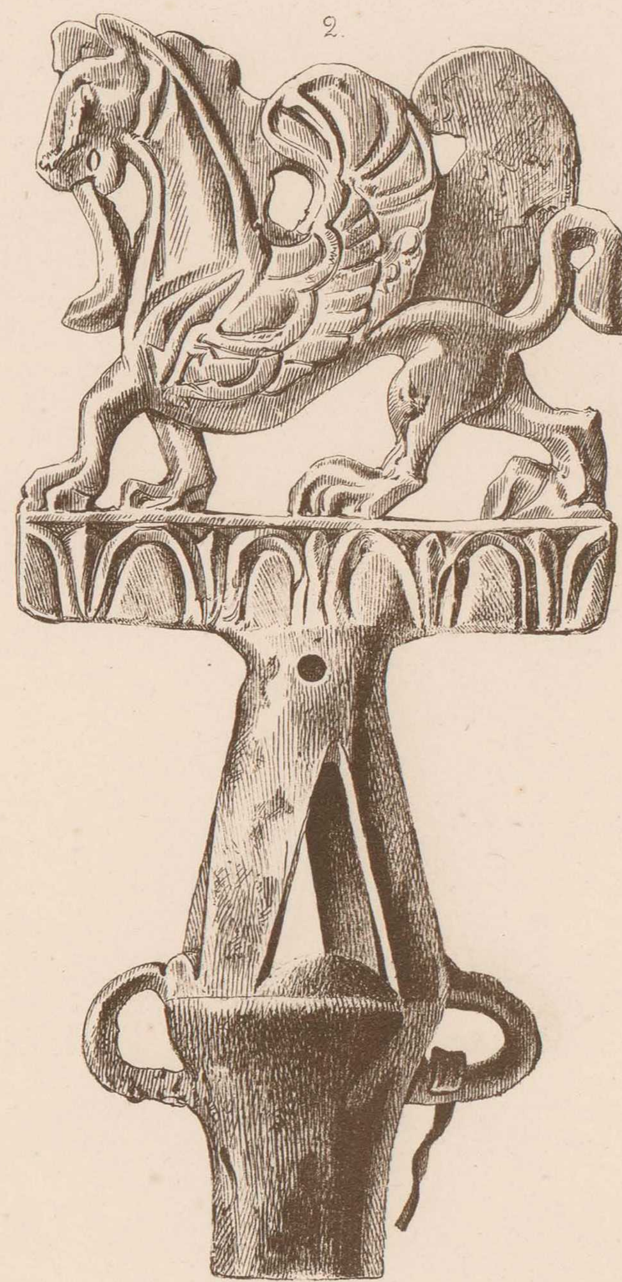


Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

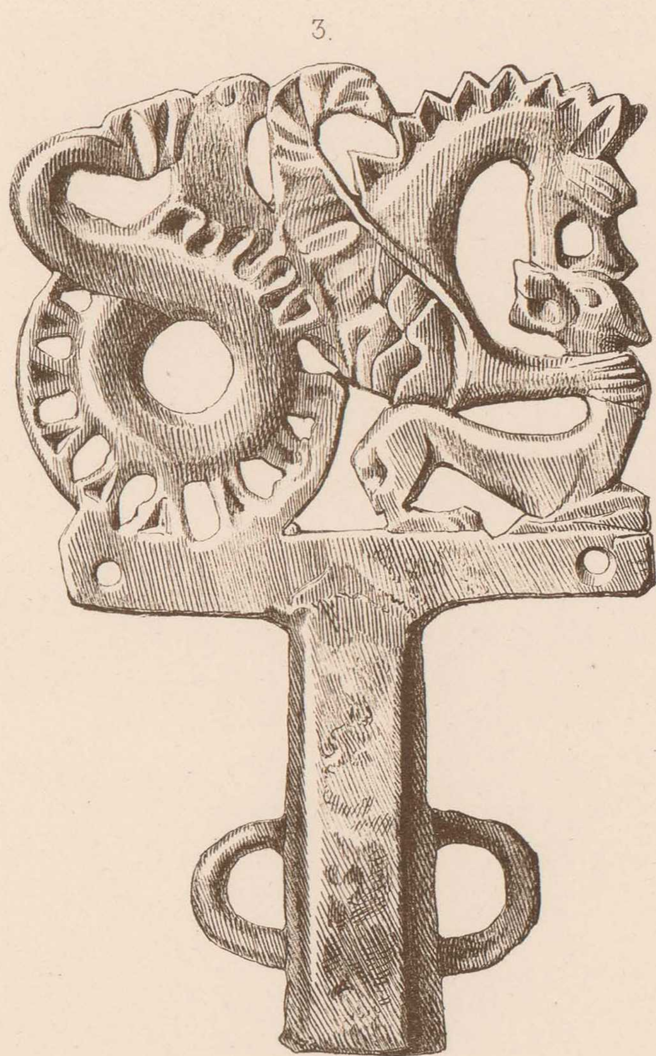
Печат. краск. литогр. А. Траппель, въ С. Петербургѣ.

1.

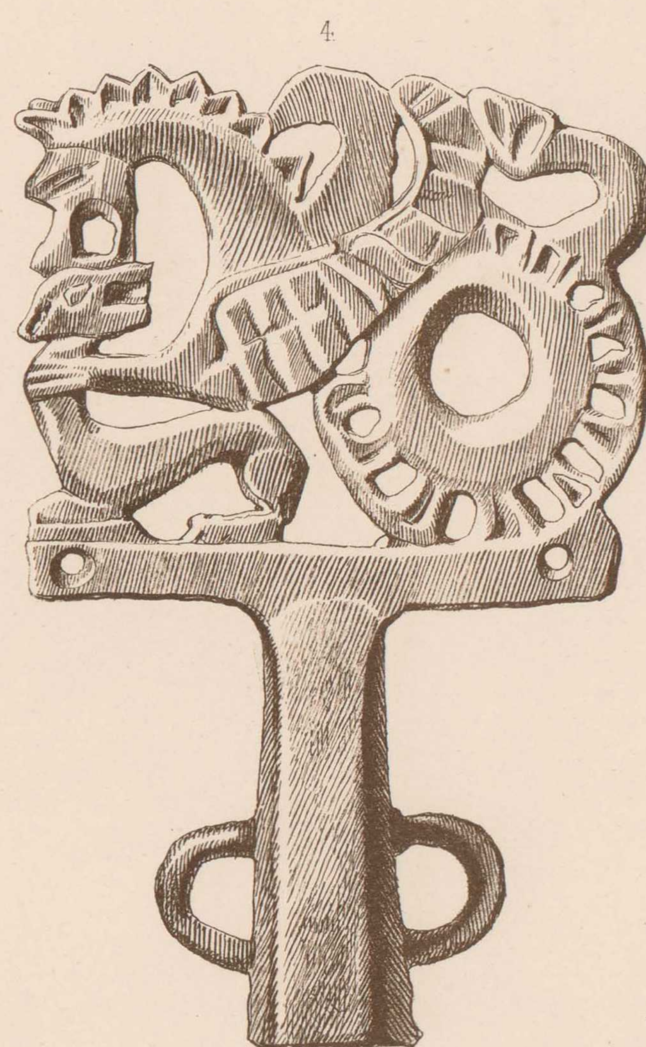
2.



3.



4.



Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.

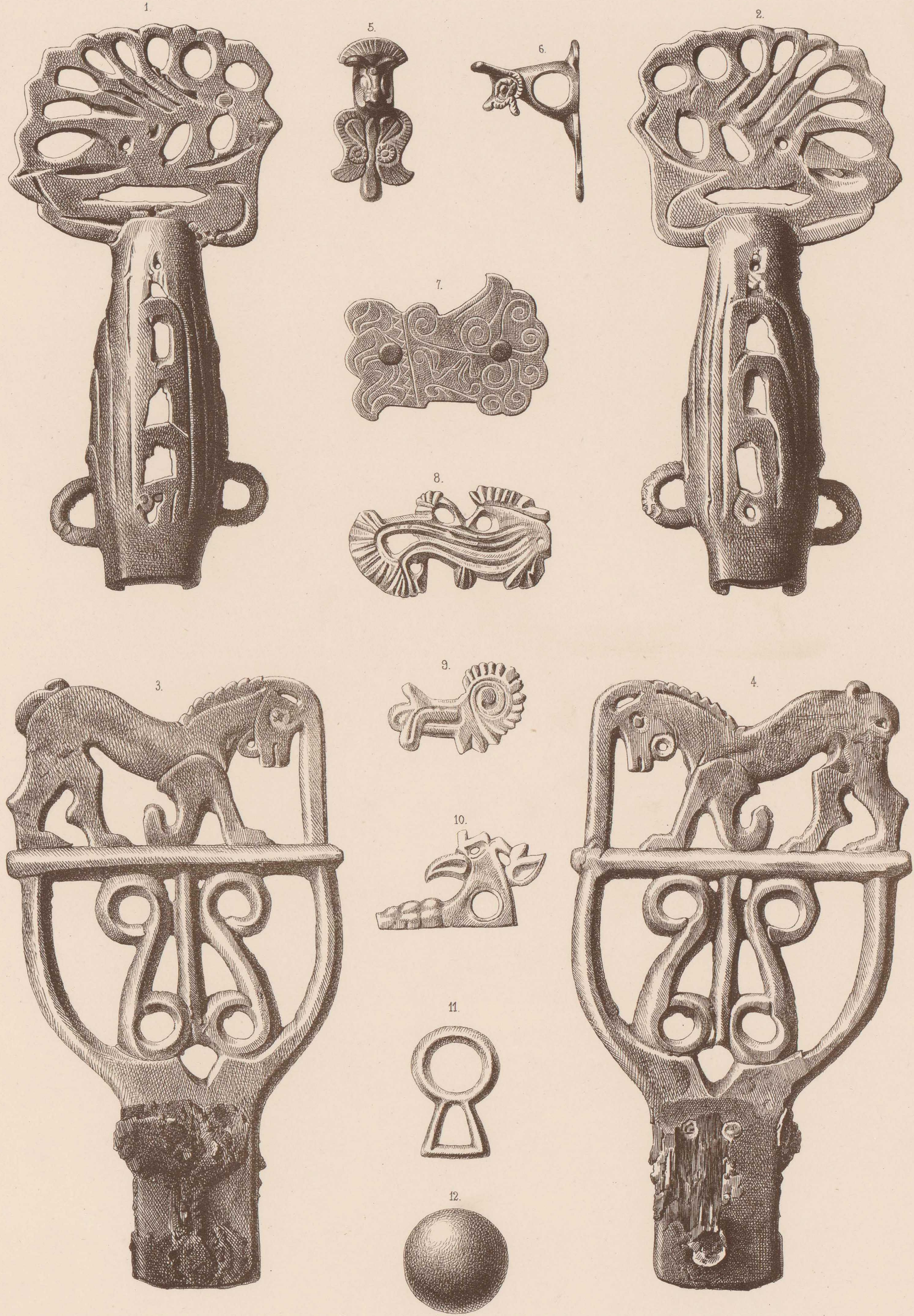
Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

Печат. краск. въ лит. Н. Медвѣдевъ.

Рисовалъ съ натуры и на камн. И. Медвѣдевъ.

Печат. краск. литогр. А. Траншель въ С. Петербургѣ.

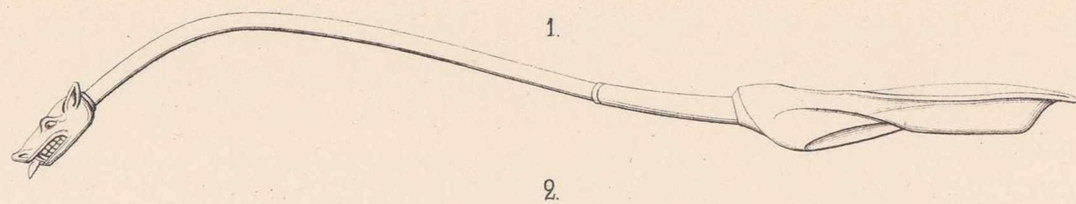
[library stamp]



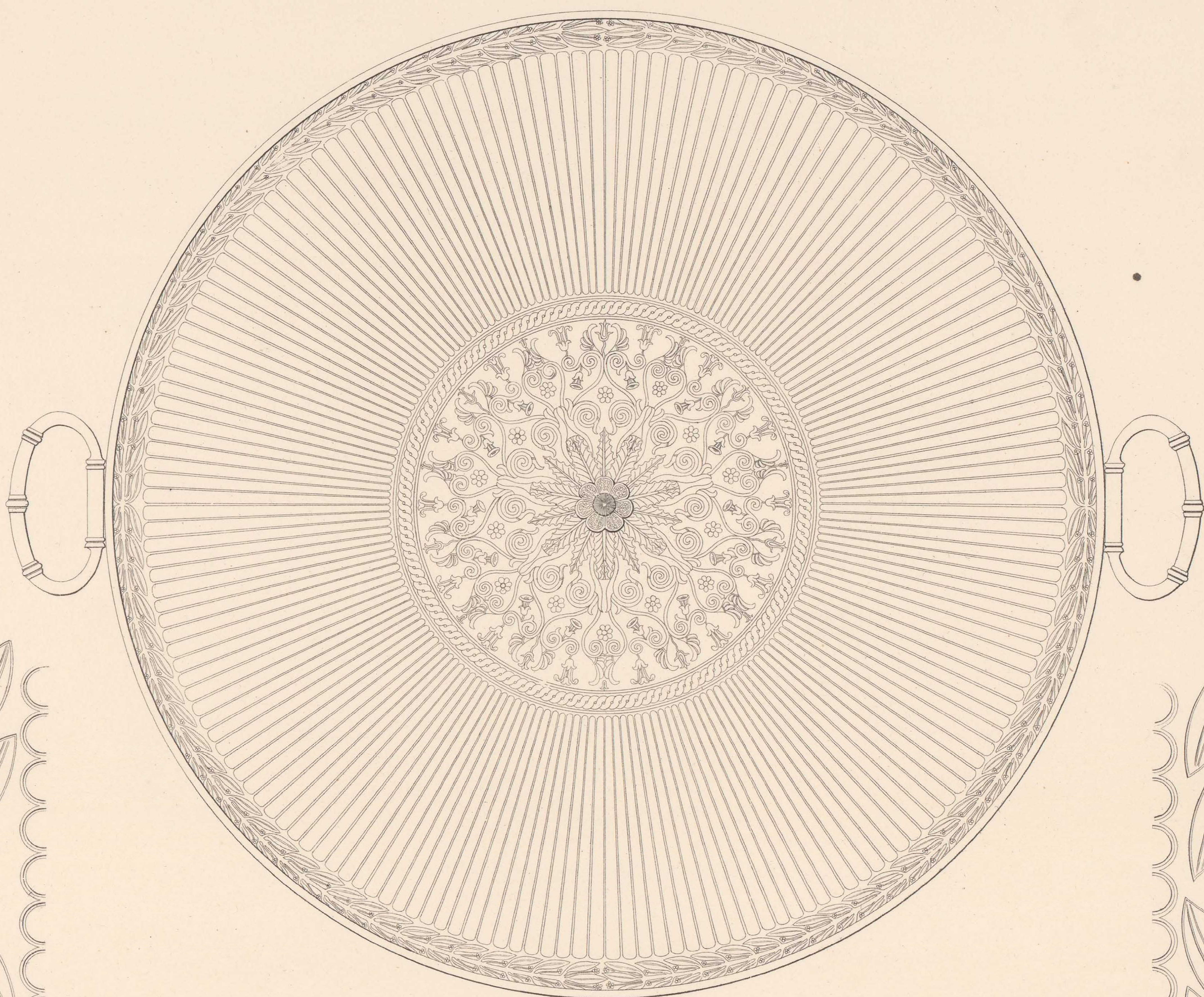
Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

Печат. литогр. А. Траншель, въ С. Петербургѣ.

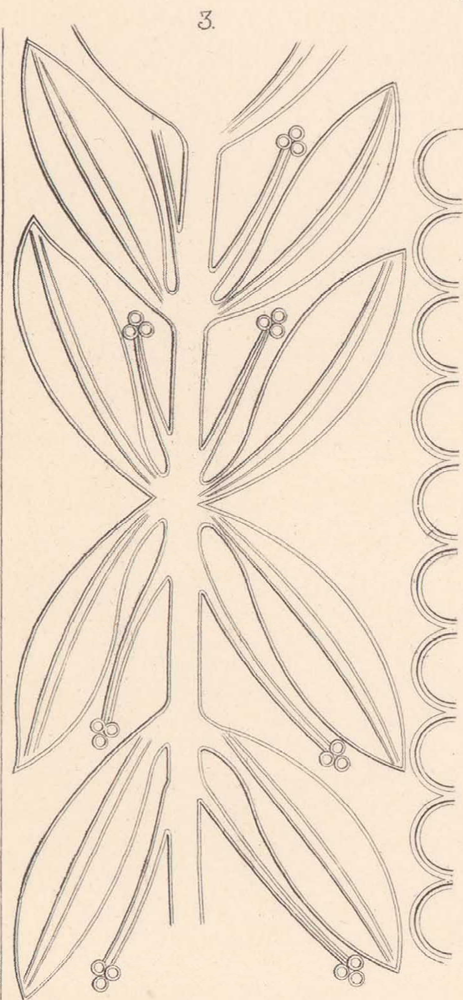
1.



2.

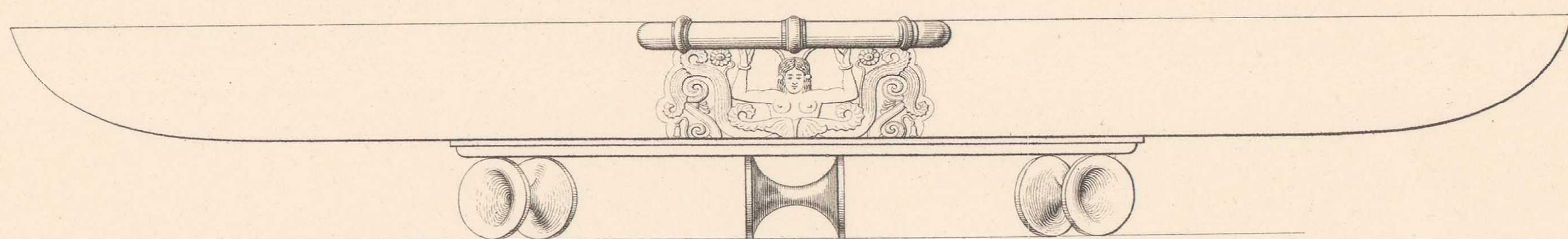


3.



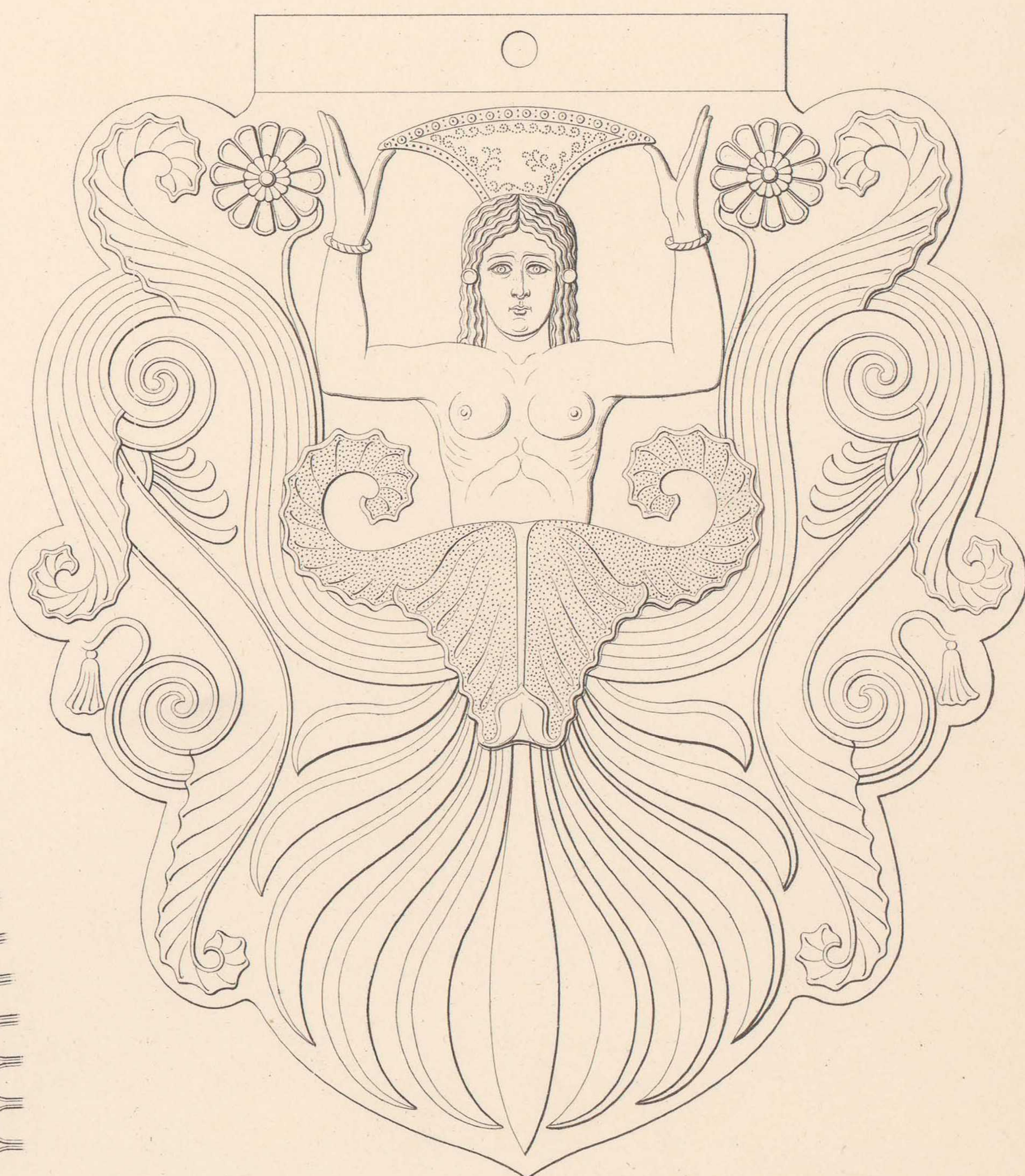
4.

5.



6.

7.



Рисовалъ съ натуры и гр. И. Медвѣдевъ

Печат. въ литог. И. Медвѣдева.

Рисовалъ съ натуры и тр. И. Медвѣдевъ.

Печат. въ литог. И. Медвѣдева.

Rod. Piccard del. et inc.

Rod. Piccard del. et inc.

Rod. Piccard del. et inc.

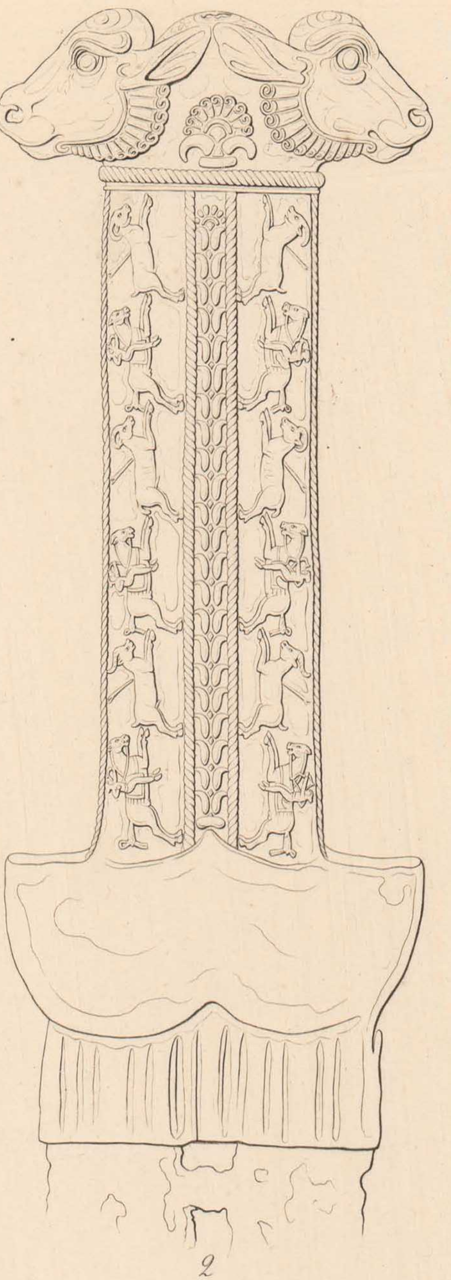
Rod. Piccard del. et inc.

11

12

10

10 a



2

7

8

6

9

4

3

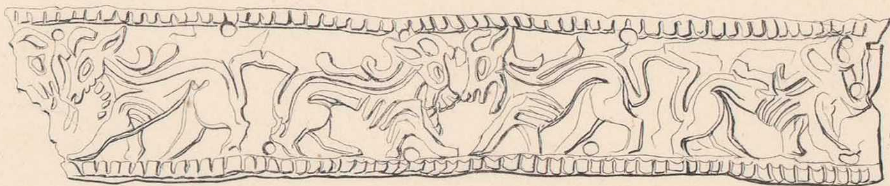
5

1

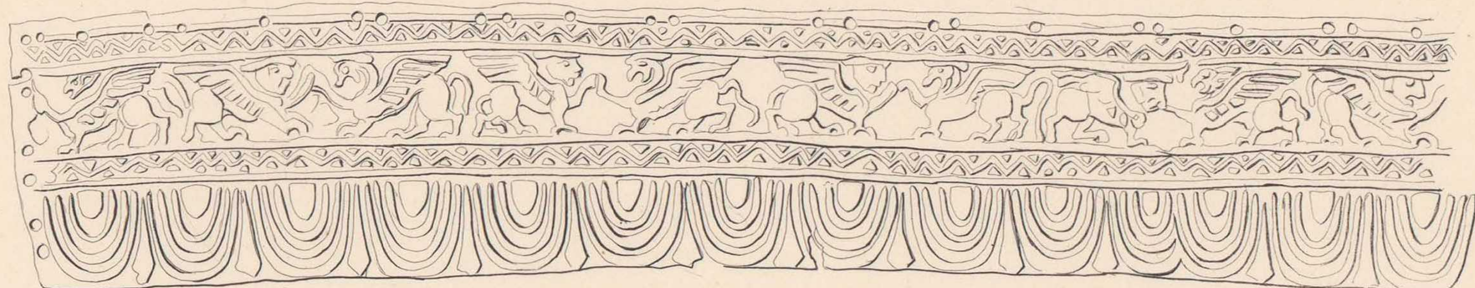
Rod. Piccard del. et inc.

1.

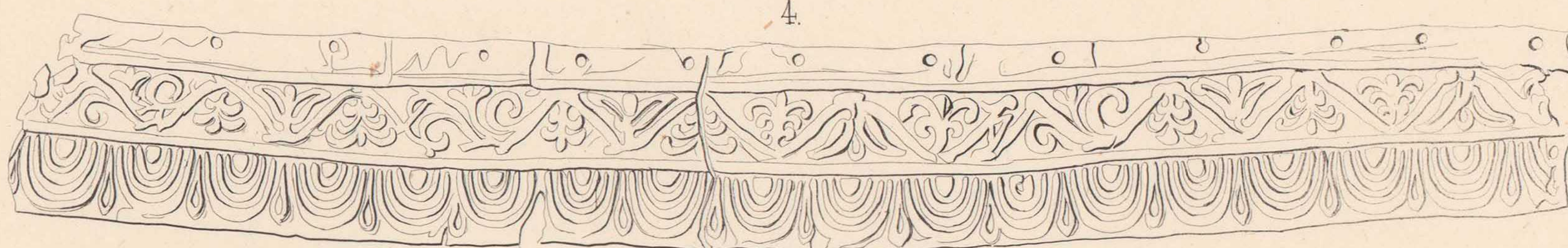
2.



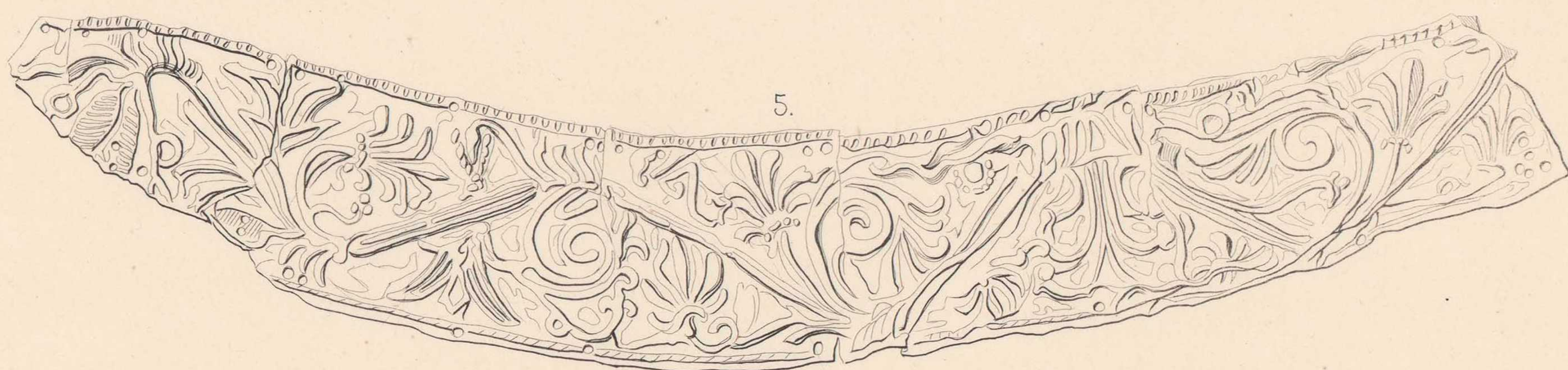
3.



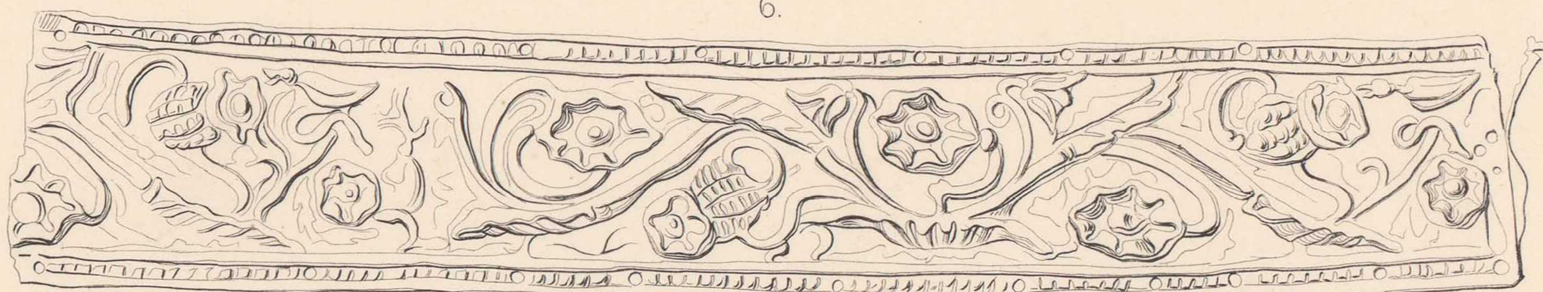
4.



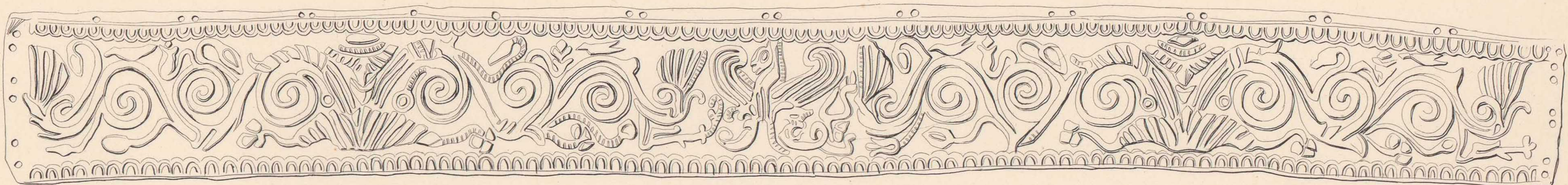
5.



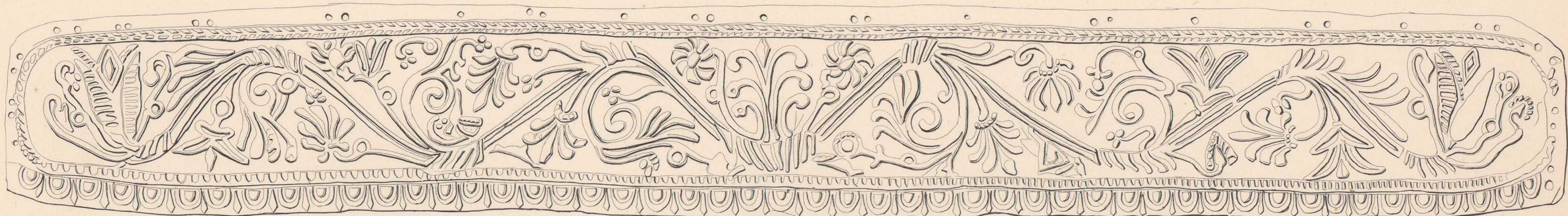
6.



7.

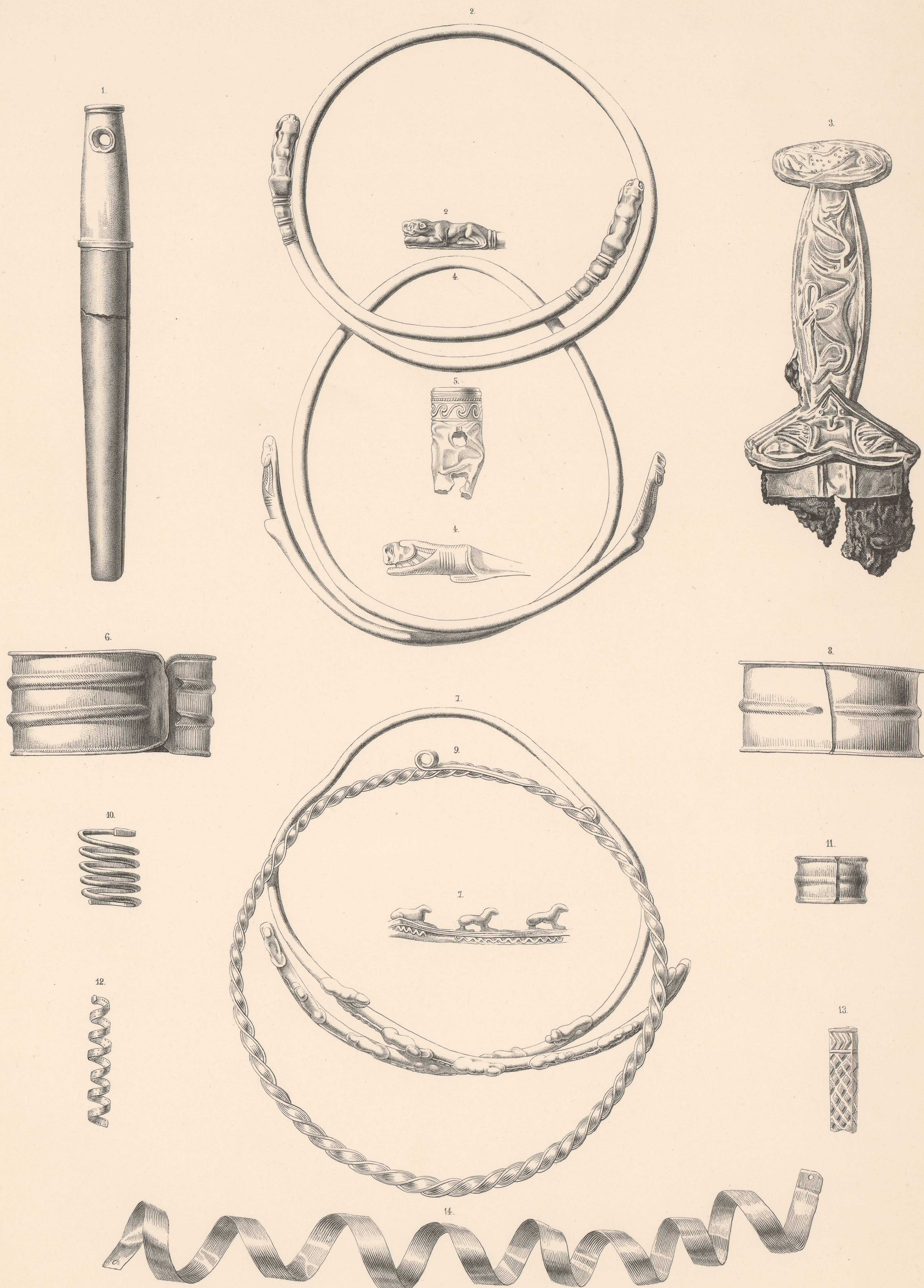


8.



Рисовалъ съ натуры и гр. И. Медвѣдевъ.

Печат. въ литог. И. Медвѣдева.

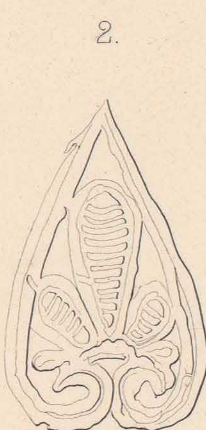


Рисовалъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

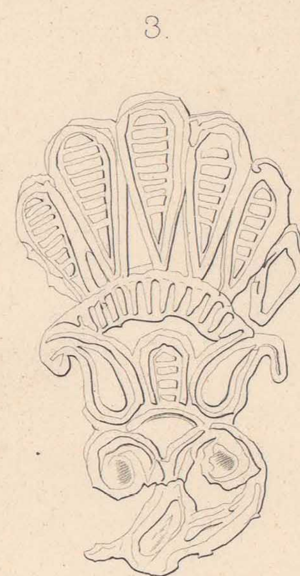
Печат. въ лит. Н. Медвѣдева.

1.

2.



3.



5.

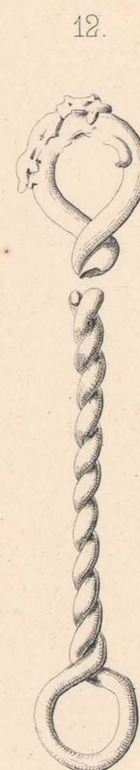
7.

6.

4.

8.

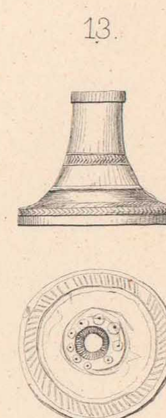
12.



11.

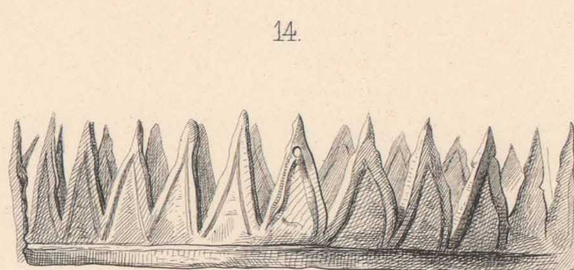
10.

13.

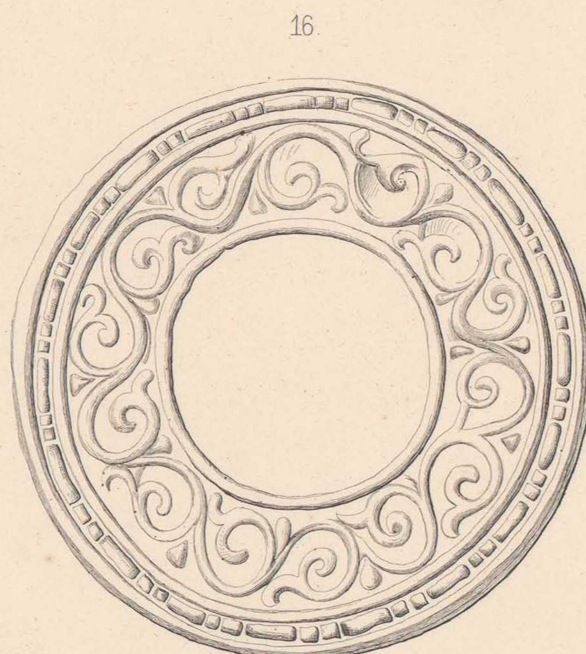


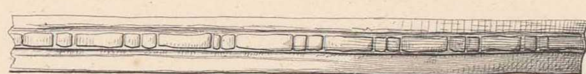
9.

14.

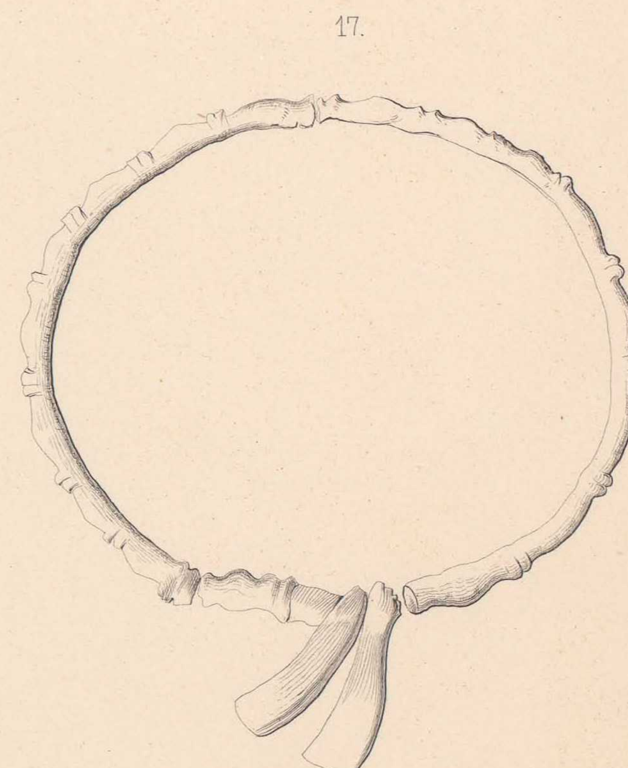


16.

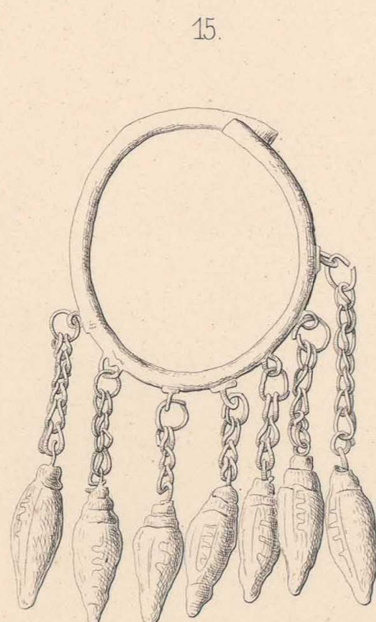




17.



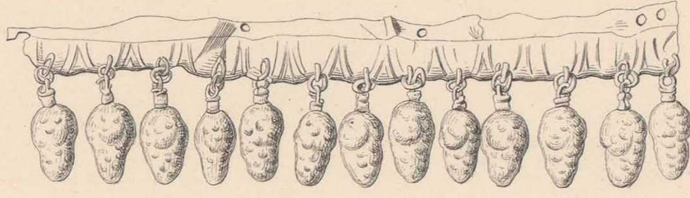
15.



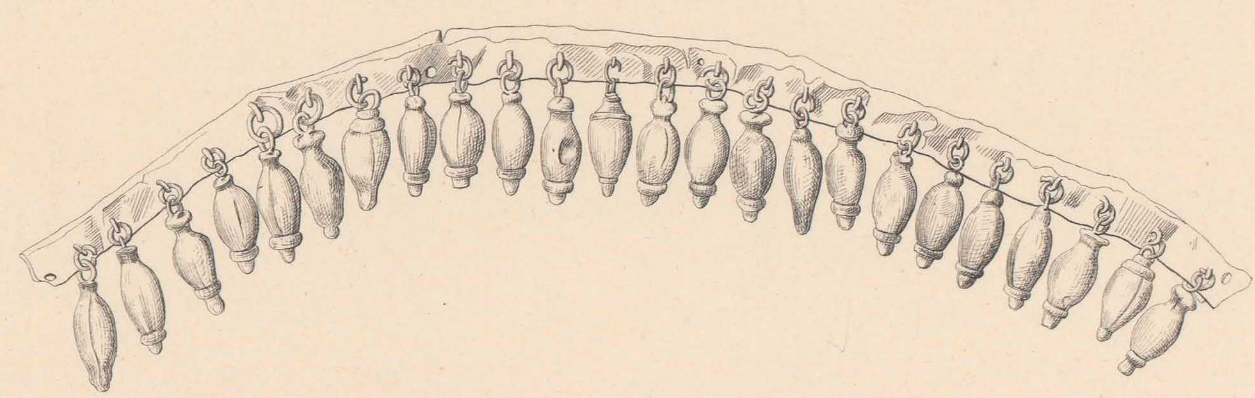
Рисовалъ съ натуры и грав. И. Медвѣдевъ

Печат. въ литогр. И. Медвѣдева

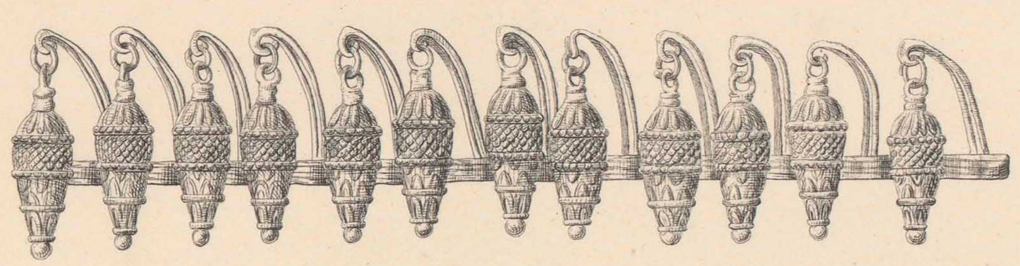
1.



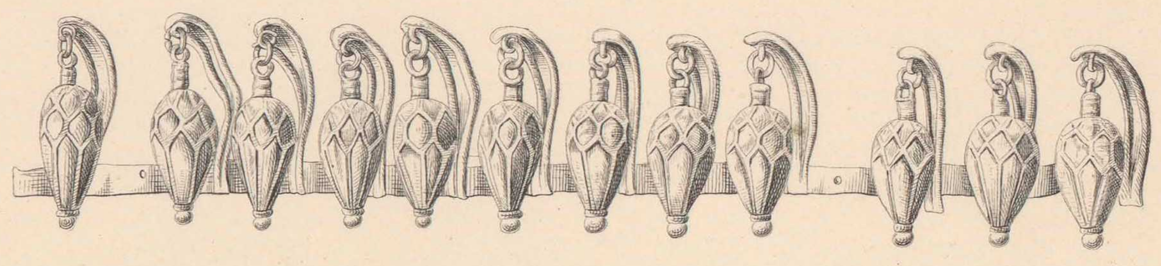
2.



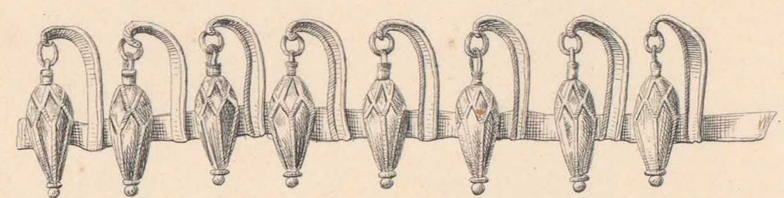
3.



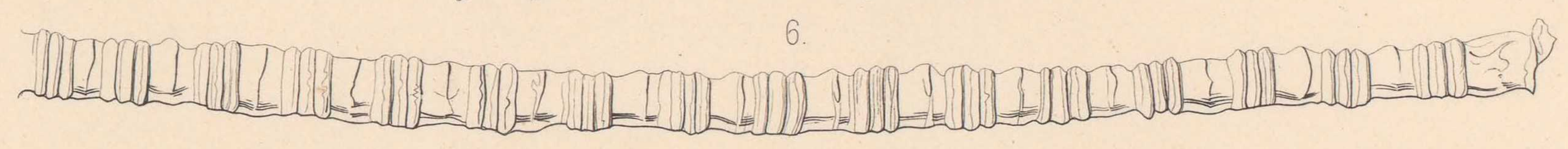
4.



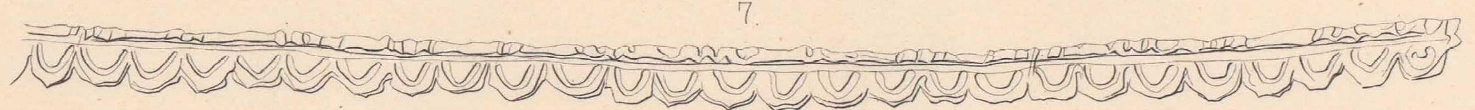
5.



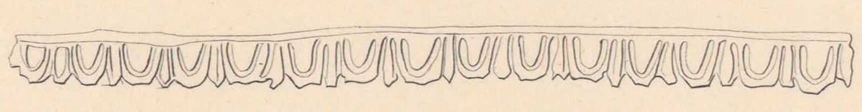
6.



7.

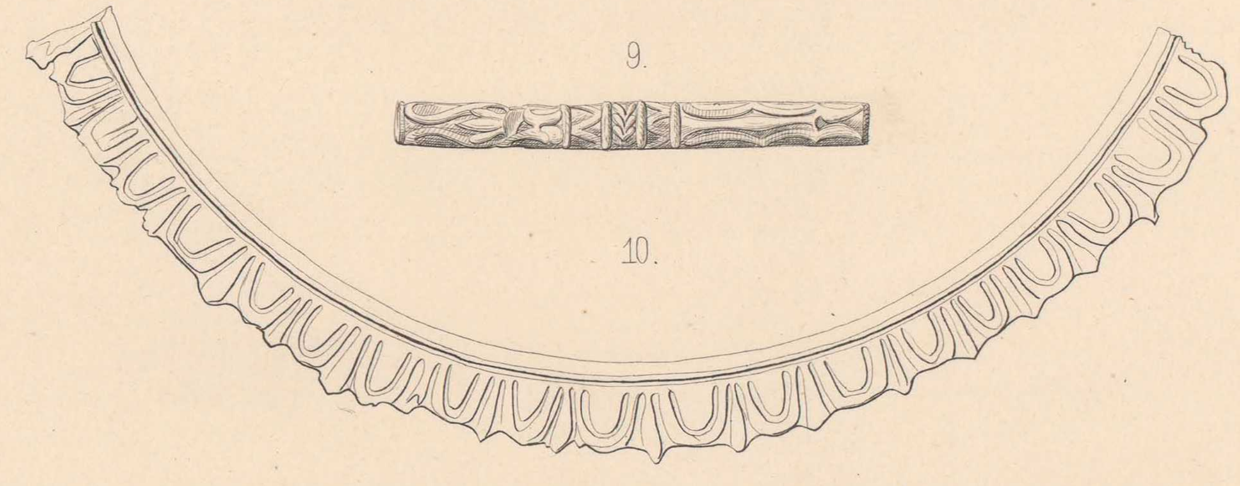


8.

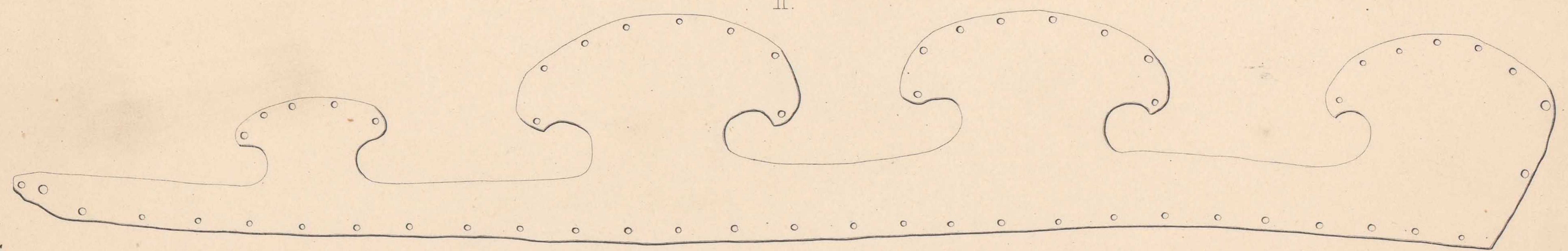


9.

10.

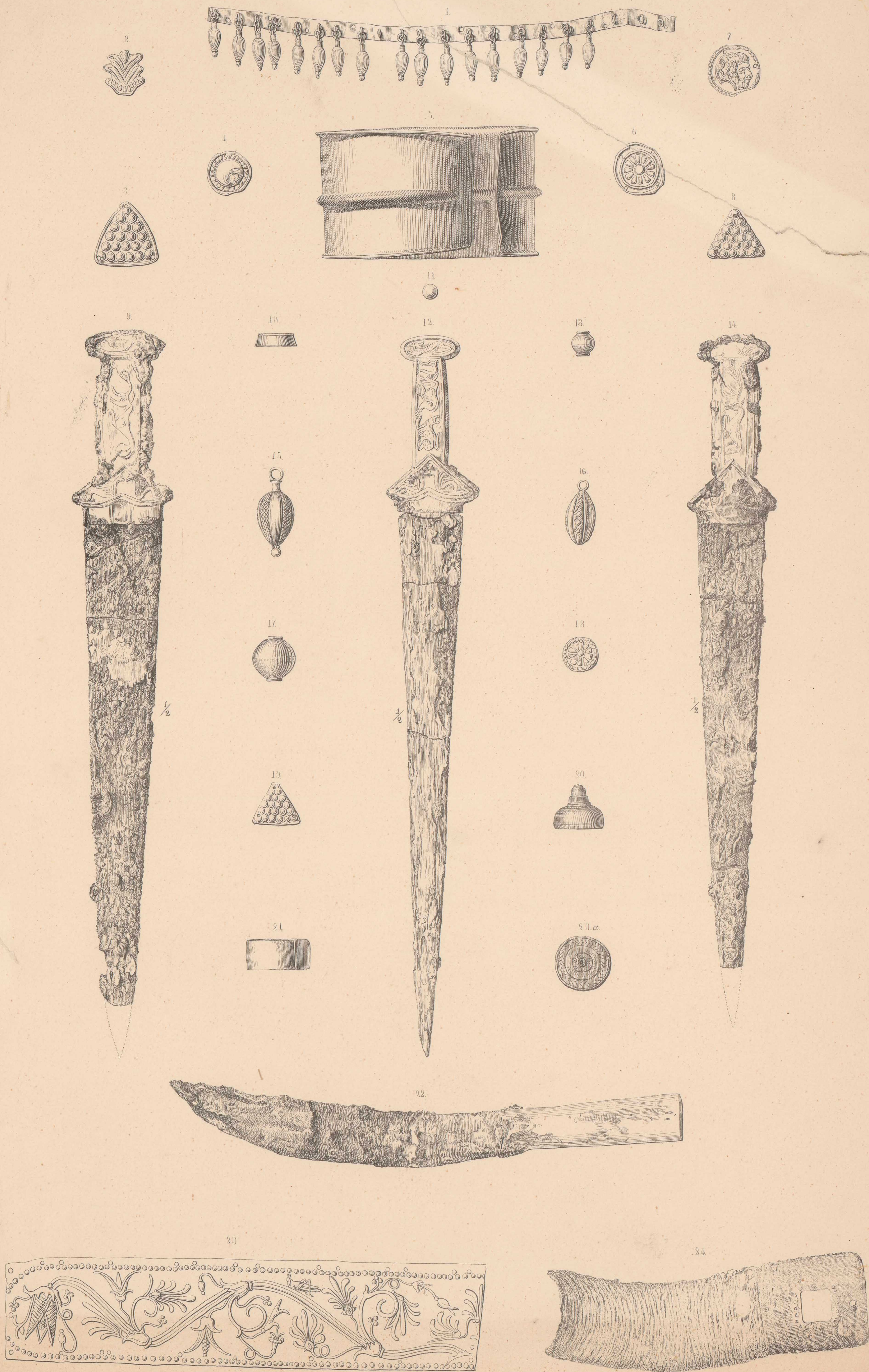


11.



Рисовалъ съ натуры и грав. И. Медвѣдевъ

Печат. въ литогр. И. Медвѣдева



лъ съ натуры и на камн. Н. Медвѣдевъ.

Печат. въ лит. Н. Медвѣдева.

46

[illegible]

2014149526